

Цитаты номера

Место России в международных отношениях – это сложный вопрос, и россияне не дали себе пока еще точного ответа. Мы с начала 1990-х гг. продекларировали европейский выбор для нашей страны, и этот выбор не являлся выбором географическим. Это был выбор мировоззренческий, это был выбор той модели, которая показала себя наиболее успешной. Эта модель основывается на трех составляющих: свободная рыночная экономика, плюралистическая модель общества и высокая социальная ответственность государства и бизнеса. И мы путем построения этой модели в России идем очень тяжело. Но все же движемся вперед.

Соглашение между Россией и США о сотрудничестве в области атомной энергии при его вступлении в силу сулит значительную выгоду обеим странам. Оно позволяет как американским, так и российским компаниям создавать совместные предприятия в атомной отрасли и развивать новые мирные ядерные технологии. Это соглашение открывает дверь в новое измерение такого партнерства.

Дискуссии о безопасности в российско-европейском формате неизбежно будут носить *политический* характер. Россия в каком-то смысле блефует, заявляя о деполитизированном характере своей внешней политики. На самом деле Москва прекрасно осознает, что вопросы, касающиеся Косово или размещения элементов противоракетной обороны в Чехии и Польше, можно решать только в политическом формате. Евросоюз также не может не осознавать, что конфигурация его будущих границ также представляется преимущественно политическим (а не экономическим или правовым) вопросом.

В то время как некоторые позитивно настроенные в отношении России люди из команды Барака Обамы выдвигают тезис «skeptical engagement with Russia as the the best course» [скептического вовлечения в диалог с Россией как наилучшего курса], думая, что встретят в Москве шквал аплодисментов, из Москвы им сухо отвечают: «Happy divorce will be the best course» – то есть лучше счастливо развестись сейчас, чем мучиться и окончательно *расплываться* потом. В общем – *счастливы порознь*. Вместе с тем, *расплывывание* двух держав, обладающих в совокупности более 90% ядерных боеголовок на Земле, – это то, чего уж точно хотелось бы избежать. И пока еще избежать реально. Даже если ценой этого будет затянувшееся *стратегическое молчание*.

Константин Косачев

Дэниэл Рассел

Андрей Макарычев

Владимир Орлов

Российский
журнал
о международной
безопасности

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ № 4 (87), Том 14

ЗИМА 2008

Журнал ПИР-Центра

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 4 (87) 2008

Журнал ПИР-Центра политических исследований России

Константин Косачев

РОССИЯ В ПОИСКАХ СВОЕГО МЕСТА В МИРЕ

Андрей Макарычев

БЕЗОПАСНОСТЬ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО:
КРИТИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ В ЕВРОПЕ

Павел Лузин

ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ БУДУЩЕГО: ЕСЛИ ОТБРОСИТЬ
ФАНТАСТИКУАнатолий Дьяков,
Евгений Мясников

ПРИЗРАЧНЫЕ КОНТУРЫ НОВОГО СНВ

Оксана Скопич

КАК ИЗРАИЛЬ С ИРАНОМ ОРУЖИЕМ ТОРГОВАЛ

Андрей Загорский,
Геннадий Евстафьев

НАТО – ЧТО ЭТО ЗА ЗВЕРЬ?

2910
1.07.20082987
1.08.20082832
1.09.20082811
1.10.20082858
1.11.2008

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КЛУБ ТРИАЛОГ

ТРАДИЦИОННОЕ МЕСТО ВСТРЕЧИ
КРУПНЫХ И ПЕРСПЕКТИВНЫХ
ПОЛИТИКОВ, ДИПЛОМАТОВ,
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА,
УЧЕНЫХ И ЖУРНАЛИСТОВ

Триалог

Международный клуб Триалог – это:

- эксклюзивные информация и анализ в области актуальных проблем международной безопасности;
- непредвзятые и сбалансированные экспертные оценки событий, происходящих в России и за рубежом.

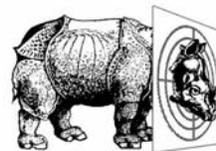
Чтобы предоставить членам Клуба факты из первых рук, на заседания приглашаются ведущие зарубежные и российские политики, эксперты и представители бизнес-сообщества.

Членство в Клубе (корпоративное или индивидуальное) обеспечивает:

- подписку на все издания ПИР-Центра;
- доступ к информационно-справочным ресурсам;
- приглашения на ежеквартальные заседания (в Москве и за рубежом);
- приглашения на все мероприятия, проводимые ПИР-Центром.

Новый клубный сезон открывается
в сентябре 2008 года!

Тел.: +7-495-987-1915 Факс: +7-495-987-1914
Email: trialogue@pircenter.org

О ЯЗЫКАХ

Wer fremde Sprachen nicht kennt, weiß nichts von seiner eigenen.

J.W. von Goethe

Кто не знает иностранных языков, тот не имеет понятия о своем собственном.

Иоганн Вольфганг Гёте

Los idiomas hay que saberlos cuando uno va a vender algo. Pero cuando uno va a comprar, todo el mundo le entiende como sea.

*Gabriel Garcia Márquez
("El amor en los tiempos del cólera")*

Языки надо знать тем, кто продает. Тех, кто покупает, понимают без слов, кем бы они ни были.

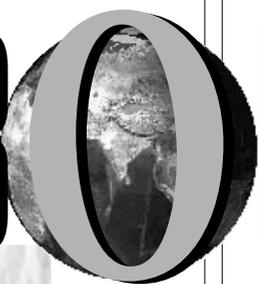
*Габриэль Гарсиа Маркес
("Любовь во время чумы")*

Научно-практический
журнал ПИР-Центра
(Центра политических
исследований России)

Выходит четыре раза
в год на русском
и английском языках

БЕЗОПАСНОСТИ

Российский журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г.
(с 1994 по 2006 г. выходил
под названием «Ядерный
Контроль»)

ISSN 1992-9242

Non multa, sed multum

№ 4 (87), Том 14
Зима 2008

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов – главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Сергей Э. Приходько
Николай Н. Спасский
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков
Константин П. Эггерт
Михаил В. Якушев

Москва • Женева • Монтерей

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*. Выходит четыре раза в год на русском языке (в феврале, мае, августе и ноябре) и четыре раза в год на английском языке (в марте, июне, сентябре и декабре). Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-26 089 от 9 ноября 2006 г.

Учредитель

ПИР-Центр (Центр политических исследований России)

Ильдар А. Ахтамзян, к.и.н., консультант
Елена С. Гелескул, стажер
Геннадий М. Евстафьев, генерал-лейтенант, старший советник
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Дарья М. Золина, стажер
Альберт Ф. Зульхарнеев, координатор Образовательных проектов
Юлия Г. Иванова, секретарь, библиотекарь
Наталья И. Калинина, д.м.н., член Совета
Вадим Б. Козюлин, к.п.н., директор Проекта по обычным вооружениям
Ирина А. Котова, консультант
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Владимир А. Орлов, к.п.н., президент Центра и член Совета
Евгений Н. Петелин, помощник главного редактора журнала *Индекс Безопасности*
Дмитрий В. Поликанов, к.п.н., председатель Международного клуба *Триалог*, редактор международного издания журнала *Индекс Безопасности*
Евгений А. Попов, специалист по информационным системам
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Константин А. Сириков, специалист по распространению периодических изданий
Оксана А. Скопич, стажер
Екатерина А. Степанова, к.и.н., член Совета
Надежда Б. Теллер, редактор электронного бюллетеня *Ядерный Контроль*
Роланд М. Тимербаев, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.и.н., председатель Совета Центра
Александра Ю. Токарева, координатор программ *Centre russe d'études politiques*
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Константин Г. Хачатурян, специалист по работе с интернет-представительствами
Антон В. Хлопков, исполнительный директор Центра
Михаил В. Якушев, член Совета
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

№ 4 (87), Том 14
Зима 2008

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор [orlov@pircenter.org]
Евгений Н. Петелин, помощник главного редактора [petelin@pircenter.org]
Дмитрий В. Поликанов, редактор международного издания [polikanov@pircenter.org]
Юлия Ю. Таранова, технический редактор
Евгения А. Бакаева, корректор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия
Юлия Г. Иванова, секретарь
Константин А. Сириков, распространение

Представители журнала:

Алма-Ата: Даурен Абен
Атланта: Инна В. Баранова
Баку: Джангир Арасли
Бишкек: Нурия А. Кутнаева
Владивосток: Вадим С. Гапоненко
Вена: Надежда Б. Теллер
Киев: Сергей П. Галака
Монтерей: Кристина Ханселл
Нижний Новгород: Михаил И. Рыхтик
Прага: Юрий Е. Федоров
Стокгольм: Екатерина А. Степанова
Токио: Тайсуке Абиру
Томск: Лариса В. Дериглазова
Тюмень: Сергей В. Кондратьев

Юридическая поддержка:

CAF Russia
Secretan Troyanov Avocats (Genève)

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 119049, Москва,
4-й Добрынинский пер., д. 8
Редакция *Индекса Безопасности*
Телефон редакции:
+7-495-987-1915 (многоканальный)
Факс: +7-495-987-1914

Интернет-представительство: <http://si.pircenter.org>

Международное издание выходит на английском языке и распространяется по всему миру нашим партнером –

Centre russe d'études politiques – из Женевы: <http://www.crep.ch>

International Edition of *Security Index* (in English) is distributed from Geneva by our partner –

Centre russe d'études politiques: <http://www.crep.ch>

Редакционная политика

- Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения Редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществляется благодаря поддержке Фонда Макартуров, Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Фонда Форда, Фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» и др.
- При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 30 июня 2007 г. №367-рп

Тираж 2400 экз. Подписано в печать 28 октября 2008 г.

Отпечатано в издательстве «Права человека» по заказу ПИР-ПРЕСС

© ПИР-Центр, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

О Т Р Е Д А К Т О Р А

- 7 **За приоткрытыми окнами, или к вопросу о конкуренции.** «Окно возможностей для восстановления доверия и качественного улучшения стратегического диалога между Дмитрием Медведевым и Баракком Обамой приоткрыто, но все же настраиваю читателей отказаться от иллюзий и быть готовыми – как самый благоприятный сценарий – к *стратегической паузе* в отношениях. Молчание, обсуждение, обдумывание и переосмысление подходов, а не перенесение ошибок прошлого в новую ситуацию – вот что сейчас может быть решением куда лучшим, чем скоропалительные салюты сначала, кусание локтей потом», – пишет главный редактор *Индекса Безопасности* Владимир Орлов

В Д Е С Я Т К У

- 10 **О достоинстве**

И Н Т Е Р В Ь Ю

- 11 **Константин Косачев: «Определиться с тем, что представляет собой сегодняшняя Россия, где ее место в мире»** – Председатель Комитета по международным делам Государственной Думы Федерального Собрания РФ К.И. Косачев в публичной лекции перед слушателями Международной летней школы по проблемам глобальной безопасности ПИР-Центра и в ответах на вопросы молодых специалистов из России и государств СНГ рассказывает о своем видении места и роли России в современном мире. Особое внимание уделяется вопросам отношений России со странами Запада и ближайшими соседями.
- 21 **Дэниэл Рассел: «От эпохи ядерного соперничества к этапу партнерства в ядерной сфере»** – Высокопоставленный американский дипломат в интервью по горячим следам после подписания в мае 2008 г. между Россией и Соединенными Штатами Соглашения о мирном ядерном сотрудничестве перечисляет выгоды от этой договоренности для обеих сторон, которые могут открыться в будущем, если Соглашение будет поддержано американским Конгрессом.

А Н А Л И З

- 25 **Андрей Макарычев. Безопасность и возвращение политического: критические дебаты в Европе** – Автор приглашает нас осмыслить

формирующиеся в Европе концепции, составляющие суть так называемых *критических исследований* безопасности. Особое внимание уделено концепции *секьюритизации*. Автор анализирует ее, проецируя на нынешние отношения между Европейским Союзом и Россией.

- 41 **Анатолий Дьяков, Евгений Мясников. Контроль над стратегическими наступательными вооружениями России и США после 2009 г.: возможен ли компромисс?** – Российские эксперты анализируют нынешние подходы США и России к контролю над стратегическими вооружениями. На основе результатов этого анализа дается оценка перспектив процесса контролируемого сокращения ядерных вооружений, рассматриваются возможные варианты компромиссов, а также предлагаются базовые параметры нового договора по СНВ.
- 55 **Павел Лузин. Космос: перспективы сотрудничества и конфликтов** – Состояние и основные тенденции, существующие в гражданском и военном использовании космоса, в их связи со сферой международной безопасности анализируются с точки зрения американской политики. Автор предлагает рекомендации для России: как ей реализовывать и планировать свое присутствие в космическом пространстве?
- 69 **Роланд Тимербаев. Проблема гарантий безопасности неядерных государств в преддверии обзорной конференции по ДНЯО** – Грядущая Конференция 2010 г. по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия вновь поднимет вопросы, которые не были решены при заключении ДНЯО. Одним из ключевых здесь является вопрос о гарантиях неядерным государствам. Возможен ли новый компромисс? Этому посвящена статья Чрезвычайного и Полномочного посла, председателя Совета ПИР-Центра.
- 83 **Александр Гуца, Наталия Ромашкина. Ракетно-космическая деятельность развивающихся стран и международная безопасность** – Небывалые темпы наращивания усилий различных стран и организаций по овладению космическими ресурсами делают все более актуальным вопрос о перспективах ракетно-космической деятельности развивающихся стран. Как их шаги – по сути неизбежные – будут влиять на уровень международной безопасности? Статья обобщает результаты ситуационного анализа, проходившего в Институте международных отношений МИФИ.

К Р У Г Л Ы Й С Т О Л

- 95 **Геннадий Евстафьев, Андрей Загорский. НАТО и глобальная безопасность** – Новое обострение отношений между Россией и Западом выдвигает на первый план и ранее звучавшие вопросы о возможности поиска компромисса и новых форм взаимодействия России с Организацией Североатлантического договора (НАТО). Впрочем, а необходимо ли стремление к компромиссу со стороны России? Может быть, России предстоит иметь дело с *бумажным зверем*? А если не бумажным – то с беззубым? Или же все-таки рано списывать НАТО из перечня реальных угроз российской безопасности и российским жизненным интересам? Что может означать для России вхождение в НАТО Грузии и Украины?

К О М М Е Н Т А Р И Й

- 105 **Владимир Орлов. Без иллюзий: о российско-американских стратегических отношениях после грузинского кризиса** – Августовская война России и Грузии мгновенно привела к кризису двусторонних российско-американских отношений. Насколько этот кризис глубок и како-

во его отражение в основных сферах возможного и реального взаимодействия? Возможно ли, что отношения вновь войдут в нормальное русло?

- 111 **Вадим Козюлин. Кого вооружает Кения?** – Захват сомалийскими пиратами украинского судна *Фаина* в нейтральных водах близ Кении привлёк внимание мировой общественности не только к проблеме пиратства. Эта ситуация вновь выдвигает на первый план вопрос контроля за обычными вооружениями и их нелегальным экспортом.

113 **ОБЗОРЫ МИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ :
ИЮЛЬ – ОКТЯБРЬ 2008**

- 114 **Альберт Зульхарнеев. Индекс *iSi* за июль–октябрь 2008: год снижения – лето падения** – Внутриполитическая нестабильность в ядерном Пакистане, рост угрозы резкого обострения отношений между ведущими мировыми державами, угроза режиму ядерного нераспространения и опасность силового разрешения связанных с этим ситуаций вокруг Ирана и Северной Кореи, угроза разрастания мирового финансового кризиса привели к тому, что значение Индекса *iSi* установилось на самой низкой отметке за все время его измерения. Эти события комментируют члены Международной экспертной группы ПИР-Центра Дайан **Джаятиллека**, Андрей **Кортунов**, Уильям **Поттер**, Абдулазиз **Сагер**, Евгений **Сатановский**, Цзи **Чжие**, Константин **Эггерт**.

- 117 **Юрий Федоров. Глазами либерала: Черный август, или возвращение истории** – «Решение о военной операции против Грузии, принятое в Кремле летом 2008 г., имеет, бесспорно, судьбоносный характер: оно предопределило судьбу России на многие годы вперед. Шансов выиграть противостояние с Западом у России нет. Превращаясь в *petro-state*, она теряет высокие технологии, накопленные в Советском Союзе, и стремительно отстает от США и Запада в целом в научно-технологической сфере, в том числе военной».

- 133 **Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: В ожидании зари многополярности: заметки на полях мирового финансового кризиса** – «Поскольку реальные интересы США не затронуты, а механизмы влияния сохраняются, наши американские друзья могут спокойно, пока все их международные конкуренты будут заниматься *мирным урегулированием*, реструктурировать свою экономику и вывести на политическую арену новый политический класс, *зачистив* под предлогом борьбы с терроризмом остатки внутренней оппозиции».

С Т Р А Н И Ц Ы И С Т О Р И И

- 145 **Оксана Скопич. Нахум Манбар и ирано-израильская торговля оружием** – Осуществлялось ли военно-техническое сотрудничество Израиля и Ирана после Исламской революции 1979 г.? Был ли связан израильский бизнесмен с иранской программой по развитию химического оружия? На основе анализа биографии Нахума Манбара и других документов автор статьи делает утвердительный вывод.

Б И Б Л И О Т Е К А

- 153 **Антон Хлопков. Всем сестрам по серьгам: ученые для Ирана, плутоний для КНДР, обогащение для Израиля** – Один из немногих в России последовательных исследователей проблем нераспространения В.Е. Новиков рассматривает ракетно-ядерный потенциал *де-факто*

ядерных государств и государств, которые ближе других находятся к созданию ядерного взрывного устройства.

- 157 **Анатолий Ушков. Черноморское яблоко раздора** – Черноморский регион стал ареной столкновения противоборствующих интересов и устремлений различных стран, международных организаций, промышленных холдингов и компаний. От того, насколько причерноморским странам и внерегиональным государствам удастся найти взаимоприемлемые механизмы сотрудничества, будет зависеть и то, превратится Черное море в фактор объединения стран или будет служить яблоком раздора.

К Н И Ж Н Ы Е Н О В И Н К И

- 161 **Елена Гелескул, Юлия Иванова, Павел Лузин, Евгений Петелин, Александр Плугарев, Оксана Скопич** – Сотрудники и стажеры готовят краткий обзор новых поступлений в библиотеку ПИР-Центра.

Р Е Д А К Т О Р У

- 167 **Николай Пономарев-Степной, Владимир Сухоручкин.** Ренессанс атомной энергетики и проблемы нераспространения: необходимость системного анализа.

- 173 S U M M A R Y

- 177 О Б А В Т О Р А Х

- 183 Э К С П Е Р Т Н О - К О Н С У Л Ъ Т А Т И В Н Ы Й
С О В Е Т П И Р - Ц Е Н Т Р А

- 186 Г О Л О В О Л О М К И
Б Е З О П А С Н О С Т И

Крестословица «Ядерная». Ответы.

- 187 С О Д Е Р Ж А Н И Е
Ж У Р Н А Л А И Н Д Е К С
Б Е З О П А С Н О С Т И
З А 2 0 0 7 / 2 0 0 8 Г О Д Ы

- 197 Р Е Ц Е Н З Е Н Т Ы Ж У Р Н А Л А
В 2 0 0 7 / 2 0 0 8 Г О Д А Х

К О Н Е Ц . Ц И Т А Т Ы

Обл. III **О языках**

ЗА ПРИОТКРЫТЫМИ ОКНАМИ, ИЛИ К ВОПРОСУ О КОНКУРЕНЦИИ

Можно было бы, конечно, притвориться, что, когда я пишу эти строки, мне еще не известны результаты президентских выборов в США: в конце концов, на первых страницах журнала ясно указано, что он подписан в печать 28 октября 2008 г. Так оно и есть. Но спасибо издательству и нашим технологическим находкам, которые позволяют мне здесь вписать несколько строк в уже почти что набранный номер, что называется, *по горячим следам*, и не играть при этом в ясновидящего.

Обама победил. Мы это и подозревали. Но теперь точно знаем. И знаем также, что победил даже с более солидным отрывом от соперника, чем мы могли подозревать. Чего в этом результате больше: взросления американского общества, окончательно перешагнувшего через расовые предрассудки, или же элементарного страха этого общества перед разбушевавшейся финансовой *катриной*? Хотелось бы верить в первое. И все-таки складывается ощущение, что не было бы у Обамы счастья, да несчастье (финансовое) помогло.

Как бы то ни было, России теперь предстоит работать с совершенно новой американской администрацией. Некоторые лица будут знакомы по клинтоновским временам; одно-два лица, по крайней мере, на первых порах, вероятно, перейдут даже из администрации бушевской. И все же для России это будет уже качественно иной сюжет, нежели Буш, с его замаранной по всему миру репутацией. Обама харизматичен. Уже одним своим присутствием в Белом доме он будет восстанавливать померкший имидж Америки. От Ближнего Востока до Венесуэлы. И у него могут быть хорошие возможности для того, чтобы не только имидж, но и влияние Америки восстановить во многих уголках мира. Именно поэтому для Кремля такой партнер, как Обама, будет куда сложнее, чем Буш. Потому что отношения наших двух стран во многом остаются отношениями конкуренции. И пока не видно никаких предпосылок к тому, чтобы эта ситуация качественно изменилась.

В текущем номере целый ряд материалов – как раз об этом. Председатель комитета Государственной думы по международным делам Константин **Косачев** обращает внимание на то давление извне, которому все чаще подвергается Россия: «Идет информационное и политическое давление. До того в современной истории СССР испытывал подобное давление извне, как минимум дважды. Во времена позднего Брежнева, когда шло страшное давление на советскую систему, ее результатом стала перестройка. И поздний Советский Союз, когда возник феномен Ельцина. Отличие от современного периода – тогда внешнее давление на нашу страну точно совпало с внутренними запросами общества. В нынешней ситуации – это массивное внешнее давление не совпадает с внутренним ощущением людей. Возникает некий конфликт тех ощущений, которые люди испытывают в реальной жизни и слышат в качестве комментариев. Эти внешние силы делают ошибку, так как только провоцируют антизападные и антиамериканские настроения внутри страны». «Российская внешняя политика в последние годы более ожесточилась, что является следствием ошибочной политики давления извне», – резюмирует Косачев.

Оценивая российско-американские отношения в контексте августовской войны России с Грузией, Дмитрий **Евстафьев** убежден, что «в конечном счете, именно США осуществляли крупный геополитический проект под названием *Михаил Саакашвили*, а то, что проект был действительно крупный, а *Михаил Саакашвили* – всего лишь его пилотной фазой – уже понятно. Данный проект подразумевал формирование новой системы присутствия США в мире, но только не для сдерживания России, а для более глобальной задачи: создания новых механизмов организации политических процессов в других государствах. Поддерживая Саакашвили, США демонстрировали свою способность поставить президентом кого угодно и где угодно. Главное, чтобы он был полностью управляем. Ведь Саакашвили был взят буквально с улицы, финансировался напрямую из американского бюджета. Да и Грузия как таковая управлялась американцами совершенно откровенно в режиме *ручного управления* и делала только то, что ей приказывал Вашингтон. Поэтому именно США спровоцировали конфликт Грузии с Россией, отдав соответствующие указания своему ставленнику».

Павел **Лузин**, яркий молодой исследователь, говоря о соперничестве между Россией и США, в своей статье выходит за земные горизонты. Предмет его исследования – космос. «Нет – гонке вооружений в космическом пространстве!» – это не больше чем пропагандистский штамп. Гонка вооружений в космосе идет полным ходом, утверждает Лузин в своей уже вызвавшей (на стадии внешнего рецензирования) полемику работе.

В своем комментарии о перспективах стратегического диалога между Россией и США при новой американской администрации я, признавая, что окно возможностей для восстановления доверия и качественного улучшения такого диалога между Дмитрием Медведевым и Барак Обамаой приоткрыто, все же настраиваю читателей отказаться от иллюзий и быть готовыми – как самый благоприятный сценарий – к *стратегической лаузе* в отношениях. Молчание, обсуждение, обдумывание и переосмысление подходов, а не перенесение ошибок прошлого в новую ситуацию – вот что сейчас может быть решением куда лучшим, чем скоропалительные салюты сначала, кусание локтей потом.

Президент Медведев, кажется, так и склонен поступить. Вместо ожидаемого благожелательного поздравления новому президенту США, в своем послании Федеральному собранию *на следующее утро* после победы Обамы президент российский избрал иной тон. Он начал с перечисления угроз, которые исходят в адрес России со стороны, прежде всего, США: «От того, с чем нам приходится сталкиваться в последние годы – а что это? Это конструирование глобальной системы ПРО, окружение России военными базами, безудержное расширение НАТО и другие *подарки* России. Складывается устойчивое впечатление, что нас просто испытывают на прочность». И лишь потом уточнил: «У нас нет проблем с американским народом, у нас нет врожденного антиамериканизма. И мы надеемся, что нашими партнерами, новой администрацией Соединённых Штатов Америки, будет сделан выбор в пользу полноценных отношений с Россией».

В том же послании Дмитрий Медведев заметил: «В гонку вооружений мы, конечно, втянуть себя не дадим». Это уже не первый раз, когда он произносит такую или похожую фразу. Она является, по сути, копированием фразы, ранее также произносимой и Владимиром Путиным, и Сергеем Лавровым. Кочует из текста в текст, словно заклинание. Однако пока не вполне ясно, как Россия сможет на практике избежать такого *втягивания*.

В этом номере мы попытались посмотреть и на потенциальные возможности двусторонних отношений: если *окно* не просто приоткроется слегка, но откроется широко.

Прежде всего, обращу внимание на статью двух видных российских экспертов в области контроля над вооружениями Анатолия **Дьякова** и Евгения **Мясникова**, являющуюся результатом их уже многолетних исследований. Они рассматривают варианты *скрещивания* ныне действующих договоров между Россией и США СНВ-1 и СНП, чтобы такой гибрид в дальнейшем мог заместить СНВ-1, срок действия которого истекает через год. Авторы хладнокровно, умышленно отстраняясь от текущей политической конъюнктуры, *препарируют* нынешнюю систему договоров и дают рекомендации: что из нее России полезно было бы сохранить как задел на будущее. Но они и реалисты, взвешенно оценивающие, какие предложения могут *пройти*, а какие заведомо обречены. Реализм оценок

приводит авторов в целом к скептическим выводам о самой возможности эффективного поддержания юридически обязывающих договоренностей в области СНВ после 2009 г.

В то же время, Дьяков и Мясников, как и большинство российских экспертов, придерживается мнения о важности именно юридически обязывающих и именно двусторонних шагов России и США в области сокращения СНВ. Я, со своей стороны, в своем материале ставлю такую позицию под сомнение: а, собственно, зачем России связывать себе руки договорами, которые, совершенно не факт, что наши партнеры-соперники будут склонны ратифицировать. На этом мы потеряем время. Можем потерять и лицо.

Да, мировое сообщество ждет от ядерных держав шагов по ядерному разоружению. Не окажется ли так, что Россию сделают *крайней*? В то же время, для России, один из основных внешнеполитических ориентиров которой – проявить свои лидерские качества в новом мире, где все более крупными игроками становятся Бразилия и Южная Африка, Индия и Индонезия, куда важнее сейчас сыграть сильную сольную партию. Тем более что наши оборонные планы этому никак не помешают.

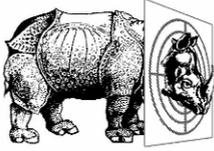
Не удивлю читателей, если скажу, что нашу редакцию, как и издающий этот журнал ПИР-Центр, проблематика ядерного разоружения занимает особо. Ряд недавних событий и заявлений в мире подталкивают нас к дискуссии о реальности мира без ядерного оружия. О том, возможно ли это в принципе. А если да: какой темп избрать, какие шаги предпринять, чтобы эта идея звучала не как романтический припев, не наполненный содержанием, но как конкретный план действий, в котором, в конечном итоге, были бы заинтересованы все те (немногочисленные, так как их меньше, чем пальцев на руках) игроки, у которых это оружие сегодня имеется. Размышляя об этом, ПИР-Центр объединил усилия с Фондом «Инициатива по уменьшению ядерной угрозы» (NTI) и объявил о начале совместной работы по продвижению международного диалога и понимания по вопросу снижения опоры на ядерное оружие во всем мире, предотвращения его распространения и, в конце концов, его устранения как угрозы миру. В ближайших четырех номерах журнала мы предложим экспертам из России, а также из США и других государств высказать свои предложения. Мы приглашаем читателей к дискуссии, которую начинаем вести как через публикации в журнале, так и через наш сайт *pircenter.org*.

Мы также попытались в этом номере приоткрыть *окно возможностей* для развития отношений Медведева и Обамы через атомную энергетику – тему, для нашего журнала традиционную. В одном из предыдущих номеров заместитель главы Росатома Николай Спасский уже рассказывал о тех хороших перспективах, которые откроются после вступления в действие Соглашения между Россией и США по сотрудничеству в области атомной энергии, известного как «123». В этом номере ему вторит высокопоставленный американский дипломат Дэниэл **Рассел**, убежденный, что соглашение равно выгодно как России, так и США. Правда, в результате августовских событий вокруг Южной Осетии американский Конгресс, безосновательно связав Кавказ с мирным атомом, отложил рассмотрение этого соглашения. То есть оно до сих пор не действует. Аргументация Рассела, надеюсь, будет услышана новым составом американских законодателей; а для меня вопрос о том, вступит «123» в силу в 2009 г. или нет, как раз станет хорошей *лакомусовой бумажкой* состояния наших двусторонних отношений в целом.

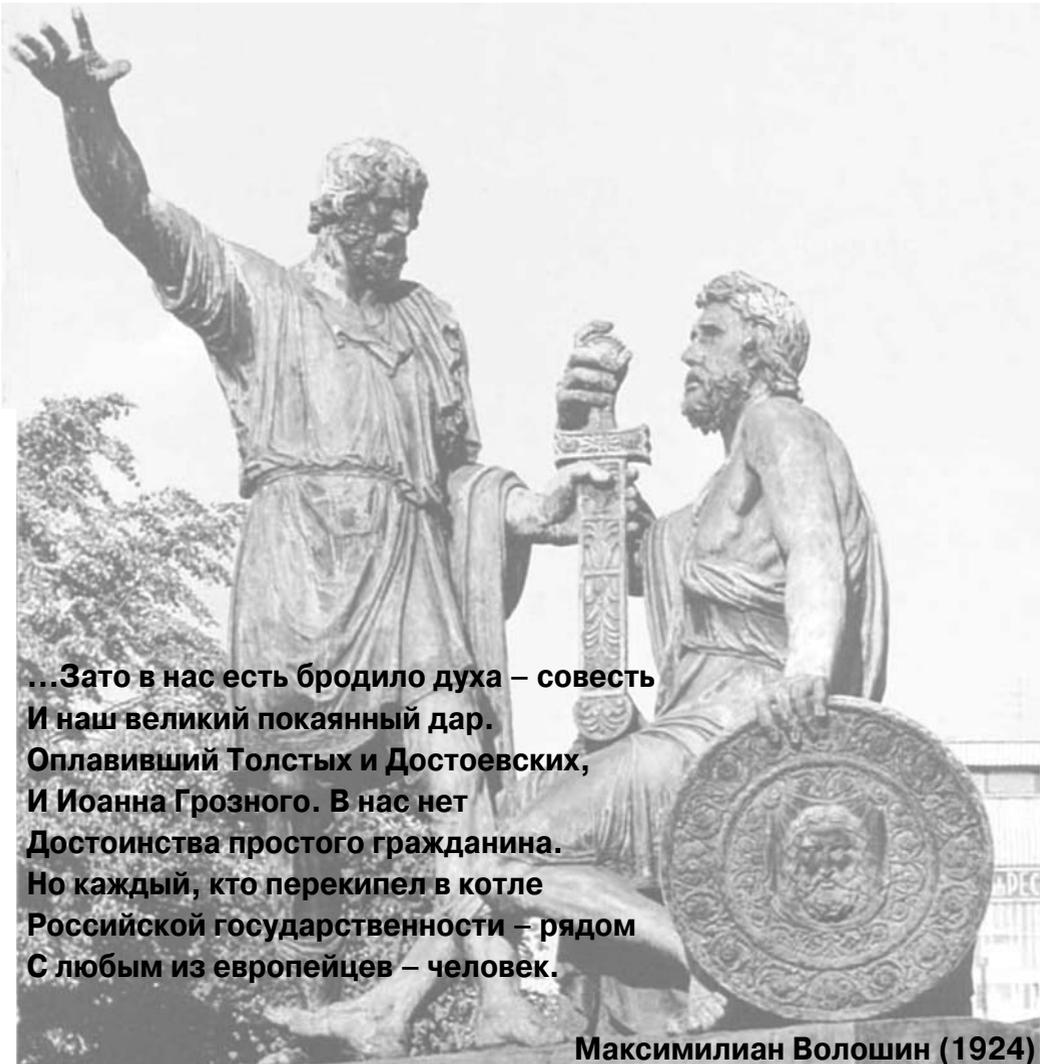
Но, когда мы думаем, как должна повести себя Россия – в отношениях ли с США, или же с другими государствами и блоками, мне кажется, стоит прислушаться к завершающей фразе из беседы с Константином Косачевым. Вот что он говорит: «Мы еще должны состояться как конкурентоспособное государство, как нация, которая существует не потому, что ей достались огромные богатства внутри страны, а как нация, которая может быть способнее другой страны». И путь еще нам предстоит тут немалый: достаточно понаблюдать, как легко обламывает наш гонор всякое дуновение мирового финансового кризиса, как мгновенно мрачнеют лица при всяком падении цен на нефть. Это признак пока еще не-конкурентоспособности. И признак пока еще не-независимости, как бы нам ни мечталось об обратном. 🐘

Владимир Орлов

В ДЕСЯТКУ: О ДОСТОИНСТВАХ

**...Зато в нас есть бродило духа – совесть
И наш великий покаянный дар.
Оплавивший Толстых и Достоевских,
И Иоанна Грозного. В нас нет
Достоинства простого гражданина.
Но каждый, кто перекипел в котле
Российской государственности – рядом
С любым из европейцев – человек.**

Максимилиан Волошин (1924)

Константин Косачев

«ОПРЕДЕЛИТЬСЯ С ТЕМ, ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ
СЕГОДНЯШНЯЯ РОССИЯ, ГДЕ ЕЕ МЕСТО В МИРЕ»

Председатель Комитета по международным делам Государственной Думы Федерального Собрания РФ Константин Косачев отвечает на наши вопросы'.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: У Вас была возможность заглянуть во внешнеполитическую кухню сначала глазами профессионального дипломата, затем со стороны исполнительной власти и сейчас со стороны власти законодательной. Как Вы оцениваете положение России в современных международных отношениях и системе международной безопасности? Является ли это положение особым? Прежде всего – в отношении наших соседей, государств, образовавшихся в результате самоликвидации СССР?

КОСАЧЕВ: Ни сама Россия, ни окружающий ее мир до сих пор не определились с тем, что собой представляет сегодняшняя Россия и где ее место в мире. Когда распался Советский Союз, для европейских стран-наследниц СССР европейский выбор был выбором между НАТО, Европейским Союзом и США, с одной стороны, и Россией, с другой стороны. Выбор ложный, но так он был сформулирован в повестке дня начала 1990-х гг. и до сих пор остается в умах многих политикой европейской части СНГ.

Для Кавказа, для Центральной Азии выбор был менее очевидным. Те процессы, которые, например, в Молдавии или на Украине моментально набрали обороты, на Кавказе и в Центральной Азии стали набирать обороты уже сейчас, в нынешнем десятилетии.

ЗАБЫВАЕМ О МЯГКОЙ СИЛЕ

И вот с этим сталкивается Россия, которая в течение очень многих лет пребывала в иллюзии, что центристремительные интеграционные тенденции на постсоветском пространстве будут существовать всегда и будут действовать автоматически, так как у нас с нашими соседями общая история, общие границы, общий язык и все эти факторы не нуждаются в каком-то дополнительном подкреплении. Однако это оказалось иллюзией, потому что это у России по отношению к своим соседям единственная общая история, единственные общие границы, единственный общий язык. А у наших соседей есть и общая история с какими-то третьими странами, есть общие границы с какими-то третьими государствами и даже в ряде случаев есть и общий язык с какими-то третьими странами.

И осознание того, что это не ниспослано сверху навсегда, а конструкция, которую еще только предстоит выстраивать, сейчас в России только складывается. И далеко не так активно, как хотелось бы. В этом отношении Россия часто действует ошибочно, пытается навязать хорошие отношения какими-то административными либо чисто экономическими методами, забывая о том наборе инструментов, который обрел общее название *мягкой силы* и который в части России работает крайне неэффективно.

И
Н
Т
Е
Р
Ь
Ю

Надо признать, что Россия в том виде, в каком она сейчас сложилась, и в том виде, в котором она существовала в 1990-е гг., вряд ли может считаться центром естественного притяжения симпатий и, в силу этого, интересов.

Место России в международных отношениях – это сложный вопрос, и россияне не дали себе пока еще точного ответа. С одной стороны, мы с начала 1990-х продекларировали так называемый европейский выбор для нашей страны, и этот выбор не являлся выбором географическим. Это был выбор мировоззренческий, это был выбор той модели, которая показала себя наиболее успешной. Эта модель основывается на трех составляющих: свободная рыночная экономика, плюралистическая модель общества и высокая социальная ответственность государства и бизнеса. И мы путем построения этой модели в России идем очень тяжело. Но все же движемся вперед.

И слыша критику на Западе, что Россия сегодня отстывает, якобы, назад, я с этой критикой не согласен. Потому что модель, которая в России существовала в начале 1990-х гг., была хуже. У нас никогда не было независимой прессы! А выборы президента в 1996 г. были результатом манипуляции общественным мнением.

И тут возникает кризис в отношениях России и окружающего мира. Мы испытываем давление извне. Идет информационное и политическое давление. До того в современной истории СССР испытывал подобное давление извне как минимум дважды. Во времена позднего Брежнева, когда шло страшное давление на советскую систему, ее результатом стала перестройка. И поздний Советский Союз, когда возник феномен Ельцина. Отличие от современного периода – тогда внешнее давление на нашу страну точно совпало с внутренними запросами общества. В нынешней ситуации – это массивное внешнее давление не совпадает с внутренним ощущением людей. Возникает некий конфликт тех ощущений, которые люди испытывают в реальной жизни и слышат в качестве комментариев. Эти внешние силы делают ошибку, так как только провоцируют антизападные и антиамериканские настроения внутри страны.

Российская внешняя политика в последние годы более ожесточилась, что является следствием ошибочной политики давления извне.

«У ЗАПАДА К РОССИИ ПОДХОД ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ. КАК МОЖНО ПРИ ЭТОМ ЗАКЛЮЧАТЬ СОГЛАШЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ?»

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: И в этих условиях Россия отворачивается от Запада и поворачивается лицом к Востоку?

КОСАЧЕВ: Говорить так было бы некорректно. Верно то, что мы ждем, когда иллюзии 1990-х гг. сойдут на нет, когда Россия впишется в то место в международных отношениях, которое ей отведено. Пока этого нет ни в отношениях с ЕС, ни с США.

В имевших место переговорах по новому стратегическому сотрудничеству тревожит довольно потребительский подход по отношению к России: споры за необработанную древесину, споры про ратификацию Энергетической хартии и получения доступа к российским трубопроводам. Все это отражает потребительский подход по отношению к России. Заключение стратегических договоренностей с ЕС на таких условиях для России исключено.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Получается ли так, что Россия все больше теряет свое влияние на постсоветском пространстве? В чем проявилась недальновидность российской политики в регионе?

КОСАЧЕВ: Те мировые центры силы (это и США, и страны Евросоюза), которые стали активно появляться на постсоветском пространстве сразу после распада СССР, действовали более дальновидно как минимум в одном аспекте. Эти центры силы появлялись на постсоветском пространстве (в чем-то это был внешний лозунг, в чем-то это было реально) под знаменами: «Мы пришли, чтобы помочь вам в решении ваших проблем».

И это работало. Многие европейские страны стали для государств постсоветского пространства источником решения их проблем.

У России это не получилось, потому что Россия сначала, в принципе, повернулась спиной, а в дальнейшем, когда пришло осознание того, что это противоречит нашим собственным интересам, стала восстанавливать свои позиции под достаточно эгоистичными лозунгами: «Мы возвращаемся сюда, потому что это надо нам, это нужно России». И в чем-то эта позиция может быть оправдана, но только в том случае, когда это взаимно полезный формат сотрудничества и когда Россия тоже становится источником решения каких-то проблем. И здесь Россия только учится действовать в этом вопросе, в то время как здесь уже успешно действуют наши конкуренты.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как Вы оцениваете потенциал участия России в различного рода интеграционных процессах? На Ваш взгляд, что мешает России занимать более активную позицию в данном вопросе?

КОСАЧЕВ: Параллельно со столкновением интересов на этом нашем общем пространстве происходит еще один весьма примечательный процесс. Россию последовательно пытаются вписать в некие заранее и без нашего участия созданные конструкции. Эта модель работает применительно ко многим другим странам, которые до того не являлись участниками соответствующих интеграционных процессов. Это не только постсоветское пространство, а все то пространство, которое находилось по ту сторону железного занавеса в годы холодной войны. Участие в подобного рода интеграционных проектах, которые возникли и складывались на протяжении многих десятилетий, имеющих свои традиции и свои устоявшиеся интересы, всегда связано с ущемлением национального суверенитета в обмен на решение каких-то собственных национальных проблем через эти механизмы сотрудничества. Такого рода сближение не является чем-то предосудительным для всех тех государств, которые стремятся быть интеграционной структурой.

Единственная страна, которая из этой логики выпадает, – это Россия, так как для нас жертвование какой-то части собственного суверенитета сопряжено с ущемлением национального суверенитета значительно больше, чем для многих других стран. Например, конфликт *ТНК-BP*. *ТНК* пытается побудить своих партнеров вкладывать деньги в переработку нефти, строить все больше заводов на территории России. В то время как *BP* стремится выкачать как можно больше нефти и продать ее на Запад. В этом суть конфликта, как мне видится. Это классический пример того, как сталкиваются национальные интересы России и интересы ее партнеров.

И отсюда возникает главная точка разногласий между Россией и нашими партнерами по различным интеграционным структурам. Нас сегодня призывают *быть как все*. И когда мы не идем по этому пути, нас обвиняют в том, что мы *не такие как все*. А раз мы не такие как все, мы заведомо воспринимаемся как угроза. В то же время Россия воспринимает в качестве угрозы это постоянное посягательство на наш суверенитет, в частности на наши природные ресурсы. В силу этого внутри России все более активно развиваются антизападные и антиамериканские настроения, что, на мой взгляд, не менее опасно, чем антироссийские настроения на Западе, что должно пресекаться политиками с обеих сторон.

Если эту дилемму еще более упростить, то корень проблемы в разногласиях на сегодняшний день России и Запада заключается в том, что Россию не превратили в источник получения выгоды.

ЧТО МОЖЕТ ВЫРАСТИ НА РАЗВАЛИНАХ СНГ?

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: А если более конкретно – как Вы оцениваете перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве, в частности, функционирование таких организаций, как СНГ, ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС? Возможно ли здесь объединение интеграционных структур по европейскому формату?

КОСАЧЕВ: Я думаю, что ни у кого нет сейчас ответа на этот вопрос, потому что любая организация оказывается эффективной, когда она интересна всем участникам. Такого формата на постсоветском пространстве пока нет.

СНГ – это структура, которая выполнила очень важные задачи, но на данный момент она абсолютно нежизнеспособна. А то, что возникло на развалинах СНГ, тоже малоэффективно: это попытки придать СНГ равнораспорядное объединение, но попытки весьма и весьма искусственные.

Уверен, что объединительным началом должна быть экономика, а не политика и безопасность. Потому что как только что-то начинает формироваться на основе политики, так это всегда что-то против кого-то настроенное: анти-НАТО, анти-Евросоюз, анти-США. И это неправильно. Общие интересы у нас со странами СНГ могут быть, прежде всего, в экономике.

Я бы приветствовал некий энергетический союз на постсоветском пространстве, который бы положил конец различным политическим проектам на эту тему. Такого рода энергетический союз, в который могли бы входить не только страны СНГ, но и Китай, и Япония, и обе Кореи. И такой энергетический союз я считаю перспективным.

Объединение нынешних структур (ШОС, ЕврАзЭС)?.. Теоретически это возможно, если между собой договорятся дипломаты. Но если это будет еще раз предметом умозаключений в кабинетах, то станет очередной новой конструкцией, которая займет много времени, массу усилий, но она будет такой же нежизнеспособной. Отсюда – определение общих интересов, и уже через это создание общих структур, а не наоборот.

НУЖЕН НОВЫЙ ХЕЛЬСИНКСКИЙ ПРОЦЕСС

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Перейдем к отношениям России и Запада. Какие проблемы Вы видите в отношениях России и НАТО?

КОСАЧЕВ: Для стран НАТО окончание холодной войны означало исчезновение военной угрозы, постоянного страха возникновения третьей мировой войны. Расширение НАТО и ЕС на Центральную и Восточную Европу диктовалось эгоистичными интересами не быть на периферии, а где-то в центре, чтобы на периферии были другие государства. И эта логика была ущербной.

В начале 1990-х гг. Россия была готова на любые форматы сотрудничества в сфере безопасности и экономики. Тогда Запад совершил ошибку, когда вместо того чтобы попытаться создать некую структуру, в которую можно было бы включить всех, кто бы пожелал, даже Россию, сделал ставку на расширение НАТО, которая себя оправдала в годы холодной войны. Сработал шаблон, – и этот шаблон действует до сих пор, что создало те напряженности, которые мы видим невооруженным взглядом, и создало лимиты в реализации глобальных проектов в сфере безопасности. НАТО, в этом нет сомнений, самая эффективная структура в сфере безопасности. Но НАТО не является абсолютно эффективной для решения новых проблем. И действия НАТО в Афганистане, на мой взгляд, не отвечают нашим интересам. Операция эта абсолютно неэффективна. НАТО не удается взять ситуацию под контроль. Она могла бы развиваться по-другому, если бы в ней сразу стали участвовать, например, Россия, Китай или Индия. Эти государства не участвуют по той причине, что это операция НАТО. И Россия не может послать свои подразделения под командование натовских генералов. Это невозможно. Вот классический пример того, как шаблонное мышление мешает решению реальных задач. Так, например, членство в НАТО Украины или Грузии не имеет никакого отношения к решению проблем нераспространения или борьбы с терроризмом, тех реальных проблем, которых опасаются и США, и европейские страны.

Отсюда последняя инициатива российского президента – «Хельсинки-2» – нового формата сотрудничества, на мой взгляд, очень удачна. Речь идет исключительно о нашей инициативе, о первой корзине, о неких новых договоренностях, которые бы регулирова-

ли применение или неприменение силы, регулировали все те вопросы, которые сейчас остаются без ответа ввиду бездействия ОБСЕ.

УЧИТЬСЯ СОЗДАВАТЬ КОАЛИЦИИ

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие меры можно было бы предпринять России, чтобы избежать возможных просчетов во внешней политике или сгладить существующие точки напряженности?

КОСАЧЕВ: Я бы нашей внешней политике предложил пять основных позиций, по которым необходимо развиваться России.

В первую очередь – это **позитивная повестка дня**. Россия реагирует на действия наших партнеров, соглашаясь или не соглашаясь с ними. Но крайне редко Россия предлагает собственные сценарии решения крупных современных проблем. Например, в отношении Косово Россия говорила о несогласии, но не предложила никаких возможностей решения проблемы.

Вторая тема – это тема **упреждающего информационного обеспечения**. Россия либо часто пугает своих партнеров, либо создает возможность для всякого рода спекуляций в адрес России.

Третий элемент – это так называемые *говорящие головы*. Нет достаточного количества **дискуссионных площадок** для обсуждения проблем международной безопасности. Очень часто различного рода дискуссионные площадки проходят без российского участия. У России не всегда получается действовать профессионально на таких площадках.

Четвертое – Россия в последнее время перестала бояться остаться в одиночестве. Но очень часто Россия не задумывается над тем, что мы могли бы выглядеть более убедительно, если бы могли **создавать коалиции**. США никогда не оставались в одиночестве в какой-то ситуации. Например, Россия решила заморозить свое участие в ДОВСЕ. Можно было бы договориться и с Казахстаном, и с Белоруссией, но Россия стала действовать одна.

И последнее. Нас подталкивают на внеправовые действия в качестве реакции на те или иные международные события. И, поддаваясь на эти провокации, мы всегда остаемся в проигрыше. Не надо поддаваться на различного рода провокации. Необходимо **всегда оставаться в рамках правового поля**.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: На Ваш взгляд, насколько эффективна существующая система международных договоров в области безопасности? Не является ли Россия единственной страной, действующей строго в рамках международного права, и не может ли такая предсказуемость в свою очередь оказаться слабым местом во внешней политике России?

КОСАЧЕВ: Это еще одна точка напряженности в отношениях России с окружающим миром. Действительно, нам постоянно навязывают развитие событий, когда существовавшая до сих пор система международного права подменяется соображениями целесообразности. Даже если право о другом – мы поступим так, потому что считаем, что это правильно, что это нужно (вот вам Ирак, вот оно – Косово и т.д.). То есть тенденция совершенно точно налицо. И у России, действительно, возникает дилемма: либо продолжать насмерть защищать систему международного права, либо тоже начинать действовать, как действуют наши партнеры-соперники. Я все-таки сторонник первой линии поведения, потому что право всегда защищает слабого.

Если мы будем сравнивать ситуацию в США и в России... Вот американцы внутри страны – абсолютные буквоеды с точки зрения соблюдения закона. Там любой гражданин может засудить государство, и никто с этим ничего не сделает. И в то же самое время американцы весьма вальяжно ведут себя по отношению к международному праву. Почему это происходит? Потому что американское государство в силу той модели, которая там сложилась (политической модели), не всемерно по отношению к своим же гражда-

нам, к структурам гражданского общества, оно нуждается в правовой защите, там все в равной степени нуждаются в защите. И отсюда возникает постоянное апеллирование к праву как к основе обустройства американского общества внутри. А вовне американцы сильнее всех остальных вместе взятых, и им это право оказывается излишним. Оно им мешает вершить судьбы мира по собственному усмотрению. Вот почему они его игнорируют.

Что происходит в России? Ровно наоборот. Уважение к праву внутри страны весьма относительно. Почему? Потому что государство всесильно и не боится своих граждан, не боится проиграть в суде, делает все, как ему нужно. Я об этом говорю с сожалением на самом деле. Но это обстоятельства, так сложилось. Это наша традиция пока. И, ровно наоборот, во внешних делах мы постоянно цепляемся за это международное право, потому что во внешних делах мы пока слабее многих наших партнеров. И распад этой системы международного права нам не создаст никаких дополнительных преимуществ. Он нас просто лишит той защиты, которая сейчас худо-бедно, но существует. Пробоев в этой системе возникло уже достаточно много. Но говорить о неэффективности или даже о хаосе международно-правовой системы я бы не стал: все-таки ООН существует, Устав ее действует, Совет Безопасности худо-бедно продолжает работать.

И представьте себе на секундочку, что не было бы Совета Безопасности. Как бы развивалась ситуация с тем же Ираном? Я не исключаю, что она развивалась бы значительно более радикально и что американцы и израильтяне уже давно ударили бы по соответствующим ядерным объектам. А хорошо бы от этого совершенно точно никому не стало. И то, что сейчас мы эту крайне сложную, крайне непредсказуемую, для России во многом непрозрачную иранскую ситуацию, тем не менее, удерживаем в правовых рамках, мне представляется значительно более перспективным для России, потому что иначе мы бы имели полное повторение ситуации, которая чуть было не случилась в отношении северокорейской ядерной программы, когда американцы мощно двинулись вперед, стали де-факто угрожать внешним вмешательством в смену режима. После чего режим в Северной Корее насмерть испугался. Я как раз был в Пхеньяне в самые острые времена и видел, что у моих собеседников стоял физический страх в глазах. Я вдруг понял неожиданно для себя, что они боялись за свои жизни. Они понимали, что, как только будет какой-то внешний фактор вмешательства, им крышка, не просто дворцам их, а им самим, физически. И они были готовы сделать все. Как говорил Конфуций, «кошка, загнанная в угол, превращается в тигра». И вот ровно это стало происходить с Северной Кореей, которая из-за этого физического страха вышла из Договора о нераспространении, прекратила сотрудничество с МАГАТЭ, замкнулась в себе и стала всех бояться, но при этом максимально ускоряя свою ядерную программу. Мы чудом из этой ситуации вышли: американцы снизили риторику, и мы их худо-бедно вернули. Если Иран сделает то же самое, например, замкнется и начнет создавать атомную бомбу, то хорошо от этого не будет ни США, ни России, ни кому бы то ни было еще.

Поэтому становиться непредсказуемым в своих действиях, начинать нарушать имеющиеся договоренности не стоит. Ну, какое-то время нам это будет удаваться, но поскольку при этом мы будем в еще большем одиночестве, чем сейчас, думаю, что мы проиграем значительно больше, чем выиграем.

ДОВСЕ юридически не ратифицирован государствами НАТО, Россия заморозила свое участие. Если мы сейчас уйдем от такой пропагандистской риторики, ни одно государство, подписавшее ДОВСЕ, не нарушает его параметры. Мы спорим о другом. Например, почему Болгария продолжает относиться к Востоку, хотя де-факто является Западом? То есть сама конструкция устарела. Но ни одно государство по танкам, по артиллерии, боевым самолетам не превысило тех квот, которые прописаны в Договоре. Если мы сейчас теоретически полностью разрушим этот договор, что произойдет? Допустим, мы у себя, оторвав кусок от национальной экономики, увеличим количество танков в Калининграде или в Брянской области на 10 000 штук, и дальше что произойдет? У них возможностей гораздо больше, и каждая из этих стран произведет определенное количество танков, и в сумме мы будем противостоят армии из 26 натовских государств, у каждого из которых будет определенное количество танков. Баланс будет на-

рушен кардинальным образом. Как таковые эти танки смысл какой-либо утратят, потому что воевать танковой армией, которая в десять или сто раз слабее, бессмысленно. Финансовый ресурс мы потратим на это колоссальный совершенно. Но с точки зрения наших интересов, я уверен, это оправдано не будет.

УЧИТЬСЯ ФОРМУЛИРОВАТЬ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Говоря о российской внешней политике, можно спорить о том, является ли Россия великим государством. Возможно, это и не самый важный вопрос. Важнее вопрос о целях российской внешней политики. Если Россия – великое государство, то цель внешней политики тоже должна быть великой. Получается ли, что у России нет масштабных целей? Может, пришло время поставить эти цели? Если да, то какие?

КОСАЧЕВ: Согласен, что стратегических целей внешней политики Россия пока не формулирует. Это очень плохо.

Есть две модели формирования внешней политики. Одна модель – классическая, когда политические партии соревнуются между собой в формулировании стратегических целей. В России эта модель пока не задействована, так как у нас только происходит становление многопартийной системы. У нас нет сильных политических партий с ярко выраженной идеологией. Все политические программы российских партий похожи друг на друга и не отражают каких-то реальных целей.

Почему это происходит? На мой взгляд, дело в том, что Россия, претендуя на позиции мировой державы, не имеет столь явно выраженных естественных интересов, как наши партнеры. Естественные внешние интересы, например, обеспечение свободного доступа к ресурсам своих предприятий, как это делает Китай. Отсутствие этих ресурсов является двигателем для многих государств, и в том числе США и ЕС.

Другой пример – обеспечение благоприятных условий для сбыта отечественной продукции и наличие насыщенного внутреннего рынка. Увы, нет у России такого фактора. В то же время не насыщен пока внутренний рынок, на который российская экономика может работать на многие годы вперед. И этот фактор не является для нас побудительным мотивом.

Есть такой естественный фактор, как обеспечение национальной безопасности, когда государство, не имея достаточных ресурсов на обеспечение национальной обороны, просто вступает в какие-то военные блоки и встает под общий *зонтик безопасности*. Для России и этот фактор отсутствует, так как мы самодостаточное государство в оборонном отношении. У нас есть ядерное оружие. И когда мы занимаемся Договором о коллективной безопасности – это некий факультатив, потому что для России Договор о коллективной безопасности не является главным фактором в обеспечении национальной безопасности.

Другая модель, которая эффективно реализуется в США, – это когда в стране есть мощный аналитический центр (в США это Совет национальной безопасности), который впитывает в себя интересы, существующие в профессиональном сообществе, в Государственном департаменте, интересы в бизнес-сообществе, гражданском обществе и т.д. Из всего этого складывается некое видение ситуации, которое потом идет на доклад президенту страны, а затем превращается в национальную политику. У нас и этот механизм отсутствует. Им бы мог стать Совет безопасности, но в нынешнем виде он таковым не является. Есть совещания у президента России, но это менее эффективно. В России есть много интересных политологических мыслей, аналитических центров, где существуют довольно интересные проекты, но эти идеи не находят выхода. Они никому не нужны в нашем государстве. То же самое и с нашим бизнесом, который в лучшем случае заходит в правильный кабинет и договаривается о поддержке либо не договаривается. А институту, который бы эти интересы бизнеса впитывал и направлял бы их в государственную политику страны, нет.

В результате происходит парадоксальная вещь, когда та или иная стратегия вырабатывается конечным исполнителем, например, МИДом. МИД, реагируя на какую-то ситуацию, пишет докладную записку президенту о том, какова должна быть в данном вопросе политика России. Затем она попадает в Совет безопасности, президенту и приходит снова в МИД, который начинает ее реализовывать. При такой модели никогда не получится поставить какой-то амбициозной задачи, потому что люди знают: то, что они сегодня напишут, им же придется выполнять. И постановки задачи уровня восстановить СССР не может возникнуть, так как сами же авторы этой стратегии ее убьют еще на стадии зарождения. До тех пор, пока мы этот механизм не изменим, ситуация будет оставаться такой прискорбной.

Как изменить эту ситуацию? На уровне высшего руководства страны должны формулировать задачи, не конкретные действия и акции, а именно задачи. Например, сделать Белоруссию 87-м субъектом РФ. (Или, наоборот, поддержать Белоруссию в качестве суверенного государства.) Формулирование такой задачи, которая на первом этапе будет казаться неисполнимой. Такой задачи, которая формируется не на критериях *получится* или *не получится*, а такой задачи, которая бы отвечала национальным интересам страны.

Далее – это видоизмененный или реформированный Совет безопасности, который должен, получив эту задачу, раскладывать ее по составляющим: вот этим у нас занимается дипломатия, этим бизнес, а этим военные. Вследствие чего каждый занимается своей задачей, а МИД должен координировать. Вот так это должно быть организовано. Но пока этого не получается. И я согласен, что без стратегии внешняя политика РФ будет неэффективной.

ПАЛКА О ДВУХ КОНЦАХ

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как Вы оцениваете жизнеспособность Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в части исполнения его другими странами?

КОСАЧЕВ: ДНЯО не выполняется по многим ключевым параметрам. Там по многим позициям можно придраться конкретно, но надо признать, что Договор в его изначальном виде не сработал. И мы имеем большое количество государств, которые стали или могут стать ядерными державами. Нет законных правовых норм, по которым можно этому препятствовать. По крайней мере до того, пока Индия или Пакистан не являются членами ДНЯО и свободно обладают ядерным оружием.

Кроме того, в ДНЯО также содержится ряд обязательств для ядерных государств идти к тому же нулю. Получается *палка о двух концах*. Как только мы начинаем заниматься буквоедством, мы рискуем нарваться на возможные претензии к тем же ядерным странам, к примеру, к России, что мы недостаточно быстрыми темпами занимаемся ликвидацией ядерного оружия. Я тоже уверен в том, что ядерный ноль – это перспектива весьма отдаленная, потому что для России, с учетом нашего состояния вооруженных сил, с учетом реального оборонного бюджета, отказаться от ядерного оружия означало бы серьезно подорвать боеспособность нашего государства. Ядерная компонента – это основополагающая часть нашей оборонной политики.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Возвращаясь к вопросу о позитивной повестке дня для российской внешней политики, позвольте спросить Вас, почему Россия сегодня пока ушла от активного обсуждения вопроса полного ядерного разоружения?

КОСАЧЕВ: Россия не отказывается принципиально от переговоров по ядерному разоружению. В последнем послании бывшего президента В.В. Путина парламенту было написано, что мы слишком мало времени уделяем разоружению. Поэтому заявление, что Россия не занимается разоружением, относится, скорее, к предыдущим годам, нежели к современной ситуации. Сейчас в МИДе совместно с Министерством обороны готовится соответствующее предложение в адрес руководства страны в развитие этого обращения бывшего президента РФ. Но, в общем и целом, дефицит идей очевиден.

РОССИИ ВАЖНО БЫТЬ УСПЕШНОЙ НАЦИЕЙ

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какова роль парламента, в частности, Вашего комитета в определении российской внешней политики? Необходимо ли эту роль увеличить и что для этого делается?

КОСАЧЕВ: Все дело в особенностях Конституции. Принцип разделения властей в России сложился на основании действующей Конституции, а она у нас была написана по итогам событий в Москве в октябре 1993 г. Это конституция победившей на тот момент президентской власти, поэтому она у нас с очень сильными президентскими полномочиями в сфере внешней политики и достаточно ограниченными полномочиями парламента.

Я сравниваю в данном вопросе компетенцию парламента США и некоторых европейских государств и вижу, что российский парламента более ограничен в своих полномочиях, чем наши иностранные коллеги. На данном этапе это норма нашей Конституции, и менять ее сейчас не следует. Она свои функции на данный момент исполняет в вопросе реализации национальных интересов нашей страны.

Если сравнивать с конституцией США или Франции, например, то там различные компетенции парламента, включая внешнюю политику, прописаны более четко. Норма российской Конституции, которой нет в конституции США или Франции, гласит, что внешнюю политику России определяет президент. Это специфическая норма. И для того чтобы эту систему сменить, нужно корректировать документ в целом. Я противник того, чтобы менять Конституцию по кусочкам. Мы должны понять, как должно измениться наше общество во всех составляющих, а потом подходить к изменению Конституции.

Что касается конституционных полномочий российского парламента и Комитета по международным делам, то они вполне значительны. Первое и главное – это работа с законопроектами, либо конституционными, либо затрагивающими внешнюю политику страны. Сейчас самый серьезный вопрос – законопроект о приграничном сотрудничестве, ратификация соответствующих документов.

В качестве примера российско-латвийское соглашение об уходе за воинскими захоронениями. Я считаю этот документ действительно необходимым для России. Но перед проведением заседания Государственной Думы я неожиданно встретил сопротивление партий КПРФ и ЛДПР, которые свой протест обосновывали тем, что данное соглашение позволит Латвии устанавливать на территории России памятники сторонникам фашизма, воевавшим против советской армии, более того, еще и размещать на них нацистскую символику. Внимательно изучив это соглашение, я нашел в нем пункт, что установка памятников разрешена только в соответствии с законодательством страны. А так как у нас в России запрещена нацистская символика, то она не может появиться на памятниках. Данное соглашение было ратифицировано Государственной Думой. В данном вопросе наш Комитет по внешней политике проявил настойчивость.

Парламент высказывает те настроения, которые существуют в обществе по поводу тех или иных событий, происходящих за пределами России. Последнее наше заявление было связано с латвийским законом о запрете советской символики наряду с нацистской. До этого у нас было заявление, с которым я, кстати, не согласен, о судьбе российско-украинского договора. Так, президент предложил разорвать договор, против чего была большая часть парламента. Парламент проиграл, но его высказывания против этого отражали реальное общественное мнение.

Кроме того, парламента имеет компетенцию в плане финансирования российской внешней политики: кредитная политика, списание долгов и т.д.

И, наконец, согласие или несогласие на назначение новых послов. Каждый посол вызывается на комитет, где обсуждаются задачи внешней политики в том или ином географическом направлении, потом это превращается в регулярный диалог. Мы ввели практику, когда послы, возвращаясь после отпуска, особенно из значимых для нас стран, обязательно приходят к нам на комитет, где мы разбираем, что получилось, а что нет.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В России начинают формироваться процессы возрождения так называемой национальной идеи. На Ваш взгляд, насколько эти процессы себя оправдывают и что действительно достойно называться национальной идеей России?

КОСАЧЕВ: Что касается национальной идеи, то для России очень важно быть успешной нацией. Пока наш успех в чемпионате по хоккею, на Евровидении, выбор Сочи в качестве места для зимней Олимпиады – это все те факторы, которых мы давно не видели. Но успех нации в гораздо более серьезных вещах. Например, в любой стране мира можно найти хоть один товар, произведенный в Китае. И это тоже можно считать национальным успехом. У нас такого пока нет. Более того, мы продолжаем делать ставку на так называемую энергетику, хотя я бы не назвал это энергетикой. Утверждение, что Россия – энергетическая держава, фальшиво. Россия – это сырьевая держава. Это не может быть стратегией, это только тактика действия на каком-то определенном этапе, когда мы через это получаем дополнительный ресурс, чтобы создавать реальную экономику внутри страны, создавать новые рабочие места. И вот это, я думаю, является национальной идеей для нашей страны, которая пока не реализована.

Мы еще должны состояться как конкурентоспособное государство, как нация, которая существует не потому, что ей достались огромные богатства внутри страны, а как нация, которая может быть способнее другой страны. 🐜

Примечание

¹ Интервью составлено на основе публичной лекции К.И. Косачева, прочитанной участникам Международной летней школы по проблемам глобальной безопасности, организованной ПИР-Центром 11 июля 2008 г.

Дэниэл Рассел

«ОТ ЭПОХИ ЯДЕРНОГО СОПЕРНИЧЕСТВА
К ЭТАПУ ПАРТНЕРСТВА В ЯДЕРНОЙ СФЕРЕ»

Редактор международного издания журнала Индекс Безопасности Дмитрий Поликанов взял интервью для нашего журнала у главы дипломатической миссии Посольства США в Российской Федерации Дэниэла Рассела.

Интервью состоялось в июне по горячим следам после подписания в мае с.г. между Россией и Соединенными Штатами Соглашения о мирном ядерном сотрудничестве (так называемое Соглашение 123) и в развитие вопросов, которые затронул заместитель главы Росатома Н.Н. Спасский в материале, опубликованном в летнем номере Индекса Безопасности. Вскоре интервью с Дэниэлом Расселом на английском языке было опубликовано в международном издании нашего журнала. Внимательно прочитали его, насколько нам известно, и в Конгрессе США.

Но август внес свои коррективы. Двусторонние отношения резко обострились. Президент США отозвал Соглашение из американского Конгресса. По сути, радужные планы сотрудничества оказались перечеркнуты.

И, тем не менее, мы решили познакомить российского читателя с текстом этого интервью. На наш взгляд, оно очень хорошо указывает на возможности (и это возможности и выгоды не только для России, но и для США, о чем прямо говорит г-н Рассел), которые могут открыться в американо-российских отношениях в будущем – если в Белом доме и на Капитолии сменится тональность в отношении России и если наше очень перспективное ядерное сотрудничество перестанет быть заложником сиюминутных политических игр. А такой шанс, хотя и стал в последние месяцы куда призрачнее, все-таки, по нашему мнению, пока еще не упущен.

Так, новый президент США может внести Соглашение 123 на рассмотрение нового состава Конгресса в 2009 г. Будет ли на это политическая воля в Вашингтоне? И не устанут ли в Москве от постоянных искусственных условий и увязок?

Мы будем в следующих номерах следить за развитием событий вокруг Соглашения, которое, как считает высокопоставленный американский дипломат в публикуемом ниже интервью, «сулит значительную выгоду обеим странам». Не можем не согласиться!

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Недавно Россия и Соединенные Штаты заключили Соглашение о мирном ядерном сотрудничестве, которое устанавливает взаимодействие между двумя странами в области использования ядерной энергии. Как Вы думаете, какие практические результаты оно принесет России?

И
Н
Т
Е
Р
Ь
Ю

РАССЕЛ: Соглашение сулит значительную выгоду обеим странам. Оно делает очевидным состоявшийся переход от былой эпохи ядерного соперничества к этапу партнерства в ядерной сфере. Документ определяет основы сотрудничества в развитии атомной энергии для мирных целей и в усилении передовой роли обеих стран для предотвращения распространения ядерного оружия. Соглашение позволяет как американским, так и российским компаниям создавать совместные предприятия в атомной отрасли и развивать новые мирные ядерные технологии. Конкретные границы сотрудничества в коммерческом секторе будут зависеть от компаний-участников, но в целом Соглашение 123 открывает дверь в новое измерение такого партнерства.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие преимущества получат от нового договора США?

РАССЕЛ: Помимо вышеупомянутых преимуществ для обоих государств, документ позволит американским фирмам продавать российским компаниям мирное ядерное сырье, в том числе ядерные материалы, компоненты реакторов и сами реакторы; те же возможности по продаже американским партнерам ядерных компонентов невоенного назначения появятся и у российских предприятий отрасли. Кроме того, Соглашение укрепит американо-российское сотрудничество в сфере ядерного нераспространения, в котором весьма заинтересованы обе стороны.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Каковы, с Вашей точки зрения, перспективы ратификации документа? Есть ощущение, что в Конгрессе против него сложилась сильная оппозиция. Каковы главные аргументы противников Соглашения?

РАССЕЛ: Не думаю, что мы вправе предвосхищать решение Конгресса, который в настоящее время рассматривает Соглашение (напоминаем читателям, что интервью состоялось в июне 2008 г. – *Ред.*). По американским законам Конгрессу на это отводится 90 дней в пределах одной сессии. По завершении процедуры Соглашение может вступить в силу после обмена дипломатическими нотами, если только обе палаты Конгресса не проголосуют *против*.

В контексте Соглашения 123 Конгресс в основном беспокоят отдельные аспекты отношений России с Ираном. Мы разделяем устремление Конгресса предотвратить передачу Ирану оружия массового уничтожения и ракетных технологий, равно как и предоставление соответствующих товаров, услуг и технологий. Российская Федерация присоединилась к усилиям правительства США и других западных стран по поиску мирного варианта удовлетворения ядерных амбиций Ирана, в том числе поддержав три резолюции Совета Безопасности ООН, предусматривающие санкции согласно Главе VII Устава.

Полагаем, что акцент должен делаться на собственных преимуществах Соглашения 123. Соглашение о мирном ядерном сотрудничестве между США и Россией поддерживает наши общие интересы как на мировом коммерческом рынке, так и в области нераспространения. В настоящее время США подписали подобные договоры с 22 странами. Пора выходить на такой уровень сотрудничества и с Россией.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как Вы можете оценить перспективы российско-американского сотрудничества в сфере ядерной энергетики и разоружения?

РАССЕЛ: Соглашение 123 позволит активизировать межправительственное сотрудничество между США и Россией в развитии технологий в рамках инициативы по Глобальному ядерно-энергетическому партнерству (ГЯЭП) и обеспечит переход к следующему этапу поддержки проекта Международного центра по обогащению урана. В рамках такого сотрудничества будет создано новое поколение реакторов на быстрых нейтронах, топливо для которых, скорее всего, будет разработано в США и направлено в Россию для изучения радиационных характеристик. Подобные технологии помогут гарантировать, что нарастание объемов использования атомной энергии в мире будет происходить безопасно и с учетом задач нераспространения.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Иранский вопрос является одной из основных проблем в области нераспространения. С одной стороны, Россия и Соединенные Штаты имеют единую точку зрения на проблему предотвращения разработки ядерного оружия. С другой стороны, Москва готова и далее помогать Ирану развивать свою мирную ядерную

программу, а потому она против любых ограничений и жестких мер. Где здесь можно найти компромисс?

РАССЕЛ: И Россия, и Соединенные Штаты обладают уникальными возможностями в ядерной сфере, а следовательно, несут и особую ответственность. Настоящим испытанием для американо-российского сотрудничества в этой отрасли является поиск наилучшего способа разработки технологии мирного атома и обеспечения доступа к ней развивающимся странам, при этом гарантировав нераспространение атомного оружия государствам и террористическим организациям.

Президент Джордж Буш-мл. одобрил подписание Соглашения 123 на основании рекомендации высокопоставленных должностных лиц США, подтверждающих, что уровень и объемы взаимодействия России с Соединенными Штатами по иранской ядерной проблеме оправдывают дальнейшие шаги по заключению Соглашения между двумя странами.

По вопросу об АЭС в Бушере президент Джордж Буш-мл. заявил еще в декабре 2007 г., что «если иранская сторона согласится импортировать уран для мирной атомной электростанции, то у нее отпадет необходимость обогащать его самостоятельно». Таким образом, российские поставки ядерного топлива в Бушер убедительно показывают, что Ирану не требуются технологии полного ядерного топливного цикла – с сопутствующими рисками для режима нераспространения – чтобы воспользоваться преимуществами мирного использования атомной энергии.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как Вы думаете, будут ли Россия и США партнерами на международном рынке товаров и услуг в атомной отрасли или же составят конкуренцию друг другу?

РАССЕЛ: Этот сектор рынка сейчас растет – имеется достаточно места как для российских, так и для американских участников. Соглашение 123 задает рамки взаимодействия и, следовательно, укрепляет американо-российское партнерство в этой отрасли. Мы, безусловно, видим потенциал сотрудничества с целью разработки нового поколения реакторов, которые будут чище, эффективнее и безопаснее.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: На каких рынках развернется основная конкуренция?

РАССЕЛ: В основном на рынках проектирования и сооружения реакторов, производства тепловыделяющих сборок для них, а также в области радиационной безопасности.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В 2006 г. президент Джордж Буш-мл. предложил инициативу по Глобальному ядерно-энергетическому партнерству (ГЯЭП), в числе партнеров упоминая и Россию. Скажите, как развивается российско-американское взаимодействие в этой области? Как соотносится эта инициатива с российским предложением о создании международных центров по предоставлению услуг ядерного топливного цикла?

РАССЕЛ: Американо-российское сотрудничество в рамках инициативы по ГЯЭП развивается успешно. В действительности Россия принадлежит к числу основателей инициативы и разработчиков принципов участия в ГЯЭП вместе с США и другими странами – Францией, Китаем и Японией, которые понимают важность объединения усилий для продвижения общей цели – безопасного, чистого и мирного распространения атомной энергии во всем мире.

И США, и Россия вместе работают над мирным использованием энергии атома, поддерживая при этом и ГЯЭП, и российское предложение о создании Международного центра по обогащению урана в Ангарске. Сегодняшнее сотрудничество началось еще в 2006 г. с двустороннего американо-российского плана действий по сотрудничеству в области мирного использования атомной энергии. Теперь его целью являются разработка нового поколения реакторов, вопросы нераспространения и гарантий, а также международные центры по предоставлению услуг топливного цикла. ГЯЭП и Международный центр в Ангарске взаимно дополняют друг друга и подчеркивают единое представление наших народов о мирном использовании атомной энергии с одновременным укреплением режима ядерного нераспространения.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: 26 сентября 2007 г. американский Федеральный суд по делам внешней торговли отменил антидемпинговые пошлины на российские поставки низкообогащенного урана (НОУ). Означает ли это, что Россия теперь вправе поставлять уран в США вне рамок ограничений по Соглашению ВОУ-НОУ? Как Вы оцениваете перспективы увеличения поставок?

РАССЕЛ: 1 февраля 2008 г. министр торговли США Карлос Гутьеррес и генеральный директор Росатома С.В. Кириенко подписали поправки к соглашению о приостановлении антидемпингового расследования по поставкам урановой продукции из России в США. Эти поправки позволят ограниченно экспортировать российскую урановую продукцию в США по обычным коммерческим каналам, начиная с 2011 г., в дополнение к поставкам по Соглашению ВОУ-НОУ. С 2014 по 2020 гг. Россия сможет поставлять в США около 20% от объемов всего американского рынка обогащенного урана. Дополненный документ обеспечивает стабильность на американском урановом рынке и предлагает России прямой выход на него с коммерческими поставками.

Соглашение ВОУ-НОУ является важным элементом сотрудничества между США и Россией в области ядерного нераспространения. На сегодняшний день в рамках соглашения в низкообогащенный уран было переработано и экспортировано в США 325 т высокообогащенного сырья (что соответствует примерно 13 000 единиц оружия). Действующий документ истекает в 2013 г., и у нас есть понимание, что российская сторона не заинтересована в продлении сроков программы.

В 2007 г. Федеральный суд США по делам внешней торговли постановил, что ввезенный в США НОУ зарубежного производства не подпадает под действие антидемпингового законодательства, если импорт был осуществлен по контракту на единицы раздельной работы. Администрация США подала ходатайство о передаче дела в суд высшей инстанции – Верховный суд США, который согласился рассмотреть его в ходе следующей сессии, открывающейся в октябре. В силу того, что Соглашение о приостановлении антидемпингового расследования по поставкам урановой продукции из России в США в своей первоначальной редакции не предусматривает ограничений на импорт НОУ, переработанного из ВОУ в рамках Соглашения ВОУ-НОУ, оба документа являются взаимосвязанными, и исполнение их обоих – важный фактор обеспечения стабильности уранового рынка в США.

Андрей Макарычев

БЕЗОПАСНОСТЬ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО: КРИТИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ В ЕВРОПЕ

Немногие термины международно-политического дискурса проделали за последние несколько лет столь существенную эволюцию, как *безопасность*, в результате чего сам этот термин стал относиться к числу тех, которых так легко потерять в процессе перевода.

Данная статья представляет собой попытку осмыслить и адаптировать к анализу современной международной жизни формирующиеся в Европе концепты, составляющие суть так называемых *критических исследований* безопасности. Начав формироваться в середине 80-х гг. прошлого столетия как *диссидентские* взгляды, они отграничивают себя от *традиционных* исследований по двум параметрам. Первый из них – это расширение проблемного поля безопасности. В этом смысле *критическая школа* продолжает традиции тех исследователей, кто полагает, что магистральная линия дискуссий о безопасности состоит в вовлечении в его орбиту максимально широкого круга социальных групп, чьи позиции ранее могли игнорироваться как несущественные. Соответственно, расширяется набор вопросов, которые могут быть публично представлены сквозь призму безопасности. Вытекающая из этого проблема, которую верно подметили *критические исследователи*, состоит в том, что если *безопасность* охватывает практически все, что нас окружает, от терроризма до цен на продовольствие, то это означает расширение сферы административного регулирования (отражением этой тенденции являются такие новые термины, как, например, *управление рисками*). Политики многих стран усвоили это довольно быстро, используя экспансию этого термина во вполне прагматических целях усиления государственного (а во многих случаях полицейского) присутствия в различных сферах жизни и, соответственно, разрастания аппарата власти. Именно поэтому вопрос о том, как и кем *секьюритизируются* те или иные вопросы и какие методы используются при этом, становится ключевым для *критической школы*.

Второй важнейший параметр, отличающий ее – это использование нетрадиционных для более ранних исследований подходов, которые находятся на стыке постструктурализма и социального конструктивизма. Именно это и объясняет важнейший тезис *критической школы* о том, что исследования безопасности невозможны вне ценностного контекста и вне вопроса о нормативном выборе. Таким образом, *критическая школа* призывает «думать политически» о возникающих вопросах безопасности и вернуться к обсуждению «первоочередных политических вопросов»¹, неизбежно возникающих в этой сфере.

Поднимаемые в данной статье вопросы являются частью более широкой дискуссии, ведущейся о том *словаре*, с помощью которого описываются угрозы безопасности в XXI в. По сути, дебаты о безопасности – это, в более широком плане, дебаты о природе (пост-) современной политической власти². Их обзор заставляет нас поставить в центр нашего анализа проблему соотношения политики и безопасности.

А
Н
И
З

КРИТИЧЕСКАЯ ШКОЛА И КОНЦЕПТ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ

Одной из основ *критической школы* является концепт *секьюритизации*. Термин этот, родившийся в рамках *копенгагенской школы исследования мира*, дает нам возможность посмотреть на безопасность в динамике: любой конфликт может развиваться как столкновение *технических* позиций, решаемых в рамках обычного, рутинного переговорного процесса, но как только составной частью ситуации становится культурное либо цивилизационное противопоставление, ведущее к мобилизации общественного мнения и чувства идентичности, начинается стадия политизации, а затем конфликт приобретает характер проблемы безопасности. Допустим, калининградская проблема, начавшись как технический спор по поводу процедур пересечения границ и связанных с ними управленческих вопросов, была сначала политизирована (благодаря превращению в ключевой элемент взаимоотношений России и ЕС), а затем *секьюритизирована* (т.е. представлена как проблема безопасности). Аналогичным образом можно проследить траекторию дебатов по энергетическим вопросам: технические проблемы (цены на нефть и газ, маршруты их транспортировки и др.) приобретают политические смыслы (поскольку включаются в систему маркирования государств по принципу *свой-чужой*), открывая тем самым дорогу к дальнейшей *секьюритизации* (в виде концепции *энергетической безопасности*).

Секьюритизация в международных отношениях носит неустранимый характер в силу того, что *производство опасности* всегда включается в формирование социально-политической идентичности. Как замечают голландские исследователи, любое сообщество определяет себя как пространство «хорошей жизни», неизбежно актуализируя «фигуры социального различия и опасности, включая преступников, террористов, врагов, мигрантов и т.д.»³. Основная проблема при этом, как представляется, состоит в том, что любое *различие* может предстать в качестве угрожающей *девиации*. Отсюда – появление в дискурсе таких *персонажей*, как *отклоняющийся Другой*, *чужак*, неорганичный и неестественный для данного пространства.

На этом фоне интересно выглядят работы одного из наиболее радикальных политических философов Европы Славоя Жижека, который выделяет три типа угроз безопасности для современных западных обществ: это терроризм, правое насилие популистского толка и *иррациональное* насилие молодежи в пригородах⁴. Во всех трех случаях происходит процесс социокультурного конструирования опасности: «Статус жертвы полностью легитимирует любую занимаемую жертвой позицию... Единственный знак твоей правоты – если ты позиционируешь себя как жертву... Но как только эти жертвы начинают самоорганизовываться, они тут же оказываются фундаменталистами, террористами и становятся крайне опасными»⁵. Этим С. Жижек указывает на конструируемый характер отношений в сфере безопасности (приводя частный пример, он в свойственной ему провокационной манере утверждает: «Сама необходимость в ссылках на Холокост при защите действий Израиля подспудно предполагает, что Израиль совершает такие преступления, что только козырная карта Холокоста может их оправдать»⁶).

Продолжение этих рассуждений возможно по нескольким направлениям. *Первая* линия базируется на невозможности проведения четких линий идентификации в современном мире. 11 сентября 2001 г. в США, равно как и более поздние бунты арабской молодежи во Франции показали, что угрозы безопасности не носят внешнего характера, что существенно запутывает поиски фигуры врага: *Другой* оказывается среди нас, им может быть каждый из окружающих. Все это не только размывает привычную для политической мысли грань между *внутренним* и *внешним*, но и дезорганизует политический процесс.

Есть и *вторая* линия рассуждения. Перефразируя известный афоризм Ф.М. Достоевского, С. Жижек берется предположить, что «если Бог есть, то все дозволено». Другими словами, многие преступления на межрелигиозной и межэтнической почве совершаются под теологическими знаменами, т.е. под предлогом защиты своей веры от посягательств *неверных*. Соответственно, одним из *шансов на мир* С. Жижек называет атеизм, т.е. отказ от религиозных аргументов как универсальных и аксиоматических.

Таким образом, мы видим, что С. Жижек, по сути, развивает аргумент о возможности движения в направлении *де-секьюритизации*, то есть о возвращении к согласованию

позиций конфликтующих сторон и поиску общих точек соприкосновения. Впрочем, никто не даст гарантии, что следующим шагом не окажется *ре-секьюритизация*, то есть новая артикуляция угроз безопасности.

КРИТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Теорию *секьюритизации* можно рассматривать как одну из основ критической мысли в области безопасности. Именно на нее ссылаются авторы одного из наиболее интересных текстов в этой сфере, известного как Сетевой манифест под названием Критические подходы к безопасности в Европе⁷. Однако, как нам представляется, было бы упрощением видеть в современных критических исследованиях простое продолжение идей *копенгагенской школы*. Их критический пересмотр связан с одним очень существенным противоречием, заложенным в концепции *секьюритизации*. С одной стороны, она предполагает акт (или процесс) перемещения того или иного игнорируемого ранее вопроса в политическую повестку дня; с другой же стороны, *секьюритизация* приводит к дальнейшему выходу этого вопроса из собственно политической сферы в сферу *чистой безопасности*⁸. Политика, другими словами, сама отменяет, дезавуирует себя. Именно последнее обстоятельство и вызывает неприятие среди *посткопенгагенских* мыслителей, поскольку тезис о том, что *безопасность* начинается там, где заканчивается *политика*, привел если не к противопоставлению этих двух концептов, то к появлению линий водораздела между ними. Определяемая через категорию выживания безопасность становится своего рода *маркером*, который обозначает перспективу принятия *исключительных мер*, не обязательно вписывающихся в *нормальный* ход событий. Безопасность означает приостановку некоторых правил и предполагает нечто экстраординарное, особое, чрезвычайное, выходящее за рамки стандартных процедур, что напрямую связывает концепты безопасности и суверенитета. *Секьюритизация*, таким образом, помещает вопросы безопасности вне политических рамок, т.е. деполитизирует их⁹. Именно эта линия критической рефлексии, касающаяся соотношения концептов безопасности и политики, и формирует новые, критические подходы.

БЕЗОПАСНОСТЬ И ПОЛИТИКА

Как мы указали выше, основную проблему *критические мыслители* видят в том, что безопасность, воспринимаемая вне политического контекста, выносится за пределы публичного пространства власти. Фразу о том, что «безопасность – это горизонт политики», очевидно, следует понимать именно как указание на то, что *секьюритизация* предполагает обращение либо к военной силе и принуждению, либо к биополитическим техникам контроля, надзора и слежения, которые преподносятся как *нормализующие* общество, *очевидно необходимые* и не требующие политических дискуссий¹⁰.

Природа деполитизации в сфере безопасности может быть объяснена, исходя из нескольких факторов. *Во-первых*, деполитизация является прямым следствием того, что многие способы решения проблем безопасности преподносятся как базирующиеся на универсальных нормах и консенсусе вокруг них, что дает власти возможность занять удобную и морально привлекательную позицию исполнителя интересов «всего цивилизованного человечества»¹¹. В войне *цивилизации* против *варварства* (*Добра* против *Зла*) одна сторона предстает как воплощение «универсального режима истины»¹², а противоположная маркируется как «монструозная», «бесчеловечная», «дикая», «варварская»¹³. Вместо управления разнообразием, лежащим в основе любой политики, мы имеем перед собой деполитизированный проект по установлению *единой истины*, для которой в пространстве легитимного нет ничего внешнего (конкуренции, альтернативы и любой *инаковости*). Выбор *всего человечества* в качестве точки отсчета для борьбы с террором, таким образом, приводит к тому, что любое определение врага становится возможным не в рамках этого *человечества*, а только за его пределами. Другими словами, враг неизбежно приобретает антигуманные, если не нечеловеческие черты, что заведомо оправдывает самые жестокие действия против него.

Критические исследователи ставят в вину либерально-идеалистической парадигме то, что постоянные ссылки на *универсализм* не оставляют места для политики как таковой. В противовес этому они отстаивают принципиальное значение *единичностей (сингулярностей, партикулярностей)* в мировой политике¹⁴. «Способность увидеть мир состоящим из исключений» («a capacity to exceptionalise») – это как раз то, к чему призывают нас *критические исследователи* безопасности. Существенно расширяя методологические рамки, предложенные в свое время Карлом Шмиттом, они утверждают при этом, что эти *исключения* не являются *естественными* – они конструируются, трансформируются и, надо полагать, со временем исчезают.

Во-вторых, само выдвижение на передний план концепта *войны* (с бедностью, коррупцией, терроризмом и пр.) не только упрощает проблемы безопасности и технологизирует их решения, но и подрывает политический дискурс, лишая его как времени, так и пространства для анализа и диалога, а также заранее маркируя пределы возможного в обсуждении¹⁵. Именно в этом смысле следует понимать тезис о том, что современные антитеррористические стратегии «деполитизируют политику, постоянно вынося ее за пределы отношений власти»¹⁶. Иными словами, они представляют линию поведения своего государства как *естественную, очевидную, бесспорную*. Однако любая норма, согласно *критическим исследованиям*, представляет собой результат решений об исключениях определенных практик или социальных групп из того или иного сообщества, о вынесении их *за скобки*. Поэтому норма не есть нечто самоочевидное, *натуральное*, раз и навсегда данное; она – предмет политической борьбы. Соответственно, *необходимость* и *исключительность*, на которую ссылаются правительства, для *критических мыслителей* являются не *экзистенциальными условиями*, а политическими требованиями, встраиваемыми в соответствующие дискуссии и требующими своей легитимации, конструирования, аргументации.

В-третьих, утверждению деполитизированных подходов во многом способствует и то обстоятельство, что массовое общественное сознание склонно воспринимать многие угрозы (особенно террористические) как проявления *бессмысленного, иррационального, дисфункционального, безосновательного* насилия, не имеющего под собой ни утилитарной, ни идеологической основы¹⁷. Причина такого положения дел, по мнению многих европейских авторов, состоит в частом отсутствии объяснений актов террора и непонимании того, кто за ними стоит, в результате чего сама фигура террориста оказывается вырванной из *дискурсивных условий*. Соответственно, в общественном сознании возникают гипотезы о *психотическом, бессловесном монстре* и др.¹⁸. Следуя этой логике, источники и носители этих угроз сами вывели себя за рамки политического поля, бросив ему вызов и отказавшись искать в нем свое место. Функции государства в этом случае сводятся к *техническому* наведению порядка с помощью полицейских методов, не требующих дополнительной легитимации в пространстве публичной политики.

Такую модель власти С. Жижек назвал *ультраполитикой*: она предусматривает милитаризацию политики посредством использования концепта войны между *нами* и *ими, своими* и *чужими*. Он же указал на то, что деполитизация не устраняет насилие, а, наоборот, часто приводит к его росту: «Отверженное политическое празднует свое триумфальное возвращение в наиболее архаической форме чистой, неразбавленной расистской ненависти»¹⁹. Эти рассуждения важны тем, что они обращаются к установлению логической связи между деполитизацией и ростом правонационалистических, ксенофобских и неофашистских настроений. По словам С. Жижека, времена постмодерна «определяются тайной солидарностью между двумя ликами Януса: с одной стороны, мы видим замену политики деполитизированными «гуманитарными технологиями»; с другой стороны – пришествие деполитизированного чистого зла под маской чрезмерного этнического или религиозного насилия»²⁰. Аналогичной позиции придерживается и Жак Рансьер: «Когда конфликт упраздняется, его место занимают формы неприкрытой ненависти к Другим... Что я вижу, так это расистские, ксенофобские формы возрождения и утверждения идентичности... Мишенью нового расизма или новой ксенофобии является определенная часть населения, которая ... обладает лишь одной добавочной и чисто антропологической идентичностью: иммигрант, чернокожий, араб, явно Другой, слушающий исключительно объектом ненависти»²¹.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ДИАЛОГИ

Таким образом, сама сфера отношений безопасности (предполагающих нечто исключительное) стала благодаря *копенгагенской школе* определяться в противопоставлении *нормальной политике* и поэтому превращаться в пространство, закрытое от публичных дебатов. Соответственно, политика оказалась примерно на такой же дистанции от безопасности, как норма – от исключения. Именно это и не устраивает авторов Сетевого манифеста, общий посыл которого состоит в определении критического подхода через разрушение *деполитизированных* практик в области безопасности и возвращение дискуссий в *политическое* русло. «Политическое возвращается», – так можно сформулировать исследовательский слоган *критической школы*, который означает призыв к описанию некоего проблемного пространства, составные элементы которого должны восприниматься как политические единицы. Наиболее остро такая постановка вопроса смотрится в отношении терроризма и распадается на ряд аспектов.

Во-первых, некоторые эксперты высказывают парадоксальную, на первый взгляд, мысль о том, что терроризм нельзя выводить из некоей *сущности*, будь то нищета, социальная несправедливость или нерешенность какого-то конкретного конфликта. Это делает терроризм *политическим* явлением в одном, по крайней мере, важном смысле: если политизироваться (т.е. стать предметом политических отношений) может практически *любой* вопрос, то и *терроризироваться*, соответственно, может *любое* требование, акция, призыв. Другими словами, побудительными мотивами для терактов может быть практически все, что угодно – от желания власти и денег до религиозных или этнических чувств²².

Во-вторых, возвращение проблематики безопасности в политическое русло приводит к актуализации вопроса о том, что и как можно говорить о терроризме. На этом фоне провокационно прозвучал вопрос С. Жижекa о том, готовы ли западные масс-медиа предоставить эфир не *адаптированному*, а *радикальному Другому* – например, насильнику или фундаменталисту²³? Здесь, на самом деле, существует неразрешимая логическая ловушка: понятно, что предоставление трибуны этим персонажам будет способствовать пропаганде их взглядов, но тотальное молчание приведет к тому, что общество никогда не поймет логику социально опасных действий. Похоже, мы имеем дело с ситуацией, формат которой зависит от нашего угла зрения. Если мы приравниваем терроризм к иррациональному фанатизму, то тогда отрицание самой возможности коммуникации смотрится вполне объяснимо. Но если мы признаем наличие некоей логической связи между терроризмом и массовой бедностью или конструированием идентичности, то тогда ответ на этот вопрос представляется более сложным.

Понятно, что государства будут оставаться категорическими противниками любой коммуникации с врагом, но значительная часть гражданского общества, кажется, готова к такой жертве во имя спасения (возможно, иллюзорного) тысяч жизней. В качестве примера сошлось на серию ток-шоу *The Doha Debate* на телеканале *BBC* в ноябре 2007 г., участники которых сосредоточились на нескольких возможных аргументах в пользу того, почему разговор с террористами в принципе возможен. Существует достаточно распространенная точка зрения о том, что ячейки *Аль-Каиды* в разгар холодной войны были созданы самими Соединенными Штатами для борьбы с СССР, из чего следует, что США (и, в более широком смысле, Запад) несут ответственность за появление на свет этой террористической сети. Логика здесь примерно такова: если это – ваше детище, то вы не можете *играть в молчанку*. Далее, диалог с радикалами и экстремистами возможен на религиозном языке, который объединял бы *палачей* и их *жертв*. Наконец, диалог мог бы исходить из чисто практических соображений: вокруг организованных *машин смерти* вращается масса тех, кто рекрутирован относительно недавно и поэтому еще не успел проникнуться человеконенавистнической идеологией. Хотим мы этого или нет, но это те аргументы, которые будут, видимо, и впредь выдвигаться сторонниками коммуникации с террористами.

В-третьих, политической в своей основе является проблема соотношения свободы и безопасности²⁴, которая активно дебатруется в европейских странах. Вопрос сводится к тому, какой частью индивидуальных свобод граждане готовы пожертвовать во имя успеха на антитеррористическом фронте и не приведет ли эта жертва к качественным изменениям в функционировании демократических институтов.

НОВАЯ АКСИОМА

Намерение вернуть обсуждение вопросов безопасности в политическое русло обнажает две очень существенные проблемы: во-первых, о каком понимании политики идет речь, и, во-вторых, можно ли вообще логически отграничивать друг от друга сферы политики и безопасности? Другими словами, существует ли на самом деле то *чистое* политическое пространство, куда *критические мыслители* предлагают вернуть проблематику безопасности?

Если политика воспринимается как сфера *нормальных* управленческих правил и процедур, то тогда действительно существует смысловой разрыв между ней и отношениями безопасности. Но если политику интерпретировать по К. Шмитту как сферу *конститутивных исключений*, как способ указания обществу на его друзей и врагов (для социальных конструктивистов политика – это создание *нас* через определение *их*) или как радикальное отрицание *правил игры* (на чем настаивают *новые левые*), то тогда разграничение между такой политикой и безопасностью становится менее очевидным. Многие из *критических мыслителей* признают это, полагая, что «политическое всегда имеет отношение к безопасности». Важно, что «политика, являясь порождением порядка и охранением сущего, жить не может без зла»²⁵. В наиболее радикальном варианте этот тезис, вслед за Мишелем Фуко, сформулировал Ален Бадью: «Модель войны является вездущей. По крайней мере, на уровне языка политики мы замечаем инверсию аксиомы Клаузевица: похоже, что политика есть продолжение войны посредством тех же слов»²⁶. То есть именно обеспечение безопасности становится ключевым фактором политической легитимации, а «современная политика – это проект безопасности в максимально широком онтологическом смысле этого слова... Безопасность стала тем предикатом, на основе которого конструируются архитектурные политические дискурсы современности и который лежит в основе повседневной архитектуры политической власти, воплощенной в государстве»²⁷. Следовательно, достаточно переосмыслить наше понимание политики, чтобы усомниться в необходимости возврата феномена безопасности в политическое русло: безопасность уже окажется вписанной в политику через категории конфликтов, рисков, разрывов, насилия, травм.

Сказанное выше требует от нас, таким образом, уточнения того, в каком смысле мы будем говорить о возможности придания (либо возвращения) феномену безопасности политических характеристик. Потенциально мы видим несколько перспектив в этом направлении, связанных с обсуждением безопасности сквозь призму таких категорий, как границы и идентичность.

БЕЗОПАСНОСТЬ И ГРАНИЦЫ

Реабилитация *критическими исследователями* политического контекста, который необходим для дискуссий о безопасности, непременно возрождает интерес к границам: «Политический момент всегда связан с изменением границ»²⁸. Именно границы определяют, «что я сохраняю, а чему я даю погибнуть»²⁹. Ключевой вопрос при этом состоит в том, кто, где и как проводит эти границы.

Здесь будет уместно сослаться на мнение Роба Уокера о том, что ключевые проблемы современных международных отношений упираются в регулируемую по своей природе категорию границы: «Мы находимся здесь, вы – там, они – еще где-то. Мы можем впустить вас к себе, а они будут отосланы домой. Каждый должен знать свое место, не только в иерархиях статусов, классов и социальных порядков, но и в территориальном пространстве». Именно в силу этого любая «субъектность производит свой внешний мир... который должен быть исключен для того, чтобы дать современному Я познать себя». Именно отсюда берет начало неизбежная (ре)политизация дискурса безопасности, поскольку политическая логика – это та, которая настаивает на существовании границы, очерчивающей (определяющей, в строгом смысле слова) понятия *нормального*, *законного*, *допустимого*, *приемлемого* и т.д. Политическая власть, таким образом, проявляется через способность давать оценки *Другим* (именовать их) и на этой основе вводить любые формы дискриминации либо эксклюзивности (включая бойкот, санкции, специ-

альные операции, ограничения в правах отдельных групп и пр.). Именно в этом контексте начинает играть свежими красками фигура *варвара*, прописанная в работах Мишеля Фуко: *варвары* – это *не-современники* (non-moderns), те, чье право участвовать в международной политике (the international, выражаясь языком Б. Уокера), отрицается либо ставится под сомнение³⁰.

Любые формы порядка (включая *новый мировой порядок*) неизбежно сопровождаются созданием границ, отделяющих *наших* от *чужих*, *развитых* от *неразвитых*, *включенных* от *исключенных*. Косвенно дебатирова с различными вариантами теории транснационализма, *критические исследователи* исходят из того, что мир без границ – это мир без политических субъектов. Либерально-идеалистическая (космополитическая) модель, которую можно в упрощенном виде сформулировать как *безопасность через интеграцию*, для *критических исследований* не является авторитетной. Но более интересно то, что в результате происходит стирание граней между *левым* и *правым* типами дискурса о безопасности. Примером может служить критика мультикультурализма, в которой главную роль играет призыв вернуться к регулирующей роли границ как важнейшего фактора безопасного сосуществования между потенциальными противниками (например, между различными расовыми, этническими или религиозными общинами). Этот аргумент часто использовался *новыми правыми* в Европе, но теперь он переключился в арсенал *новых левых*, политическая программа которых во многом строится вокруг тезиса о *праве на различие*, т.е. на сохранение культурных идентичностей различных групп, не желающих перемешиваться с другими, даже если эти другие – их непосредственные соседи. Иными словами, коммуникация должна предполагать обязательную дистанцию, которая обеспечивает это *право на различие*. Тезис о том, что «чем ниже частота взаимодействия, тем более мирными являются отношения между двумя социальными организациями»³¹, следует рассматривать как продолжение полемики с либеральными теориями, представляющими интеграцию как ключевой элемент обеспечения мира.

В связи с этим можно опять вспомнить С. Жижека: «Проблема фундаменталистов не в том, что мы считаем, что они хуже нас, а скорее в том, что они втайне сами так считают... Проблема не в культурном различии, а ровно в обратном: фундаменталисты уже похожи на нас, потому что они втайне применили наши стандарты и мерки к себе. Парадоксальным образом фундаменталистам не хватает некоторой дозы *подлинно расистского* убеждения в собственном превосходстве»³². Этим заявлением С. Жижек приходит к пониманию того, что в том или ином виде дистанция между различными социо-культурными группами должна быть вплетена в ткань общественных отношений.

В этом контексте интересно обратиться к тому *словарю*, с помощью которого в дискурсе о безопасности формируется понятие о границе. Хорошим примером может служить часто употребляемый термин *экстремизм*, политическое звучание которого выражается двояко. Во-первых, нельзя не увидеть возможности его широкого толкования: многие европейские эксперты предлагают включить в него такие разные явления, как антисемитизм, исламофобию, дискриминацию в отношении сексуальных меньшинств и пр. Неизбежная политизация термина «экстремизм» является оборотной стороной его концептуальной *пустоты*: за этим словом скрывается лишь форма, а не суть. Но здесь-то и важно увидеть второй аспект политизации: экстремальным может быть все, что имеет свои *границы*. Соответственно, концепт экстремизма важен именно как одно из самых точных указаний на то, где пролегают границы нашего *символического порядка*, за которыми начинается нечто, угрожающее его основаниям. Экстремизм – это своего рода социальный индикатор: если бы не он, мы могли бы и не знать, где находится эта граница, сколь бы условной и мобильной она ни была. Но эта же мысль может быть диалектически перевернута: определение экстремизма часто зависит от нашего понимания смысла этой воображаемой границы между хаосом и порядком, стабильностью и нестабильностью, разрешенным и запрещенным.

Политические нотки слышны и в дискуссиях о *мультикультурализме*, который может описывать разные модели социальных взаимоотношений – *плавильного котла*, автоматически *переваривающего* группы самого разного происхождения, или *калейдоскопа*, при любом раскладе сохраняющего индивидуальность каждого из фрагментов меняю-

щейся картины, ограниченность и несводимость друг к другу ее деталей. При внимательном рассмотрении мы увидим, что здесь возникает тот же самый вопрос – должны ли быть прочерчены (пусть даже пунктиром) социально-антропологические границы между культурными группами, отнюдь не все из которых желают интегрироваться друг с другом? Упомянувшееся выше *право на чистое различие* может быть соблюдено не только тогда, когда группы с различными ценностями не будут искусственно подталкиваться к взаимной ассимиляции, но и когда они перестанут надеяться на возможность исправления, коррекции тех, кто придерживается иных взглядов на жизнь. Действительно, насилие часто возникает как следствие столкновения различных норм в результате слишком интенсивной коммуникации. Если присмотреться к тому, в какую сторону движутся многие западные общества, то мы увидим тенденцию к сегментации социальных пространств. Например, в некоторых городах США существует практика обслуживания отдельных социальных групп *своими* полицейскими, выходцами из определенной среды. Та же логика просматривается в существовании так называемых *закрытых сообществ* (*gated communities*), где поселяются состоятельные семьи, отгораживающие себя от внешнего мира и предпочитающие жить в относительной изоляции.

Есть основания в целом разделить тот пафос, с которым С. Жижек и другие *критические мыслители* говорят о праве на дистанцию, которая препятствовала бы превращению общества в аналог *муравейника*. Наиболее сложные проблемы возникают в ситуациях наиболее тесного соприкосновения друг с другом различных социальных групп, придерживающихся несовместимых культурных и мировоззренческих позиций. Глобализация является проблемой именно потому, что она создает иллюзию близости, взаимной зависимости и сопряженности каждого с каждым. Следовательно, право игнорировать *Другого* (соседа) должно быть восстановлено, поэтому возведение новых *стен* (либо прочерчивание новых границ) может быть вполне оправданным, а определенная степень отчуждения необходима для мирного сосуществования различных стилей жизни.

Именно таким образом *критические мыслители* поднимают вопрос о границах, позволяющих нам не подходить слишком близко к тем, чей жизненный опыт радикально отличается от нашего. Однако фундаментальная проблема при этом состоит в том, что политизация дискурса безопасности посредством акцентирования внимания на категории границ, по сути, воспроизводит ту же самую логику, которая приводит к деполитизации и которую мы описали выше, ссылаясь на американское видение *войны с террором* как борьбы с необсуждаемого Добра против очевидного Зла. Именно поэтому политические аспекты всплывают на поверхность тогда, когда граница между *нами* и *ими*, часто совпадающая с границей между *безопасностью* и *опасностью*, воспринимается как гибкий и неокончательный конструкт, потенциально открытый для пересмотра. Тот же С. Жижек не верит в возможность отграничений одних идентичностей от других и исходит из неизбежности трансгрессии, которая является «неотъемлемой частью общественного порядка»³³.

Если же говорить о географических границах, то *критическая школа* позволяет увидеть их различные функции. Действительно, границы могут быть: а) ограничителями территориального *пространства безопасности* (*boundaries*); б) линиями перехода на сопредельную территорию (*borders*); в) периферийными, окраинными единицами (*margins*); г) линиями соприкосновения с соседями (*frontiers*)³⁴; д) территориями, имеющими свою специфику, сформированную под воздействием тесного взаимодействия с соседями (*borderlands*)³⁵. В любом случае, границы определяются не столько географическими категориями, сколько *чувством принадлежности*, набором добровольно разделяемых норм и ценностей, приверженностью определенным процедурам. С одной стороны, границы – это «маркеры идентичности»³⁶, с другой – «агенты национальной безопасности»³⁷. Поскольку всякий социальный объект осуществляет оценку угроз своей безопасности в свете той или иной системы ценностей, представления о границах могут варьироваться в зависимости от культурного контекста. Даже если очертания границ не меняются, могут изменяться взгляды на то, что эти границы представляют собой: являются ли они механизмом кооперации, экспансии или барьером, защищающим от нежелательных внешних воздействий.

Экстраполируя эти рассуждения на Европу, можно увидеть, как они оборачиваются дискуссиями о том, какими смыслами могут быть нагружены границы Евросоюза. Три вари-

анта кажутся наиболее интересными. Во-первых, ЕС теоретически может пойти по пути формирования консолидированных границ как фиксируемого *лимита*, очерчивающего собой *предел* Европы как относительно *закрытого сообщества*. Во-вторых, границы могут предполагать наличие (или формирование) *буферной зоны*, чье предназначение объясняется тем, что по ту сторону границы находится источник угрозы. Наконец, в-третьих, можно обсуждать такую модель границы, которая была бы аналогом колониального фронта, постоянно сдвигающегося на Восток и на Юг. Именно две последние, наиболее мобильные модели границы имеют, судя по всему, наибольшие шансы на реализацию посредством Средиземноморского диалога (Барселонского процесса), Северного измерения и миротворческого пакта для Балкан, равно как разрабатываемой инициативы ЕС для Черноморского региона.

БЕЗОПАСНОСТЬ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ДРУГИЕ

В политический контекст встраивается и использование концепта идентичности в качестве объекта безопасности.

Связь между безопасностью и идентичностью проявляется в нескольких концептах. Например, *культура безопасности (security culture)* – это совокупность символов, образов, идей и представлений о том, что лежит в основе выделения данной социальной группы из *других, чужих*. *Культура безопасности* формирует свои коды, которые маркируют *пространства безопасности*, отграничивают их друг от друга. *Граница безопасности (security border)* – это такая граница, которая очерчивает различные (дополняющие друг друга или конкурирующие) *пространства безопасности*.

Эти термины указывают нам на различные грани связи *безопасность–идентичность*. Во-первых, многие полагают, что «фундаментальная задача безопасности – сохранение фундамента идентичности»³⁸. Во-вторых, идентичности опосредуют создание образов опасностей и могут использоваться как инструмент, направленный против так называемого *чужого*³⁹. Идентичность принадлежит к разряду фундаментальных социальных ценностей (таких как суверенитет и пр.) и поэтому в различных контекстах может восприниматься как находящаяся под угрозой⁴⁰. В-третьих, использование идентичности как аналитического концепта помогает понять, почему одним угрозам общество склонно придавать центральное значение, а другим – периферийное. В значительной степени это зависит от социальных факторов: чем сильнее внутрigrупповая идентичность, тем больше вероятности, что данная группа будет воспринимать внешние группы акторов как *чужие*⁴¹.

Этим самым *критические исследования* обращают наше внимание на принципиальное значение фигуры *Другого*. Мысль о том, что «*Другой* потерян, и его нужно восстановить любой ценой»⁴², давно обсуждается в кругах политических философов. В то же время *критические исследователи* обращают внимание и на таящуюся здесь опасность: «Сконструируйте образ *Другого* как варвара, как того, кто должен быть цивилизован либо уничтожен, и считайте, что открылась дорога для распространения исключений, которые приведут к отмене многих современных устоев и к приходу абсолютной власти, будь то в форме империи или победы какого-то одного представления о том, что значит быть человеком»⁴³. *Критическая школа*, таким образом, создает интеллектуальные основания для оправдания фигуры *глобального партизана*, борца против универсальности и глобализма, который, якобы, становится террористом только благодаря «голосу Империи»⁴⁴.

Не менее важная проблема состоит в том, что на примере дискуссий об идентичности мы видим ту же самую, по сути, противоречивую ситуацию, отмеченную в предыдущей секции: попытка (ре)политизировать наши представления о безопасности содержит в себе возможность возврата к деполитизированным подходам к *Другому* как к фигуре, вынесенной за пределы *нормального* пространства отношений власти и обладающей характеристиками неустрашимой враждебности. Именно поэтому, как нам представляется, в плане реализации *критического проекта* важны не просто отсылки к идентичности, но, прежде всего, указания на то, что идентичность всегда мобильна, ее границы сложно зафиксировать. Любая идентичность носит относительный, изменчивый характер, плохо фиксируется, требует наполнения смыслами, предполагает возмож-

ность реконфигурации под воздействием меняющихся представлений, формирующихся в области публичной политики.

ПРОЕКЦИИ НА ЕВРОПУ

Поскольку *критические исследования* зародились в недрах европейской политической философии, то логично было бы задаться вопросом о том, каким образом они могут повлиять на позиционирование Европы в международной картине безопасности. В самом общем виде можно утверждать, что тезис о необходимости возврата проблематики безопасности в политическое русло вполне соответствует природе тех вызовов, с которыми ЕС встречается как *проект мира (peace project)*. Как представляется, *критические исследования* открывают несколько направлений дискуссий на эту тему.

Во-первых, эти вызовы касаются расширения ЕС. Проблема принятия или непринятия в ЕС таких стран, как Турция или Сербия, носит глубоко политический (а не экономический и не правовой) характер. Особенно это касается перспектив приема Турции: основные трудности для Европы касаются неизбежных корректировок в понимании того, что такое европейская идентичность и, соответственно, субъектность. Главный вопрос для ЕС в связи с перспективами дальнейшего расширения состоит в том, сколько разнообразия может позволить себе Евросоюз, чтобы не «взорваться» и не превратиться из уникального европейского проекта в новую версию ОБСЕ.

Если воспользоваться терминологией Бахар Румелили, то можно увидеть две различные модели, в рамках которых формируется образ *Другого*. Первая модель отношения ЕС к соседям описывается формулой *the other as less self*, при которой, образно говоря, *Другой* выступает как *младший брат*, менее совершенное подобие самой Европы. Этот *Другой* стремится стать неотличимо похожим на ЕС и соответствовать его стандартам, но при этом нуждается в помощи. Исходя из такой логики, на *Другого* можно оказывать влияние, добиваясь его *нормализации*, т.е. такого поведения, которое бы вписывалось в рамки существующих стандартов. Именно об этом типаже *Другого* писал С. Жижек: мы чаще всего толерантны лишь к тому *Другому*, который не бросает нам вызова, даже символического, т.е. к *Другому*, лишенному своей сущности, своего собственного культурного начала и индивидуальных особенностей. Это – искусственный, ассимилированный, *стерильный Другой*, адаптированный к нашей жизни, т.е. который воспринял нашу культуру, традиции, обряды, верования и *правила игры*⁴⁵.

Вторая модель базируется на иной формуле – *the other as non-self*, согласно которой *Другой* признается Европой принципиально отличным от нее и, соответственно, не чувствительным к внешним влияниям и не подлежащим существенным изменениям⁴⁶ либо представляющим собой некую проблему для ЕС (например, Беларусь). Нетрудно увидеть, что, например, Украина и Россия в этом смысле оказываются в разных категориях: если первая находится в числе стран, податливых европеизации и готовых адаптировать рецепты ЕС, то вторая в глазах Евросоюза приближается к обретению всех характеристик непреодолимой инаковости.

Однако есть предположение о том, что Брюсселю политически невыгодно четко разграничивать эти категории: как говорится в исследовании брюссельского *Centre for European Policy Studies*, «любые окончательные границы в позициях, занимаемых ЕС, усилят самые худшие неосоветские, гегемонистские тенденции в Москве»⁴⁷. Видимо, это утверждение относится к таким странам, как Беларусь или Грузия: помещение их в категорию *non-self* будет означать косвенное признание перспективы их нахождения в сфере российского влияния.

Во-вторых, Брюссель сталкивается с необходимостью политического в своей основе выбора в пользу той или иной роли (миссии), а, по сути, того *бренда*, с которым объединенная Европа войдет в глобальный мир. Этот *бренд* должен указывать на специфику ЕС в рамках так называемого *Запада*, а значит – формировать европейскую идентичность, в том числе и по контрасту с США. Стать ключевым маркером европейской идентичности имеет все шансы предстать Европе как о *нормативной силе (normative power)*. Нормативная внешняя политика придерживается *принципов, ценностей* (справедливость, демократия, права человека, главенство закона, достижение мира, содействие

развивающимся странам, борьба с преступностью), а ненормативная – стратегических интересов. Говоря словами Арнольда Уолферса, нормативная политика преследует так называемые *milieu goals* (в отличие от *possession goals*), т.е. направлена на изменения в институциональном окружении посредством совершенствования правил и процедур. К числу нормативных средств относятся невоенные (экономические, дипломатические, социальные, культурные) инструменты, включая убеждение, обещание дивидендов, гуманитарные инициативы, техническую помощь, финансовые стимулы. Например, главным критерием готовности Хорватии вступить в ЕС является полномасштабное сотрудничество ее руководства с Международным трибуналом по бывшей Югославии⁴⁸. Другими словами, если США в основном *принуждают* (преимущественно при помощи военной силы), то ЕС *убеждает* (в основном силой собственного примера). Американской стратегии продвижения собственных национальных интересов с позиции силы Европа пытается противопоставить концепцию внешней политики, основанной на способности влиять посредством *мягкой силы*. Стратегии американской исключительности Европа противопоставляет повышенное внимание, уделяемое общим *правилам игры*, т.е. институтам и процедурам. Правда, сам ЕС отнюдь не всегда действует нормативно, зачастую либо напоминая современную версию *имперского государства* (скажем, в отношении Косово), либо играя в *реальную политику* с геополитическим подтекстом (как это случается в отношениях ЕС к РФ), либо придерживаясь логики *статус-кво* (например, в отношении Калининграда).

Одна группа скептиков обращает внимание на то, что этот *бренд* – «Европа как нормативная держава» – ЕС может продвигать только на фоне того, что США берут на себя подавляющий объем функций по военному реагированию на угрозы общей безопасности (вне зависимости от того, насколько они успешно это делают). Другая группа голосов указывает, что не только ЕС, но и практически все ведущие страны строят свою внешнюю политику на основе нормативных аргументов, просто формулируются они иначе, чем в Европе. Это касается Китая, Индии, США, России и других государств, имеющих, безусловно, свою собственную *нормативную повестку дня*. На нормативном языке говорят многие страны, что переносит ключевую проблему в сферу коллизии различных норм.

Евросоюз по понятным причинам хочет, чтобы в мире он ассоциировался с нормативной внешней политикой, однако при этом важно увидеть, что сама приверженность ей может приобретать разные формы. Есть *деполитизированная* версия нормативности, при которой норма воспринимается как нечто устоявшееся, незыблемое и самоочевидное, не требующее никаких политических дискуссий (например, права человека или демократия). Ссылка на норму при таком понимании означает претензию на действия от имени бесспорного принципа, отклонения от которого воспринимаются как патология, вид болезни. Экстраполяция нормы на другие страны при этом приобретает форму технологического расширения сферы ее применения – именно так обстояло дело в случае с адаптацией норм ЕС странами, готовившимися к вступлению в ЕС.

Но есть и другая, *политизированная* версия нормативности, при которой норма признается социальным конструктом, определяющим идентичность и рождающимся в процессе коммуникации – в том числе и конфликтной – между равноправными субъектами международных отношений. Соответственно, процесс формирования нормы – это всегда межсубъектное взаимодействие с *Другим*, дискуссия с ним, общение, это всегда написание *пустых означающих* смыслами. *Другой* здесь – это не столько носитель патологического отклонения, сколько *собеседник* или партнер.

Одна из проблем при этом состоит в том, что концепция *нормативной власти* реализуется в отсутствие полноценной политической субъектности Евросоюза⁴⁹, которая может возникнуть только при условии сочетания миссии Европы как *normative power* и *security actor* (т.е. *нормативной силы* и *актора безопасности*). На важность *политических* по своей природе решений в случаях с *полупротекторатами* типа Косово указывает, к примеру, французский эксперт Жак Рупник: «Или вы признаете отдельных людей преступниками и террористами и, соответственно, отправляете их в Гаагу, или вы признаете их легитимность и не возражаете против того, чтобы они участвовали в выборах»⁵⁰. ЕС, таким образом, претендует не только на роль *нормативной силы*, но и вынужден пробовать себя в другом качестве, осуществляя, в частности, полицейскую миссию по поддержанию

безопасности в Косово. Европе, иными словами, волей-неволей приходится учиться осваивать язык стратегических целей, а не только ценностей и норм. В этом плане решение Брюсселя о направлении миссии в Косово симптоматично с точки зрения того, как ЕС постепенно приобретает характеристики полноценного международного субъекта и с какими рисками и неопределенностями неизбежно сталкивается этот процесс.

В-третьих, критические исследования помогают нам по-иному взглянуть на сферу, связанную с регионализмом, где тоже намечается существенный пересмотр наследия *копенгагенской школы*, особенно той ее части, которая связана с концепцией *региональных комплексов безопасности*. В ее рамках о границах говорится как о зонах слабого взаимодействия, где возможны два типа государств – это так называемые *изоляторы*, географически находящиеся на стыке разных динамик безопасности, и *буферные государства*, сами являющиеся источником *секьюритизации* для противоборствующих блоков⁵¹. Однако другие исследователи пытаются по-иному взглянуть на так называемые *нецентральные, окраинные* регионы и страны, за которыми закрепились преимущественно негативные смыслы, перекочевавшие и в *копенгагенскую школу*. Хорошей иллюстрацией этого является концепт *маргинальности*, известный по работам британского исследователя Ноэля Паркера. Ценность этой концепции – в описании раздвоенности маргинального позиционирования, его одновременной ориентации на различные внешние центры силы. Вот убедительный пример: в 1990-е гг. в Финляндии активно обсуждался вопрос о том, какие географические коннотации для этой страны наиболее эффективны; другими словами, должна ли она ассоциировать себя с Балтийским регионом (что было рискованно в силу неясных перспектив балтийской идентичности, имеющей сильные привязки к образам Востока Европы), нордической Европой или Европой в целом. Таким образом, концепт маргинальности следует понимать как приглашение к обсуждению различных альтернатив в позиционировании географически окраинных стран и регионов. Маргинальность – это пространственная категория идентичности, предполагающая сопротивление установленному порядку со стороны периферийных элементов структуры. Это не раз и навсегда установленная категория, она формируется в процессе так называемых *игр признания*. Актор может признать или не признать свой маргинальный статус, приписанный ему другими, или может сам назвать себя маргинальным.

Разные страны по-разному встраивают концепт маргинальности (даже если они называют его как-то иначе) в свои политические стратегии. К примеру, для Хорватии в 1990-е гг. было чрезвычайно важно признание со стороны ЕС своего статуса как европейской страны; для России же такое признание кажется менее значимым – она считает себя европейской державой в силу своей истории, а не исходя из того, что кто-то пригласил ее в *клуб европейцев*. Таким образом, маргинальность есть позиция, добровольно занятая в отношении неизбежного центра, который структурирует собой ту или иную систему отношений. Если некая территория не считает себя привязанной к определенному центру, а тем более противостоит ему, то она не может быть маргинальной, поскольку принадлежит альтернативному пространственному порядку.

Использование категории маргинальности дает нам возможность посмотреть на пространство как на социальный конструкт. Пространственные маркеры могут меняться, пространством можно *играть* и наполнять его разными смыслами. Есть множество примеров того, как те или иные маргинальные территории начинают чувствовать, что им *тесно* в рамках *официальной* пространственной матрицы; они начинают вырываться из нее, дистанцируясь от одних географических означающих и приближаясь к другим. Бывшие социалистические страны, некогда составившие Восточную Европу, предпочитают называть себя Центральной Европой, а Эстония, желая выделиться из так называемой Прибалтики, все чаще ассоциирует себя с нордической Европой. На протяжении всех 1900-х гг. Словения и Хорватия осуществляли стратегию *выхода из Балкан* и приобретения характеристик, напрямую связывающих их с *настоящей Европой*. Именно в этом смысле можно утверждать, что в распоряжении маргинальных территорий есть свой ресурс, который используется при определенных обстоятельствах. Например, это было довольно успешно сделано Финляндией, благодаря усилиям которой у ЕС появилась хоть какая-то политика в отношении трансграничного сотрудничества с Россией. Противоположный пример – Польша, которая не только не сумела реализо-

вать свою программу *Восточное измерение*, но и за короткое время испортила отношения как с Россией, так и со *старой Европой*.

В то же время *центральность* и *маргинальность* не столько противостоят друг другу, сколько предполагают и взаимно обуславливают друг друга. К примеру, именно благодаря своей *центральности* в ключевых сферах экономики (финансовый сектор в Швейцарии и нефтяной в Норвегии) эти две страны могут позволить себе роскошь оставаться *маргинальными* по отношению к ЕС – не входить в Союз организационно, но использовать все преимущества его структур, вплоть до вхождения в Шенгенское пространство.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИИ

Для России описанная ситуация важна в силу нескольких обстоятельств.

Во-первых, Россия неоднократно сталкивалась с ситуациями, при которых вопросы безопасности, которые она сама считала политическими, другими участниками переговоров воспринимались как не имеющие отношения к политике (например, калининградский конфликт в начале текущего десятилетия). В то же время мы знаем, что Россия обвиняет страны Запада в склонности к политизации вопросов, касающихся, с ее точки зрения, либо права (дело Литвиненко–Лугового), либо энергетики (строительство Северо-европейского газопровода или дискуссии о ценах на энергоносители), либо экономики (запрет на ввоз на территорию России некоторых товаров из Грузии, Молдовы и Польши). Суть этой проблемы сводится к тому, что Россия и Запад говорят друг с другом на различных языках, что приводит к постоянной *борьбе за интерпретацию* общего и различного в их интересах. Коммуникационные проблемы возникают, когда сознательно или неосознанно смешиваются различные подходы. Например, если одна сторона объясняет свои действия ссылками на экономические или финансовые мотивы, а другая видит за ними политические или *секьюритизированные* намерения, то диалог начинает буксовать. Россия хочет быть субъектом коммуникации, учится объясняться на том языке, который может быть адекватно понят западным политическим и академическим сообществом, однако делает это не всегда убедительно.

Во-вторых, для эффективной коммуникации с европейскими коллегами важно понимать, в какие контексты встраивается концепт безопасности. Например, какая концепция безопасности предлагается России в рамках четырех общих пространств. Можно ли дробить безопасность на *внутренние* и *внешние* параметры, как это имеет место в *дорожных картах*? Часть вопросов, относящихся к безопасности, упоминается в экономическом пространстве, а передвижение людей разбито между *гуманитарно-культурным* пространством и пространством свободы, безопасности и правопорядка. Терроризм, равно как и защита меньшинств, упоминаются сразу в двух пространствах. В пространстве внешней безопасности есть отдельные элементы, связанные с передвижением людей, хотя они имеют не меньшее отношение к пространству науки, образования и культуры. Наконец, как можно истолковать триаду *свобода–безопасность–правопорядок*? Как попытку обрисовать модель *правовой безопасности*, т.е. основанной на законах и этим укрепляющей свободу, или как представление безопасности в качестве *посредника* между свободой и правопорядком, как компромисс между ними (ценности свободы требуют *поощрения* трансграничных потоков, а правовые нормы требуют *контроля* за нелегальным трафиком)?

Эти вопросы тем более актуальны, что среди самого ЕС нет единства в отношении общеевропейской безопасности. Известно, что на Лиссабонском саммите 2007 г. Великобритания выторговала себе особые условия, касающиеся законодательства о сотрудничестве в области обеспечения правопорядка и внутренней безопасности, включая вопросы миграции и визового режима.

Но более важным кажется вопрос о том, каким образом Россия и страны Евросоюза будут пытаться преодолеть имеющиеся конфликты в отношении безопасности. Например, Александр Вондра, заместитель главы чешского кабинета министров, призвал к тому, чтобы приравнять «манипуляции с поставками энергии или их приостановки» к угрозам военного характера⁵². Эстония запретила российско-германскому консорциуму прово-

дять в своих территориальных водах работы, связанные с прокладкой Северо-европейского газопровода. Другим шагом Таллина стала квалификация атак хакеров на эстонские правительственные и корпоративные интернет-сайты в апреле 2007 г. как нападения *российских кибер-террористов*, поставивших под угрозу систему компьютерного обеспечения этой балтийской страны, которая запросила официальной помощи в связи с этим от Европейского агентства по безопасности сетей и информации.

С российской стороны акценты расставляются не менее конфликтно. В 2007 г. В.В. Путин выступил с такой трактовкой затягивания начала переговоров о новом соглашении между Россией и ЕС, которая возлагает ответственность за нынешнюю паузу на Евро-союз. Как следует из логики Москвы, она готова обсуждать формат стратегического партнерства, но нашим европейским коллегам нужно дополнительное время, чтобы определиться между собой и выступить с единой позицией. Кроме того, российские власти регулярно напоминают о неготовности ряда стран (Англии, Швеции, Дании) сотрудничать с Генеральной прокуратурой РФ по выдаче укрывшихся на их территории лиц, обвиняемых в совершении преступлений. Опять-таки, упоминание этого факта следует рассматривать с точки зрения тезиса о том, что корень проблем двусторонних отношений нужно искать не в России, а в Европе.

Выводы, которые можно сделать из сказанного, выходят за пределы простой констатации того обстоятельства, что проблемы безопасности сегодня выдвигаются на первое место во взаимоотношениях между Россией и странами Европы. Важнее указать на то, что дискуссии о безопасности в российско-европейском формате неизбежно будут носить *политический* характер. Россия в каком-то смысле блефует, заявляя устами В.В. Путина и С.В. Лаврова о деполитизированном характере своей внешней политики. На самом деле Москва прекрасно осознает, что вопросы, касающиеся Косово или размещения элементов противоракетной обороны в Чехии и Польше, можно решать только в политическом формате. Евросоюз также не может не осознавать, что конфигурация его будущих границ также представляется преимущественно политическим (а не экономическим или правовым) вопросом. Кроме того, для Европы политический *градус* дискуссий о безопасности носит и внутренний характер: достаточно сослаться на известный *карикатурный скандал* в Дании или на размещенный в марте 2008 г. в интернете короткометражный фильм «Смута» (выставляющий в неприглядном свете ислам) лидера голландской Партии свободы Герта Вилдерса.

Нам представляется, что неизбежность политического формата российско-европейских отношений в области безопасности связана еще и с тем, что обе стороны оставляют за собой право и возможность политически гибко конструировать ту границу (и, соответственно, дистанцию), которая их отделяет друг от друга. Эта мобильная граница при желании каждой из сторон может быть сведена к минимуму, а может приобрести черты неустранимого барьера для коммуникации. Интересно, что чем жестче фиксируется эта граница, тем сложнее увидеть различия, существующие по другой ее стороне. Другими словами, конструируя политические и цивилизационные границы, мы начинаем воспринимать Европу как единое целое, что мешает увидеть структурные противоречия между *новой* и *старой* Европой, между Великобританией и Еврокомиссией, и т.д. И наоборот, размывая границы, мы начинаем видеть Европу во всем ее многообразии, подрывая тем самым попытки некоторых соседних стран паразитировать на посреднических функциях между *Востоком* и *Западом*. Второй вариант смотрится явно предпочтительнее.

Примечания

¹ Hurrell Andrew. There are no Rules (George W.Bush): International Order after September 11, *International Relations*. 2002, Vol. 16 (2). P. 195.

² Huysmans Jef. International Politics of Exception. Paper prepared for presentation at SGIR Fifth Pan-European Conference. The Hague. 2004, 9–11 September. P.5.

³ Houtum Henk van, Pijpers Roos. The European Union as a Gated Community: Two-Faced Border and Immigration Regime of the EU. *Antipode. A Radical Journal of Geography*. 2007, March. Vol. 39. № 2. P. 296.

- ⁴ Zizek Slavoj. Some Politically Incorrect Reflections on Violence in France and Related Matters, <http://www.lacan.com/zizfrance.htm> (последнее посещение – 5 мая 2008 г.).
- ⁵ Жижек Славой. Левые должны вновь открыть для себя подлинно героический консервативный подход. *Русский Журнал*. 2003, 4 июня.
- ⁶ Zizek Slavoj. A Glance into the Archives of Islam. <http://www.lacan.com/zizantinomies.htm> (последнее посещение – 5 мая 2008 г.).
- ⁷ Critical Approaches to Security in Europe. A Networking Manifesto. *Security Dialogue*. 2006, December.
- ⁸ Knudsen Olav F. Post-Copenhagen Security Studies: Desecuritizing Securitization. *Security Dialogue*. 2001, Vol. 32 (3), September. P. 361.
- ⁹ Guzzini Stefano. The Concept of Power: a Constructivist Analysis. *Millenium: Journal of International Studies*. 2005, Vol. 33, № 3. P. 513.
- ¹⁰ Bell Colleen. Biopolitical Governance in Canada's National Security Policy. *Security Dialogue*. 2006, June. Vol. 37, № 2. P.162.
- ¹¹ Specter Matthew. Perpetual War or Perpetual Peace? Schmitt, Habermas and Theories of American Empire. *Political Theory Daily Review*. <http://www.politicaltheory.info/essays/specter.htm> (последнее посещение – 5 мая 2008 г.).
- ¹² Behnke Andreas. Terrorising the Political: 9/11 Within the Context of the Globalisation of Violence. *Millenium: Journal of International Studies*. 2004, Vol. 33, № 2, P. 286.
- ¹³ Bowden Brett. Civilization and Savagery in the Crucible of War. *Global Change, Peace and Security*. 2007, February. Vol. 19, № 1. P. 4.
- ¹⁴ Vaughan-Williams Nick. Beyond a Cosmopolitan Ideal: the Politics of Singularity. *International Politics*. 2007, № 44. P. 112.
- ¹⁵ Hartmann-Mahmud Lori. War as Metaphor. *Peace Review*. 2002, № 14 (4). P. 431.
- ¹⁶ Giroux Henry A. Democracy and the Politics of Terrorism: Community, Fear, and the Suppression of Dissent. *Cultural Studies and Critical Methodologies*. 2002, Vol. 2, № 3. P. 337.
- ¹⁷ Zizek Slavoj. The Universal Exception. London–New York: Continuum, 2006. P. 194–196.
- ¹⁸ Бросса Алэн. Невыговариваемое. В книге «Мир в войне. 11 сентября 2001 года глазами французских интеллектуалов». Москва: Прагматика культуры, 2003. С. 63.
- ¹⁹ Жижек Славой. Интерпассивность. СПб: Алетейя, 2005. С. 136.
- ²⁰ Zizek Slavoj. The Universal Exception: Selected Writings, Volume Two. Edited by Rex Butler and Scott Stephens. London and New York: Continuum, 2006. P. 333.
- ²¹ Рансьер Жак, Шеврьё Жан-Франсуа, Ваних София. Демократия как политическая форма. *Журнал № 1. Политика. Философия. Искусство*. 2003, Зима. С. 129.
- ²² Близкая мысль была высказана на языке кинематографических репрезентаций: в антиутопии «V – значит вендетта» у главного героя-террориста вместо лица – маска, которую он не снимает вплоть до конца фильма; в кинематографическом коллаже 11 сентября один из сюжетов построен на том, как подростки увидели в случайном прохожем черты сходства с Усамой бен Ладеном. Оба фильма указывают на обратную сторону *безликости* терроризма – его деперсонификации, неидентифицируемости, *растворенности* в толпе.
- ²³ Жижек Славой. Обойдемся без секса, ведь мы же пост-люди! http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2002_12.htm (последнее посещение – 5 мая 2008 г.).
- ²⁴ Apar Joanna, Carrera Sergio. Maintaining Security within Borders: Towards a Permanent State of Emergency in the EU? *CEPS Policy Brief*. 2003, November. № 41.
- ²⁵ Бросса Алэн. Цит. соч. С. 74.
- ²⁶ Бадью Алэн. Можно ли мыслить политику. Краткий курс метаполитики. Москва: Логос, 2005. С. 83.
- ²⁷ Marchart Oliver. The Other Side of Order: Towards a Political Theory of Terror and Dislocation. *Paralla*. 2003, Vol. 9, № 1. P. 104.

- ²⁸ Ranciere Jacques. *Hatred of Democracy*. London & New York: Verso, 2006. P. 84.
- ²⁹ Рыклин Михаил. Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. Москва: Логос, 2002. С. 216.
- ³⁰ Walker R.B.J. *The Doubled Outsides of the Modern International*. Unpublished manuscript. Keele University, 2006.
- ³¹ Boas Morten. Security Communities. Whose Security? *Cooperation and Conflict*. 2000, Vol. 35(3). P. 311.
- ³² Жижек Славой. Некоторые политически некорректные размышления о насилии во Франции и не только. *Логос*. 2006, № 2 (53). С. 9.
- ³³ Жижек Славой. В бесстыдном его взгляде – моя погибель! В книге: «Все, что вы всегда хотели знать о Лакане, но боялись спросить у Хичкока». Под редакцией С. Жижека. М.: Логос, 2003. С.233.
- ³⁴ Browning Christopher S., Joenniemi Pertti. The Identity of Kaliningrad: Russian, European or a Third Space? Paper presented at the CEEISA/RISA/NISA Convention, Moscow, Russia. 2002, June 22. P. 3–4.
- ³⁵ Minghi Julian V. From conflict to harmony in border landscapes. In: *The Geography of Border Landscapes*. Edited by Dennis Rumley and Julian V. Minghi. London & New York: Routledge, 1991. P. 15.
- ³⁶ Jorgensen Birte Holst. Building European Cross-border Co-operation Structures. Institute of Political Science, University of Copenhagen. 1998, November. P. 19.
- ³⁷ Laitinen Kari. Reflecting the Security Border in the Post-Cold War Context. *International Journal of Peace Studies*. 2001, Autumn–Winter. Vol. 6, № 2. P. 75.
- ³⁸ Viktorova Jevgenia. Borders, regions, and security: on an intersection. In: *Regional Dimensions of Security in Border Areas of Northern and Eastern Europe*. Edited by Joenniemi Pertti & Viktorova Jevgenia. Tartu: Peipsi CTC, 2001. P. 29.
- ³⁹ Devetak Richard. Postmodernism. In: *Theories of International Relations*. Second Edition. Palgrave, 1996. P. 195.
- ⁴⁰ Saideman Stephen M., Dougherty Beth K. Secessionist Foreign Policy and the Strategic Use of Identity. <http://www.ciaonet.org/isa/sas02/> (последнее посещение – 5 мая 2008 г.).
- ⁴¹ Eriksson Johan, Noreen Erik. Setting the Agenda of Threats: An Explanatory Model. Paper presented at the Waxholm Conference. 2002, August 16–17. P. 9–10.
- ⁴² Рыклин Михаил. Цит. соч. С. 67.
- ⁴³ Walker R.B.J. *After the Globe. Before the World*. Cambridge University Press, 2007.
- ⁴⁴ Behnke Andreas. Op. cit. P. 312.
- ⁴⁵ Жижек Славой. 13 опытов о Ленине. М.: AdMarginem, 2003. С. 83.
- ⁴⁶ Rumelili Bahar. Constructing identity and relating to difference: understanding the EU's mode of differentiation. *Review of International Studies*. 2004, № 30. P. 37.
- ⁴⁷ Emerson Michael, Aydin Senem, Clerck-Sachsse Julia de, Noutcheva Georgana. Just what is this «absorption capacity» of the European Union? CEPS Policy Brief. 2006, September, № 113. P. 20.
- ⁴⁸ Leonard Dick. Croatia jumps at EU opportunity. *European Voice*. 2007, 18–24 October. P. 14.
- ⁴⁹ Chandler David. Democracy Promotion and the Simulation of the European Union. Paper presented at the conference «La fin du moment democratique? Un defi pour l'Europe». CERI. Paris. 2007, May 11–12. P. 1.
- ⁵⁰ Rupnik Jacques. European Union's approaches to «democracy promotion». Paper presented at the conference «La fin du moment democratique? Un defi pour l'Europe». CERI. Paris. 2007, May 11–12. P. 8.
- ⁵¹ Buzan Barry, Waever Ole. *Regions and Powers. The Structure of International Security*. Cambridge University Press, 2003. P. 41.
- ⁵² Taylor Simon. Can the EU unite over energy? *European Voice*. 2007, 18–24 October. P. 21.

Анатолий Дьяков, Евгений Мясников

КОНТРОЛЬ НАД СТРАТЕГИЧЕСКИМИ НАСТУПАТЕЛЬНЫМИ ВООРУЖЕНИЯМИ РОССИИ И США ПОСЛЕ 2009 Г.: ВОЗМОЖЕН ЛИ КОМПРОМИСС?¹

Как показывают недавние события, тема контроля над стратегическими наступательными вооружениями (СНВ) вновь выходит на первый план в российско-американских отношениях. Не секрет, что длительное отсутствие диалога в этой области объясняется, прежде всего, нежеланием нынешней американской администрации связывать себя какими-либо соглашениями в сфере контроля над вооружениями и ее предпочтением односторонних действий. Реанимация двустороннего диалога отнюдь не вызвана сменой настроений в среде республиканцев-неоконсерваторов, определяющих позиции администрации Джорджа Буша. Прежде всего, она обусловлена объективной причиной – окончанием в декабре 2009 г. срока действия Договора о сокращении наступательных вооружений (СНВ-1). С прекращением действия договора прекратит существование и весь механизм контроля, который включает системы инспекций, уведомлений и обмен данными и тем самым обеспечивает транспарентность и предсказуемость в сфере стратегических вооружений. Вероятно, как Россия, так и США хотели бы сохранить, пусть и в модифицированном виде, этот механизм. Однако по ряду причин обе стороны не хотели бы пролонгировать СНВ-1².

Как известно, два года назад, будучи на тот момент президентом РФ, В.В. Путин предложил «запустить переговорный процесс о замене договора о сокращении наступательных вооружений (СНВ)»³. Встречи президентов США и России в июле 2007 г. в Кенненбанпорте и в апреле 2008 г. в Сочи способствовали активизации двустороннего диалога по проблематике СНВ, однако, в то же время, они подтвердили и наличие существенных различий в позициях сторон, которые в результате могут оказаться непреодолимыми.

ЗНАЧЕНИЕ ДВУСТОРОННИХ СОГЛАШЕНИЙ ПО СОКРАЩЕНИЮ СНВ

Как известно, двусторонний договорной процесс сокращения ядерных вооружений и контроль над ними на протяжении нескольких десятков лет находился в центре советско/российско-американских отношений. Он возник в период холодной войны как средство, способствующее повышению национальной безопасности СССР и США, а также и всех других стран. Заключенные соглашения и договоры, так же как и проведение переговоров по их достижению, способствовали созданию каналов общения между сверхдержавами, кодифицировали нормы поведения, ограничивали соперничество в военной сфере посредством качественных и количественных ограничений на развитие ядерных вооружений. В совокупности эти действия вели к понижению вероятности возникновения ядерной войны и укреплению стратегической стабильности. В целом, развитие этого процесса способствовало улучшению взаимоотношений и расширению сотрудничества между двумя державами, соперничавшими за влияние практически в каждом уголке планеты.

Этот процесс имел также важное значение и для укрепления режима нераспространения ядерного оружия. Выполнение двусторонних соглашений по реальному и контролируруемому сокращению ядерных вооружений служило доказательством приверженности ядерных сверхдержав своим обязательствам по выполнению Статьи VI Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Однако с приходом к власти в Вашингтоне администрации Джорджа Буша договорной процесс двустороннего контролируемого сокращения СНВ перешел в стадию умирания. В 2002 г. прекратил действовать Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) в связи с выходом из него американской стороны. Договор СНВ-2, подписанный в 1993 г., так и не вступил в силу. Действие Договора СНВ-1, который уверенно можно назвать наиболее успешным соглашением по ограничению и контролю над стратегическими ядерными вооружениями США и России, заканчивается в декабре 2009 г., и перспектива его продления или замены становится все более призрачной по мере приближения этой даты. Хотя Договор о сокращении наступательных потенциалов (СНП), заключенный в мае 2002 г., остается в силе до декабря 2012 г., он, в отличие от Договора СНВ-1, не обеспечивает необратимости сокращений и не предусматривает механизма контроля и обмена данными. Очевидно, с прекращением действия Договора СНВ-1 в сфере контроля над ядерными вооружениями может образоваться вакуум, чреватый усилением взаимной подозрительности на фоне возможного углубления противоречий в российско-американских отношениях в перспективе⁴.

Отсутствует продвижение и по нестратегическим ядерным вооружениям. Со времени принятия президентских инициатив осенью 1991 г. по нестратегическому ядерному оружию (НЯО) стороны не продвинулись по пути установления мер контроля над этим видом вооружений⁵.

Не лучшим образом обстоят дела и в отношении многосторонних международных соглашений по ядерным вооружениям. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), подписанный в 1996 г., так и не вступил в силу из-за отказа США и некоторых других государств его ратифицировать. Уже более 10 лет находятся в тупике проходящие на Конференции по разоружению в Женеве переговоры по заключению договора, который запретил бы производство расщепляющихся материалов для создания оружия.

Торможение, если не полное прекращение серьезного разоруженческого диалога, оказывает негативное влияние на находящийся в критической ситуации режим нераспространения ядерного оружия.

Проведение Индией и Пакистаном испытаний своего ядерного оружия весной 1998 г. привело к увеличению числа стран, *де-факто* обладающих ядерным оружием. К клубу ядерных держав следует причислять Израиль, а также Северную Корею, которая осуществила испытание ядерно-взрывного устройства в октябре 2007 г. Сохраняются серьезные вопросы относительно ядерной программы Ирана. Негативное воздействие на режим нераспространения может оказать американо-индийское сотрудничество в ядерной области, которое подразумевает признание Индии *де-факто* ядерным государством вне рамок ДНЯО.

Как известно, Статья VI ДНЯО обязывает ядерные державы вести переговоры в духе доброй воли о ядерном разоружении. В настоящее время, однако, в повестке дня нет не только вопроса о ядерном разоружении, но, как следует из вышесказанного, фактически не ведется и серьезных переговоров о сокращении ядерных арсеналов. В преддверии предстоящей обзорной конференции ДНЯО в 2010 г. и с учетом того, что режим нераспространения сталкивается в последние годы со все более серьезными вызовами, вопрос о соблюдении ядерными государствами своих обязательств по статье VI ДНЯО приобретает весьма серьезное значение.

О ПРИЧИНАХ ПРЕКРАЩЕНИЯ ДВУСТОРОННЕГО ДИАЛОГА В ОБЛАСТИ КОНТРОЛЯ НАД СТРАТЕГИЧЕСКИМИ ВООРУЖЕНИЯМИ

Как отмечено выше, сложившееся положение дел в области двустороннего контроля над стратегическими вооружениями во многом объясняется нежеланием администрации Джорджа Буша вести диалог по этой проблематике, несмотря на то, что на протяжении последних лет российская сторона отстаивала необходимость обсуждения наболевших проблем в этой области. В частности, как отмечалось в послании президента Федеральному Собранию Российской Федерации 10 мая 2006 г., проблема разоружения является значимым направлением международной политики России. Российская сторона исходит из того, что «говорить о конце гонки вооружений преждевременно, тем более, что ее маховик сегодня раскручивается, и она сама реально выходит на новый технологический уровень, угрожая появлением целого арсенала так называемых дестабилизирующих видов оружия»⁶. Позднее, выступая на встрече с российскими послами, российский президент заявил, что Россию «беспокоит фактический застой в области разоружения», за который она «ответственности не несет».⁷ Тогда же В.В. Путин предложил Соединенным Штатам запустить переговорный процесс по замене Договора о сокращении наступательных вооружений (СНВ).

Подход администрации Джорджа Буша к вопросам сокращения ядерных вооружений базируется на сформировавшихся в США к концу 1990-х гг. представлениях о том, что двусторонний договорный процесс сокращения ядерных арсеналов более не соответствует современным реалиям и изжил себя как средство достижения стратегической стабильности⁸. Странники подобного подхода считают, что контроль над вооружениями, развитый в период холодной войны, замораживает состояние гарантированного взаимного уничтожения (Mutual Assured Destruction) и лишает США возможности реагировать на происходящие в мире изменения, а также препятствует улучшению российско-американских отношений. Приоритетом для Соединенных Штатов, по их мнению, должно стать не продолжение переговоров по достижению договоренностей, которые устанавливают жесткие требования к необратимому сокращению ядерных вооружений, а сохранение способности адаптировать свои ядерные силы к быстро меняющейся стратегической обстановке.

Наиболее отчетливо изложенные взгляды проявились еще в период президентской избирательной кампании 2000 г. Излагая свое видение вопросов национальной безопасности в качестве кандидата на пост президента США, Джордж Буш отмечал, что Соединенным Штатам нужен новый подход к российско-американским переговорам по стратегическим вооружениям, который не должен ограничивать свободу США по развертыванию ПРО⁹. Критикуя старые представления о контроле над ядерными вооружениями, он предложил перейти к односторонним мерам по сокращению ядерных арсеналов, что позволило бы избежать трудных и длительных переговоров по тщательному сопоставлению и выравниванию их количественных уровней. Джордж Буш заявил также, что количественный уровень американского ядерного арсенала не должен более зависеть от количества ядерных боеголовок у другой стороны.

С приходом к власти республиканцев лозунги избирательной кампании были положены администрацией президента Джорджа Буша в основу ядерной политики США на ближайшее будущее. В соответствии с официальными документами, такими как Обзор ядерной политики (Nuclear Posture Review) от 2001 г., Стратегия национальной безопасности (National Security Strategy) и Четырехлетний обзор состояния оборонной политики (Quadrennial Defense Review), традиционное сдерживание (deterrence) России более не является главной задачей стратегии Соединенных Штатов. С окончанием холодной войны эта задача, для решения которой и предназначалось ядерное оружие, в основном потеряла свою актуальность. В новых условиях, когда источники, масштаб и природу угроз прогнозировать сложно, задачи оборонной политики предполагалось решать за счет новой стратегической триады, являющейся комбинацией трех элементов: наступательных (ударных) как ядерных, так и обычных вооружений, активной и пассивной обороны и возрожденной оборонной промышленности, способной в короткие сроки разрабатывать и производить вооружения, гибко реагируя на возникающие угрозы¹⁰.

С материалами по вопросам разоружения Вы можете ознакомиться в разделе «Пути ядерного разоружения» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/disarmament>

Эта новая триада должна обеспечить гарантии для друзей (assurance), разубеждение потенциальных противников от приобретения оружия массового уничтожения (ОМУ) (dissuasion), сдерживание в более широком понимании, нежели ядерное сдерживание (deterrence), и способность решительно подавить (decisively defeat) любого противника

ка за счет использования как ядерных, так и неядерных средств. Контроль над вооружениями в политике обеспечения безопасности США оказался полностью вытеснен политикой противодействия распространению ОМУ и угроз, связанных с таким оружием.

Действительно, трудно не признать, что в сравнении с советско-американскими отношениями характер отношений между США и Россией изменился. Также очевидно и то, что основы существующего договорного режима сокращения СНВ и контроля над ними формировались в тот период, когда главными чертами в отношениях между двумя сверхдержавами являлись идеологическая враждебность, соперничество на глобальном уровне и подозрительность. В центре взаимоотношений СССР и США находилось ядерное сдерживание, материализованное в возможность гарантированного взаимного уничтожения. В результате все заключенные договоры являлись отражением этих отношений и, следовательно, они были предназначены для регулирования отношений между противниками. Однако утверждение о том, что в современных условиях, когда Россия и США объявили об установлении партнерских отношений, механизмы контроля над ядерными вооружениями двух стран становятся не нужными, более чем спорно.

Факты свидетельствуют, что ядерное сдерживание в российско-американских взаимоотношениях, несмотря на отсутствие идеологической конфронтации, никуда не исчезло¹¹. Наиболее убедительным подтверждением тому является существующая оперативная практика развертывания ядерных сил, сформированная еще в период холодной войны. Так, к примеру, стратегические подводные лодки США по-прежнему осуществляют патрулирование в районах Тихого и Атлантического океанов, находясь в высокой степени оперативной готовности к пуску своих ракет по объектам на территории России. Вряд ли можно считать отношения партнерскими, когда одна сторона вынуждает другую поддерживать свои стратегические ядерные силы (СЯС) в минутной готовности к пуску. Отметим также и то, что количественный уровень СНВ каждой из сторон, даже с выходом на более низкие уровни, установленные Договором СНП, значительно превосходит достаточный для гарантированного уничтожения другой стороны.

Именно тем, что ядерное сдерживание остается существенным элементом взаимоотношений между двумя странами, объясняется столь болезненная реакция России на планы США развертывания элементов ПРО в Европе. Любопытно, что и политическое руководство США, обосновывая необходимость поддержания своих стратегических сил в высокой боеготовности, ссылается на программы модернизации СНВ России. Так, министр обороны США Роберт Гейтс, выступая в июне 2008 г. перед офицерами ВВС США на военно-воздушной базе Лэнгли в штате Вирджиния, заявил: «Кажется очевидным, что русские, думая о будущем, сосредоточились больше на усилении своего ядерного потенциала. Таким образом, поскольку они все больше полагаются на свой ядерный арсенал в противовес исторически сложившемуся упору на огромные российские обычные вооруженные силы, мне кажется, очевидна необходимость поддержания нами надежных и современных средств ядерного сдерживания»¹².

Говоря о причинах трансформации подхода США к процессу контроля над СНВ, следует отметить, что главной из них является распад СССР и связанные с этим глобальные геополитические изменения в мире¹³. К концу 1990-х гг. многие аналитики и военные эксперты США пришли к выводу, что, одержав победу в «холодной» войне, Соединенные Штаты и в будущем одержат верх в любом возможном соперничестве с любой страной мира¹⁴. Именно этот вывод определил подход и действия неоконсерваторов в нынешней американской администрации к соглашениям по контролю над ядерными вооруже-

ниями. В их представлении военная мощь Америки позволяет ей надежно решать вопросы своей безопасности в одностороннем порядке¹⁵. В этом контексте для США переговоры и двусторонний контроль над вооружениями стали не только излишними, но и ограничили возможности по решению задач национальной безопасности. Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что, несмотря на очевидные успехи в экономике, Россия в ближайшей перспективе, тем не менее, не способна соперничать с США в области стратегических вооружений. А какой смысл вести переговоры со страной, которая не в силах сохранить свои СНВ, доставшиеся ей в наследство, и которая будет вынуждена проводить их сокращение независимо от того, будет достигнуто новое соглашение или нет?

По мнению Леона Ферца (Leon Fuerth), бывшего советника по национальной безопасности вице-президента США, именно это прежде всего имела в виду нынешняя американская администрация, определяя свой подход к контролю над СНВ¹⁶. Россия слишком слаба, чтобы представлять прямую угрозу Соединенным Штатам. Следовательно, США и Россия должны прекратить практику регулирования своих СНВ посредством формальных и обязывающих соглашений и впредь полагаться на необязывающее и неформальное *понимание*. Таким образом, каждая из сторон самостоятельно в одностороннем порядке определяет, какие силы ей нужны, и при этом нет необходимости фиксировать сокращения в соглашениях и обеспечивать их необратимость.

Именно такой подход нашел свое отражение в документах, определяющих основы ядерной политики США на перспективу. Этот же подход был целиком закреплен в новом Договоре СНП, заключенном между Россией и США в 2002 г.

Более того, в США взяла верх точка зрения, не признающая значимости международных соглашений для национальной безопасности и допускающая возможность начинать военные действия без оглядки на международное право¹⁷. Став единственной супердержавой, США перестали видеть необходимость вести переговоры и заключать обязывающие соглашения, которые лишили бы их возможности поступать так, как им представляется нужным. После событий 11 сентября 2001 г. была окончательно взята за основу политика предупреждающих и упреждающих действий, которая была сформулирована в Стратегии национальной безопасности¹⁸. По мнению некоторых американских экспертов, использование военной силы для уничтожения незаконно приобретенного оружия и свержения неугодных режимов сейчас более практично и более желательно, чем прежде¹⁹.

СПОСОБНЫ ЛИ США ИЗМЕНИТЬ ПОЛИТИКУ ПО ОТНОШЕНИЮ К КОНТРОЛЮ НАД СНВ?

Оценка перспектив политики США в отношении контроля над ядерными вооружениями в плане двусторонних российско-американских отношений приводит к довольно противоречивым результатам.

С одной стороны, контроль над вооружениями, как показывают события, не представляет интереса для американской стороны. Несмотря на расплывчатые обещания кандидатов в президенты США в нынешней избирательной кампании, трудно ожидать радикального разворота обратно к разоруженческим инициативам 1990-х гг. и в результате предстоящей смены администрации США вне зависимости от того, останутся у власти республиканцы или в Белый дом придут демократы. С другой стороны, нельзя полностью исключать вероятность того, что позиция будущей администрации США в отношении российско-американских соглашений по СНВ изменится. На это, в частности, указывают следующие факторы.

Очевидно, что на обозримый период ядерное сдерживание неизбежно останется одним из существенных элементов российско-американских отношений. С учетом того, что отношения между странами вряд ли можно назвать действительно партнерскими, отказ от согласованных совместных действий и переход к односторонним мерам по определению количественного и качественного состава своих ядерных сил создает риск под-

рыва стратегической стабильности. В этом контексте заслуживает внимания еще одно высказывание Леона Ферца. Принимая во внимание то, что стратегическая арифметика остается такой, какой она была всегда, так же как и природа человека, он полагает, что односторонние действия каждой из сторон по поддержанию и развитию СНВ могут привести к нарушению стратегической стабильности²⁰. Поэтому, несмотря на произошедшие кардинальные изменения в российско-американских отношениях, контроль над СНВ сохраняет свое значение для укрепления безопасности США в настоящее время и сохранит его в будущем. К такому же выводу приходят и другие американские эксперты, хотя они и не исключают трансформации традиционного контроля над вооружениями к формам и методам, более соответствующим современным реалиям²¹. В связи с этим любопытно, что, аргументируя отход от традиционного контроля над СНВ, американские эксперты, тем не менее, подчеркивают важность сохранения и развития не только мер верификации, но и мер, нацеленных на транспарентность и предсказуемость процесса принятия решений в отношении ядерного оружия в обеих странах²². В их представлении реализация этих мер подразумевает проведение между сторонами регулярных консультаций²³.

Другим фактором, потенциально способным повлиять на изменение нынешнего американского подхода к двустороннему процессу сокращения ядерных вооружений и контроля над ними, является нацеленность США на установление более строгого режима нераспространения. США хотели бы узаконить более жесткие нормы для неядерных государств в отношении их мирной ядерной деятельности, что практически означало бы ограничение на применение статьи IV ДНЯО для неядерных государств. Преследуя эту цель, официальные представители американской администрации сегодня традиционно ссылаются на Договоры СНВ-1 и СНП как доказательство того, что Соединенные Штаты последовательно выполняют принятые на себя обязательства и, в соответствии со статьей VI ДНЯО, проводят сокращение ядерного оружия²⁴. Поэтому полный выход США из договорного режима сокращения ядерного оружия с Россией с одновременным декларированием для себя свободы действий в этой сфере, очевидно, будет контрпродуктивным в отношении достижения их целей по ужесточению режима ядерного нераспространения.

Наконец, имеются признаки того, что в нынешней американской администрации идет процесс переосмысления первоначальных подходов по таким вопросам, как нераспространение и контроль над ядерным оружием. Очевидно, опыт одновременного проведения двух крупномасштабных военных операций в Ираке и в Афганистане привел к пониманию ограниченности политических, экономических и военных возможностей США влиять на развитие событий в мире. Наглядной иллюстрацией этому является осуществление Соединенными Штатами политики противодействия Северной Корее и Ирану в приобретении этими странами ядерного статуса. В решении этих задач США пришли к пониманию необходимости совместных действий с другими странами. Имеются признаки и того, что может измениться отношение к двустороннему переговорному процессу по проблеме сокращения СНВ.

Отчасти вышесказанное подтверждается и происходящими в настоящее время событиями. Подписание президентами России и США в апреле 2008 г. в Сочи декларации о стратегических рамках российско-американских отношений, а также недавние заявления официальных представителей как России, так и США дают надежду полагать, что обе стороны заинтересованы в продолжении диалога по сокращению СНВ²⁵.

Осторожного оптимизма добавляет и тот факт, что за последние два года в США заметно активизировалась деятельность влиятельных неправительственных организаций, призывающих к пересмотру курса нынешней администрации и осуществлению дальнейших сокращений СНВ и сохранению достигнутого уровня транспарентности. Особенно показательным в этом контексте является публикация двух статей в газете *Wall Street Journal*, авторами которых являются бывшие видные политические деятели США Джордж Шульц, Уильям Перри, Генри Киссинджер и Сэм Нанн. Статьи вызвали большой резонанс и поддержку в кругах как республиканской, так и демократической партий²⁶. Авторы статей призывали действующую администрацию США к радикальным шагам, ко-

торые, в конечном счете, вели бы к полной ликвидации ядерного оружия. Предлагаемые ими шаги включают продолжение процесса сокращения СНВ и сохранение ключевых ограничений Договора СНВ-1 и механизма его контроля.

Возможно, результатом такой активности стало то, что оба претендента на президентский пост США – демократ Барак Обама и республиканец Джон Маккейн – высказали твердое намерение существенно сократить американский ядерный арсенал до необходимого минимума и продолжить диалог с Россией по связанной проблематике, хотя, как и ожидалось, последняя и не стала центральным пунктом их избирательных программ²⁷. На пресс-конференции, организованной в июне 2008 г. Ассоциацией по контролю над вооружениями, представитель кандидата от демократов Джон Холум и кандидата от республиканцев Стивен Биган единодушно подчеркнули намерение обоих претендентов на президентский пост достичь с Россией нового соглашения о сокращении до уровня ниже зафиксированного в Договоре СНП (1700–2200 боезарядов)²⁸. При этом выступающие отметили, что и Барак Обама, и Джон Маккейн хотят, чтобы такие соглашения включали бы меры контроля и, в противоположность Договору СНП, действовали бы в течение продолжительного срока²⁹.

В ЧЕМ СОСТОЯТ РАЗНОГЛАСИЯ СТОРОН ПО ОТНОШЕНИЮ К БУДУЩЕМУ СОГЛАШЕНИЮ ПО СНВ?

Известно, что в результате двусторонних российско-американских консультаций, проходивших в течение последних двух лет, была достигнута договоренность заключить новое юридически обязывающее соглашение на замену договора СНВ-1, которая была зафиксирована в сочинской декларации³⁰. Однако, как свидетельствуют заявления официальных лиц, стороны по-разному видят это соглашение³¹. По мнению американской стороны, будущий договор должен быть составлен на основе действующего Договора СНП, дополненного мерами контроля и транспарентности. При этом США соглашались ограничивать лишь оперативно-развернутые стратегические ядерные боезаряды. Российская сторона настаивает на том, что ограничения должны распространяться не только на боезаряды, но и на стратегические носители вне зависимости от типа их боевого оснащения. Кроме этого, по всей видимости, российская сторона предлагает менее интрузивный механизм контроля, нежели американская³².

Разногласия двух сторон становятся понятными, если проанализировать ретроспективу российско-американского диалога по сокращению СНВ. Причины их кроются в том, что России и США, несмотря на многочисленные попытки, так и не удалось выработать согласованной концепции стратегической стабильности. По мнению российской стороны, стратегическая стабильность охватывает широкий круг вопросов, касающихся не только стратегических наступательных вооружений, но также и противоракетной обороны, базирования оружия в космосе, противолодочной обороны и высокоточного оружия³³, т.е. весь комплекс факторов, способных создавать угрозу для российского потенциала сдерживания. Стремление сохранить для своих стратегических сил способность нанесения заданного ущерба потенциальному противнику при любом, даже самом неблагоприятном стечении обстоятельств остается главным фактором, определяющим российские позиции на двусторонних переговорах с США. Именно этим объясняются желание России сохранить ограничения на развернутые стратегические носители и ее озабоченность планами США по развитию концепции *молниеносного глобального удара*³⁴ и создания третьего позиционного района ПРО в Европе³⁵.

Американское понимание стратегической стабильности кардинально отличается от российского. Неуязвимость своих существующих и перспективных стратегических сил, *становым хребтом* которых являются атомные подводные лодки с баллистическими ракетами, США практически не подвергают сомнению. Часто свои взгляды США подгоняют под свои переговорные позиции, и даже создается такое впечатление, что стратегическую стабильность США отождествляют с обладанием ими неоспоримым военным превосходством.

На протяжении последних десятилетий США стремятся ограничить рассматриваемые вопросы на переговорах исключительно ядерными вооружениями. При этом американская сторона настаивает на том, что ограничения и сокращения должны касаться лишь носителей, оснащенных ядерными боеприпасами, создавая при этом проблему *возвратного потенциала*. Данная проблема была одной из основных в ходе дискуссии в России по ратификации Договора СНВ-2, а также в ходе переговорного процесса по Договору СНВ-3 в конце 1990-х гг. Договор СНП 2002 г. лишь усугубил проблему *возвратного потенциала*, поскольку стороны кардинально разошлись в трактовке понятия «стратегических ядерных боезарядов», ограничиваемых этим Договором. Разница в существующих подходах состоит в том, что российская сторона трактует понятие «стратегические ядерные боезаряды» в соответствии с определениями СНВ-1, а американская понимает этот термин гораздо уже, включая в него лишь «оперативно развернутые» ядерные боезаряды.

Поэтому существующие разногласия в представлениях о новом договоре являются по сути отражением глубокого расхождения во взглядах на стратегическую стабильность, которые лишь усилились с приходом к власти администрации Буша, фактически свернувшей диалог по поиску компромиссов с российской стороной.

ВОЗМОЖЕН ЛИ КОМПРОМИСС?

Совершенно очевидно, что ни политически, ни технически стороны совершенно не готовы к компромиссу в понимании стратегической стабильности. На наш взгляд, успех в ходе предстоящих консультаций возможен лишь в том случае, если обе стороны откажутся от этой амбициозной цели и согласятся с поэтапным подходом к поиску решений имеющихся проблем. В этом контексте новый договор мог бы являться некоторой комбинацией *детализированного* варианта Договора СНП и модифицированной системы верификации Договора СНВ-1.

Представляется, что в основу нового договора могли бы быть положены следующие базовые принципы³⁶:

- установление для каждой из сторон несколько пониженного уровня (в сравнении с уровнем Договора СНП) на общее количество боезарядов. При этом вводились бы лимиты на общее количество носителей, но отсутствовали бы ограничения на количественные подуровни для боезарядов на межконтинентальных баллистических ракетах (МБР), баллистических ракетах подводных лодок (БРПЛ) и тяжелых бомбардировщиках (ТБ), как это и сделано в Договоре СНП. Можно также снять некоторые достаточно жесткие ограничения на условия развертывания неядерных МБР и БРПЛ;
- принятие российской стороной метода подсчета боезарядов на основе концепции оперативно развернутых ядерных боезарядов. В свою очередь, американская сторона должна согласиться с тем, что системы доставки не перестают быть стратегическими при оснащении их обычными боеголовками вместо ядерных;
- запрещение разработки новых видов СНВ и ограничение на передачу (продажу) СНВ третьим странам;
- усиление акцента на меры доверия, транспарентности и предсказуемости развития ситуации в области ядерных вооружений;
- включение системы мер контроля, которая бы, с одной стороны, позволила надежно контролировать положения нового договора, с другой – оказалась бы существенно проще и дешевле, чем механизм контроля СНВ-1.

Вопрос уровня дальнейших сокращений неизбежно возникнет, поскольку по традиции он стал своего рода *лицом* разоруженческих соглашений, квинтэссенцией обязательств, взятых США и Россией, даже не столько друг перед другом, сколько перед мировым сообществом. Этот параметр договора по существу является показателем выполнения двумя ядерными странами статьи VI Договора о нераспространении ядерного

оружия. И совершенно понятно, что в преддверии Обзорной конференции ДНЯО в 2010 г. новый уровень должен оказаться пусть и немного, но ниже, чем уровень Договора СНП в 1700–2200 боезарядов. Представляется, что российская сторона будет готова пойти на сокращения не только до 1500, но и до 1000 боезарядов, о чем уже ранее заявлялось российским президентом. Также, как известно, США планируют более глубокие сокращения своих СНВ по сравнению с теми, которые были запланированы в Обзоре ядерной политики 2001 г. В частности, в июле 2007 г. были начаты сокращения дивизии МБР *Minuteman III*, развернутой на базе Мальмстром, и к середине 2008 г. сняты с вооружения 50 МБР этого типа³⁷. В декабре 2007 г. администрация Белого дома сообщила о досрочном сокращении активного арсенала ядерных боеприпасов³⁸. Ранее эти сокращения планировалось завершить позднее – к 2012 г. Новый обзор ядерной политики США, который следующая администрация должна будет представить в конгресс в 2009 г., вероятно, также будет включать дальнейшие сокращения СНВ, на что позволяют надеяться заявления представителей претендентов на президентский пост³⁹. Перечисленные факты позволяют предполагать, что американская сторона может также согласиться на компромиссный вариант в 1500 боезарядов.

Отсутствие каких-либо ограничений на подуровни и на количество боезарядов, числящихся за носителями определенных типов, обычно относят к преимуществам Договора СНП по сравнению с прежними соглашениями. Вероятно, этот принцип может быть сохранен и в новом Договоре. Кроме того, вероятно, можно также снять ограничения на допустимые методы развертывания МБР и БРПЛ в неядерном оснащении. Таким образом, США смогли бы использовать менее затратные варианты для переоснащения своих ракет на боевую нагрузку обычного типа, а российская сторона – для развертывания разделяющихся головных частей (РГЧ) на МБР.

Представляется, что разработка согласованных правил засчета будет являться ключевым фактором для достижения нового соглашения. Разночтения в том, какие именно вооружения подлежат ограничениям и контролю, не позволят выработать меры по верификации Договора, в чем, собственно, и состоит основной стимул для предстоящей работы российских и американских переговорщиков. Уместно напомнить, что в Договоре СНП отсутствуют механизмы контроля и *де-факто* он оказался всего лишь декларацией, главным образом, потому, что стороны так и не решили проблему правил засчета.

Совершенно очевидно, что американскую сторону не устроят правила СНВ-1, которых продолжает придерживаться российская сторона. Поскольку США не собираются ликвидировать стратегические носители после снятия с них ядерных задач, а планируют использовать их в обычном оснащении, то, как нам представляется, они не согласятся и с засчетом боезарядов на этих носителях в согласованные уровни 1500 единиц.

На наш взгляд, компромиссный вариант возможен лишь при согласии российской стороны с американским подходом по подсчету боезарядов. Другими словами, провозглашаемый уровень будет учитывать лишь оперативно развернутые ядерные боезаряды. В свою очередь, США должны будут согласиться с тем, что системы доставки не перестанут быть стратегическими при замене ядерных боеприпасов на них обычными, а потому – также должны быть охвачены ограничениями, мерами контроля и транспарентности. По отношению к стратегическим носителям в неядерном оснащении меры контроля могут отличаться, быть как менее, так и более интрузивными, но важно, чтобы такие носители оставались в договорных рамках.

По-видимому, обе стороны будут заинтересованы, чтобы в новом договоре сохранить запреты на разработку ряда новых видов СНВ и передачу стратегических вооружений третьим странам. В частности, возможно, имеет смысл более четко оговорить рамки сотрудничества США и Великобритании по БРПЛ типа *Трайдент*.

Как уже отмечалось выше, создание нового механизма верификации могло бы стать одной из главных целей нового договора. За основу механизма верификации можно было бы взять систему СНВ-1, по которой накоплен большой опыт, при этом ее упростив. Стороны могли бы определить, какие виды передаваемых данных или проводимых ин-

спекций по-прежнему критически важны, а какие могут быть упразднены. Например, можно было бы предусмотреть проведение инспекций по проверке исходных данных, как это сделано в Договоре СНВ-1, и затем установить для каждой из сторон общий ежегодный лимит на количество инспекций. Это количество могло бы быть не слишком большим, к примеру, восемь-десять. Целью этих инспекций могли бы быть проверка обновленных данных, данных о ликвидации вооружения и объектов, переоборудовании пусковых установок ракет и ТБ, данные о развернутом количестве боеголовок на носителях. При этом каждая из сторон по своему усмотрению определяла бы, на какие цели использовался согласованный лимит инспекций. А от таких мер контроля, как постоянное наблюдение на объектах по производству МБР, мало что дающих в ныне сложившихся условиях, можно было бы отказаться.

Укрепление и развитие в новом договоре мер доверия, транспарентности и предсказуемости в области ядерных вооружений имеет чрезвычайно важное значение для трансформации ядерного сдерживания. В этом контексте представляется целесообразным сохранение апробированного в Договоре СНВ-1 механизма уведомлений, дополнение его обменом информацией относительно планов и программ в области наступательных (включая крылатые ракеты морского базирования большой дальности) и оборонительных стратегических вооружений, а также доктринальных установок в отношении применения ядерного оружия.

УСЛОВИЯ ДЛЯ КОМПРОМИССА

Очевидно, что, параллельно с переговорами по новому договору о сокращении СНВ, неизбежно возникнут вопросы, которые выйдут за его рамки. Часть из них могли бы быть решены еще на раннем этапе, как, к примеру, стоящий уже несколько лет на повестке дня вопрос о создании и функционировании Центра по обмену данными о запусках баллистических ракет. В контексте ускорения американских программ, направленных на развертывание БРПЛ и МБР в неядерном оснащении, и высказанной российской стороной озабоченностью в связи с этим представляется, что в решении этого вопроса должны быть заинтересованы обе стороны.

Практически наверняка новый договор по СНВ станет заложником решения проблемы третьего позиционного района (ТПР) ПРО. Вряд ли сторонам удастся разрешить вопросы СНВ и ПРО, как предлагают некоторые американские эксперты⁴⁰. Рассчитывать на то, что будущая администрация США откажется от планов развертывания элементов ПРО на территории Европы, по-видимому, также безосновательно. Оба претендента на президентский пост, по словам их представителей, в случае избрания намерены продолжать курс на дальнейшее развертывание системы ПРО⁴¹. Также маловероятно, что США и Россия смогут на паритетной основе сотрудничать в области развития стратегической ПРО, к чему призвал президент В.В. Путин американского президента в Сочи⁴². Представляется, что компромисс возможен лишь при условии, что США примут обязательства не наращивать потенциал ТПР после 2013 г., когда будут развернуты РЛС в Чехии и перехватчики в Польше⁴³. Важным условием будет являться также и транспарентность в развертывании ТПР⁴⁴.

К сожалению, существуют и субъективные факторы, осложняющие поиск компромиссного варианта. Для администрации США, озабоченной в настоящий момент прежде всего предстоящими президентскими выборами, проблемами войны в Ираке и угрозами экономической рецессии, вопросы СНВ и ПРО отсутствуют в списке приоритетов. С приходом к власти администрации Джорджа Буша-мл. в Госдепартаменте США практически не осталось специалистов, имеющих опыт переговоров по проблемам СНВ и ПРО. Показательно, что 39-летний заместитель секретаря Госдепартамента США Джон Руд, назначенный на этот ключевой пост в начале 2007 г. и возглавляющий делегацию США в консультациях по СНВ и ПРО, рассуждая как-то о канувшем в лету Договоре по ПРО, назвал большим преимуществом «отсутствие загроможденности всем этим багажом холодной войны»⁴⁵.

Новой американской администрации, которая придет к власти в начале 2009 г. потребуются время для того, чтобы пересмотреть стратегические установки прежней администрации и выработать собственные⁴⁶. Как известно, администрации Джорджа Буша понадобился год для подготовки такого документа, представленного в 2002 г.

По изложенным причинам нельзя исключать и того, что в складывающихся условиях стороны все-таки придут к согласию продлить Договор СНВ-1 после 2009 г. в качестве временной меры с тем, чтобы попытаться выработать новое соглашение⁴⁷, хотя, как и указывалось выше, этот вариант объективно не является идеальным ни для США, ни для России. Тем не менее, он все еще возможен, если желание сохранить позитив Договора СНВ-1 окажется обоюдным, а механизма, альтернативного этому договору, к концу 2009 г. создано не будет.

Примечания

¹ Настоящая работа является логическим продолжением прежних работ ее авторов: Diakov Anatoli, Miasnikov Eugene. ReSTART: The Need for a New U.S.-Russian Strategic Arms Agreement. *Arms Control Today*. 2006, September. P. 6–11; Дьяков А.С., Мясников Е.В., Соков Н.Н. Процесс сокращения ядерных вооружений и контроль над ними в российско-американских отношениях: состояние и перспективы. Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии. Московский физико-технический институт. 2006. 42 с.

² В частности, о том, что и Россия, и США не заинтересованы в пролонгации Договора СНВ-1, упомянул заместитель секретаря Госдепартамента США Джон Руд в своем выступлении на слушаниях в комитете по международным делам Сената США 21 мая 2008 г.

³ Выступление президента В.В. Путина на совещании с послами и постоянными представителями Российской Федерации. 2006, 27 июня. http://www.kremlin.ru/appears/2006/06/27/1543_type63374type63376type63378type82634_107802.shtml (последнее посещение – 8 июля 2008 г.).

⁴ К выводу о возможном ухудшении отношений между двумя странами в будущем приходят многие российские и американские эксперты. См., например: Злобин Николай. США и Россия: Не друг и не враг. *Ведомости*. 2008, 19 июня; Голдман Маршалл. Новые лидеры – новые отношения? *Независимая Газета*. 2008, 18 июня; Сафранчук Иван. К конфронтации все почти готово. *Независимая Газета*. 2007, 12 декабря; Арбатов А.Г. Грядет ли холодная война? *Россия в Глобальной Политике*. 2007, март–апрель. № 2.

⁵ Дьяков А.С., Мясников Е.В., Кадышев Т.Т. Нестратегическое ядерное оружие. Проблемы контроля и сокращения. Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. Долгопрудный: 2004. 72 с.

⁶ Послание президента В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. 2006, 10 мая. http://www.kremlin.ru/appears/2006/05/10/1357_type63372type63374type82634_105546.shtml (последнее посещение – 8 июля 2008 г.).

⁷ Выступление президента В.В. Путина на совещании с послами и постоянными представителями Российской Федерации. 2006, 27 июня. http://www.kremlin.ru/appears/2006/06/27/1543_type63374type63376type63378type82634_107802.shtml (последнее посещение – 8 июля 2008 г.).

⁸ Rice Condoleezza. Promoting the National Security. *Foreign Affairs*. 2000, January/February; Rational and Requirements for U.S. Nuclear Forces and Arms Control. National Institute for Public Policy. 2001, January.

⁹ George W. Bush's Remarks on National Security, Washington D.C. 2000, May 24; Broder John. Bush Proposal on Arms: Breaking Cold War Mold. *New York Times*. 2000, May 26.

¹⁰ Rumsfeld Donald, Secretary of Defense. Nuclear Posture Review Report. Foreword. 2002, 8 January. <http://www.defenselink.mil/news/Jan2002/d20020109npr.pdf> (последнее посещение – 8 июля 2008 г.).

¹¹ Аналогичный вывод делают многие российские и американские эксперты. См. Ядерное оружие после «холодной войны». Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. Московский Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 559 с.; Toward True Security. Ten Steps Next President Should Take to Transform U.S. Nuclear Policy. Federation of American Scientists, Natural Resources Defense Council, Union of Concerned Scientists, 2008, February.

- ¹² Roberts Kristin. Pentagon Sees Russia Strengthening Nuclear Arsenal. *Reuters*. 2008, June 9.
- ¹³ См. также: Дьяков А.С., Мясников Е.В., Соков Н.Н. Цит. соч.; Тимербаев Роланд. Эволюция контроля над вооружениями: современные тенденции. *Ядерный Контроль*. 2005, № 1. С. 29–43; Евстафьев Геннадий. Разоружение возвращается. *Индекс Безопасности*. 2007, № 2. С. 41–54.
- ¹⁴ Brown Harold. Is Arms Control Dead? *Washington Quarterly*. 2000, Spring.
- ¹⁵ Larsen Jeffrey. The Bush Administration's New Approach to Arms Control in The Russian Military, Power and Policy, ed. by Steven E. Miller and Dmitry Trenin. American Academy of Arts and Sciences. The MIT Press. Cambridge MA. 2004. P. 147–160.
- ¹⁶ Fuerth Leon. Return of the Nuclear Debate. *Washington Quarterly*. 2001, Autumn. P. 97–108.
- ¹⁷ Steinbruner John. Can Arms Control Be Revived? *Arms Control Today*. 2005, March.
- ¹⁸ National Security Strategy of the United States of America. 2002, September. <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss.pdf> (последнее посещение – 8 июля 2008 г.).
- ¹⁹ Levi Michael, O'Hanlon Michael. The Future of Arms Control. Brookings Institution Press. 2005.
- ²⁰ Fuerth Leon. Op. cit.
- ²¹ Smith James. A Tale of Two Countries: Russia, North Korea and the Present and Future of Arms Control, Nonproliferation, and Counterproliferation in the United States Policy. In: Perspectives on Arms Control, USAFA: INSS Occasional Paper #55. 2004, July; Wheeler Michael. The American Approach to Arms Control: What Can We Expect From American Diplomacy for the Next 20 Years? In: Perspectives on Arms Control, USAFA: INSS Occasional Paper #55. 2004, July.
- ²² Rational and Requirements for U.S. Nuclear Forces and Arms Control. National Institute for Public Policy. 2001, January http://www.nipp.org/Adobe/volume_1_complete.pdf (последнее посещение – 8 июля 2008 г.).
- ²³ Larsen Jeffrey. Op.cit.
- ²⁴ Dr. Christopher A. Ford, Statement to the Second Session of the Preparatory Committee for the 2010 Review Conference of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, Geneva. 2008, May 2.
- ²⁵ Интервью посла США в Россию Уильяма Бернса. *Интерфакс*. 2008, 8 мая. Statement by the Delegation of the Russian Federation on Article VI of the Treaty of Nonproliferation of Nuclear Weapons at the Second Session of the Preparatory Committee for the 2010 Nonproliferation Treaty Review Conference, Geneva. 2008, April 28 – May 9.
- ²⁶ Shultz George, Perry William, Kissinger Henry, and Nunn Sam. Toward a nuclear-free world. *Wall Street Journal*. 2008, January 15. P. A13; A world free of nuclear weapons. *Wall Street Journal*. 2007, January 4. P. A15.
- ²⁷ Программные позиции кандидатов по вопросам сокращения ядерных вооружений представлены в работах: Remarks of Senator Barack Obama: A New Beginning. Chicago, IL. 2007 October 2. http://www.barackobama.com/2007/10/02/remarks_of_senator_barack_obam_27.php (последнее посещение – 8 июля 2008 г.); Remarks by John McCain on Nuclear Security at the University of Denver in Denver, Colorado. 2008, May 27. <http://www.johnmccain.com/Informing/News/Speeches/Read.aspx?guid=e9c72a28-c05c-4928-ae29-51f54de08df3> (последнее посещение – 8 июля 2008 г.).
- ²⁸ How Will the Next President Reduce Nuclear Dangers? McCain and Obama Campaign Representatives Discuss Candidates' Strategies. Arms Control Association. Transcript. 2008, June 16. http://www.arm-control.org/events/20080617_Presidential_Debate.asp (последнее посещение – 8 июля 2008 г.).
- ²⁹ Как известно, текст Договора СНП не содержит каких-либо обязательств в отношении графика сокращений и их необратимости. Стороны лишь обязались сократить свои арсеналы к 31 декабря 2012 г., после чего срок действия Договора заканчивается.
- ³⁰ Декларация о стратегических рамках российско-американских отношений. Сочи. 2008, 6 апреля.
- ³¹ Интервью министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова. *Известия*. 2008, 31 марта; Remarks by Secretary of State Condoleezza Rice and Secretary of Defense Robert Gates, Moscow, Russia. 2008, March 17.
- ³² Замглавы МИД РФ Сергей Кисляк: Лучшая гарантия ненаправленности американской ПРО против России – ее отсутствие в Европе. *Интерфакс*. 2008. 4 февраля.

³³ Более подробно см., например: Мясников Е. Высокоточное оружие и стратегический баланс. Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ 2000, ноябрь. 43 с., илл.

³⁴ Более подробно об этой концепции см. в статье: Дьяков А.С., Мясников Е.В. «Быстрый глобальный удар» в планах развития стратегических сил США. Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии. Московский физико-технический институт. 2007, 14 сентября. 9 с.

³⁵ Тезисы выступления Директора ДВБР МИД России А.И. Антонова на заседании Совета Россия–НАТО. 2007, 17 октября. http://www.nato-russia-council.info/htm/RU/news_32.shtml (последнее посещение – 8 июля 2008 г.).

³⁶ Дьяков А.С., Мясников Е.В., Соков Н.Н. 2006; Цит. соч.

³⁷ Boese Wade, U.S. ICBM Cuts Completed, *Arms Control Today*, 2008, September.

³⁸ President Bush Approves Significant Reduction in Nuclear Weapons Stockpile. The White House, Office of the Press Secretary, 2007, December 18. <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2007/12/20071218-3.html> (последнее посещение – 8 июля 2008 г.).

³⁹ How Will the Next President Reduce Nuclear Dangers? McCain and Obama Campaign Representatives Discuss Candidates' Strategies. Arms Control Association. Transcript. 2008, June 16. http://www.armscontrol.org/events/20080617_Presidential_Debate.asp (последнее посещение – 8 июля 2008 г.).

⁴⁰ Kimball Daryl. START Anew: The Future of the Strategic Arms Reduction Treaty. Presentation for Roundtable Discussion, Carnegie Moscow Center. 2008, May 12. http://www.armscontrol.org/events/20080512_Start_anew.asp?print (последнее посещение – 8 июля 2008 г.).

⁴¹ How Will the Next President Reduce Nuclear Dangers? McCain and Obama Campaign Representatives Discuss Candidates' Strategies. Arms Control Association. Transcript. 2008, June 16. http://www.armscontrol.org/events/20080617_Presidential_Debate.asp (последнее посещение – 8 июля 2008 г.).

⁴² Заявления президента РФ В.В. Путина и президента США Дж. Буша для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-американских переговоров. Сочи, Бочаров Ручей. 2008, 6 апреля. http://www.kremlin.ru/appears/2008/04/06/1809_type63377type63380type82634_163185.shtml (последнее посещение – 8 июля 2008 г.).

⁴³ В частности, на такую возможность указывают заявления, сделанные российскими официальными представителями, в которых отмечалось то, что главной проблемой является отсутствие гарантий ненаращения европейской базы ПРО США. См. Тезисы выступления Директора ДВБР МИД России А.И. Антонова на заседании Совета Россия–НАТО. 2008, 17 октября. http://www.nato-russia-council.info/htm/RU/news_32.shtml (последнее посещение – 8 июля 2008 г.); Тезисы выступления начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации Ю.Н. Балуевского на пресс-конференции, Москва. *РИА Новости*. 2007, 15 декабря. <http://www.mil.ru/info/1069/details/index.shtml?id=35200> (последнее посещение – 8 июля 2008 г.).

⁴⁴ Ряд подобных мер, к примеру, предлагается в работе: Arbatov Alexei, Gottemoeller Rose. New Presidents, New Agreements? Advancing U.S.-Russian Strategic Arms Control. *Arms Control Today*. 2008, July/August.

⁴⁵ Linzer Dafna. The NSC's Sesame Street Generation. *Washington Post*. 2006, March 12.

⁴⁶ How Will the Next President Reduce Nuclear Dangers? McCain and Obama Campaign Representatives Discuss Candidates' Strategies. Arms Control Association. Transcript. 2008, June 16. http://www.armscontrol.org/events/20080617_Presidential_Debate.asp (последнее посещение – 8 июля 2008 г.).

⁴⁷ Такой вариант, в частности, предлагается в работах: Арбатов А.Г. Блуждание сверхдержав в потемках. *Независимая Газета*. 2008, 28 мая; Podvig Pavel. The push for a new arms control agreement with Russia is ill-conceived. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2008, June 3; Kimball Daryl. START Anew: The Future of the Strategic Arms Reduction Treaty. Presentation for Roundtable Discussion, Carnegie Moscow Center. 2008, May 12. http://www.armscontrol.org/events/20080512_Start_anew.asp?print (последнее посещение – 8 июля 2008 г.).

Агентство США по уменьшению угрозы Активная зона Атомная подводная лодка Атомная электростанция Атомная энергия Атомы для мира Атомэнергопром Баллистическая ракета Безъядерный статус Монголии Боевая часть Боевой блок Бразильско-аргентинское агентство по учету и контролю ядерных материалов Бустирование, Бушерская АЭС Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб Всеобъемлющие гарантии Высокообогащенный уран Головная часть Государственная корпорация «Росатом» Государство, не обладающее ядерным оружием Государство, обладающее ядерным оружием Группа ядерных поставщиков, Грязная бомба Дейтерий Делящиеся материалы Де-факто ядерные государства Димона Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой

Энциклопедия «Ядерное Нераспространение»

ПИР-Центр и издательство «РОССПЭН» готовят к публикации первую в России краткую энциклопедию «Ядерное Нераспространение».

В состав Энциклопедии входят более 250 статей по ключевым вопросам истории и современности ядерного оружия и режима нераспространения:

- Основные типы стратегических вооружений;
- Ядерные программы и объекты более 30 стран;
- Международные переговоры и соглашения по ограничению вооружений и разоружению;
- Становление и функционирование национальных и международных институтов ядерной безопасности и нераспространения;
- Центральные понятия ядерной физики.

Каждое понятие имеет перевод на английский язык, все статьи сопровождаются литературной справкой по теме.

Авторами издания являются известные отечественные военные и дипломаты, ученые-международники и физики-ядерщики: доцент МГИМО (У) МИД РФ И.А. **Ахтамзян**, генерал-лейтенант (в отст.) Г.М. **Евстафьев**, генерал-полковник (в отст.) В.И. **Есин**, генерал-лейтенант (в отст.) В.Ф. **Лата**, заместитель генерального директора МАГАТЭ (1996–2003) профессор В.М. **Мурогов**, заместитель министра иностранных дел СССР (1989–1992) А.А. **Обухов**, Чрезвычайный и Полномочный Посол Р.М. **Тимербаев** и др. Подготовка издания к печати осуществляется под общей редакцией исполнительного директора ПИР-Центра А.В. **Хлопкова**.

Энциклопедия предназначена для студентов и преподавателей, дипломатов, юристов, журналистов, инженеров – всех, у кого под рукой должна быть точная и полная информация о ядерном нераспространении.

Издание осуществляется при поддержке ОАО *Техснабэкспорт* и Фонда Форда.

Дополнительную информацию об Энциклопедии можно получить у А. Зулхарнеева по электронной почте zulkharnееv@pircenter.org или по телефону +7(495) 987-19-15. Организации и частные лица могут направить предварительные заявки на приобретение Энциклопедии в издательство «РОССПЭН» по телефону/факсу +7(495) 334–82–42 или по электронной почте market@rosspen.ru

Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения Договор о морском дне Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии Договор о нераспространении ядерного оружия Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела Договор о космическом пространстве Договор о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Африке Договор о сокращении наступательных потенциалов Договор об Антарктике Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии Дополнительный протокол к соглашению о всеобъемлющих гарантиях МАГАТЭ Европейский центр ядерных исследований Европейское сообщество по атомной энергии Единица разделительной работы

Павел Лузин

КОСМОС: ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И КОНФЛИКТОВ

Нынешний год в области космической активности ведущих стран вряд ли претендует быть рубежным. Однако именно в 2008 г. более рельефно проявились те проблемы и тенденции, на которых в предыдущее время ученые и эксперты не акцентировали внимания либо просто обходили стороной. В то же время публичный фокус рассмотрения этой сферы, включая военные и технические аспекты, на наш взгляд, требует более глубокого обращения к сферам политики и экономики, что поможет определить суть происходящих в ней процессов.

Новый виток международно-политических дискуссий о перспективах мирного и военного использования космоса был порожден 11 января 2007 г., когда КНР с помощью баллистической ракеты уничтожила собственный отработавший метеоспутник. Спустя год, 21 февраля 2008 г., США с использованием корабельного комплекса ПВО-ПРО *Иджис* ликвидировали свой вышедший из строя разведывательный аппарат. Причем последнее событие почти совпало с выдвиганием российско-китайской инициативы международного договора о неразмещении оружия в космосе, чем породило еще больший резонанс в мировой политике.

Сегодня имеет смысл попытаться проанализировать состояние и основные тенденции, существующие в гражданском и военном использовании космоса, в их связи со сферой международных отношений. А поскольку политика США находится, что называется, на острие этих процессов и к тому же эта страна не принимает любых предлагаемых ограничений на военную космическую активность, то в рамках предлагаемой работы основным был избран ракурс американистики. Дополнительным аргументом в пользу такого исследовательского подхода служит тот факт, что в 2009 г. в США выйдет второе издание доктринального документа *Космическая политика Министерства обороны* (1999), для последующего изучения которой и требуется наличие своего рода системы координат упомянутых выше тенденций.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОСМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ США

Прежде всего, обратимся к истории. В 1989 г. руководство Соединенных Штатов приступило к комплексной модернизации своей космической политики. С точки зрения новаций в этой сфере наиболее значимыми были 1990-е гг., когда произошла ревизия целеполагания космической деятельности, проводились анализ институциональной эффективности, разработка и внедрение новых моделей взаимодействия государственных ведомств и бизнеса и т.п. Особо следует выделить следующие тезисы. Во-первых, фундаментальным критерием оценки американского космического лидерства была признана способность использовать результаты космической активности для влияния на мировые процессы¹. Во-вторых, основными в работе по космическим проектам стали прин-

А
Н
Л
И
З

ципы децентрализованного менеджмента, снижения межведомственного дублирования, а также глубокой интеграции с бизнесом². В-третьих, была поставлена задача извлечь максимальную пользу из сложившегося положения, когда США, бесспорно, доминируют в космическом пространстве, притом что такое положение не может быть вечным.

Говоря непосредственно о военной космической политике, тогда же, в середине – 2-й половине 1990-х гг., в американских стратегических планах произошел отказ от концепции конкретного противника, которая была заменена концепцией самостоятельного реагирования на возможные угрозы в настоящем и будущем. В 1999 г. появилась первая директива по оборонной космической политике, которая конкретизировала круг задач, решаемых Министерством обороны в космической сфере, и свидетельствовала о все более возрастающей роли космических сил и средств в современном военном строительстве.

В 2002 г. Объединенное космическое командование США было поглощено Стратегическим командованием, а основные функции военно-космической деятельности были закреплены за космическим командованием ВВС при вспомогательной роли в общих операциях космических командований армии и флота, которые удовлетворяют нужды своих видов вооруженных сил, а также специальной роли органов разведки в космосе. Этот шаг говорил о долгосрочной тенденции превращения военно-воздушных сил в силы воздушно-космические.

Здесь следует добавить, что космическое командование ВВС США включает в себя и силы стратегического назначения (20-я армия, оснащенная МБР *Минитмен-2*). Во-первых, данный факт свидетельствует, что ядерное оружие, которое тоже сегодня зависимо от космических систем, превращает ВВС с их концепцией глобального боя [global attack], ставкой на высокоточное оружие и интеграцию со спутниковыми системами в действительно комплексные силы, способные решать широкий круг задач в любой точке мира. Во-вторых, наличие МБР у космического командования ВВС может свидетельствовать о готовности в критической ситуации оперативно развернуть дополнительную или запасную оборонную спутниковую сеть (ведь, например, российские МБР шахтного базирования *СС-18* успешно выводят коммерческие спутники).

В целом, к 2006 г., когда была разработана последняя редакция космической политики Соединенных Штатов, ее концепция уже имела оформленный вид³. К слову, в директиве 2006 г. был впервые артикулирован принцип отказа от любых потенциальных договорно-правовых ограничений, сковывающих космическую активность американцев, которые предлагаются или могут быть предложены в перспективе (этому шагу способствовал и широкий спектр перспективных направлений НИОКР, требовавший максимальной *свободы рук*, о чем речь пойдет ниже). Таким образом, закреплялся курс на максимизацию пользы, которая может быть извлечена из современного положения США в космосе.

Безусловно, космическая политика – это сфера целеполагания, а космическая программа, как и институциональные преобразования, связанные с ней, – сфера целедостижения. В 1990–2000-е гг. США получили определенные результаты в реализации модернизированной концепции своей политики в космосе, однако фундаментальный характер требуемых изменений определил их длительность во времени. В первую очередь, эту длительность определяют сложность стоящих научно-технических задач, системные ограничения, а также объективные социально-экономические и даже исторические тенденции⁴.

И можно говорить, что в 2008 г. Соединенные Штаты вошли в критический период трансформации своей космической программы. Причем эта трансформация представляется гораздо более глубокой, нежели та, которая имела место, например, после свертывания американской лунной программы.

Во-первых, несмотря на развернувшуюся в Конгрессе дискуссию, был принят финальный график полетов космических челноков, которые будут списаны в 2010 г. или, в случае сдвигов в датах запуска, в 2011 г. Таким образом, отказ от проекта *Спейс Шаттл* растянется в итоге на два десятилетия, поскольку уже с 1990 г. был взят курс сначала на снижение зависимости космической программы США от этой системы, а к концу XX в. все громче зазвучали голоса тех, кто считал целесообразным завершение ее экс-

плуатации. Для принятия политического решения потребовалась катастрофа шаттла *Колумбия* в феврале 2003 г.

Во-вторых, проект *Констеллэйшн* по созданию нового пилотируемого космического корабля *Орион*, предназначенного для полетов в системе Земля–Луна, и тяжелой ракеты-носителя *Арес* для него, который был развернут с 2005 г., столкнулся с серьезными технико-технологическими трудностями⁵. С одной стороны, это, возможно, скажется на сроках ввода новой системы в эксплуатацию, с другой стороны, официально заявленные сроки (в отношении систем *Орион* и *Арес* это 2014 г.) могут и не совпадать с реально заложенными.

Одновременно свидетельством критической фазы трансформации является существенно возросший уровень противоречий в самом НАСА, а также уровень внешней критики агентства. Так, в 2008 г. группа исследователей американского космического ведомства выступила с альтернативным проектом новой пилотируемой системы *Констеллэйшн Direct 2.0*. А в августе Национальный совет по исследованиям опубликовал свой отчет, в котором поднимается проблема высоких программных рисков в ходе научных работ по реализации данного проекта, являющегося одним из главных стратегических приоритетов НАСА⁶.

На этом фоне проходит новый цикл НИОКР в космических технологиях. Главным свидетельством этого процесса служит тенденция, требующая, тем не менее, более глубокого изучения, а именно – появление к концу 1990-х гг. и развернувших в начале 2000-х гг. серьезную деятельность на американском рынке относительно небольших аэрокосмических фирм, таких как *SpaceX, Kelly Space and Technology, Rocketplane-Kistler* и др. Также интерес представляет участие в космических разработках, казалось бы, непрофильных исследовательских центров, таких как Военно-морская лаборатория, которая в 2008 г. занялась разработкой концепции радиотелескопа *DALI* для размещения на обратной стороне Луны⁷. Не следует упускать из виду и факт существования в 1998–2007 гг. структуры НИАК [NIAC – NASA Institute for Advanced Concepts], которая финансировала исследовательские команды на предмет верификации и начальной отработки их различных прорывных концепций, хотя не ясно, какой механизм заменяет или заменит эту структуру.

Иными словами, критическая фаза трансформации космической программы США заключается в ее сложном и, вероятно, неоднозначном переходе на новый технологический уровень. При этом в практику научно-исследовательских проектов НАСА уже около 18 лет в качестве одного из принципов работы разработана концепция *проектов с открытой концовкой*, которые в целях повышения гибкости НИОКР допускают возможность изменения в схемах финансирования, переброски исследований и исследователей на другие направления и пр.⁸. Это, в свою очередь, говорит, что результаты трансформации национальной космической программы до конца не известны и самому американскому руководству.

В то же время Соединенные Штаты стоят перед фактом, что в период между окончательным отказом от космических челноков и вводом новой транспортной системы в эксплуатацию они останутся без пилотируемого корабля. Хотя следует учитывать один момент – в отличие от российской космической программы, пилотируемая космонавтика в США на сегодняшнем этапе ее развития является по факту второстепенной сферой активности в космосе. Наиболее перспективными признаются автоматические миссии в дальний космос и вложения в НИОКР. Соответственно, для американцев не является принципиально значимым, что какое-то время астронавты будут летать на орбиту на иностранных кораблях.

В конечном счете, суть критической фазы трансформации космической программы США заключается не в том, будут ли выдержаны сроки ввода новой транспортной системы (предназначенной не только для орбитальных, но и для лунных миссий), не в том, что отправка астронавтов ориентировочно в 2011–2015 гг. становится зависимой от иностранных партнеров. Она заключается в том, что результаты этой трансформации и дальнейшие шаги американцев в космосе сегодня зависят от осуществления широко-

го комплекса исследований и разработок в обеих ключевых областях – космических аппаратах и космическом транспорте.

Почти одновременно с процессом разработки и сложно протекающим воплощением новой космической политики США, а также в качестве одной из его причин со второй половины 1980-х гг. стала очевидна интенсификация космической деятельности в других странах мира, включая развивающиеся. Сегодня в мире 43 государства работают над своими космическими программами (страны Евросоюза не всегда можно выделить как одного игрока, КНР и Тайвань также логично рассматривать по отдельности). Неизбежным следствием этой продолжающейся тенденции является обострение конкуренции в космосе, и в первую очередь конкуренции научно-технической.

Отсюда можно сделать первый вывод: сегодня потенциал партнерства и конфликтов в космической сфере зависит, главным образом, от того, как далеко и насколько быстро в возможностях ее освоения и использования смогут продвинуться США. Поскольку чем ближе американцы подойдут к *прорыву* на этом направлении (от создания принципиально новых материалов и космических аппаратов до изменения научной картины Вселенной), тем более вариативно и непредсказуемо в реализации своих целей в космосе станут вести себя отстающие от них страны.

КОСМОС КАК ПРОСТРАНСТВО МИРА

Обратной стороной растущей конкуренции в космосе является развитие международных связей сотрудничества в его изучении и освоении. Дело в том, что абсолютно все государства сегодня в той или иной мере испытывают потребность в привлечении дополнительных ресурсов и технологий извне для повышения эффективности своей космической активности. И такое сотрудничество определяется преимущественно двумя моделями взаимодействия.

Первая модель была выработана в Соединенных Штатах в первой половине 1990-х гг. Ее можно охарактеризовать как *модель привязки*, суть которой заключается в том, что американцы сознательно интегрируют в свои проекты другие государства.

Во-первых, США опосредованно получают иностранные вливания в собственную космическую программу, поскольку партнеры выступают в роли своего рода субподрядчиков – работают над отдельными компонентами космических систем и пр., а общую концепцию и ее воплощение контролирует американская сторона. К тому же зачастую при наличии готовых технологий Соединенные Штаты идут по более простому пути покупки этих технологий, нежели стремятся вкладывать средства в длительную разработку собственных аналогов (так, например, было с российскими ракетными двигателями *РД-180* для американских РН *Атлас-5*, соглашение на поставку которых было заключено в 1995 г.).

Во-вторых, через подобную кооперацию американцы определяют повестку дня космической деятельности, а значит, и целеполагание стран, которых задействуют в своих миссиях. К тому же приборостроительная и аэрокосмическая промышленность таких государств начинает ориентироваться на технологии и заказы США, т.е. обрекает себя в некотором смысле на зависимое развитие.

В-третьих, космическое партнерство удачно используется как механизм влияния государства и национальных корпораций в международной политике. Примеров здесь немало, самые яркие: многостороннее сотрудничество по Международной космической станции (МКС), а также программа *Морской старт*, где используются в основном технологии России, Украины и Норвегии, но самый большой пакет акций (40%) принадлежит компании *Boeing*.

У американской модели есть также и недостатки. К ним можно отнести как зависимость космических миссий от выполнения партнерами своих обязательств, так и уязвимость перед внутривластной критикой, поскольку представители оппозиции в Конгрессе в угоду текущей политической конъюнктуре всегда могут упрекнуть действующую администрацию в этой самой зависимости. К тому же *модель привязки* ставит проблему до-

ступа партнеров к технологиям Соединенных Штатов, что требует постоянных межведомственных и межгосударственных согласований.

Однако в целом американская модель имеет сферу действия, которая, главным образом, ограничивается фундаментальной наукой, а также теми направлениями космической деятельности, где Соединенным Штатам требуется перенять опыт или заимствовать технику и технологии. Так было в случае МКС, поскольку без опыта использования орбитального комплекса (который как раз во многом и заимствовался у России) США объективно не могли строить планы дальнейшего развития своей космической программы. И в принципе, создание и эксплуатацию МКС, вероятно, можно называть апогеем нынешнего американского подхода к международному сотрудничеству в космосе.

На сегодняшний день можно говорить, что модель привязки сохраняет актуальность для американского руководства, т.е. сокращения масштабов сотрудничества США с другими странами не предвидится, а даже наоборот – оно будет расширяться в силу больших объемов необходимых исследований. Так, например, 29 июля 2008 г. США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Канада, Япония, Индия и Южная Корея подписали соглашение о сотрудничестве в исследовании поверхности и близлежащего пространства Луны, а также о порядке обмена полученными данными⁹. Однако после завершения в обозримой перспективе проекта МКС оно будет носить, скорее всего, менее институционализированные и более ситуационные формы. А Соединенным Штатам МКС перестанет быть нужной, вероятно, после ввода в эксплуатацию системы *Орион-Арес*, поскольку для этой станции корабль если и предназначен, то лишь побочно.

Показательно, что в оборонной сфере американцы уже переходят к концепции ситуационного сотрудничества (обратная сторона упомянутого выше отказа от парадигмы вероятного противника в пользу вероятных угроз). То есть международное сотрудничество в космосе для США, не являясь все же целью и ценностью само по себе, в конкретных своих формах будет зависеть от соотношения того, что потенциальный партнер может дать американцам и что представляют собой его возможности в разных аспектах космической деятельности, чтобы сотрудничество американцам приносило выгоду при минимальных негативных последствиях для конкурентоспособности. В настоящее же время мощных конкурентов у Соединенных Штатов в космической сфере нет, включая Россию и Китай, а потому они будут стараться максимально употребить в свою пользу различные пути межгосударственного взаимодействия в этой области.

Другая модель международного сотрудничества в космосе начала оформляться в России с самого начала 1990-х гг., сложившись во многом стихийно и противоречиво. Говорить о том, что характер международных связей России с другими странами имеет форму именно модели, позволяет устойчивость основополагающих императивов и базовых условий, на которых эти связи строятся на протяжении примерно последних 17 лет.

К плюсам российской модели относится применение отечественных космических возможностей на международном рынке соответствующих товаров и услуг с целью получения недостающих средств для обеспечения деятельности страны за пределами планеты. Наиболее успешными здесь оказались опыт взаимодействия по проекту МКС и предоставление услуг по выведению полезных грузов на орбиту с помощью ракет-носителей всех классов. Привлекательность последних для зарубежных государств и корпораций лежит в соотношении цены и качества, поскольку стоимость таких ракет не включает в себя покрытие издержек на их разработку, которые было невозможно учесть применительно к нерыночной экономике Советского Союза. Хотя здесь сразу кроется риторический вопрос – насколько Россия способна создавать в современных условиях эффективные космические транспортные системы.

Многосторонние научно-исследовательские проекты с участием России (космические обсерватории, зонды и т.д.) при отсутствии полноценных собственных аппаратов решают задачу поддержания и развития потенциала фундаментальной науки, как на этапах разработки, так и на стадии эксплуатации за счет выделяемого каждой из сторон времени использования этих систем и обмена полученными данными. Здесь можно при-

вести решение России в середине 2007 г. принять участие в новой научной программе фундаментальных космических исследований ЕКА *Cosmic Vision 2015–2025*¹⁰.

Далее, участие в международных проектах позволяет российской космонавтике хотя бы частично компенсировать технологическое отставание в некоторых направлениях космического приборостроения и бортовой электроники¹¹. Это делается как за счет совместной разработки системных компонентов, так и за счет поставки отдельных отечественных приборов или наработок для зарубежных или международных систем (например, на американских аппаратах по исследованию Марса были установлены российские спектрометры).

В качестве основного недостатка российской модели международного сотрудничества в космосе нужно выделить *программируемую* ею стагнацию космической отрасли в России. Дело в том, что международные обязательства страны по различным космическим проектам не позволяют ей адекватно развивать свою космическую отрасль, которая вынуждена обеспечивать производство устаревшей, но пользующейся спросом продукции.

Во многом это обусловлено недостаточным финансированием со стороны государства новых разработок, крайней институциональной неэффективностью задействованных в космической программе ведомств и предприятий, а также общей неадекватностью экономико-политической системы и механизмов ее государственного регулирования, не позволяющих, в том числе, вовлекать частные средства в разработки и отрасль в целом. Одними из ярких примеров этого служат проект пилотируемого корабля *Клипер*, закрытый в июне 2006 г., и констатация президентом РКК *Энергия* В.А. Лопотой, что Федеральная космическая программа нуждается в серьезной коррекции¹².

Также следует отметить и не очень бросающуюся в глаза, но, тем не менее, серьезную негативную зависимость российской космической программы от Соединенных Штатов. Складываться такое положение дел начало еще с 1993 г., когда Россия вступила в проект МКС. Во-первых, НАСА до 2006 г. частично финансировало производство российских ракет-носителей, грузовых и пилотируемых кораблей для обслуживания станции, что поддерживало отечественную промышленную базу, но консервировало ее технологическое развитие. Во-вторых, ставка России в гражданском секторе главным образом на пилотируемую космонавтику (данный подход берет свое начало в 1950-х гг.), а соответственно и на экспедиции к станции, почти полностью привязывает научно-космические исследования страны к МКС¹³. Это требует постоянного согласования с зарубежными партнерами (главным образом с США) как самой программы – вопросы доставки и размещения необходимого оборудования, так и графика работы экипажа.

К тому же для частичного покрытия осуществляемых затрат большая часть проводимых на российском сегменте станции исследований осуществляется в рамках международного сотрудничества и зарубежных коммерческих контрактов. Так, согласно *Долгосрочной программе научно-прикладных исследований и экспериментов, планируемых на российском сегменте МКС*, к 2008 г. из запланированных на все время эксплуатации орбитального комплекса 342 экспериментов проводилось 75¹⁴, в то время как только в 2001–2006 гг. было проведено 135 экспериментов по иностранным контрактам¹⁵. Таким образом, по сути, большую часть времени российский сегмент космической станции используется в целях текущей окупаемости самого себя.

Негативные следствия такой схемы сотрудничества для России, судя по всему, будут преобладать вплоть до окончания эксплуатации МКС, а в настоящее время существуют даже предпосылки для их усугубления. Дело в том, что с 2009 г. планируется вывести количество постоянных членов экипажа на изначально заложенный уровень в шесть человек, а к 2011 г. российская сторона собирается расширить свой сегмент за счет новых модулей. Все это потребует увеличения в два раза производства российских космических кораблей, особенно в свете свертывания программы *Спейс Шаттл*. По словам руководителя Федерального космического агентства А.Н. Перминова: «Очевидно, что выполнение международных обязательств не реализуемо без полномасштабной национальной программы МКС, эти вещи взаимосвязаны. В этих условиях нам необходимо

форсировать работы по дальнейшему развертыванию российского сегмента МКС»¹⁶. В дополнение к этому Россия рассчитывает на продление активного режима работы станции с планируемого 2015 до 2020 г.

Такой подход обусловлен объективно тем, что, кроме как в условиях работы МКС, существование российской космонавтики в самостоятельном виде будет стоять под вопросом, поскольку ее развитие по факту в конце 1980-х гг. закончилось. Также федеральная космическая программа рассчитана до 2015 г., в то время как официально заявлено о появлении новых космических транспортных средств только после 2020 г.¹⁷. Поэтому ранее этой даты Россия крайне не заинтересована в свертывании станции, которая поддерживает статус страны как важного игрока в космосе.

В то же время, даже в свете неизбежного появления альтернативы российскому орбитальному транспорту для МКС, принципиально в политике ничего не меняется – для кораблей *Союз* был просто найден еще один инвестор в лице Франции (можно говорить, что ЕС), поскольку европейцы не обладают еще опытом создания пилотируемых космических систем. К слову, аналогичным образом Россия ведет себя с Китаем и Индией – де-факто продает им свой космический опыт и частично технико-технологические возможности, при этом догоняющие в космической сфере страны получают своего рода стратегический капитал, Россия же получает лишь финансовые ресурсы на поддержание собственной отрасли и имиджевую составляющую.

Иными словами, существующая российская модель международного сотрудничества при ограниченной краткосрочной выгоде в перспективе способствует дальнейшему упадку отечественной космонавтики. Данная тенденция позволяет говорить, что нивелирование роли страны до *космического извозчика*, чего публично опасаются некоторые российские чиновники, является даже оптимистичным сценарием.

И в целом, мирное взаимодействие государств в космической сфере – это средство реализации стратегий различных игроков и мощный инструмент в международной конкурентной борьбе, которой свойственно усиление ввиду бесспорных и одновременно непрогнозируемых дивидендов от деятельности за пределами планеты.

КОСМОС КАК ПРОСТРАНСТВО ВОЙНЫ

Говоря о военных аспектах в современном развитии космической деятельности, следует вновь обратиться к тому, с чего мы начали предлагаемую статью, а именно к уничтожению Китаем и США своих спутников в 2007 и 2008 гг. соответственно. Хотя следует сразу подчеркнуть, эти события акцентируют внимание на проблемах милитаризации или *виапонизации* космического пространства, но сами проблемами не являются.

В отношении КНР, в принципе, не очень ясно, чего страна добивалась, уничтожая свой спутник баллистической ракетой. Во-первых, это продемонстрировало, что у нее никакого противоспутникового оружия нет, поскольку баллистические ракеты на эту роль явно не годятся. Во-вторых, этот шаг дал неплохой аргумент американским военным чиновникам, представлявшим ВВС и Стратегическое командование, поскольку в марте в Конгрессе началось рассмотрение бюджета на 2008 финансовый год¹⁸. Поэтому вероятно, что здесь в качестве основных причин можно рассматривать либо внутривнутриполитическую борьбу различных группировок китайской правящей элиты, либо демонстрацию возможностей государства на уровне Восточноазиатского региона.

Хотя нельзя исключать и стремление Китая показать, что в долгосрочной перспективе в случае серьезной угрозы своей безопасности он готов полагаться на старый и проверенный в 1960-е гг. способ – подрыв на орбите ядерного боеприпаса (акцент на использовании именно баллистической ракеты), после чего в течение нескольких недель с орбиты сойдет большинство находящихся там аппаратов. К слову, в начале 2000-х гг. в США группа тогдашнего министра обороны Дональда Рамсфелда выдвинула концепцию *космического Перл-Харбора*, согласно которой страна, как наиболее зависимый от спутников субъект космической деятельности, может столкнуться с критическими угрозами для своей орбитальной группировки. При этом на слушаниях в Конгрессе вес-

ной–летом 2006 г. была развернута дискуссия о перспективных опасностях для США в космосе¹⁹, где как раз называлась возможность использования ядерного оружия на орбите, в том числе со стороны КНР²⁰. То есть действия китайской стороны спустя полгода могли быть утвердительным ответом в заочном диалоге между двумя странами и сигналом для активизации тех сил в Соединенных Штатах, которые выступают против *виапонизации* космоса.

Что касается ликвидации американцами своего спутника 21 февраля 2008 г., то более вероятно, что это была, в первую очередь, именно ликвидация спутника, а не испытание противоспутникового оружия. Данный спутник был запущен в декабре 2006 г. официально по программе Национальной службы космической разведки [National Reconnaissance Office] и являлся экспериментальным, но по причине сбоя работать не смог. Наиболее вероятно, что в результате его торможения в атмосфере ряд технических компонентов аппарата не подвергся бы уничтожению, это, в свою очередь, и потребовало применения системы противоракетной обороны для его превентивного разрушения²¹.

Важно отметить, что аппарат был уничтожен на высоте 250 км. Дело в том, что тактико-технические характеристики модернизированного комплекса ПВО-ПРО морского базирования *Иджис* изначально предполагали возможности расширенного заатмосферного перехвата цели и были заложены в программы модернизации еще в середине 1990-х гг.²². Не менее важен и тот факт, что высокоэллиптические и геосинхронные орбиты (ГСО), а это около 36 000 км, на которых наиболее эффективно размещать спутники коммуникаций и разведки, полностью не контролируются радио- и оптико-электронными средствами ни одной из стран, не говоря уже о возможностях точечного уничтожения аппаратов на них.

Таким образом, система ПРО США хоть и обладает возможностями космического оружия, не имеет эффективных противоспутниковых возможностей. Как не имели их и противоспутниковые ракеты, разработанные к началу 1980-х гг. в СССР и США и размещавшиеся на самолетах *МиГ-25* и *F-15* соответственно. И в целом, вряд ли поражение отдельных коммуникационных и разведывательных спутников с помощью ракетной техники может вообще быть целесообразной мерой, за исключением единичных специальных ситуаций.

Аналогичное заключение можно вынести и относительно боевой лазерной техники. Во-первых, сфокусировать разрабатываемый сегодня в США лазер самолетного базирования на высоту ГСО вряд ли будет возможно даже для *ослепления* аппаратуры спутника, несмотря на заявленную дальность боя в 400–500 км. Во-вторых, размещение подобной системы на орбите (в принципе такой шаг сегодня представляется технически осуществимым) потребует, вероятно, развертывания как минимум группировки из нескольких аппаратов, поскольку из примерно 800 активных спутников 400–450 являются американскими, а остальные, таким образом, нуждаются в постоянном контроле на предмет потенциальных угроз интересам Соединенных Штатов.

То есть можно констатировать, что физическое уничтожение одиночных спутников – это в значительной мере бесперспективный путь, и он вряд ли в реальности развивается какой-либо из сторон. Гораздо эффективнее здесь дальнейшее развитие средств радиоэлектронной борьбы, включая использование для этих целей орбитальных ретрансляторов, которые сейчас задействуются по необходимости для передачи сигналов на Землю со спутников, расположенных на ГСО. К слову, к сферам действия ВВС США наряду с воздушным пространством и космосом относится и киберпространство [cyberspace]²³, инфраструктура которого в значительной степени расположена на орбите или может быть подвержена воздействию с орбиты.

Однако остается фактом, что развитие военно-космической деятельности продолжается, к тому же в американских политических и экспертных кругах *виапонизация* космоса признается неизбежным явлением²⁴, поэтому следует попытаться выделить и проанализировать действительные тенденции и векторы этих процессов.

Сегодня ряд субъектов космической политики развивают собственные возможности спутниковой навигации. США реализуют программу *GPS-III*, страны ЕС совместными

усилиями создают систему *Galileo*, Китай разворачивает систему *Compass*, Индия ведет работы по региональной системе навигации *IRNSS*, а у Японии в планах также региональная система *Quasi-Zenith (QZSS)*.

При этом данные системы развиваются с учетом коммерческой ориентированности и возможности интеграции с *GPS*, но здесь налицо и оборонная подоплека, поскольку уже после войны в Ираке 1991 г. стала понятна ценность спутникового позиционирования в боевых операциях. А после вывода *GPS* на мировой рынок государства встали перед фактом, что работа национальных пользователей космической навигации зависит от решений американской администрации. К тому же американские глобальные коммуникационные системы де-факто являются системами глобального сбора информации, что обеспечивает США выигрышное положение не только в военно-политической, но и в экономической сфере. Таким образом, сложились предпосылки для процесса, который можно назвать укрепление странами своего *космического суверенитета*.

Следует сказать, что данная тенденция является следствием экстраполяции в космическую сферу конкретных политико-экономических интересов стран, *земных* интересов. Так, например, конфигурация спутниковых навигационных систем, судя по всему, зависит от масштабов внешнеполитических и внешнеэкономических интересов того субъекта, который ее создает, а также от его военно-стратегических планов.

В отношении Соединенных Штатов – система создана и модернизируется для обеспечения войск, дислоцированных на разных континентах, и в коммерческих целях. ЕС является вторым центром мировой торговли, поэтому в разворачивании *Galileo* играют главную роль экономические потребности субъектов европейской экономики, но недооценивать военных интересов ведущих государств Европы также не следует, поскольку они оснащают свои армии системами высокоточного оружия, а *Galileo* имеет запланированную точность позиционирования до 3 см²⁵.

Китайская *Compass* хоть и планируется как глобальная система, пока создается для региональных нужд, поскольку ориентирована на потребности как вооруженных сил, так и компаний; следовательно, ее развитие будет зависеть от экономической и политической экспансии КНР за рубеж, в том числе в Африку. Индия и Япония заинтересованы в региональных системах, поскольку ориентированы на оптимизацию экономической и оборонной деятельности именно в своих регионах. Разумеется, важную роль в принятии решения о разворачивании спутников позиционирования играет стремление освоить соответствующие космические технологии, т.е. интерес экономической модернизации. Таким образом, не исключено появление в среднесрочной перспективе подобного проекта, например, у Бразилии, который будет аналогичен индийской и японской системам. О российской ГЛОНАСС речь пойдет в заключительной части статьи.

В целом, расширение числа игроков, которые стремятся укрепить свой *космический суверенитет*, развивая собственные орбитальные системы навигации (а также связи и дистанционного зондирования Земли), формирует у них определенный вектор целеполагания. Дело в том, что они де-факто становятся все более зависимыми от своих космических аппаратов, да и в принципе логика развития требует от этих стран интенсифицировать и расширять космическую деятельность. К тому же развивающаяся в плане человеческого, технологического и экономического потенциала аэрокосмическая отрасль становится в определенном смысле генератором политических целей и задач, т.е. сама начинает влиять на стратегию своего государства. Как следствие: конкуренция в космосе уже приобретает характер *гонки за лидером* (борьба пока идет не за первенство в космосе – эта роль еще неопределенное время будет сохраняться за США, а за устойчивые позиции в *космической иерархии*), соответственно, расширяется пространство интересов, усложняется их система. В свою очередь, все это будет неизбежно способствовать повышению уровня конфликтности космического пространства.

Здесь можно привести в пример упоминавшуюся очередную российско-китайскую инициативу о заключении договора о предотвращении размещения оружия в космосе, озвученную 12 февраля 2008 г. и отвергнутую Соединенными Штатами²⁶. Эта инициати-

ва свидетельствует, что две страны, серьезно отставая от американцев в деле развития космических технологий, не рассчитывают в обозримой перспективе что-либо противопоставить последним. То есть отказ США от новых договорно-правовых ограничений на свою космическую деятельность вкуче со складывающейся ситуацией *гонки за лидером* в космосе способен привести, если у них возникнет такая необходимость, к свертыванию уже существующей системы космического права, что дополнительно стимулирует рост международных противоречий. Хотя для такого шага им придется заручиться поддержкой какого-либо или каких-либо игроков, обладающих относительно развитой космической программой. Но в любом случае фундаментально его целесообразность будет зависеть от появления технико-технологических возможностей, над созданием которых работают и американцы, и, в разной степени, другие страны.

Говоря о перспективах в области космических технологий и НИОКР важно также анализировать не столько конкретные проекты, сколько именно направления их развития. И в связи с этим мы полагаем разумным продолжить фокусировать внимание на Соединенных Штатах.

Сегодня в США разрабатывается две новых модели ракет-носителей (РН) тяжелого класса *Арес-1* (и ее сверхтяжелый вариант *Арес-5*) и *Фалькон-9*, при этом первая ориентирована для вывода полезных нагрузок к Луне, а вторая РН создается как многоуровневая система. То есть предпринимаются шаги по удешевлению доставки аппаратов на высокие орбиты и по созданию возможностей для обеспечения более интенсивного космического грузопотока, что говорит о вероятном качественном расширении научной и экономической активности в космосе и, как следствие, потенциальном усилении конкурентной борьбы в этой сфере, а значит, развитию активности военной.

Не исключено, что одними из ключевых космических ресурсов, эффективное использование и контроль которых позволят получать наибольшие дивиденды, станут наряду с геостационарной орбитой (экваториальный вариант ГСО) районы точек либрации (гравитационного равновесия) в системе Земля–Луна. Причем за всю историю практического освоения космоса в точках либрации работали только аппараты НАСА и ЕКА, и количество их миссий туда, судя по всему, в ближайшие годы будет возрастать²⁷. Нельзя не учитывать и двух основных тенденций в области создания космических аппаратов. С одной стороны, развитие технологий микросателлитов, с другой стороны, создание аппаратов с гарантированным сроком службы 10–15 лет – все это также способно вывести космическую деятельность на качественно новый уровень, т.е. сделает ее более привлекательной сферой для вложений. А значит, будет развиваться экономическая и политическая конкуренция.

Другим важным направлением НИОКР, потенциально способным сформировать новые реалии конфликта, являются работы в области авиационно-космических систем. Сегодня этим занимаются как частные компании, ставящие целью создание туристических суборбитальных аппаратов, например, *Virgin Galactic*, так и государственные ведомства. Так, на декабрь 2008 г. намечен запуск на низкую орбиту в автоматическом режиме тестового космоплана X-37B²⁸ по программе американских ВВС с целью отработки электронных систем, возможностей вхождения в атмосферу и т.д.²⁹. Характерно, что это реанимированный проект НАСА, реализовавшийся во второй половине 1990-х гг.

Если смотреть на перспективу, то существует вероятность соединения технологий беспилотных самолетов, которые подошли к границе появления ударных систем, и суборбитальных и/или низкоорбитальных аппаратов. К тому же с конца 1990-х гг. фиксируется тенденция превращения американских ВВС в интегрированные воздушно-космические силы³⁰. И вот тут, думается, можно выявить и одну из вероятных целей использования американских систем противоракетной обороны, которые рассчитаны на такую стратегическую перспективу, а именно – борьбу с воздушно-космическими самолетами.

Интерес также представляют и возобновившиеся в 2003 г. в рамках НАСА исследования в области космических ядерных двигателей (так называемый *проект Прометей*). Однако с 2008 г. его финансирование стало сложно отслеживать, поскольку из отдельной строки в бюджете космического ведомства США он был переведен в Исследова-

тельскую программу технологического развития [Exploration Technology Development Program], по которой финансируются перспективные разработки в области космической робототехники, материалов и т.д.³¹. И, хотя перспективы этого проекта не ясны, тот факт, что в 1950–1980-е гг. в СССР и США велись подобные проекты с проведением стендовых испытаний, позволяет говорить об их значительном потенциале. В условиях имеющей все предпосылки к усилению космической конкуренции появление у одного из игроков принципиально новых транспортных средств или заметное продвижение к этому потенциально способно дестабилизировать ситуацию.

Подводя итог приведенному краткому обзору перспективных НИОКР, можно говорить, что на сегодняшний день только развитие направления суборбитальных аппаратов в перспективе имеет четкий потенциал для создания боевых систем. Все остальные направления, начиная от создания новых образцов космической техники и заканчивая фундаментальными исследованиями, сами по себе никакого военного потенциала не имеют. Они лишь повышают возможности использования космоса, стимулируя интерес к обладанию этими возможностями со стороны различных игроков.

Соответственно в настоящее время происходит усиление конкуренции, растет вероятность обострения противоречий между субъектами освоения космоса, однако строить прогнозы о футуристических боях против космических аппаратов не представляется объективным. И в принципе, пока не станут известны конкретные выгоды и реальные новые возможности, создаваемые космической деятельностью, не будет понятно – что, от кого и как требуется в космосе защищать; а также – где, на кого и с помощью чего имеет смысл нападать. Но пока потенциальные возможности, которые может дать космос в перспективе, будут превосходить потенциальные риски от нерегулируемой международным правом космической деятельности, новые механизмы регуляции не только не будут созданы, а наоборот, существующая система договоров по космосу имеет все шансы уйти в историю. Тем самым, при отсутствии космического оружия среда для конфликтов в деле использования космоса уже формируется.

ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИИ

Подводя итог, следует вновь обратиться к космической политике и космической программе России, чтобы попытаться выделить возможные аспекты планирования и реализации страной своей активности в космосе, которая бы позволила ей эффективно участвовать в международной конкуренции в этой сфере.

Во-первых, России настало время начать выработать комплексную стратегию космической деятельности, а также проводить глубокую институциональную реорганизацию всего политико-экономического механизма, отвечающего за нее. В противном случае страна, скорее всего, не будет способна в дальнейшем осуществлять адекватную космическую программу.

Во-вторых, для минимизации (о полном преодолении говорить не приходится) негативных последствий своей модели международного сотрудничества в космосе России целесообразно настаивать на продлении эксплуатации МКС позднее 2015–2016 гг. Также по возможности следует отказаться от наращивания числа российского экипажа на станции, а дополнительные модули, вероятно, имеет смысл попытаться сдавать в аренду другим участникам проекта, чтобы сократить бремя расходов на их создание и эксплуатацию. И в целом, необходимо сместить акцент с пилотируемой космонавтики на автоматические фундаментальные и прикладные исследования космоса.

В-третьих, безусловно, есть смысл отказаться от программ модернизации существующего парка ракет-носителей и особенно пилотируемого корабля *Союз*, а сосредоточить усилия на разработке новых образцов техники с учетом параметра их экономической эффективности. Насколько успешной в связи с этим будет РН *Ангара*, судить пока сложно, однако в любом случае это движение вперед.

В-четвертых, вероятно, России следует повременить с развертыванием ГЛОНАСС как глобальной системы, а пока сосредоточиться на ее региональном варианте (террито-

рия страны и сопредельные пространства). Дело в том, что, во-первых, у страны сегодня объективно нет возможностей для реализации глобальных военных и экономических интересов, для которых требуется наличие именно глобальной сети. Во-вторых, локализация системы позволит сократить расходы на нее³² и одновременно динамичнее развивать спутниковые технологии, высвободив ресурсы для вложений в НИОКР. Даже с военной точки зрения, когда российские войска будут оснащены высокоточным оружием и беспилотной авиацией (если это все же случится) в той мере, в какой этого требует стремление высшего руководства страны равняться на передовые армии мира и применять в сфере обороны последние достижения высоких технологий, придет время заменять старое поколение спутников. Проще и дешевле это делать, если система пока будет относительно компактная.

В-пятых, страна должна прекратить инициативы по размещению оружия в космическом пространстве. При всем том, что с дипломатической точки зрения и в условиях отставания России от США это абсолютно закономерные действия, они неверно формируют вектор целеполагания **на широком уровне политической элиты**, в том числе в отношении возможных угроз в космосе и из космоса. Тем более необходимо избегать попыток форсированного создания каких бы то ни было систем космического оружия или способов противодействия такому оружию – требуется поддержание исследований на уровне верификации технических идей, но никак не развернутые программы для ответа на якобы реальные угрозы со стороны тех же Соединенных Штатов. Исключения составляют работы в области создания воздушно-космических и беспилотных летательных аппаратов и средств борьбы с ними. Хотя следует признать, что Россия вряд ли будет способна в ближайшем времени эффективно развивать перспективные образцы летательной техники, но в технологиях воздушно-космической обороны у нее серьезные позиции.

В-шестых, России следует пытаться с максимальной долгосрочной выгодой для собственной космической программы использовать сотрудничество с Соединенными Штатами, несмотря на негативные стороны модели такого сотрудничества. Для начала, правда, потребуется признать, что по причине объективной российской слабости равноправным такое сотрудничество может быть лишь в случае серьезного изменения подхода к его выстраиванию. А заинтересовать американскую сторону будет возможно, если государство, исходя из имеющегося ограниченного потенциала и опираясь на разработанную стратегию, будет развивать свою программу фундаментальных научных исследований и НИОКР в области космоса, основанную на так называемом *креативном* подходе.

Иными словами, для США будет интересным участие в решении нестандартных и далеко идущих задач в космической сфере, и у России появится шанс эффективно использовать этот интерес, если она сможет поставить такие задачи. А эффективность заключается в возможности выгодного заимствования американских идей, технологий и, возможно, подходов (главным образом через прямое общение инженерно-конструкторских и научных коллективов). Так страна избежит одной из основных *ловушек*, которая была, скажем, в проекте МКС – Россия делала то, что уже умела, а Соединенные Штаты развивали свой потенциал, взамен поддерживая российскую космическую отрасль на плаву. Побочным эффектом *креативного* подхода могло бы стать усиление противоречий внутри профильных ведомств США (в первую очередь, НАСА) по вопросам дальнейшего развития космической активности, дополнительно стимулируя их интерес к взаимодействию с Россией.

В заключение, успех в конкурентной борьбе в космосе, имеет ли она формы мирного взаимодействия или конфликта, зависит в основе своей от эффективности и комплексности целеполагания субъекта космической деятельности, его способности планировать и реализовывать конкретные шаги в этой области, оптимально использовать свои возможности в контексте возможностей и стратегий других игроков. А в складывающейся ситуации *гонки за лидером*, когда сам лидер (США) вступил в критическую фазу трансформации своей космической программы, не так важно, кто и куда первым прилетит собирать грунт или строить базу. Важны удаленность горизонта этого целеполагания, максимальное использование результатов своей космической деятельности и деятельности других стран, а также способность генерировать и верифицировать собст-

венные интересы за пределами Земли. И сегодня нельзя сказать, насколько Россия сможет адаптировать свою космическую политику к этим реалиям.

Примечания

¹ Final Report to the President on the U.S. Space Program. January, 1993. NASA. <http://history.nasa.gov/33082.pdf> (последнее посещение – 6 июня 2008 г.).

² Report of the Advisory Committee on the Future of the U.S. Space Program. December 17, 1990. NASA. <http://www.hq.nasa.gov/office/pao/History/augustine/racup1.htm> (последнее посещение – 6 июня 2008 г.).

³ U.S. National Space Policy. August 31, 2006. Globalsecurity.org. http://www.globalsecurity.org/space/library/policy/national/us-space-policy_060831.pdf (последнее посещение – 6 июня 2008 г.).

⁴ Не останавливаясь на историософских аспектах, см. труды Э. Тоффлера, Д. Белла, Д. Розенау и др.

⁵ Report of Orion Project Office. NASA. July 2, 2008.

⁶ Review of NASA's Exploration Technology Development Program: An Interim Report. National Research Council of the National Academies. <http://www.nap.edu/catalog/12189.html> (последнее посещение – 22 августа 2008 г.).

⁷ Лунный телескоп для изучения ранней Вселенной. *Живая Наука*. 11 марта 2008 г. <http://livescience.ru/content/view/790/136/> (последнее посещение – 1 августа 2008 г.).

⁸ Report of the Advisory Committee on the Future of the U.S. Space Program. December 17, 1990.

⁹ Подписано соглашение о совместных исследованиях Луны. *Новости Космонавтики*. 2008 г., 1 августа <http://www.novosti-kosmonavтики.ru/content/news.shtml> (последнее посещение – 2 августа 2008 г.).

¹⁰ Решение Бюро Совета РАН по космосу. 29 мая 2007 г. Институт космических исследований РАН. <http://www.iki.rssi.ru/sovet/reshenie.pdf> (последнее посещение – 7 августа 2008 г.).

¹¹ См., например: Солохина Т., Петричкович Я., Шейнин Ю. Технология SpaceWire для параллельных систем и бортовых распределенных комплексов. *Электроника: Наука, Технология, Бизнес*. 2007, № 1. <http://www.electronics.ru/issue/2007/1/7> (последнее посещение – 6 августа 2008 г.).

¹² Ячменникова Н. Космос как реальность: Какой пилотируемый корабль придет на смену «Союзам»? (интервью с президентом РКК Энергия В.А. Лопотой) *Российская Газета*. 2008, 5 февраля. № 4580.

¹³ Расходы России на Федеральную космическую программу (ФКП) в 2008 г. составят по уточненному бюджету 43 млрд руб. (по первоначальному – 32 млрд), в проекте на 2009 г. – 58,2 млрд руб. Их структура в рамках ФКП почти не поддается анализу, однако известно, что еще в 2003 г. *Роскосмосу* на выполнение только международных обязательств по МКС требовалось минимум 11 млрд руб. С учетом инфляции, затрат на текущую эксплуатацию российского сегмента МКС, космодром *Байконур*, непосредственно выведение аппаратов и прочее общие расходы на пилотируемую российскую космонавтику составляют не менее половины бюджета ФКП. К тому же увеличение расходов в 2009 г., судя по всему, связано с планами постройки и выведения новых российских модулей для МКС, а также с увеличением затрат на постройку космических кораблей в связи с планируемым прекращением эксплуатации *шаттлов*.

¹⁴ Наука на российском сегменте МКС: выставка, посвященная Дню космонавтики. Федеральное космическое агентство. 2008, 8 апреля. <http://www.federalspace.ru/NewsDoSele.asp?NEWSID=3175> (последнее посещение – 7 августа 2008 г.).

¹⁵ Тулеев М. Нам скоро сверху видно будет все: к концу 2007 г. ГЛОНАСС перекроет 95–97% пространства Земли (интервью с главой *Роскосмоса* А.Н. Перминовым). *Военно-Промышленный Курьер*. 2006 г., 14–20 июня. № 22 (138). http://www.vpk-news.ru/article.asp?pr_sign=archive.2006.138.articles.defence_02 (последнее посещение – 6 августа 2008 г.).

¹⁶ Заседание Коллегии *Роскосмоса*: итоги, перспективы. Федеральное космическое агентство. 2007 г., 9 ноября. <http://www.federalspace.ru/NewsDoSele.asp?NEWSID=2567> (последнее посещение – 7 августа 2008 г.).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Statement for the Record by Dr. Donald M. Kerr, director, National Reconnaissance Office. House Armed Services Committee, Subcommittee on Strategic Forces. March 23, 2007. P.4. http://www.globalsecurity.org/space/library/congress/2007_h/070323-kerr.pdf (последнее посещение – 10 августа 2008 г.).

¹⁹ См., например: Opening Statement of T. Everett. House Armed Services Subcommittee on Strategic Forces. June 21, 2006. P. 2.

²⁰ См.: Testimony of M. O'Hanlon// Subcommittee on Strategic Forces of the House Armed Services Committee. June 21, 2006. http://www.globalsecurity.org/space/library/congress/2006_h/060621-ohanlon.pdf (последнее посещение – 8 июня 2008).

²¹ Здесь, насколько можно судить, существуют три основных точки зрения. Позиция США – на спутнике находилось токсичное топливо. Также, наряду с этим, упоминались бериллиевые компоненты, которые требовали специального обращения с ними в случае падения аппарата на американской территории (см.: Satellite Re-entry. FEMA Disaster Operations Directorate, US Department of Homeland Security. 2008, February 14). Позиция России – уничтожение спутника являлось испытанием противоспутникового оружия. Третья позиция была выражена как российскими политиками и экспертами, так и некоторыми зарубежными наблюдателями – бериллиевые компоненты свидетельствовали о наличии новых ядерных источников питания на борту спутника. В целом, ни одна из позиций в полной мере не похожа на правду. Факт один – спутник считался экспериментальным и его функции изначально не декларировались, как не была известна и планировавшаяся рабочая орбита.

²² Ballistic Missile Defense: 12 Years of Achievement. Statement of Lt. Gen. Malcolm R. O'Neill to the House National Security Committee. 1995, April 4.

²³ Air Force Doctrine Document 1. September 1997. <http://www.globalsecurity.org/military/library/policy/usaf/index.html> (последнее посещение – 12 августа 2008 г.).

²⁴ Testimony of M. O'Hanlon// Subcommittee on Strategic Forces of the House Armed Services Committee. June 21, 2006.

²⁵ Характерно, что в середине 1990-х гг. США негативно отреагировали на планы европейцев по развертыванию этой системы, поскольку она снизит уровень стратегической зависимости ЕС от американцев.

²⁶ US rejects Russian call for new space treaty. *Space Daily*. 2008, February 12. http://www.spacedaily.com/reports/Russia-China_space_deal_to_counter_US_shield_move_diplomats_999.html (последнее посещение – 15 августа 2008 г.).

²⁷ Об использовании точек либрации см.: Эйсмонт Н.А., Назиров Р.Р., Новиков Д.И. Движение космических аппаратов с жидкокристаллическим парусом в окрестности солнечно-земных точек Лагранжа L1 и L2. Институт космических исследований, 2006. www.iki.rssi.ru/seminar/20060228/eismont.ppt (последнее посещение – 12 августа 2008 г.).

²⁸ United States Military Manifest. August 4, 2008. <http://www.sworld.com.au/steven/space/usmil-man.txt> (последнее посещение – 12 августа 2008 г.).

²⁹ BBC США запускают корабль-робот на орбиту Земли. *Новости Космонавтики*. 2006, 23 ноября. <http://www.novosti-kosmonavtiki.ru/content/z25.11.06.shtml> (последнее посещение – 12 августа 2008 г.).

³⁰ Здесь можно обратиться, например, к документу: The U.S. Air Force Remotely Piloted Aircraft and Unmanned Aerial Vehicle Strategic Vision. 2005. <http://www.globalsecurity.org/military/library/policy/usaf/index.html> (последнее посещение – 12 августа 2008 г.).

³¹ NASA FY 2008 Budget Estimates. NASA. http://www1.nasa.gov/pdf/168652main_NASA_FY08_Budget_Request.pdf (последнее посещение – 12 августа 2008 г.).

³² По Федеральной целевой программе на развитие ГЛОНАСС в 2009 г. запланировано 31,5 млрд руб., при этом летом 2008 г. система сократилась на 6 аппаратов – с 18 до 12 КА при запланированных 24 КА в штатной и 30 КА в полной развертке. К тому же на сегодняшний день круг потребителей услуг ГЛОНАСС ограничен российскими компаниями и государственными службами, не считая Министерства обороны, также АФК Система занимается продвижением российской спутниковой навигации в Белоруссию.

Роланд Тимербаев

ПРОБЛЕМА ГАРАНТИЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕЯДЕРНЫХ ГОСУДАРСТВ В ПРЕДДВЕРИИ ОБЗОРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ДНЯО

С приближением Конференции 2010 г. по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (обычно сокращенно называемой обзорной конференцией), на которой будут обсуждаться проблемы выполнения договора и общее состояние дел с режимом нераспространения, на передний план вновь выдвигаются вопросы, которые не были решены при заключении ДНЯО или которые были решены неудовлетворительно с точки зрения большой группы государств, прежде всего, стран, не обладающих ядерным оружием и не входящих в военные блоки.

При выработке ДНЯО и формировании международного режима нераспространения было очевидно, что обеспечение безопасности неядерных государств с предоставлением им соответствующих гарантий со стороны ядерных держав составляет неотъемлемый компонент всего режима нераспространения и одно из неперемennых условий его устойчивости и жизнеспособности.

Когда в 1960-х гг. подавляющее большинство международного сообщества пришло к убеждению, что следует положить конец беспредельному расползанию ядерного оружия, то одновременно возникла проблема – как обеспечить тем, кто отказывается от овладения ядерным оружием или не в состоянии по уровню своего научного и промышленного развития пойти по этому пути, необходимую безопасность от применения или угрозы применения против них такого оружия со стороны тех, кто им располагает, т.е. дать им гарантии от давления и возможного шантажа со стороны ядерных держав. Неядерные государства также чрезвычайно заботились о том, придут ли им на помощь и обеспечат ли надлежащую защиту, если кто-либо на них нападет или будет угрожать ядерным нападением. Первый вид гарантий – гарантии неприменения – получил название *негативных*, а второй – гарантии оказания помощи – *позитивных*.

В получении гарантий безопасности были в первую очередь заинтересованы неприсоединившиеся и нейтральные неядерные государства, поскольку страны, входившие в военные блоки или вступившие в иные союзнические соглашения с ядерными державами, могли рассчитывать на их защиту, иначе говоря, имели над собой *ядерный зонтик*. Именно поэтому неядерные государства в ходе рассмотрения проблемы нераспространения и выработки ДНЯО в Женевском комитете 18 государств по разоружению и в ООН настаивали на включении в текст договора соответствующих обязательств ядерных держав в качестве необходимых ответных действий в связи с их отказом от ядерного оружия.

РАССМОТРЕНИЕ ВОПРОСА О ГАРАНТИЯХ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОЦЕССЕ РАЗРАБОТКИ ДНЯО

В практическом плане восемь ведущих неприсоединившихся и нейтральных государств – членов Комитета 18-ти (Индия, Египет, Швеция, Мексика и др.) в совместном

меморандуме от 19 августа 1966 г. в числе мер, которые должны быть осуществлены ядерными державами в связи с ДНЯО, назвали «запрещение применения ядерного оружия и гарантии безопасности государств, не обладающих ядерным оружием», при этом такие меры «могли бы быть воплощены в договоре как часть его положений или в декларации о намерении»¹. Вопрос о гарантиях безопасности неядерных стран вызывал большие сложности и был одним из основных, если не основным камнем преткновения при разработке самого договора.

И Советский Союз, и Соединенные Штаты, сознавая справедливость требований неядерных стран, рассматривали возможность предоставления им гарантий безопасности, но только на определенных условиях. В том, что касается негативных гарантий, со стороны СССР (послание А.Н. Косыгина Комитету 18-ти от 1 февраля 1966 г.) была высказана готовность включить в ДНЯО положение о «запрещении применения ядерного оружия против государств – участников договора, не имеющих на своей территории ядерного оружия [выделено мной. – Р.М.]»². Однако это предложение, поддержанное рядом неприсоединившихся государств (Нигерией, Индией, Египтом, Мексикой, Бирмой), было отклонено Соединенными Штатами, размещавшими в Европе и в некоторых других государствах свое ядерное оружие и поныне имеющими в ряде европейских государств несколько сот единиц ядерных вооружений.

Американской администрацией в 1965 г., как сообщает участник переговоров по ДНЯО Джордж Банн на основе изучения архивных документов, при разработке своего первого проекта договора о нераспространении рассматривалась возможность выступления Соединенных Штатов с формулой негативных гарантий и ее включения в проект договора. Агентство США по контролю над вооружениями и разоружению (АКВР), ныне сформированное, высказывалось за то, чтобы предложить следующую формулировку:

«Каждый участник настоящего договора, обладающий сейчас ядерным оружием, обязуется не применять ядерное оружие против любого другого участника, который не обладает ядерным оружием, кроме как для обороны от акта агрессии, в который вовлечено государство, обладающее ядерным оружием».

Однако, хотя предложенная формулировка и содержала существенную оговорку, отражавшую доктринальный подход США к применению ядерного оружия, Объединенный комитет начальников штабов США высказал возражения, пишет Банн, против «этого ограничения на свободу ядерных действий», и предложенная АКВР формулировка в проект договора Соединенными Штатами включена не была³.

Что касается позитивных гарантий, то с ними ситуация была несколько более благоприятной. Соединенные Штаты еще в 1964 г., сразу же после первого китайского ядерного испытания, устами президента Линдона Джонсона заявили, что «государства, которые не стремятся иметь собственное национальное ядерное оружие, могут быть уверены, что если им потребуется наша сильная поддержка против ядерного шантажа, то они получат ее». Такое же заявление Линдон Джонсон сделал и в послании Комитету 18-ти 27 января 1966 г.⁴.

Одной из наиболее активных в продвижении решения проблемы позитивных гарантий безопасности неядерных стран была Индия, которая в феврале 1967 г. направила в Москву, а вслед за этим также в Вашингтон, Лондон и Париж специальную делегацию во главе с помощником премьер-министра Л.К. Джа и председателем Комитета по атомной энергетике (КАЭ) Викрамом А. Сарабхаем, которые были приняты А.Н. Косыгиным и провели консультации с министром иностранных дел А.А. Громыко и его первым заместителем В.В. Кузнецовым. Индийские представители настойчиво добивались получения гарантий безопасности, не скрывая своей озабоченности по поводу возможной угрозы со стороны Китая.

С советской стороны была высказана готовность выступить с заявлением (и индийцам был передан соответствующий текст) о том, что нападение ядерной державы на неядерное государство создаст «качественно новую обстановку», требующую немедленного принятия мер Советом Безопасности ООН, и прежде всего его постоянными членами, в соответствии с Уставом ООН. Однако при этом было дано понять, что речь не идет о

гарантиях непосредственного использования Советским Союзом ядерного оружия в случае угрозы применения такого оружия против Индии, а вопрос должен решаться Советом Безопасности в соответствии с Уставом ООН.

Спустя некоторое время (во время повторного визита Л.К. Джа в Москву в апреле 1967 г.) Советский Союз, идя навстречу Индии, дополнил свое предложение согласием на включение ссылки на статью 51 Устава ООН, признающую право на индивидуальную или коллективную самооборону до тех пор, пока Совет Безопасности не примет меры, необходимые для поддержания международного мира и безопасности.

Тем не менее, ни в Москве, ни в других столицах ядерных держав индийская делегация удовлетворительных для себя заверений не получила и, собственно говоря, получить не могла. Индийская сторона хотела, чтобы Советский Союз, как и другие ядерные державы, предприняли *немедленные* действия, не дожидаясь решения Совета Безопасности, где существует право *вето* постоянных членов. Ни обе основные ядерные державы, ни Великобритания, ни Франция не были готовы гарантировать Индии прямую помощь в случае ее конфликта с Китаем.

Из бесед Л.К. Джа в МИД СССР, на нескольких из которых мне довелось присутствовать, я вынес впечатление, что Индия едва ли была бы готова пойти на подписание договора о нераспространении, даже если ядерными державами и были бы ей даны соответствующие гарантии безопасности. Индия, как представлялось, намеренно фокусировала внимание на проблеме гарантий безопасности, заранее зная, что она не может быть решена на индийских условиях.

При внесении 24 августа 1967 г. в Комитет 18 государств по разоружению согласованного советско-американского проекта договора о нераспространении в нем отсутствовало положение о гарантиях безопасности. Советский представитель А.А. Рошин, представляя этот проект, напомнил при этом о предложении А.Н. Косыгина и заявил, что «советская делегация исходит из достигнутой сопредседателями [США и СССР. – *Р.М.*] договоренности о продолжении обмена мнениями относительно гарантий безопасности для неядерных стран с тем, чтобы найти положительное решение этого насущного и важного вопроса»⁵.

Более определенно, но еще менее позитивно высказался представитель США Уильям Фостер:

«Мы признаем, что предстоит еще рассмотреть проблему гарантий безопасности, которая является предметом заботы некоторых неприсоединившихся государств. Соединенные Штаты придерживаются мнения, что этот вопрос, в силу его сложности и связанных с ним различных интересов, *не может быть рассмотрен в рамках самого договора*. Однако, мы изучаем различные возможные решения его, включая действия, которые могли бы быть предприняты *в рамках Организации Объединенных Наций*, основной целью которой является поддержание мира и безопасности. Мы надеемся, что сопредседатели будут дальше изучать эту проблему с тем, чтобы представить рекомендации этому комитету в ходе рассмотрения нами договора» [выделено мной. – *Р.М.*]⁶.

На заключительной стадии женевских переговоров по ДНЯО в начале 1968 г. между делегациями ядерных держав также обсуждалась идея выступления и с заявлениями о негативных гарантиях безопасности, но *вне рамок* договора. Американцы поинтересовались возможностью отказа СССР от *формулы Косыгина*, на что получили отрицательный ответ. АКВР и госдепартамент США пытались добиться согласия президента Джонсона на декларацию в духе того, что предлагалось АКВР в 1965 г. для включения в проект договора:

«Соединенные Штаты заявляют о своем намерении воздерживаться от угрозы или применения ядерного оружия против любого государства – участника Договора о нераспространении ядерного оружия, не обладающего ядерным оружием, которое не вовлечено в вооруженное нападение при поддержке государства, обладающего ядерным оружием».

Это было бы не юридически обязательным заявлением, а декларацией о намерении, но и на этот раз Объединенный комитет начальников штабов США высказал возражения, направив президенту меморандум, в котором утверждалось, что подобная декларация «ослабляет надежность американского ядерного сдерживания, уменьшает возможность гибкости в применении военных средств и создает прецедент, который мог

бы повести к дальнейшим ограничениям на свободу ядерных действий». Президент Джонсон не поддержал АКВР и госдепартамент⁷.

В окончательном варианте договора, который был внесен на сессии Генассамблеи 31 мая 1968 г. и, в конце концов, ею одобрен, появился лишь пункт преамбулы, воспроизводивший общеизвестное положение Устава ООН о неприменении силы и не отвечающий прямо на конкретные требования неприсоединившихся государств по гарантиям безопасности:

«Напоминая, что в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций государства должны воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций <...>⁸.

РЕЗОЛЮЦИЯ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН 255 (1968) О ПОЗИТИВНЫХ ГАРАНТИЯХ

Отсутствие какого-либо решения вопроса о негативных гарантиях в течение многих лет вызывало (и продолжает вызывать) озабоченность неприсоединившихся государств. В создавшихся условиях они сосредоточили свои усилия на решении одновременно с заключением договора хотя бы вопроса о позитивных гарантиях безопасности, отложив на будущее договоренность о проблеме негативных гарантий. Особую активность в этом отношении проявляла Нигерия, претендовавшая на роль лидера африканских стран в данном вопросе. 2 ноября 1967 г. она предложила к проекту договора дополнительную статью следующего содержания:

«Каждое из государств – участников настоящего договора, обладающих ядерным оружием, в случае обращения к нему с соответствующей просьбой обязуется прийти на помощь любому не обладающему ядерным оружием государству, которое сталкивается с угрозой ядерным оружием или подверглось нападению с применением такого оружия»⁹.

В ответ советская, американская и британская делегации 7 марта 1968 г. выступили с предложением о принятии Советом Безопасности ООН резолюции по позитивным гарантиям. Первоначально эта идея, как уже указывалось, была предложена Советским Союзом Индии, затем она обсуждалась 23 июня 1967 г. между А.А. Громько и госсекретарем США Дином Раском (во время встреч между Линдоном Джонсоном и А.Н. Косыгиным в Глассборо, штат Нью-Джерси). Советский министр пояснил тогда, что речь идет об обязательствах относительно действий постоянных членов Совета в рамках их обязательств по Уставу ООН, при этом советская сторона готова проявить гибкость в отношении того, будут ли гарантии даны в качестве приложения к договору или в качестве какого-либо заявления при заключении договора. Госсекретарь, со своей стороны, подчеркнул, что для США возникли бы проблемы конституционного порядка, если бы гарантии безопасности предоставлялись исполнительной властью, поскольку договор подлежит одобрению сенатом двумя третями голосов. В ответ на замечание Дина Раска о том, что если Индия получит гарантии безопасности, то их пожелают иметь и другие неядерные страны, А.А. Громько разъяснил, что заявление будет сделано не одной Индии, а вообще неядерным государствам¹⁰.

Предложенное тремя ядерными державами решение – принятие резолюции Советом Безопасности вместе с подкрепляющими резолюцию заявлениями, которые были бы ими сделаны в Совете, – самое большее, на что СССР, США и Великобритания могли пойти по позитивным гарантиям. Советский представитель, выступая в Комитете 18 государств 7 марта 1968 г., заявил: «Мы считаем, что проект резолюции Совета Безопасности по вопросу о гарантиях безопасности должным образом решает проблему обеспечения безопасности неядерных государств – участников договора о нераспространении ядерного оружия»¹¹. В аналогичном ключе высказались представители США и Великобритании.

Трехсторонний проект резолюции по позитивным гарантиям был внесен на рассмотрение Совета Безопасности тремя ядерными государствами 12 июня 1968 г. – в день при-

нения Генеральной Ассамблеей решения об одобрении ДНЯО – и принят Советом 19 июня в качестве резолюции 255 (1968). За нее голосовали 10 членов Совета, *против* голосов не было, воздержались Франция, Индия, Пакистан, Алжир и Бразилия.

Перед ее принятием представители трех держав сделали заранее согласованные идентичные заявления. В заявлениях было сказано, что ключевым является положение резолюции о том, что агрессия с применением ядерного оружия или угроза такой агрессии против неядерного государства создала бы качественно новую обстановку, в которой Совет Безопасности, и прежде всего его постоянные члены, обладающие ядерным оружием, должны были бы немедленно действовать в соответствии с их обязательствами по Уставу ООН. Заявлялось, что резолюция подтверждает неотъемлемое право всех государств, признаваемое статьей 51 Устава, на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на государство – члена ООН, до тех пор, пока Совет не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности. Любое государство, которое совершит агрессию с применением ядерного оружия или будет угрожать такой агрессией, должно знать, что его действия будут эффективным образом отражены при помощи мер, которые должны быть приняты в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций для подавления агрессии или устранения угрозы агрессии. Заявления трех держав были взаимосвязаны и, следовательно, на практике составляли *совместные* гарантии безопасности, подкрепленные решением Совбеза ООН.

Следует признать, что резолюция Совета Безопасности по своему юридическому значению по сути дела мало чего добавляла к уставным положениям относительно возможных действий Совета Безопасности по поддержанию международного мира и безопасности, однако она – и это существенно – специально подчеркивала значение предоставления гарантий безопасности неядерным государствам – участникам ДНЯО и сопровождалась важными согласованными заявлениями трех ядерных держав-гарантов, которые в соавторстве внесли проект резолюции на рассмотрение Совета. Поясняя позицию Советского Союза по этому вопросу, В.В. Кузнецов заявил на сессии Генассамблеи ООН 20 мая 1968 г.:

«Речь, конечно, не идет и не может идти о том, чтобы была обеспечена абсолютная гарантия безопасности, стопроцентная гарантия против любого нападения <...>. Такой гарантии никто никому дать в настоящее время не может.

<...> Некоторые делегации выступили в ходе дискуссии с тех позиций, что предлагаемая резолюция Совета Безопасности якобы не содержит ничего нового, ничего такого, что уже и теперь не было бы предусмотрено Уставом ООН <...>. Но такая оценка не учитывает главного. Новым и весьма важным элементом предлагаемой резолюции Совета Безопасности как раз и является то, что она предусматривает немедленные действия постоянных членов Совета Безопасности, обладающих ядерным оружием <...>. Принятие резолюции Совета Безопасности, возлагающей на ядерные державы такое обязательство, наполнит более глубоким содержанием те положения Устава ООН, которые касаются действий Организации Объединенных Наций в интересах сохранения и упрочения мира, особенно применительно к угрозе ядерного нападения <...>.

<...> Предлагаемая резолюция Совета Безопасности своим острием и направлена на то, чтобы не допустить ядерного нападения, заранее поставить потенциального агрессора в такое положение, когда бы он знал, что его действия будут эффективным образом отражены <...>. Разве это не новый шаг со стороны Организации Объединенных Наций в направлении укрепления безопасности неядерных стран?»¹²

В целом, несмотря на неудовлетворенность ряда неядерных стран резолюцией Совета Безопасности 255, это не помешало огромному большинству этих стран присоединиться к договору о нераспространении, так что можно с уверенностью утверждать, что решение Совета Безопасности относительно позитивных гарантий вместе со сделанными при его принятии заявлениями правительств СССР, США и Великобритании сыграло существенную роль в формировании международного режима нераспространения ядерного оружия.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ЯДЕРНЫХ ДЕРЖАВ ПО СОБЛЮДЕНИЮ БЕЗЪЯДЕРНОГО СТАТУСА ЗОН, СВОБОДНЫХ ОТ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Договоры о создании зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО), в Латинской Америке (Договор Тлателолко), в южной части Тихого океана (Договор Раротонга), в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор), в Африке (Договор Пелиндаба) и в Центральной Азии (Семипалатинский договор), объединяющие свыше ста неядерных государств, предусматривают *юридические* обязательства о соблюдении ядерными державами безъядерного статуса этих зон и о неприменении против участников зон ядерного оружия, зафиксированные в соответствующих протоколах к этим договорам, которые на деле и представляют собой гарантии безопасности участников ЗСЯО. Однако не все эти протоколы получили поддержку всех ядерных держав, многие из которых при подписании протоколов сделали различные оговорки.

Так, Советский Союз при подписании Дополнительного протокола II к Договору Тлателолко сделал заявление от 18 мая 1978 г., в котором, в частности, было сказано, что «любые действия, предпринятые государством или государствами, являющимися участниками Договора Тлателолко, несовместимые с их безъядерным статусом, а также совершение одним или несколькими государствами – участниками Договора акта агрессии при поддержке государства, обладающего ядерным оружием, или совместно с таким государством будут рассматриваться Советским Союзом как несовместимые с соответствующими обязательствами этих стран по Договору. В подобных случаях Советский Союз оставляет за собой право пересмотреть свои обязательства по Дополнительному протоколу II»¹³.

Близкие по содержанию оговорки были сделаны Соединенными Штатами, Великобританией и Францией.

МЕМОРАНДУМЫ О ГАРАНТИЯХ БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ, БЕЛОРУССИИ И КАЗАХСТАНА

После распада Советского Союза на территории Украины, Белоруссии и Казахстана осталось некоторое количество ядерного оружия со средствами его доставки. В течение 1992–1994 гг. шли интенсивные переговоры между российским руководством и правительствами образовавшихся независимых государств о выводе ядерного оружия на территорию России и о присоединении этих стран к ДНЯО в качестве неядерных государств-участников. В переговорах и консультациях участвовали Соединенные Штаты, а также Великобритания.

В их итоге Украина, Белоруссия и Казахстан вступили в договор в этом качестве, а ядерное оружие было вывезено в РФ. При этом по просьбе этих государств между ними и Российской Федерацией, Соединенными Штатами и Великобританией 5 декабря 1994 г. в Будапеште были подписаны совместные идентичные меморандумы о гарантиях безопасности, согласно которым РФ, США и Великобритания подтвердили свое обязательство добиваться от Совбеза ООН незамедлительных действий по предоставлению помощи, если эти страны станут жертвами агрессии или объектами угрозы агрессии с применением ядерного оружия. В меморандумах также было подтверждено обязательство РФ, США и Великобритании не применять ядерное оружие против неядерных государств – участников ДНЯО, за исключением случаев нападения на них, на их территории или зависимые территории, на их вооруженные силы или их союзников таким государством совместно или в союзе с ядерным государством.

Таким образом, предоставление гарантий безопасности Украине, Белоруссии и Казахстану сыграло существенную положительную роль в присоединении этих стран к ДНЯО в качестве его неядерных участников¹⁴.

КОНФЕРЕНЦИЯ 1995 Г. ПО ОБЗОРУ И ПРОДЛЕНИЮ ДНЯО

Важным рубежом в предоставлении гарантий безопасности неядерным государствам явилась Конференция 1995 г. по рассмотрению действия и продлению ДНЯО. К этому

времени к договору присоединились две оставшиеся вне его ядерные державы – Франция и Китай, и обе они сделали односторонние заявления о негативных гарантиях.

Российская формула негативных гарантий, впервые провозглашенная в военной доктрине от 2 ноября 1993 г. и подтвержденная в заявлении МИД РФ от 5 апреля 1995 г., гласит:

«Российская Федерация не применит ядерное оружие против государств – участников Договора о нераспространении ядерного оружия, не обладающих ядерным оружием, кроме как в случае вторжения или любого другого нападения на Российскую Федерацию, ее территорию, ее вооруженные силы или другие войска, ее союзников или на государство, с которым она имеет обязательства в отношении безопасности, осуществляемых или поддерживаемых таким государством, не обладающим ядерным оружием, совместно или при наличии союзнических обязательств с государством, обладающим ядерным оружием»¹⁵.

Сходные заявления были сделаны Соединенными Штатами, Великобританией и Францией. Китай еще раз подтвердил свое заявление, впервые сделанное в 1964 г., о неприимении первым ядерного оружия «никогда и ни при каких обстоятельствах».

В американском заявлении о негативных гарантиях от 5 апреля 1995 г. подтверждалась позиция по таким гарантиям, впервые обнародованная в 1978 г. В этом заявлении 1995 г. говорилось:

«Соединенные Штаты Америки вновь подтверждают, что они не применяют ядерное оружие против не обладающих ядерным оружием государств – участников Договора о нераспространении ядерного оружия, кроме как в случае вторжения или любого другого нападения на Соединенные Штаты Америки, их территории, их вооруженные силы или другие войска, их союзников или на государство, по отношению к которому они имеют обязательство по обеспечению безопасности, осуществляемого или поддерживаемого таким не обладающим ядерным оружием государством совместно или в союзе с государством, обладающим ядерным оружием».

Вместе с тем, в указанное заявление США было включено существенное условие: «Важно, чтобы участники Договора о нераспространении ядерного оружия выполняли свои обязательства по Договору. В этой связи, в соответствии с общепризнанными принципами международного права, участники Договора о нераспространении ядерного оружия должны соблюдать эти обязательства, с тем чтобы иметь право на получение любых выгод, связанных с присоединением к Договору»¹⁶. При этом, однако, не уточнялось, кем и каким образом будет определяться, соблюдаются или нет обязательства по ДНЯО тем или иным участником договора, что может допускать толкование в том смысле, что несоблюдение договора может быть произвольно констатировано по воле и решению одного или нескольких государств, а не в соответствии с общепринятыми нормами международного права.

По инициативе всех пяти ядерных государств 11 апреля 1995 г., накануне Конференции по рассмотрению действия и продлению ДНЯО, Совет Безопасности принял новую резолюцию о гарантиях безопасности 984 (1995). Впервые резолюция СБ включала в себя не только позитивные, но также затрагивала и негативные гарантии. Однако в последнем случае это было сделано лишь путем *принятия к сведению с удовлетворением* заявлений, сделанных каждым из ядерных государств, в которых они предоставляют гарантии о неприимении ядерного оружия против неядерных участников ДНЯО с оговорками, упоминавшимися выше.

Резолюция 984, в дополнение к предложению военной помощи жертвам ядерной агрессии, призывает членов ООН предоставить техническую, медицинскую, научную или гуманитарную помощь таким жертвам, а также выплату им компенсации за потери, ущерб или причиненный вред. Решение Совета содержит в своей преамбуле недвусмысленное заявление о том, что «любая агрессия с применением ядерного оружия поставит под угрозу международный мир и безопасность», сделав, таким образом, применимой к данному случаю главу VII Устава ООН, которая уполномочивает применение силы по решению Совета, когда существует угроза международному миру и безопасности. Эти добавления существенно улучшают резолюцию СБ 1968 г. Однако резолюция 984 не осуждает недвусмысленно применение или угрозу применения ядерного оружия против неядерных государств – участников ДНЯО, не составляет она и юридического обязательства не угрожать и не нападать на неядерные государства с применением такого оружия»¹⁷.

Резолюция 984 была принята единогласно, хотя некоторые неядерные государства – члены Совета Безопасности и другие государства, принимавшие участие в заседании Совета (Индонезия, Нигерия, Египет), выразили мнение, что резолюция не идет достаточно далеко. На Конференции 1995 г. неприсоединившиеся государства продолжали критиковать недостатки резолюции и требовать принятия более надежных гарантий безопасности. Формулировка соответствующего параграфа решения конференции по «Принципам и целям ядерного нераспространения и разоружения», принятая без голосования, т.е. с согласия и ядерных держав, гласит:

«8. Принимая к сведению резолюцию 984 (1995) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, которая была принята единогласно 11 апреля 1995 года, а также заявления государств, обладающих ядерным оружием, касающиеся как негативных, так и позитивных гарантий безопасности, необходимо рассмотреть вопрос о дальнейших мерах для предоставления государствам – участникам Договора, не обладающим ядерным оружием, гарантий против применения или угрозы применения ядерного оружия. Эти меры могли бы выразиться в разработке международного документа, имеющего обязательную юридическую силу»¹⁸.

Решение Конференции по принципам и целям вместе с решением об усилении процесса рассмотрения действия ДНЯО фактически составило *единый пакет* с решением о бессрочном продлении договора¹⁹, и не проходит ни одной обзорной конференции по ДНЯО и сессии Конференции по разоружению (КР), чтобы вопрос о гарантиях не поднимался неядерными государствами в такой плоскости и в такой увязке.

ОБЗОРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ДНЯО 2000 Г.

На этой конференции все ядерные державы согласились на включение в заключительный документ, который был принят на основе консенсуса, следующего пункта:

«Конференция соглашается, что юридически обязывающие гарантии безопасности пяти государств, обладающих ядерным оружием, предоставленные государствам-участникам Договора о нераспространении ядерного оружия, не обладающим ядерным оружием, укрепили бы режим ядерного нераспространения. Конференция призывает Подготовительный комитет подготовить рекомендации по этому вопросу к Обзорной конференции 2005 г.»²⁰.

Хотя следует признать немаловажным тот факт, что на данной обзорной конференции по ДНЯО с общего согласия всех делегаций было принято решение в пользу выработки юридически обязывающих гарантий безопасности, такое решение все же носило не обязательный, а только рекомендательный характер. Как показал дальнейший ход событий, на деле никакого движения вперед после принятия этой рекомендации не было.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЗИЦИЯХ ЗАПАДНЫХ ЯДЕРНЫХ ДЕРЖАВ ПО ГАРАНТИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ НЕЯДЕРНЫХ ГОСУДАРСТВ

Инициаторами изменения ядерной политики **Соединенных Штатов** по гарантиям безопасности, судя по имеющимся открытым публикациям, выступили стратегическое командование США (STRATCOM) и американские ядерные лаборатории. Еще в 1988 г. Лос-Аламосская лаборатория провела семинар на тему о будущем ядерного оружия, в ходе которого некоторые из выступавших говорили о *новых* миссиях ядерного оружия. «Если враждебные региональные государства приобретут ядерное *или* химическое и биологическое оружие, – указывали они, – то Соединенным Штатам, возможно, придется пересмотреть свою ядерную доктрину и перестроить ядерные силы специально для того, чтобы решать проблемы, возникающие в связи с таким распространением ОМУ»²¹. При этом на семинаре раздавались голоса в пользу разработки боеголовок, способных проникать глубоко под поверхность земли и взрываться под землей. Со своей стороны, стратегическое командование США выдвинуло предложение о том, чтобы «для противодействия угрозе [ОМУ] США не исключали возможность *упреждающего* применения первыми ядерного оружия [выделено мной. – Р.М.]»²².

Когда в октябре 1993 г. тогдашний министр обороны США Лес Эспин объявил о начале разработки первой после окончания холодной войны ядерной доктрины (Обзор ядерной политики – Nuclear Posture Review), он сказал, что «будут внесены изменения в политику [и] доктрину». Во время этой работы рассматривалось несколько изменений в ядерной политике, включая неприменение ядерного оружия, кроме случаев нападения с применением *любого* оружия массового уничтожения. По существу это предложение расширяло бы варианты применения первым ядерного оружия против неприсоединившихся стран, что шло бы дальше заявления США о негативных гарантиях 1978 г., впоследствии подтвержденного в 1995 г., поскольку оно допускало бы применение ядерного оружия *против химического или биологического нападения*, даже если бы нападающий не действовал совместно с ядерной державой.

По завершении пересмотра ядерной доктрины министерство обороны США, судя по всему, не рекомендовало публично заявлять об изменении политики ни Соединенными Штатами, ни Североатлантическим блоком. Решение, объявленное администрацией Билла Клинтона 22 сентября 1994 г., не содержало фундаментальных изменений в доктрине применения ядерного оружия. Оно сохраняло политику применения ядерного оружия в качестве *последнего средства* в ответ на неядерное нападение на вооруженные силы США. Тем не менее, при обнародовании Обзора ядерной политики тогдашний заместитель министра обороны Джон Дейч (впоследствии директор ЦРУ) все же заявил журналистам, что стране, рассматривающей применение химического оружия, придется «принять во внимание» возможность того, что в ответ могут быть применены ракеты с ядерным оружием²³.

Но публично при администрации Билла Клинтона Соединенные Штаты продолжали придерживаться своей прежней позиции по негативным гарантиям безопасности. Как указывалось выше, они подтвердили свое заявление о негативных гарантиях накануне Обзорной конференции по ДНЯО 1995 г.

Однако, как сообщалось в американской печати, в ноябре 1997 г. президент Клинтон утвердил секретную директиву (PDD-60), некоторые положения которой просочились в прессу. В частности, появились сведения о том, что директива допускает возможность ядерного возмездия в случае применения неядерными странами химического или биологического оружия.

Подводя итог действиям и заявлениям администрации Клинтона в области ядерной политики, аналитики из Монтерейского института международных исследований Чарльз Блэр и Жан дю При делают вывод, что эта администрация «способствовала дальнейшей институционализации пренебрежительного отношения США к негативным гарантиям безопасности»²⁴.

Следующий далеко идущий шаг в этом направлении был сделан с приходом к власти республиканской администрации Джорджа Буша-мл. В Обзоре ядерной политики 2001 г. [2001 Nuclear Posture Review] предусматривалось не только наличие способности сдерживания и возмездия в случае применения неядерными странами оружия массового уничтожения, но и содержалась угроза нанесения упреждающего ядерного удара по неядерным государствам, если существовало бы подозрение в разработке ими потенциала оружия массового уничтожения. В новом Обзоре ядерной политики была устранена двусмысленность в отношении негативных гарантий, содержащаяся в доктринальных документах периода администрации Клинтона, и говорилось о применении ядерного оружия «в качестве возмездия в ответ на использование ядерного, биологического и химического оружия» или даже «в случае неожиданного развития военных событий [in the event of surprising military developments]»²⁵.

Вскоре после представления новой американской ядерной доктрины Конгрессу США все точки над *i* расставил тогдашний заместитель госсекретаря США по контролю над вооружениями и нераспространению, а в дальнейшем американский представитель при ООН Джон Болтон, по существу давший понять, что Соединенные Штаты более не считают себя связанными своим заявлением по негативным гарантиям. Указав, что «11 сентября 2001 г. показало ложность идеи о том, что прекрасные теории сдержива-

ния, заложенные в негативных гарантиях безопасности, удерживают всех», Болтон с присущей ему бесцеремонностью объявил, что нынешняя администрация «не будет заниматься теоретическими утверждениями, которые делались прежними администрациями [в 1978 и 1995 гг.]»²⁶.

В том же плане высказался 28 октября 2008 г. министр обороны США Роберт Гейтс, заявивший, что Соединенные Штаты «заставят любое государство, террористическую группу, негосударственное образование или индивидуума нести полную ответственность за поддержку или содействие террористическим попыткам приобрести или применить оружие массового уничтожения, будь то путем содействия, финансирования или предоставления экспертизы или убежища для такого рода попыток»²⁷.

Нашумевшее выступление прежнего президента **Франции Жака Ширака** 19 января 2006 г. относительно французской ядерной доктрины позволяет сделать вывод о возможном изменении позиции страны по гарантиям безопасности неядерных государств. В этом выступлении он, в сущности, провозгласил обновленную ядерную доктрину. Ширак вначале подчеркнул наличие «постоянно меняющейся обстановки», характеризующейся в настоящее время «отсутствием прямой угрозы, которая исходила бы от крупной державы». Но окончание холодной войны, продолжал он, «не устранило угрозы миру. Во многих государствах распространяются радикальные идеи, проповедующие конфронтацию между цивилизациями, культурами и религиями. <...> Один из наших приоритетов – борьба с терроризмом. <...> Наш мир постоянно меняется, и ведутся поиски нового политического, экономического, демографического и военного баланса сил. Это характеризуется быстрым возникновением новых полюсов силы».

«И, – продолжал Ширак, – мы не безобасены ни от внезапного изменения в международной системе, ни от стратегических неожиданностей». Особенное внимание он обратил на то, что «имеют место притязания на утверждение силы, основанной на владении ядерным, биологическим и химическим оружием». В этих условиях «было бы наивно полагать, что одни лишь предупредительные меры достаточны для того, чтобы защитить нас. Для обеспечения того, чтобы к нам прислушались, мы должны быть также в состоянии применить силу, когда это необходимо. <...> Ядерное сдерживание остается фундаментальной гарантией нашей безопасности. <...> Ядерное сдерживание не предназначено для сдерживания фанатичных террористов. И, однако, руководители государств, которые использовали бы террористические средства против нас, а также те, кто полагает использовать тем или иным способом оружие массового уничтожения, должны знать, что они сами будут подвержены твердому и соответствующему ответу с нашей стороны. Ответ этот мог бы быть конвенциональным. Он мог бы быть и иного характера [выделено мной. – Р.М.]».

Что же делать Франции в этой ситуации? Ширак так формулировал задачу: «Модернизация и адаптация [наших] возможностей необходимы, чтобы наше сдерживающее средство сохраняло необходимую надежность в развивающейся геостратегической обстановке». Конкретизируя, он сказал, что «в этом быстро переменчивом мире баллистическая ракета *M-51* и усовершенствованная система средней дальности *воздух-земля (ASMPA)* дадут нам возможность перекрывать угрозы, откуда бы они ни исходили и каков бы ни был характер таких угроз»²⁸.

Примерно в том же ключе было выдержано заявление нынешнего президента страны Николая Саркози 21 марта 2008 г. в Шербурге в связи с предстоящим в скором времени вводом в эксплуатацию новой атомной подводной лодки *Le Terrible* с межконтинентальными баллистическими ракетами. Саркози объявил, что будет подготовлена новая Белая книга по обороне и национальной безопасности.

Что касается **Великобритании**, то британцы, в частности, на заседаниях Конференции по разоружению в 2007 г., высказывались за то, чтобы вопрос о негативных гарантиях безопасности решался не на универсальной международной основе, а путем принятия ядерными державами обязательств по гарантиям в рамках зон, свободных от ядерного оружия. Между тем, как отмечают специалисты, сами же британцы весьма селективно относятся к соответствующим протоколам о гарантиях, уклоняясь, например, от присоединения к протоколам по созданию ЗСЯО в Юго-Восточной Азии и в Центральной Азии²⁹.

ОБЗОРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ДНЯЮ 2005 Г.

На Конференции по рассмотрению действия ДНЯЮ, состоявшейся в мае 2005 г., американская делегация в открытую выступила против негативных гарантий безопасности неядерных государств. Эта конференция, как известно, завершилась безуспешно, без принятия заключительного документа, причем в немалой степени из-за разногласий между Соединенными Штатами и большинством неядерных государств по вопросу о гарантиях безопасности.

Еще в ходе подготовки к конференции – на заседаниях ее Подготовительного комитета – делегация США высказывалась в том плане, что нет оснований для выработки юридически обязывающих гарантий безопасности. При этом приводился довод, что «окончание холодной войны в еще большей мере уменьшило значимость гарантий неприменения ядерного оружия со стороны пяти постоянных членов СБ ООН для безопасности неядерных государств – участников ДНЯЮ, особенно по сравнению с теми реальными угрозами, которые исходят от нарушителей этого договора и негосударственных игроков» и что «юридически обязывающие гарантии, которых добивается большинство государств, не имеют отношения к нынешним угрозам для ДНЯЮ»³⁰.

На самой конференции в рамках Главного комитета I был создан вспомогательный орган для подготовки рекомендаций по ст. VI ДНЯЮ и гарантиям безопасности неядерных государств, председателем которого с общего согласия был назначен представитель Новой Зеландии Тим Колей [Tim Caughley]. На основании состоявшихся обсуждений он подготовил рабочий документ, в котором попытался суммировать мнения делегаций по этим аспектам³¹. Для понимания американской позиции по гарантиям немалый интерес представляют поправки, официально внесенные делегацией США к документу председателя вспомогательного органа в день завершения работы конференции – 27 мая 2005 г.³².

Делегация США для начала предложила убрать из подзаголовка «Негативные гарантии безопасности» слово *негативные*. Далее, было предложено исключить ссылки на пункты, относящиеся к гарантиям безопасности, зафиксированные в решениях конференций по ДНЯЮ 1995 и 2000 гг., которые были приняты на этих конференциях с согласия Соединенных Штатов. Американская делегация также высказалась за то, чтобы *полностью опустить* пункт 7 документа председателя, в котором говорилось:

«7. Конференция соглашается с необходимостью дальнейшей работы, в контексте процесса рассмотрения действия договора в течение последующего обзорного периода, с целью формулирования гарантий безопасности в виде юридически обязывающего документа с тем, чтобы одобрить результаты этих обсуждений на конференции по ДНЯЮ 2010 г.».

Россия подтвердила на Обзорной конференции 2005 г. свою традиционную позицию по гарантиям безопасности неядерных государств. В национальном докладе о выполнении Российской Федерацией договора о нераспространении, представленном на конференции, было заявлено:

«Россия неизменно поддерживает стремление государств – участников ДНЯЮ, не обладающих ядерным оружием, получить юридически обязывающие гарантии, исключающие применение или угрозу применения в отношении них ядерного оружия. Достижение этой цели способствовало бы укреплению режима ядерного нераспространения, доверия и предсказуемости между государствами <...>

Мы подтверждаем свои обязательства, вытекающие из резолюции Совета Безопасности 984 (1995) Организации Объединенных Наций. Россия предоставила юридически обязывающие гарантии безопасности всем государствам, присоединившимся к соответствующим соглашениям о ЗСЯО. Намерены и дальше поступать так же по мере создания новых безъядерных зон <...>

Не возражаем против воссоздания на Конференции по разоружению в Женеве Специального комитета с переговорным мандатом по пункту повестки дня «Эффективные международные договоренности о гарантиях государствам, не обладающим ядерным оружием, против применения или угрозы применения ядерного оружия» при условии учета предусмотренной в военной доктрине России позиции в отношении случаев, когда такое оружие может быть применено»³³.

Вместе с тем, обращает на себя внимание, что в Основах государственной политики Российской Федерации в области нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, принятых и опубликованных в *Российской Газете* 17 мая 2005 г.

(в период проведения Обзорной конференции), вопрос о гарантиях безопасности неядерных государств не нашел своего отражения.

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСА О ГАРАНТИЯХ БЕЗОПАСНОСТИ НА КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

Проблема гарантий безопасности неядерных государств в согласованной формулировке в течение ряда лет (с 1998 г.) значится в повестке дня Конференции по разоружению (КР). Однако программа работы КР и, соответственно, создание специальных комитетов с переговорными мандатами тормозится уже свыше 10 лет из-за отсутствия согласия между членами КР о проведении переговоров по конкретным проблемам разоружения и ограничения вооружений, включая и вопрос о негативных гарантиях безопасности. В создавшихся условиях дело ограничивается эпизодическими обсуждениями этого вопроса на пленарных заседаниях КР.

Так, специальное пленарное заседание КР для обсуждения гарантий безопасности было проведено 7 июля 2005 г. Открывая дискуссию, представитель Южной Африки заявил, что неядерные государства имеют право на получение международных юридически обязывающих гарантий безопасности по ДНЯО. Разработка таких гарантий в контексте ДНЯО – в отличие от других форумов – даст значительные выгоды участникам договора и может послужить положительным стимулом для тех стран, которые все еще остаются вне его. Такой международный юридически обязывающий документ должен быть принят либо в форме отдельного соглашения, достигнутого в контексте ДНЯО, либо в качестве протокола к Договору.

С подтверждением своих традиционных позиций по гарантиям безопасности выступили на этом заседании делегации России, Великобритании, Франции и Китая. Показательно, что делегация Соединенных Штатов в обсуждении участия не принимала³⁴.

В 2006 г. с заявлениями по гарантиям безопасности на заседаниях КР выступали делегации Франции, Германии, Кубы, Индии, Италии, Пакистана, Ирана, России. Делегация РФ на заседании 2 февраля 2006 г. заявила, что Россия готова «двигаться в направлении выработки глобального соглашения о негативных гарантиях безопасности». Делегация Германии 7 февраля заявила, что стратегия Европейского Союза против распространения ОМУ, принятая Советом ЕС в декабре 2003 г., исходит из того, что «позитивные и негативные гарантии безопасности <...> могут служить как в качестве стимула для отказа от обладания ОМУ, так и сдерживающим средством».

Перспективы разблокирования тупиковой ситуации с программой работы КР и созданием переговорных комитетов не просматривались и на сессиях Конференции по разоружению в 2007 и 2008 гг.

РАССМОТРЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ГАРАНТИЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ К ОБЗОРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 2010 Г.

В ходе подготовки к обзорной конференции 2010 г. на сессиях подготовительного комитета конференции многие неядерные государства, и прежде всего страны, принадлежащие к движению неприсоединения (ДН), продолжают настойчиво продвигать предложение о выработке юридически обязывающего соглашения о гарантиях безопасности неядерных государств.

На сессии подготовительного комитета 2008 г. Индонезия, выступавшая от имени ДН, призвала к тому, чтобы конференция 2010 г. «существенным образом сфокусировала свое внимание на этом критическом вопросе». Подчеркивая, что «юридически обязывающие гарантии безопасности в контексте договора принесут большую пользу государствам – участникам договора и ускорят дальнейший прогресс в деле ядерного разоружения и нераспространения», страны ДН высказались за создание на конференции отдельного вспомогательного органа по гарантиям безопасности. Представитель Индонезии заявил на сессии, что «впредь до полного уничтожения ядерного оружия должны быть предприняты усилия

на приоритетной основе по заключению универсального и юридически обязывающего документа о гарантиях безопасности неядерных государств без каких-либо условий»³⁵.

Поддержав это предложение, представитель Южной Африки заявил, что «переговоры о юридически обязывающих гарантиях безопасности должны <...> иметь место под эгидой ДНЯО в контексте интенсивного процесса рассмотрения действия договора». В том же ключе выступила делегация Мексики, говорившая от имени стран Латинской Америки и Карибского региона. Делегация Украины выступила с более широким предложением о созыве международной конференции по вопросам предоставления гарантий безопасности неядерным государствам.

Делегация России подтвердила традиционную позицию страны. Руководитель делегации А.И. Антонов заявил на заседании подготовительного комитета 28 апреля 2008 г.: «Считаем по-прежнему актуальным вопрос укрепления гарантий безопасности неядерным государствам. Выступаем за разработку глобальной договоренности о таких гарантиях, исключающих применение или угрозу применения ядерного оружия с учетом исключительных случаев, изложенных в военных доктринах ядерных держав»³⁶. Американская делегация в своем выступлении в комитете, говоря о том, чего могла бы достичь обзорная конференция 2010 г., вопрос о гарантиях безопасности обошла молчанием. Совместное заявление пяти ядерных держав от 9 мая также не содержит согласованной позиции по гарантиям безопасности.

Сессия подготовительного комитета не смогла принять согласованного документа, и дело ограничилось тем, что к документам сессии был приобщен рабочий документ ее председателя представителя Украины В.Ю. Ельченко, в котором в самом общем виде говорится о необходимости предоставления гарантий безопасности неядерным государствам³⁷.

В заключение следует отметить, что развивающиеся новые тенденции в политике некоторых ядерных держав, особенно Соединенных Штатов, по негативным гарантиям безопасности неядерных государств, как представляется очевидным, никак не способствуют поддержанию на должном уровне и тем более укреплению международного режима ядерного нераспространения. Умаление значения данной проблемы и переключение внимания исключительно на противодействие региональным вызовам этому режиму в ущерб общим задачам нераспространения представляются контрпродуктивными.

В интересах сохранения режима нераспространения в качестве основополагающей международно-правовой нормы и поддержания его долговременной стабильности требуются сбалансированные коллективные действия по всем основным направлениям системы нераспространения, отвечающие интересам максимально широкого круга государств – участников ДНЯО. Задача эта – не из легких, но она поддается решению при надлежащей воле со стороны ведущих государств. Важно, чтобы проблема укрепления гарантий безопасности привлекла к себе внимание руководящих эшелонов власти этих государств, особенно с учетом важности должной подготовки к обзорной конференции 2010 г.

Примечания

¹ Док. ENDC/178.

² Док. ENDC/167.

³ Bunn George. The Legal Status of U.S. Negative Security Assurances to Non-Nuclear Weapon States, *The Nonproliferation Review*, Spring-Summer 1997. P. 3.

⁴ Док. ENDC/165.

⁵ Док. ENDC/PV.325.

⁶ Там же.

⁷ Bunn George. Op. cit. P. 4.

⁸ Подробнее о рассмотрении гарантий безопасности при выработке ДНЯО см.: Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. М.: Наука, 1999. С. 328–348.

⁹ Док. ENDC/202.

¹⁰ LB Johnson Library. National Security File. Country File. Europe and USSR. Box 230; Files of Walt W. Rostow. Box 10; Administrative History of the U.S. Arms Control and Disarmament Agency, Parts I-IV, Boxes 1-2. Summary and Analysis of Principal Developments. P. 54-55; FRUS, 1964-1968, Vol. XI, Arms Control and Disarmament. P. 481-83. В докладе АКБП отмечалось, что именно Советский Союз своим предложением Индии «наметил путь к решению» вопроса о позитивных гарантиях безопасности.

¹¹ Док. ENDC/375.

¹² Док. A/C.1/PV/1571.

¹³ *Правда*, 19 мая 1978 г.

¹⁴ Банн Джордж, Тимербаев Р.М. Режим нераспространения ядерного оружия и гарантии безопасности неядерным государствам. М.: ПИР-Центр. *Научные Записки*, 1996, № 1. С. 9. Белоруссия и Казахстан присоединились к ДНЯО еще ранее подписания протоколов о гарантиях от декабря 1994 г.

¹⁵ Док. A/50/151 – S/1995/261. Это заявление было подтверждено и в военной доктрине России от апреля 2000 г.

¹⁶ Док. A/50/153 – S/1995/263.

¹⁷ Банн Джордж, Тимербаев Р.М. Цит. соч. С. 11.

¹⁸ Док. NPT/CONF.1995/32.

¹⁹ Банн Джордж, Тимербаев Р.М. Цит. соч. С. 11-12.

²⁰ Док. NPT/CONF.2000/28.

²¹ Blair Charles P., du Preez Jean P. Visions of Fission. The Demise of Negative Security Assurances on the Bush Administration's Pentomic Battlefield. *The Nonproliferation Review*, March 2005. Vol. 12, No. 1. P. 45.

²² Ibid. P. 48.

²³ *Arms Control Today*, November 1994. P. 27.

²⁴ Blair Charles P., du Preez Jean P. Op. cit. P. 51.

²⁵ Ibid. P. 54.

²⁶ Global Security Newsletter, Feb. 22, 2002. Цит. по: Charles P. Blair and Jean P. du Preez. Op. cit. P. 54. Вместе с тем следует заметить, что в контексте усилий по урегулированию ядерной проблемы КНДР США согласились на включение в совместное заявление участников шестисторонних переговоров (обе Кореи, КНР, США, Россия, Япония) от 19 сентября 2005 г. пункта, гласящего: «Соединенные Штаты дали заверение, что у них не имеется ядерного оружия на Корейском полуострове и что они не имеют намерения совершить нападение или вторгнуться в КНДР с помощью ядерного или обычного оружия». Таких безоговорочных гарантий безопасности США, насколько известно, никогда никому не давали. Впрочем, приведенное заявление требует соответствующего юридического оформления, как и другие положения совместного заявления.

²⁷ Speech by Secretary of Defense Robert M. Gates, Washington, D.C., 2008, October 28, <http://www.defenselink.mil/speeches/speech.aspx?speechid=1305> (последнее посещение – 28 октября 2008 г.).

²⁸ Французский аналитик Бруно Тертрэ из Фонда стратегических исследователей в своем комментарии от 23 января 2006 г. интерпретировал заявление Ширака таким образом, что президент имел в виду «возможное появление новых враждебных держав, особенно на Среднем Востоке, в Южной или Восточной Азии».

²⁹ *Disarmament Diplomacy*, Autumn 2007, № 86. P. 9.

³⁰ Док. NPT/CONF.2005/PC.III/WP.28.

³¹ Док. NPT/CONF.2005/MC.1/SB/CRP.4.

³² Док. NPT/CONF.2005/WP.62.

³³ Док. NPT/CONF.2005/29 от 11 мая 2005 г.

³⁴ Протокол заседания КР 7 июля 2005 г. – док. CD/PV.989.

³⁵ www.un.org/NPT2010/SecondSession/statements.

³⁶ Ibid.

³⁷ NPT/CONF/2010/PC.II/WP.43.

Александр Гуца, Наталия Ромашкина

РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН И МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ¹

Сфера космической деятельности связана с широкомасштабными возможностями и большими экономическими выгодами. Одна из главных характеристик ее современного развития заключается в небывалых темпах наращивания усилий различных стран и организаций по овладению космическими ресурсами. Применение космических средств в развитых и развивающихся странах уже можно рассматривать как общемировую тенденцию. Поэтому актуальность вопросов, связанных с ракетно-космической деятельностью развивающихся стран², только начинающих формировать свою политику в этом направлении, сегодня бесспорна.

Освоение космоса является чрезвычайно специфической сферой человеческой деятельности. С одной стороны, являясь направлением научно-технического прогресса, оно объективно должно стать одним из важнейших средств решения глобальных проблем человечества: энергетических, информационных, рационального использования природных богатств, контроля и сохранения окружающей среды, борьбы с последствиями стихийных бедствий и ряда других. С другой стороны, космос может стать новой сферой военного противостояния, источником новых угроз для всего человечества. В проблеме обеспечения международной безопасности особое место занимают вопросы предотвращения размещения оружия любого вида в космическом пространстве, а в более широком плане – недопущение использования космоса для совершения любых враждебных действий. Таким образом, особенно остро встает вопрос о влиянии ракетно-космических программ (РКП) развивающихся стран на региональную и глобальную безопасность.

На сегодняшний день космической деятельностью занимаются многие развивающиеся страны. При этом степень участия государств весьма разнообразна – от использования отдельных каналов связи до полномасштабного применения космических ресурсов для обеспечения широкого круга гражданских и военных потребностей (табл. 1).

В таблице 1 приведены данные о космической деятельности развивающихся стран, имеющих государственные ракетно-космические программы (РКП) или располагающих собственными космическими средствами, национального или иностранного производства. Из таблицы видно, что из развивающихся стран развитой космической инфраструктурой, позволяющей самостоятельно решать задачи освоения и практического использования космоса, обладают только КНР и Индия.

Как видно из таблицы, 17 развивающихся стран имеют государственные космические программы, 11 государств обладают производственной и научной базой, позволяющей разрабатывать и производить собственные космические аппараты (КА) – Бразилия, Израиль, Индия, КНР, РК, Пакистан, Чили, Мексика, ЮАР и др. При этом большинство из них способны создавать только небольшие экспериментальные КА.

А
Н
И
З

Таблица 1. Участие развивающихся стран в различных видах космической деятельности³

№	Страна	Виды космической деятельности											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	Аргентина	■					■				■	■	
2	Бразилия	■	■	■	■			■	■			■	
3	Вьетнам	■			■								
4	Гонконг						■						
5	Египет	■				■						■	
6	Израиль		■	■	■	■		■			■	■	
7	Индия							■	■			■	
8	Индонезия		■		■		■				■	■	
9	Иран					■					■	■	
10	КНДР	■		■		■							
11	КНР								■	■		■	■
12	Саудовская Аравия	■									■	■	
13	Малайзия	■			■						■	■	
14	Мексика	■	■				■						
15	Нигерия				■								
16	Пакистан	■	■			■	■	■				■	
17	Республика Корея	■	■	■	■	■	■	■				■	
18	Сингапур		■									■	
19	Таиланд	■					■	■					
20	Турция	■					■						
21	Филиппины						■						
22	Чили	■										■	
23	ЮАР	■	■					■					

Обозначения: ■ – имеется возможность

■ – существует

1 – государственная программа	7 – дистанционное зондирование Земли
2 – производство космических аппаратов	8 – метеорология
3 – производство ракет-носителей	9 – навигация
4 – запуск космических аппаратов	10 – фундаментальные исследования
5 – военные задачи	11 – прикладные разработки
6 – связь	12 – пилотируемые полеты

Важным фактором, влияющим на необходимость исследования РКП развивающихся стран, является тесная взаимосвязь программ мирной и военной направленности. Развитие РКП связано с применением технологий двойного назначения, поэтому возникает необходимость четко представлять, какими видами космической деятельности занимаются те или иные государства и как они могут быть использованы с точки зрения международной безопасности. В связи с этим изучение РКП не может иметь законченного характера без включения в рассмотрение баллистических ракет (БР). Это обусловлено как близостью используемых технологий, так и чрезвычайной значимостью факта наличия БР у той или иной страны для международной безопасности, а также региональной и стратегической стабильности.

Вместе с тем существующая в настоящее время международно-правовая база в этой области регулирует лишь отдельные аспекты использования космического пространства в военных целях (табл. 2), и ее явно недостаточно для предотвращения появления

в космосе других видов оружия, что может привести к подрыву всей существующей структуры договоренностей по ограничению вооружений, прежде всего в ракетно-ядерной сфере. При этом стран, которые могут в перспективе располагать возможностями вывода в космос оружия, становится все больше. Превращение космоса в потенциальный театр военных действий таит в себе глобальные угрозы стратегической стабильности и международной безопасности.

Таблица 2. Участие развивающихся стран в базовых соглашениях международного космического права⁴

Страны	Многосторонние соглашения				
	1	2	3	4	6
Китай	+	+	+	+	-
Израиль	+	+	+	-	-
Египет	+	+	+/-	-	-
Саудовская Аравия	+	-	+	-	-
Иран	+/-	+	+	+/-	-
Индия	+	+	+	+	+/-
Пакистан	+	+	+	+	+
Индонезия	+	+	+	+	-
Малайзия	+/-	+/-	-	-	-
Вьетнам	+	+/-	-	-	-
КНДР	-	-	-	-	-
Республика Корея	+	+	+	+	-
Бразилия	+	+	+	+	-
Аргентина	+	+	+	+	-

Обозначения:

1 – Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г.

2 – Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство, 1968 г.

3 – Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, 1972 г.

4 – Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, 1975 г.

5 – Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах, 1984 г.

+ ратифицировано

+/- подписано, но не ратифицировано

- не участвует

РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА КНР

Мощные экономические и человеческие ресурсы Китая определяют его особое положение в группе развивающихся стран. В настоящее время КНР занимает 4-е место в мире по масштабам экономики, однако его ВВП на душу населения составляет всего 1300

долл. США, что несопоставимо с уровнем развитых стран. При этом рост ВВП Китая в 2006 г. составил 10,7%, достигнув 20 940 млрд юаней (2684 млрд долл.), рост объема внешней торговли в 2005 г. составил 23%⁵.

Учитывая ресурсы КНР, научно-технический прорыв и высокие темпы развития, Китай можно рассматривать в качестве яркого примера успешно стартовавшей в ракетно-космической сфере страны с высоким потенциалом.

Важной особенностью современного этапа развития РКП КНР являются планы значительного увеличения финансирования отрасли путем наращивания государственных инвестиций, а также создания механизмов для капиталовложений в виде неправительственных ассигнований в интересах реализации национальных космических программ. Государственная поддержка отрасли уже и сейчас сочетается с использованием для ее развития рыночных принципов. Так, в конце 1990-х гг. осуществлена реорганизация космической промышленности, направленная на включение механизма конкуренции: *Китайская корпорация космической промышленности*, занимавшая монопольное положение в своей области, реорганизована в две: *Китайскую корпорацию космического оборудования и электроники* и *Китайскую корпорацию космической науки и технологии*⁶.

По мнению китайских экспертов, КНР отстает от США и России в области космических программ примерно на 15 лет, но при достаточном финансировании может догнать их уже через 10 лет. По ряду направлений космических технологий КНР достигла мирового уровня: возвращение спускаемого аппарата искусственного спутника Земли (ИСЗ), запуск нескольких ИСЗ одной ракетой, использование ракет на криогенном топливе, запуск геостационарных ИСЗ, ИСЗ управления, связи и телеметрии. Получены важные практические результаты в применении телекоммуникационных и ИСЗ дистанционного наблюдения, а также в испытаниях пилотируемого космического корабля⁷.

Китай стал третьей страной в мире, способной самостоятельно осуществлять пилотируемые космические полеты. 15 октября 2003 г. Китаем был запущен пилотируемый космический корабль *Шэньчжоу-5*. Выход космонавтов в открытый космос, ведение операций за пределами космического корабля и осуществление стыковки космического аппарата (КА) являются важными задачами развития космической науки и индустрии КНР.

«План развития космических исследований в Китае на 11-ю пятилетку», опубликованный Комитетом оборонной науки, техники и промышленности КНР, впервые обнародовав программу китайского правительства в этой сфере, предусматривает шесть важнейших направлений⁸:

- осуществление пилотируемых полетов в космос и исследование Луны;
- разработку и создание собственного телескопа, работающего в жестких рентгеновских лучах (2010 г.), который поможет совершить прорыв в изучении физики черных дыр;
- запуск в 2009 г. возвращаемого научно-экспериментального спутника *Шицзянь-10* для проведения исследований и экспериментов в области микрогравитации и космобиологии;
- участие в китайско-российской программе исследований Марса, программе строительства Всемирной космической обсерватории ультрафиолетового диапазона, а также в китайско-французской программе изучения взрывов на Солнце (SMESE);
- дальнейшую разработку технологий создания космического солнечного телескопа, подготовку к реализации космической программы «Миссия Куафу» для изучения солнечной активности;
- разработку ракетносителей нового поколения с высокой эффективностью, мощной тягой, низкой себестоимостью и более высокой экологической безопасностью.

Перспективы ракетно-космической сферы связываются в КНР с расширением международного сотрудничества, активным заимствованием передового опыта, научно-технических достижений других стран, усилением межгосударственного взаимодействия. Китай успешно развивает международное космическое сотрудничество. Так, по китайской инициативе уже образована Азиатско-Тихоокеанская организация космического сотрудничества (APSCO) в составе Китая, Бангладеш, Индонезии, Ирана, Монголии, Пакистана, Перу, Таиланда и Турции со штаб-квартирой в Пекине. КНР подписала 16 соглашений и меморандумов о международном сотрудничестве в области мирного использования космического пространства и осуществления ряда космических проектов, в том числе с РФ, Францией, Бразилией, Европейским космическим агентством, Великобританией, Индией, Аргентиной, Канадой, Малайзией, Пакистаном, Украиной и т.д.

Исходя из амбициозных планов КНР, направленных на получение статуса великой мировой державы, РКП относится к категории государственных приоритетов и опирается на государственную экономическую поддержку. При этом все большая роль отводится коммерциализации космической деятельности. С учетом общей стратегии развития КНР управление основными космическими программами и проектами предположительно будет осуществляться специализированными государственными руководящими органами. Это определяет характерные черты развития РКП КНР: интегрированное планирование, предусматривающее долгосрочные и краткосрочные цели, развитие систем КА и наземной космической инфраструктуры; стимулирование прогресса в развитии и повышения экономической отдачи от космических технологий; концентрация усилий на ограниченном числе приоритетных направлений, имеющих жизненно важное значение для национальной экономики и обороны.

Наиболее ожидаемым является создание в КНР комплексной научно-производственной сети, включающей предприятия по производству спутников и наземного оборудования, системы обслуживания, обеспечения запусков и технической эксплуатации КА.

Сложной проблемой отрасли в КНР в настоящее время является преодоление сохраняющегося научно-технического отставания отдельных направлений космических технологий (таких как эффективность и качество бортовой аппаратуры ИСЗ, надежность систем жизнеобеспечения космических кораблей и др.) от уровня развитых стран. Целью является достижение мировых стандартов выпускаемой продукции космического назначения к 2010 г.

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Политическая ситуация на Ближнем и Среднем Востоке, характер режимов, сложившихся в государствах региона, их внешнеполитическая ориентация, социально-экономические процессы, а следовательно, и эволюция столь важной и ускоренно развивающейся сферы деятельности, как РКП, неизменно вызывают повышенный интерес мирового научного и политического сообщества.

Наиболее масштабной РКП в регионе обладает Израиль, при этом в ней отчетливо прослеживаются и военные, и гражданские ветви развития.

Среди положительных тенденций, влияющих на развитие РКП Израиля, следует отметить: высокий экономический, научно-технический, промышленный и кадровый потенциал; разностороннее международное сотрудничество; широкую международную поддержку (в первую очередь, со стороны США и западных стран); значительный опыт собственного производства ракетной техники, в частности, ракеты-носителя *Шавит* (на околоземную орбиту было запущено 11 спутников, что позволило Израилю стать восьмой страной в мире, запустившей собственный спутник собственной ракетой⁹); высокий уровень развития вспомогательных отраслей науки.

Перспективные направления в РКП Израиля связаны в гражданском секторе с созданием собственных космических ракетоносителей и ИСЗ, в военном – с созданием новых БР (в частности, на основе космических ракетоносителей *Шавит* осуществляется разработка МБР *Йерихон-3* с дальностью до 9000 км, способной поражать цели на всей

территории Европы, Азии и Африки¹⁰); а также разработкой элементов системы ПРО (в 2007 г. в Израиле были успешно произведены испытания созданной совместно с США противоракетной системы *Хец*¹¹).

Ряд направлений развития РКП Израиля могут повлечь за собой возникновение новых угроз международной безопасности, ведущих к снижению уровня региональной и стратегической стабильности. Однако, учитывая низкий уровень чувствительности Израиля к мнению международного сообщества в вопросах национальной обороны, нет оснований полагать, что израильское руководство откажется от их развития.

В качестве главной угрозы своей безопасности, с которой напрямую связаны РКП военного характера, Израиль рассматривает самое крупное государство региона – Исламскую Республику Иран (ИРИ).

Несмотря на меньшие достижения в ракетно-космической области по сравнению с Израилем, существуют факторы, способные позитивно влиять на развитие РКП Ирана: достаточно высокий экономический, научно-технический, промышленный, человеческий потенциал; значительное бюджетное финансирование; развитые технологии (в 2008 г. Иран стал 11-й страной в мире, овладевшей технологией проектирования, создания и вывода на околоземную орбиту ИСЗ *Омид*¹²); единство общественного мнения по поддержке этих программ внутри страны и др. Однако международные санкции в области высоких технологий (в первую очередь, со стороны стран Запада) в связи с обязательствами развития иранской ядерной программы существенно затрудняют более широкомасштабное развитие РКП.

Перспективы дальнейшего совершенствования РКП Ирана напрямую связаны с расширением международного сотрудничества в рассматриваемой области, поэтому в среднесрочной перспективе он должен быть заинтересован в ослаблении политической напряженности в регионе.

Второй по развитости РКП на Ближнем Востоке (после Израиля) обладает Египет, при этом у Королевства Саудовской Аравии (КСА) имеются наиболее мощные БР на Среднем Востоке. Однако собственная технологическая база для развития РКП в этих странах развита недостаточно. В первую очередь, наблюдается дефицит квалифицированных кадров, что ставит египетские и саудовские программы в зависимость от привлечения иностранных специалистов.

Перспективы развития РКП обоих государств связаны с расширением международного сотрудничества (с США, РФ, Великобританией, Францией, Украиной, арабскими странами, КНР)¹³. Например, в Египте планируются разработка микроспутника для получения изображений из космоса и совместная с Украиной разработка спутниковой системы (контракт на проектирование, изготовление, запуск, обучение и передачу технологии для спутника *EgyptSat-1* подписан между NARSS (Египет) и КБ *Южное* (Украина) в октябре 2001 г.¹⁴) и возобновление приостановленных совместных ракетно-космических проектов.

При оценке влияния РКП Египта и КСА на уровень международной безопасности следует учитывать, что политическое руководство этих стран официально дистанцируется от экстремистских кругов региона (в основном – радикально-экстремистского толка). Высокий уровень внутривнутриполитической стабильности в этих странах не дает оснований для изменения такого положения дел, а широкое привлечение иностранных специалистов является дополнительной гарантией этого. Можно сделать вывод, что расширение вовлечения Египта и КСА в международные проекты в космической сфере объективно способствует мирной направленности РКП, и их исключение из этих проектов, чем бы и как оно ни обуславливалось, может привести к непредсказуемым последствиям.

ЮЖНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Государством с наиболее высокоразвитой и перспективной РКП в регионе является Индия. Можно говорить об уникальности сложившейся в стране ситуации. Если в СССР, США и КНР космические программы начали развиваться на базе обширных военных

программ, то в Индии сложилась противоположная ситуация. Космические программы начали реализовываться еще в 1960-х гг.: проводились запуски геофизических ракет, составленных на основе предоставленных США.

Первый запуск индийского ИСЗ с помощью ракеты-носителя собственного производства был осуществлен 10 августа 1979 г.¹⁵. В настоящее время Индия имеет два функционирующих ИСЗ *IRS-1C*. В стране созданы две национальные космические системы: связи, телевещания и метеонаблюдений на базе геостационарных спутников серии *INSAT* и дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) на базе низкоорбитальных КА типа *IRS*¹⁶. Необходимо отметить успехи в области создания мощных ракетносителей *GSLV* и *PSLV* и выведения спутников (в том числе и иностранных) на различные орбиты¹⁷.

При этом Индия способна создавать МБР, оснащенные ядерными боезарядами, с дальностью до 10 000 км¹⁸. Таким образом, Индия интенсивно развивает как мирные, так и военные РКП, что позволит ей в недалеком будущем стать одной из ведущих мировых космических держав. При этом есть возможность двойного использования технологий и, следовательно, стремительного наращивания военного потенциала. Однако в настоящее время инициирование Индией гонки вооружений в Южной Азии представляется объективно нецелесообразным ввиду целого ряда причин.

На международной арене важными партнерами Индии в развитии РКП являются РФ, США и другие ведущие страны мира, особенно в сфере технологий ракетного двигателестроения и разработки спутниковых систем.

В Пакистане с 1980-х гг. активно развиваются ракетные технологии военного назначения. Руководящий орган космической программы *SUPARCO* не раз заявлял о намерениях развивать спутниковые технологии коммуникации, ДЗЗ и навигации, однако серьезных результатов достигнуто не было.

Важным фактором, затрудняющим развитие РКП, является контроль со стороны пакистанских военных. Политическая неустойчивость, высокий уровень террористической опасности и нестабильность политического режима в сочетании с наличием ЯО повышают вероятность негативного влияния пакистанской РКП на дестабилизацию в южно-азиатском регионе. С другой стороны, можно отметить и конструктивную роль развития пакистанской РКП в обеспечении регионального сдерживания в противоборстве с Индией. При этом, однако, необходимо иметь в виду значительное превосходство Индии во всех областях ракетно-космической деятельности.

Индонезия и Малайзия – наиболее динамично развивающиеся страны в Юго-Восточной Азии, добившиеся внушительных результатов в использовании космоса. Космическая программа Индонезии началась в 1970-е гг., Малайзии – в начале 1990-х гг. Они обладают спутниковыми средствами коммуникации (Индонезия стала четвертой страной (после СССР, США и Канады), создавшей собственную спутниковую систему), возможностями ДДЗ и имеют планы по созданию систем нового поколения. В сентябре 2007 г. первый малазиец был отправлен на МКС. Малайзия поставила амбициозную задачу попасть в клуб космических государств к 2020 г., что предполагает создание собственной спутниковой группировки и работы по изучению Луны, вместе с Индией ведет разработку микроспутника (весьма актуальное направление для развивающихся стран при отсутствии у них достаточно мощных ракетносителей) и строительство космодрома совместно с национальным космическим агентством Японии *NASDA*. Индонезия имеет совместный с РФ проект «Воздушный старт» (запуск легких спутников с самолетов), рассматривает планы сотрудничества с РФ в области РТ для укрепления своего возможного статуса *запускающей страны*. Руководство стран придает большое значение подготовке специалистов, в том числе в России¹⁹. Высокий уровень инвестиционной привлекательности РКП Малайзии и Индонезии, в том числе благодаря их геофизическому положению, очень привлекательному для вывода ИСЗ на орбиту, и мирному характеру программ является важным фактором, определяющим перспективность развития их технологий.

Таким образом, для РКП Индонезии и Малайзии характерна высокая зависимость от международного сотрудничества. При этом не исключена возможность их милитаризации в случае осложнения региональной и национальной социально-экономической

ситуации, однако в этом случае неминуемо резкое падение уровня международных контактов в космической области не позволит эффективно развивать РКП.

Социалистическая Республика Вьетнам является одной из самых бедных стран Юго-Восточной Азии со слабо развитыми ракетно-космическими технологиями. Однако руководство страны намерено формировать РКП, для чего был создан Институт космических технологий и расширяется сотрудничество с различными странами мира. Важным этапом современной космической программы Вьетнама является запуск спутника связи *Vinasat*, запланированный на вторую половину 2008 г. В его создании примут участие компании *Alcatel Alenia Space* (Франция), *Lockheed Martin Commercial Space Systems* (США) и *Sumitomo Corporation* (Япония)²⁰. Также Вьетнам имеет нескольких северокорейских БР *Хвасон-6*. В целом уже осуществленные реформы в переводе некоторых отраслей на рыночную основу и их результаты, а также быстрые темпы развития современных отраслей промышленности определяют существенные перспективы вьетнамской РКП.

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Особенностью ракетных и ракетно-космических программ государств Корейского полуострова является их различная направленность: Северная Корея сосредоточила свои усилия, в основном, на военных РКП, а Республика Корея – на мирных программах, которые, в принципе, при необходимости могут быть преобразованы в военные.

КНДР одна из первых стран Азиатско-Тихоокеанского региона развернула работы по овладению ракетными технологиями – в 1960-е гг. Высокая заинтересованность государства в развитии РКП, а также единство общественного мнения в их поддержку внутри страны привели к тому, что страна обладает достаточно развитыми ракетными системами, которые, исходя из заявленной дальности стрельбы, могут поражать цели на территории Республики Корея, Японии, Восточной КНР, РФ, Монголии, Индии, Пакистана, островах Окинава и Гуам, а также на Аляске.

31 августа 1998 г. с территории КНДР был осуществлен запуск необъявленной многоступенчатой ракеты. Первая ступень ракеты упала в Японское море, вторая, пролетев над Японией, упала в Тихий океан. Однако 4 сентября Центральное телевидение КНДР и Центральное телеграфное агентство Кореи (ЦТАК) объявили, что 31 августа КНДР запустила не БР, а искусственный спутник Земли, который обращается по эллиптической орбите и распространяет сигналы на частоте 27 МГц²¹. Однако сигналы нигде не были зафиксированы. Кроме того, системы космического мониторинга США и РФ не наблюдали никаких орбитальных объектов, которые можно было бы сопоставить с объявленным КНДР запуском. Поэтому можно утверждать, что северокорейского спутника на орбите не было.

В целом развитие РКП существенно затрудняется экономической и технологической отсталостью (весь военный бюджет КНДР оценивается в \$2 млрд) и информационной изоляцией страны, особенно с учетом проведения политики *опоры на собственные силы*.

Южная Корея начала реализацию собственной РКП с 1974 г., спроектировав ракету *Пэкком (Белый медведь)*. В настоящее время важнейшим направлением ее РКП является освоение космоса.

Началом космических разработок можно считать апрель 1996 г., когда Национальным советом по науке и технике Республики Корея был принят «Основной долговременный план космических разработок Кореи». Государство имеет собственные ракетносители (*KSR-I* для измерения вертикального распределения озона, *KSR-II* для измерения распределения озона, электронов и космических лучей), спутниковую систему, систему ДЗЗ²².

Запланированное Южной Кореей усовершенствование ракет и ракетных технологий, самостоятельная разработка в будущем телекоммуникационного КА, производство КА и расширение международного сотрудничества приведут к повышению конкурентоспособности страны на мировом рынке.

Оценка угроз международной безопасности со стороны ракетных и ракетно-космических программ стран Корейского полуострова затруднена в связи с недостатком достоверной информации о РКП КНДР. Вероятно, не исключено создание в КНДР МБР (на завершающей стадии НИОКР и проверок находится трехступенчатая ракета *Тепходон-3* с дальностью 8000–15 000 км, способная нести полезную нагрузку до 750 кг²³). Поэтому существует возможность усиления региональной гонки вооружений, в которой будут участвовать и КНДР, и РК, что приведет к снижению уровня региональной и стратегической стабильности. Существуют опасения, что КНДР может использовать ракетный потенциал в качестве инструмента давления и шантажа – по образцу своей ядерной программы.

С другой стороны, переориентация РКП КНДР на мирные задачи приведет в перспективе к вовлеченности страны в мировое сообщество, к росту экономического потенциала для развития РКП и расширению международного сотрудничества (в первую очередь, с РФ, США, КНР, Японией, РК). Такие перспективы позволят расширить потенциал РКП государств Корейского полуострова, приведут к повышению регионального и международного статуса обеих стран и ослаблению военно-политической напряженности.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Данный регион является одним из перспективных с точки зрения развития РКП. Яркими примерами развивающихся стран Латинской Америки с РКП являются Бразилия и Аргентина.

Обе страны обладают богатым опытом международного сотрудничества благодаря содействию в реализации национальных РКП на разных этапах развития со стороны РФ (СССР), США, Германии, Франции, Китая, Украины, Израиля, Индии, КСА, Египта, Ирака. Бразилия участвует в международном сотрудничестве в области космических исследований с 1950-х, Аргентина – с 1960-х гг.

Недостаток собственных квалифицированных кадров компенсируется кооперацией со специалистами развитых стран. Сегодня обе страны проявляют активный интерес к расширению сотрудничества в данной сфере, что способствует развитию рынка космических технологий, информационному обмену и диверсификации космических рисков, а также созданию общей атмосферы стабильности и взаимовыгодного партнерства.

В регионе отмечается значительный рост инвестиционного интереса к ракетно-космической отрасли. Помимо наличия собственной мощной экономической базы, регион является очень привлекательным для иностранных инвесторов. При этом особо стоит отметить наиболее выгодное геофизическое положение бразильского космодрома *Алкантара*, расположенного двумя градусами южнее экватора, что позволяет крайне эффективно выводить на орбиты практически любого наклона тяжелый полезный груз.

Приоритетными направлениями развития для Бразилии являются создание собственных ракетносителей, приведение космодрома *Алкантара* в соответствие с международными стандартами, а также реализация спутниковой программы. Основой же аргентинской Национальной космической программы является производство спутников для научных и технических целей. Реализация этих направлений может привести не только к развитию научной базы, промышленности и космической инфраструктуры, но и к повышению статуса региона на международной арене. Реализация предложения Аргентины о создании регионального Агентства по космическим исследованиям, подобного Европейскому космическому агентству, приведет к появлению нового крупного латиноамериканского участника программ освоения космического пространства.

Как и любая другая РКП, латиноамериканские программы имеют техническую возможность переключения на военные цели. Однако на данный момент можно говорить о мирном характере РКП Аргентины и Бразилии и об отсутствии их негативного влияния на международную и региональную безопасность. В этом смысле РКП Бразилии и Аргентины являются своеобразным *образцом* позитивного системного подхода к международным отношениям в области современных технологий – их исключительно

мирный характер обуславливает высокую степень взаимного доверия и, следовательно, весьма благоприятные перспективы развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие РКП гражданского и военного назначения в настоящее время перестало быть монополией нескольких высокоразвитых стран. РКП проводятся или планируются в десятках стран различных регионов, находящихся на разных ступенях экономического, технологического и социального развития.

В современном мире не осталось РКП, имеющих обособленный характер. Даже космические лидеры вовлечены в развернутые совместные проекты выполнения и развития РКП на основе двусторонних или многосторонних межгосударственных соглашений. Отказ от таких проектов и проведение РКП только национальными усилиями приводят к технологическому отставанию. Международное сотрудничество является необходимым условием развития РКП в развивающихся странах. Кроме того, успешное развитие международного космического сотрудничества способствует выработке новых подходов к реализации несиловых механизмов обеспечения мира и безопасности, развитию партнерских и деловых отношений, укреплению доверия. Таким образом, роль и значение космической деятельности в системе геополитического баланса продолжают возрастать, ей будет отводиться особое внимание со стороны как ведущих, так и развивающихся государств мира.

Успешное развитие РКП в развивающихся странах возможно лишь в стабильной международной обстановке. В этом заключается кардинальное отличие от развития РКП в условиях биполярного мира. При этом существуют серьезные сомнения в перспективах такого развития в условиях однополярности, когда объективные предпосылки и обстоятельства подменяются субъективными политическими предпочтениями. В обсуждаемом контексте именно многополярный мир объективно наиболее предпочтителен для успешного развития РКП.

Развитие РКП связано с применением технологий двойного назначения, которые образуют определенное сочетание программ гражданской и военной направленности. Анализ указывает на два важнейших системных аспекта этой проблемы. Во-первых, степень военной направленности РКП, в конечном итоге, определяется уровнем мировой и региональной безопасности и стабильности, которые, в свою очередь, зависят от многих факторов: наличия взаимных территориальных претензий, доступности ОМУ (в первую очередь – ЯО) для рассматриваемых стран, степени стабильности правящих режимов и их удаленности от экстремистских группировок различного толка и др. Во-вторых, от этих же факторов вполне однозначно зависит характер и уровень межгосударственного технологического сотрудничества, резко ограничивая его масштабы в условиях серьезных международных осложнений.

В процессе обеспечения международной безопасности особое место занимает проблема предотвращения размещения оружия любого вида в космическом пространстве, а в более широком плане – недопущение использования космоса для совершения любых враждебных действий. Оба вопроса заслуживают существенной активизации дипломатических усилий России на всех уровнях с обязательным (и широким) привлечением ведущих ученых и специалистов.

Развитие РКП военного назначения вызывает серьезную озабоченность, поскольку по совокупности критериев *эффективность–стоимость* наличие военных БР может быть оправдано лишь при условии их оснащения той или иной разновидностью ОМУ. В связи с этим существующая система юридических и договорных ограничений на распространение ракетных технологий должна быть сохранена и даже укреплена, оставаясь достаточно гибкой, чтобы не создавать серьезных препятствий на пути межгосударственного технологического сотрудничества. К сожалению, существующие структуры такого рода не в должной мере удовлетворяют этим двум внешне противоречивым, но, по существу, системно единым требованиям.

Дефицит кадров является одной из главных проблем развития РКП многих развивающихся стран, она может быть решена лишь в рамках международного сотрудничества. Общеизвестные достижения России в сфере ракетно-космических технологий, значительный потенциал российского технического образования и большой опыт профессиональной переподготовки открывают перед ней хорошие перспективы в секторе многообещающего рынка подготовки национальных специалистов развивающихся стран в области ракетно-космической техники. Однако содержание и учебные программы такой подготовки должны учитывать характер и направленность РКП данного государства и в любом случае исключать возможность распространения чувствительных знаний, сведений и технологий, необходимых для создания ракет-носителей ОМУ.

В современной системе международных отношений и достигнутых параметров ракет-носителей развивающихся стран проведенный анализ свидетельствует об отсутствии серьезных угроз со стороны РКП этих стран непосредственно для национальной безопасности России. Однако этот вывод не может абсолютизироваться, и системный анализ РКП должен продолжаться при обязательном включении в него в качестве составной части глобальных, региональных и для ряда стран внутривнутриполитических обстоятельств.

Нормальное функционирование военно-космических систем различного назначения в целом способствует поддержанию стратегической стабильности и международной безопасности путем создания более открытого режима военной деятельности, которая подлежит контролю в целях соблюдения договоров в области ограничения вооружений, а также установления климата доверия между государствами и предсказуемости в военной области.

Возникает необходимость тщательного законодательного регулирования спорных аспектов, в особенности терминологии, для исключения ситуаций ложной трактовки и возможности избежать ответственности. Для предотвращения зарождающейся гонки вооружений в космосе необходимо добиться четкого выполнения заложенных в Соглашении о Космосе 1967 г. положений о размещении вооружений в космическом пространстве и о мирном статусе космоса. Кроме того, целесообразно создать международный орган, объединяющий как инспекционные функции, так и систему наблюдений непосредственно из космоса за актами запусков для предотвращения несоблюдения норм о регистрации космических объектов и другие функции, необходимые для обеспечения международной безопасности. Россия, обладающая мощной космической группировкой, могла бы играть одну из ведущих ролей при создании и в ходе функционирования такого органа.

Примечания

¹ Статья подготовлена на основе ситуационного (учебного) анализа, проходившего в Институте международных отношений МИФИ по теме «Ракетно-космические программы развивающихся стран и международная безопасность» с 25 по 30 июня 2008 г. К проведению ситуационного анализа были привлечены: в качестве общего руководителя – Гуца А.И., руководителей тематических групп – Гуца А.И., Ромашкина Н.П., Макаров А.Ю., Леонов Д.В. В работе тематических групп приняли участие Николаев Д.М., Перепелица А.Г., Николаев В.С., Асина Л.Р., Байрес А.С., Голованова Е.Ю., Горюн М.А., Гусарова О.В., Емельянцева Д.О., Земляных В.В., Кайсина К.В., Киров В.А., Коваленко Д.Г., Краснораменская Е.В., Крымцова М.В., Ларин А.А., Масаева В.А., Масловский Г.Е., Сапрыкина А.П., Стефанович Д.В., Пивоварова М.А., Поляков М.С., Потапова В.В., Уланов Д.В., Ушмаров И.А., Федосова О.А., Харламова Е.А., Цыпышев Д.А., Юшкин П.К. При проведении ситуационного анализа использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением президента Российской Федерации от 30 июня 2007 г. № 367-рп.

² См. классификацию развивающихся стран ООН, http://www.unctad.org/en/docs/c1em27d2_en.pdf (последнее посещение – 25 июня 2008 г.).

³ Составлено на основе: Участие стран мира в различных видах космической деятельности. Тенденции развития космонавтики в мире. Большая космическая энциклопедия, <http://kosmos.claw.ru/shared/025.html> (последнее посещение – 9 октября 2008 г.).

- ⁴ Составлена на основе: United Nations Office for Outer Space Affairs (UNOOSA), <http://www.unoosa.org/oosatdb/showTreatySignatures.do> (последнее посещение – 9 октября 2008 г.).
- ⁵ ВВП Китая в 2006 г. вырос на 10,7%. *Ведомости*. 2007, 5 марта, <http://www.vedomosti.ru/newsline/index.shtml?2007/03/05/393216> (последнее посещение – 5 сентября 2008 г.).
- ⁶ Stokes Mark. China's Strategic Modernization: Implication's for the United States. Strategic Studies Institute. USA, 1999. P. 169–170.
- ⁷ Ibid, P. 175–177.
- ⁸ Павельцев Петр. Полетят ли китайцы на Луну? *Новости Космонавтики*. 2007, № 5 <http://www.novosti-kosmonavtiki.ru/content/numbers/292/06.shtml> (последнее посещение – 13 сентября 2008 г.).
- В Китае опубликован план развития космических исследований до 2012 г. *Стратег.Ру*, 2007, 26 февраля, <http://stra.teg.ru/lenta/innovation/2564> (последнее посещение 4 сентября 2008 г.).
- ⁹ Израиль провел успешные испытания противоракетной системы *Хец*. *NEWSru.com*, 2007, 12 февраля, <http://txt.newsru.com/world/12feb2007/racket.html> (последнее посещение – 9 октября 2008 г.).
- ¹⁰ Ромашкина Наталия. Стратегическая стабильность в современной системе международных отношений. М.: Научная книга, 2008, 288 с.
- ¹¹ Израиль провел успешные испытания противоракетной системы *Хец*. *NEWSru.com*. 2007, 12 февраля, <http://txt.newsru.com/world/12feb2007/racket.html> (последнее посещение – 9 октября 2008 г.).
- ¹² Иран, Китай и Таиланд вывели на орбиту исследовательский спутник. *РИА Новости*. 2008, 7 сентября, <http://www.rian.ru/science/20080907/151049030.html> (последнее посещение – 14 сентября 2008 г.).
- ¹³ Юрченко В.П. Военно-техническое сотрудничество США с арабскими странами. Институт Ближнего Востока. М., 2008.
- ¹⁴ Призваны временем. Ракеты и космические аппараты Конструкторского бюро Южное. Под ред. С.Н. Колюхова. Днепропетровск: АРТ-ПРЕСС, 2004.
- ¹⁵ Хромов Геннадий. Взгляд на политику Индии в области ракетного и ядерного нераспространения. *Ядерный Контроль*. 1998, № 5, с. 53–66.
- ¹⁶ Кучейко Александр, Борисов Алексей. Космическая программа Индии. *Новости Космонавтики*. 2001, 1–28 февраля, <http://www.novosti-kosmonavtiki.ru/content/numbers/219/21.shtml> (последнее посещение – 9 октября 2008 г.).
- ¹⁷ Индия: первый космический старт-2007, 2007, 10 января, http://rnd.cnews.ru/tech/news/top/index_science.shtml?2007/01/10/230613 (последнее посещение – 9 октября 2008 г.).
- ¹⁸ Barnaby Frank. Trials provide data for range of weapon yields. *Jane's Information Group*, 1998. 26 May.
- ¹⁹ Малайзия направляет в Россию космических специалистов. *Polpred.com*. 2005, 9 июня, <http://www.malaysia.polpred.ru/news.html?section=18&id=13593&type=paid&country=98> (последнее посещение – 9 октября 2008 г.).
- ²⁰ Vietnam satellite project attracts corporate giants. *Forbes.com*. 2006, 16 февраля, <http://www.forbes.com/home/feeds/afx/2006/02/16/afx2531245.html> (последнее посещение – 9 октября 2008 г.).
- ²¹ Тарасенко Михаил. Северная Корея рвется в космос. *Новости Космонавтики*. 1998, № 19/20.
- ²² Меркулов В.И., Швец Н.Н. Воздушно-космическая политика государств азиатско-тихоокеанского региона. Тверь, 2006, 386 с.
- ²³ Ромашкина Наталия. Северная Корея и Иран в новой системе международных военно-политических отношений: ядерный фактор. М.: Научная книга, 2007, 99 с.

Новое обострение отношений между Россией и Западом выдвигает на первый план уже неоднократно звучавшие вопросы относительно необходимости и возможности поиска компромисса и новых форм взаимодействия России с главной военной структурой Запада – Организацией североатлантического договора (НАТО). Насколько современная роль НАТО в обеспечении международной безопасности отвечает (или противоречит?) интересам России? Будут ли двусторонние отношения России и США процветать на взаимодействия России с блоком? Среди главных вопросов центральное место занимает вопрос о том, насколько НАТО способно отвечать на современные вызовы международной безопасности? И, конечно, нельзя забывать о перспективах дальнейшего расширения НАТО.

*На эти вопросы отвечают участники дискуссии: старший советник ПИР-Центра генерал-лейтенант (в отставке) Г.М. **Евстафьев** и профессор МГИМО, член Совета ПИР-Центра А.В. **Загорский**¹.*

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: С одной стороны, мы видим НАТО на картах Министерства обороны России как сохраняющуюся серьезную угрозу интересам страны. С другой стороны, мы слышим, что НАТО в этом мире уже нерелевантна и что эта структура обречена на умирание. Что она просто не нужна для нынешней структуры европейской трансатлантической безопасности. Единственное, что ее поддерживает, это бюрократия, которая всегда умирает последней, и, может быть, чуть-чуть, военная кампания в Афганистане. А может быть, России вообще пришла пора перестать уделять сколько-нибудь серьезное внимание НАТО? Игнорировать – не лучшее ли решение?

Г.М. ЕВСТАФЬЕВ (ПИР-ЦЕНТР): НАТО – очень сложная организация. Она изначально создавалась не только как военный блок, но и как организация, которая помогала так называемому *евроатлантическому сообществу* согласовывать свои взгляды, вырабатывать единую точку зрения на происходящие в мире события, прежде всего, в Европе. Поэтому если взять документ о структуре НАТО, то можно увидеть, ну, просто, казалось бы, фантастические (хотя отнюдь не фантастические, а вполне реальные) подразделения, начиная с подразделений по охране трубопроводов, которые для нас в Европе играют большую роль, и кончая подразделениями, которые курируют вопросы партнерства и сотрудничества.

НАТО остается военной организацией. Причем это настоящий военный блок, у которого жесткая внутренняя дисциплина. И когда говорят о реформировании и военной, и политической составляющей НАТО, то всегда говорят о военном преобразовании этой организации. При этом критикуют тех, кто вносит мало средств в бюджет на поддержание военных способностей НАТО.

НАТО в Европе стала, по сути, единственной организацией, которая влияет на состояние безопасности на этом континенте. Надежды наших ведущих политологов и руководителей МИДа на то, что Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) сыграет свою роль в этом деле, оказались тщетными. Почему? Потому что не была предложена разумная концепция, не были учтены многие объективные факторы. Поэтому попытки некоторых людей развивать эту идею вглубь и вширь не дали практических результатов. Именно поэтому в эпоху конфронтации между двумя блоками большинство европейских стран поняли, что надо ориентироваться на НАТО. И они начали вступать.

Россию в НАТО не примут. Еще в 1954 г., после смерти И.В. Сталина, СССР этот вопрос прозондировал. Председателем Совета министров тогда был Г.М. Маленков, который был первым, кто выступил с тезисом о том, что война с применением ядерного оружия – это катастрофа, которую необходимо избежать всеми силами. Именно в это время появилось заявление советского правительства о том, что ради безопасности в Европе СССР может и хочет вступить в НАТО в качестве члена при соблюдении некоторых условий. Одним из условий было равноправное участие в принятии решений. Я не буду говорить о том, был ли это пропагандистский шаг. Но такой шаг СССР сделал.

СССР и НАТО были идеологическими противниками, которые противостояли друг другу и в военной сфере, и в экономической, и в политической. Сегодня ситуация иная. У нас нет с натовцами *принципиальных стратегических* разногласий. У нас есть *тактические* разногласия, как построить безопасность в Европе. Президент Д.А. Медведев высказал в Брюсселе соображение о том, как надо по-новому подойти к организации безопасности в Европе. Фактически это получается «Хельсинки-2». Подобная инициатива лишний раз доказывает, что России необходимо комплексное обеспечение безопасности в Европе.

Если мы признаем факт, что НАТО является одной из основ европейской безопасности, потому что от поведения НАТО зависит эта европейская безопасность больше, чем от кого-либо, то возникает вопрос: что делать? Можно поконфронтировать, но это сумма с нулевым результатом и не в интересах нашего растущего государства и большинства стран на пространстве СНГ. Надо искать форму сотрудничества. Именно из этой идеи родился основополагающий акт Россия–НАТО. Борьба при формулировании этого акта была невероятная. Были абсолютно противоположные точки зрения, но удалось совместить их в документе, который и стал основой для сотрудничества.

К сожалению, провозглашенная в 2005 г. Генеральным секретарем НАТО Япом де Хооп Схеффером стратегия постепенной трансформации в политическую организацию решается крайне медленно, и складывается впечатление, что НАТО постепенно склонна отойти от этой задачи. Это в свою очередь серьезно сужает рамки политического сотрудничества России и НАТО в обозримом будущем.

А БУМАЖНЫЙ ЛИ ЗВЕРЬ?

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Получается, что *зверь* на самом деле вовсе не бумажный, а вполне реальный, и с ним нужно реально считаться?

А.В. ЗАГОРСКИЙ (МГИМО МИД РФ): К НАТО нужно относиться серьезно, потому что *похороны* этой организации достаточно далеки. Для России самое важное – это не вчерашнее НАТО в области европейской безопасности. Если взглянуть на европейскую безопасность как таковую, то в Европе нет сегодня больших проблем. Проблемным регионом остаются только западные Балканы, также некоторые конфликтные зоны имеются на постсоветском пространстве. НАТО сегодня важна больше как *глобальный актер*. Развитие НАТО сейчас определяется тем, что НАТО уходит из Европы, оставляя свои функции ЕС. НАТО входит в Афганистан, по-своему в Ирак и т.д. Поэтому на сегодняшний день, если брать не европейский, а глобальный аспект безопасности, мы видим как различие точек зрения у России и НАТО, так и *огромное совпадение интересов, позиций и целей*. Наглядным примером является Афганистан.

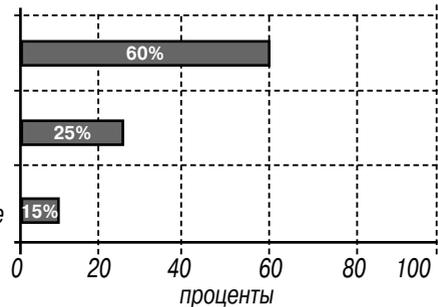
Каким должен быть характер отношений между НАТО и Россией?

В опросе принимали участие посетители интернет-представительства ПИР-Центра www.pircenter.org. Опрос проводился с 1 сентября по 28 октября 2008 г.

Сотрудничество: Россия и НАТО должны развивать взаимодействие, направленное на укрепление международной безопасности

Соперничество: у них разные взгляды на построение международной безопасности и компромисс невозможен

Сотрудничество-соперничество: состояние неопределенности нужно поддерживать как можно дольше

НАТО не просто помогает нам решать некоторые наши существенные проблемы. У нас есть очень хорошее взаимодействие с НАТО в решении ряда вопросов.

При этом НАТО на сегодняшний день остается единственной организацией, которая позволяет обеспечивать оперативную совместимость войск разных стран – как членов НАТО, так и не членов НАТО, партнеров этой организации, уже не только в европейском контексте, но и шире. Это имеет значение, если речь идет о потенциальной глобализации НАТО, с участием среди прочих Индонезии и Австралии. Я говорю сейчас не о простых классических миротворческих операциях, когда с легким вооружением вы разводите воюющие стороны и наблюдаете за тем, как стороны выполняют достигнутые договоренности о прекращении огня. Речь идет о другом – о более сложных операциях, где вопрос оперативной совместимости принципиально важен.

НАТО на сегодняшний день – единственный механизм, который позволяет отработать эти вопросы. И независимо от того, как мы отвечаем на вопрос, будем ли мы действовать с НАТО вместе или нет, оперативную совместимость мы сможем обеспечить только через взаимодействие.

Мы медленно, но верно движемся в сторону более тесного сотрудничества с НАТО, которое может и будет развиваться не столько по вопросам европейской безопасности, сколько по вопросам глобальной безопасности при всех тех ресурсных, военных и политических ограничениях, которые вообще есть.

Если мы себя видим в этой глобальной организации как партнеры, то нам надо взаимодействовать с НАТО уже сегодня.

НАТО КАК ВОЕННАЯ СИЛА

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Существует ли сегодня НАТО как военная сила, способная эффективно решать определенные военные задачи?

ЗАГОРСКИЙ: Существует, но дальше начинается много разных *но*. Прежде всего, необходимо сформулировать конкретную задачу, а затем уже отвечать на вопрос, сможет НАТО ее решить или нет. В НАТО много проблем, и сегодня она на пределе своих возможностей, но надо понимать, что это единственная организация, которая в состоянии решать какие-то задачи военного плана в глобальном масштабе. И лучше, чем НАТО, для решения таких задач сегодня не существует никого.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Отвечает ли, на Ваш взгляд, дисциплина внутри блока требованиям военной организации? Например, как Вы оцениваете позицию Германии

по Афганистану? Насколько сложно сегодня самому сильному военному блоку в мире набирать армию для ведения военных операций?

ЕВСТАФЬЕВ: Мы видели дисциплину НАТО в Сербии. Вот это была натовская дисциплина, и все подчинялось единому командованию. Военный блок внутри штаб-квартиры НАТО – примерно три четверти от всего остального. Германия была первой, кто захотел присутствовать в Афганистане. Без коллективного решения НАТО ее войска вошли в страну. Именно Германия содержит в Термезе пункт снабжения. Американскую базу К-2 узбеки закрыли, а Термез до сих пор работает. Именно Германия поставляет через Россию снабжение по соответствующему соглашению.

ЗАГОРСКИЙ: В НАТО нет планов выхода из Афганистана. В Бухаресте был принят закрытый документ, в котором не прописаны никакие даты. НАТО сейчас находится на распутье, они говорят о комплексном гражданско-военном подходе. Но у них получается не лучше, чем получалось у России. Тем не менее, они для себя цель сформулировали по настоянию немцев. В документе не указывается время, но указываются цели, при достижении которых предусматривается постепенное сокращение и вывод войск из Афганистана. Эти цели формируются вокруг наращивания способности афганского правительства по обеспечению безопасности в стране. Хотя все, что там происходит сейчас, не настраивает на быстрый вариант, это был важный элемент политического компромиса внутри НАТО.

Набирать солдат для военной операции – сложная процедура. Тут существует два аспекта. Во-первых, солдат они набирают даже при всех спорах, которые существуют. Французы в преддверии Бухарестского саммита дали согласие пойти на восток страны, освобождая американцев, которые уходят на юг. Германия сейчас принимает окончательное решение об увеличении своего контингента еще на 1000 солдат: с 3500 до 4500 человек. Поляки свой контингент уже увеличили на 400 человек. И это вопрос ресурсов: некого посылать. Во-вторых, значение имеет степень риска. Каждая страна имеет свою собственную позицию, и это огромная проблема для НАТО. Они думали, что нашли какой-то механизм для ее решения на Рижском саммите, когда возникла проблема национальных оговорок. Германия заявила, что она посылает свой контингент только в Кабул плюс в северные провинции, так как парламент ограничивает полномочия участия немецких войск рамками сил по стабилизации, в военных действиях они быть задействованы не могут. И далее начинается сложный механизм, поскольку в итоге командующий от НАТО не в состоянии гибко распоряжаться контингентом, который вроде бы находится в его распоряжении. Это вызывает вопрос о неравномерном распределении бремени, о неравенстве потерь. Самые тяжелые участки в Афганистане занимают англичане, американцы и голландцы, и они несут самые высокие потери.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Существует ли система передачи тактического ядерного оружия (ТЯО) неядерным союзникам НАТО в случае военных действий? Не противоречит ли это режиму нераспространения?

ЕВСТАФЬЕВ: В НАТО есть группа ядерного планирования, в которой участвуют все натовские страны. Есть концепция *главного ключа*, которая сейчас не действует, но инфраструктура для этого есть. В Бельгии есть местечко Кляйне Бругель [Kleine Brogel], где находится американское ядерное оружие. Кстати, в этом местечке известный террорист из *Аль-Каиды* сумел проникнуть сквозь два периметра охраны. Его поймали уже внутри базы. После этого американцы существенно (почти в два раза) сократили количество своего ТЯО на территории Европы. Но самолеты целого ряда стран НАТО, в том числе и Голландии, подготовлены для несения ЯО.

США – ВЕЧНАЯ ДВИЖУЩАЯ СИЛА НАТО?

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Правильно ли полагать, что практически попытка создать общеевропейскую политику в области безопасности и обороны не удалась, или же просто ЕС действует медленно, но верно, постепенно перетаскивая из НАТО шаг за шагом элементы оборонной политики, политики в области безопасности, и в какой-

то момент сможет стать самодостаточным? Вопрос этот связан и с тем, как мы оцениваем роль США. Действительно ли, в конечном счете, все решается в Вашингтоне?

ЗАГОРСКИЙ: И да, и нет. ЕС постоянно находится в пути, поэтому он смог достичь определенных целей. Но это был сложный процесс формирования. Важно понимать, что ЕС не делает второе НАТО. Цели европейской политики безопасности и обороны и средства достижения этих целей принципиально отличаются от того, что делает НАТО.

Во-первых, ЕС не строит даже организацию совместной обороны. ЕС создает потенциал возможного участия для регулирования кризисов за пределами Евросоюза, причем преимущественно делая акцент не столько на военные, сколько на гражданские и гражданско-военные методы. Потенциал, который создает ЕС, существенно отличается от того, что предполагалось в НАТО, и от того, что делается сегодня в плане реформирования НАТО и превращения его в структуру, способную действовать на глобальной арене.

Это совершенно другой инструмент – военно-гражданский. И поэтому здесь не возникает принципиального противоречия. Есть силы реагирования НАТО, и одновременно европейцы делают свои. На самом деле ситуация не становится сложнее, потому что выделяя, тренируя и готовя определенные подразделения и части для выполнения определенных видов операций, европейские страны не передают в постоянное распоряжение эти силы ни НАТО, ни ЕС, ни ООН. Эти части, имеющиеся у государств ЕС, оперативно совместимы и могут быть задействованы как по линии НАТО, так и по линии ЕС, в зависимости от тех функций, которые требуются.

И сегодня мы видим не столько длительное постепенное нарастание конкуренции со стороны ЕС, сколько нарастающее разделение труда между Евросоюзом и НАТО. Причем не по принципу Боба Кейгана, который говорил, что американцы посуду бьют, а европейцы ее убирают, а по разной степени географической концентрации. ЕС принимает (и в ближайшей перспективе примет) на себя все операции в Европе, включая косовскую. ЕС действует активнее в Африке, менее активно – в других регионах мира (Палестина, Грузия). И они сегодня друг друга дополняют как с точки зрения географии действий, так и с точки зрения различных типов операций, которые они проводят. Поэтому я думаю, что ЕС сегодня мало напоминает НАТО по своим возможностям. Не только потому, что он прошел слишком короткий путь формирования своего потенциала, но и потому, что ЕС вовсе не идет туда, куда шла и идет НАТО.

Для понимания ЕС нужно помнить, что в ЕС участвует ряд стран, которые являются нейтральными, которые никогда не были в НАТО, и поэтому ЕС при формировании этого инструмента участия в регулировании кризисов очень трудно договориться даже о том, чтобы полностью интегрировать в ЕС все функции Западноевропейского Союза (ЗЕС). То есть ЕС взял в себя все, кроме статьи о взаимопомощи. Что позволяет ЗЕС фиктивно существовать дальше.

ЕВСТАФЬЕВ: В НАТО главный организатор всех побед – это США. Они обеспечивают 60% бюджета НАТО. Побеждает тот, кто платит 60%. Это вроде бы недемократично, но, с другой стороны, европейцы хотят экономить на всем и очень довольны, что большинство проблем глобального уровня за них решают США. При этом ЕС оставляет за собой возможность критиковать действия США, вносить предложения.

Сейчас европейцы пытаются со своей политикой безопасности и обороны сыграть в свою игру. И пока эта другая игра никак не получается, потому что постоянно возникает проблема: кто будет платить, за что будет платить.

Европейцы обещали вносить в НАТО свой вклад. У них должны были возникнуть свои силы быстрого реагирования численностью до 150 тыс. военных, которые им, по сути, достаточно трудно набрать. Полагаю, что они и сейчас не смогли этого сделать. При ближайшем рассмотрении оказалось, что ЕС одни и те же подразделения записывают и туда, и сюда. США открыто заявили, что против создания таких сил быстрого реагирования.

Самая острая из возникающих проблем – это *11 сентября*. Пятая статья Вашингтонского договора говорит о том, что нападение на одного участника – это нападение на всех.

Когда Джордж Буш заявил, что он начал войну против террора, он не посоветовался с остальными членами НАТО. Если бы не умные люди в НАТО, которые поняли опасность нарушения этой статьи, то неизвестно, чем бы это кончилось. Европейцы через три дня самостоятельно приняли решение о поддержке США и, таким образом, присоединились к поезду, который пошел на борьбу против *Аль-Каиды*.

Нападение США на Ирак вызвало тяжелейшие потрясения внутри НАТО. Брифинги для американцев, работавших в организации, о развитии ситуации в Ираке проводились без других членов НАТО. И другим членам НАТО говорилось почти то, что говорилось российской делегации. Было очевидно, что доверия внутри организации нет. Руководство НАТО предприняло огромные усилия, чтобы преодолеть этот кризис. В основном они этот кризис преодолели.

США – это основная движущая сила. И, в конце концов, американцы свою линию в НАТО практически всегда продвигают. Показатель этого – противоракетная оборона. Первоначальная эйфория у наших военных и политических руководителей о том, что вот тут зазор, и мы в этот зазор проникнем и предложим такое сотрудничество, которое привлечет всех, себя не оправдала, потому что общая концепция была принята американцами, а не европейцами.

С этой точки зрения в России есть две школы. Одна школа выступает за то, чтобы постоянно ориентироваться на американцев. Другая школа – за то, чтобы параллельно, почти равноправно развивать отношения и с США, и с Европой в расчете на то, что это даст дивиденды.

Последовательно линию второй школы проводили нечасто и только на определенных этапах, когда дела с американцами заходили в полнейший тупик. Тогда в порядке, видимо, давления на американцев выходила вперед эта идея, и она помогала в ряде случаев сбалансировать ситуацию. Но все приходило *на круги своя*. Поэтому надо иметь отношения с НАТО, надо их развивать с учетом того, что США – это единственная глобальная держава и сотрудничать с ней еще хорошо и тем, что можно напрямую заниматься глобальными проблемами. Но исходить надо из того, что у США есть строгое ощущение того, что вы должны быть ведомым, а они ведущим. И этого забывать нельзя.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какова роль механизма «Берлин плюс» в обеспечении взаимодействия НАТО и ЕС?

ЗАГОРСКИЙ: «Берлин плюс» – это механизм, с помощью которого ЕС мог использовать ресурсы НАТО в том, что касается военных операций. И *увязка* здесь была в том, что заместитель командующего войсками НАТО по Европе становился ответственным за операции ЕС и помогал планировать эти операции. Помимо этого, «Берлин плюс» был нужен для того, чтобы привлекать партнеров, т.е. страны, которые не являются членами ЕС, но являются членам НАТО (Канада, Турция). То есть ЕС, как и НАТО, собирается проводить операции не только своими силами, но и силами партнеров.

В последние два года ЕС проводит самостоятельно учения вне НАТО, хотя нет военного штаба планирования, но в Брюсселе появились организации, в том числе военные, где проходят обсуждения. Постепенно степень автономности ЕС нарастает, хотя существует и связка. Формула заключалась в том, что не нужно *дублировать* действия НАТО. Сейчас же идет некий *торг*. Так, Франция заявила, что хочет вернуться назад в военную организацию НАТО при условии большей автономности ЕС. США сегодня принимают идею большей автономности ЕС хотя бы потому, что ЕС разгружает США в Европе, в Африке и т.д. ЕС не поглощен и не будет поглощен НАТО. По своим функциям, целям и потенциалу ЕС не создает структуру, какой является НАТО.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Насколько сложно на сегодня в НАТО происходит согласование позиций, в том числе и в связи с появлением *младореформаторов*?

ЕВСТАФЬЕВ: При согласовании документов, в том числе и в Совете Россия–НАТО, происходили парадоксальные случаи. Еще при первом расширении НАТО оказывалось, что с одной стороны 13 стран НАТО и Россия, а с другой стороны США и *младореформаторы*, как Вы сказали. Это большая внутренняя проблема НАТО.

Характерной особенностью малых стран НАТО является то, что они никогда не подписываются под конкретными мероприятиями. Они готовы согласовать общие положения. Но как только дело доходит до конкретных действий, они отходят в сторону. И даже если другие страны НАТО на такие мероприятия согласны, решение не проходит из-за того, что нужен консенсус. И это проблема в работе с НАТО. Надо отдать им должное, потому что если малые страны возражают, то их приходится уговаривать.

Нужно отметить, что НАТО, впопыхах расширяясь, не соблюдала своих требований к вступающим странам. Формально было сделано заключение, что у них уже есть уровень, позволяющий принять их в НАТО. На самом деле, практически ни у одной из вступивших при расширении стран такого уровня не было. Как только они вступили, выявился разрыв и по уровню подготовки, и по уровню организации, и по уровню оснащения войск, и по готовности участвовать в принятии решений. Здесь НАТО вынуждена принимать соответствующие финансовые меры, чтобы подтягивать их для участия в учениях.

НАТО после распада ОВД и окончания холодной войны оказалась организацией *in search*. Они мучительно искали, где им приложить свои усилия. 5 июля 2003 г. после многочисленных попыток принять коллективное решение об участии в афганском урегулировании они пришли к выводу, что общее решение они выработать не в состоянии, потому что и до сих пор есть страны, которые возражают. Германия и Голландия – две страны, которые были ближе всего к выделению своих войск, – пошли на индивидуальные договоренности с афганским правительством. И только после этого операция развернулась как натовская кампания, а была на самом деле индивидуальной операцией.

Кстати, в это же время в Афганистане действовал 16-тысячный операционный корпус США, который (он и сейчас действует самостоятельно) никоим образом не представлял НАТО и не кооперировался с натовцами.

КТО ПЛАТИТ?

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Возникает вопрос о согласовании бюджета. Кто оплачивает сегодня операции НАТО?

ЗАГОРСКИЙ: В НАТО действует принцип, что каждый платит за себя. Если страна дала согласие на участие в операции, то она полностью несет ответственность за расходы, связанные с участием ее военнослужащих в той или иной операции. Это один из механизмов разделения бремени. По факту мы часто видим, что американцев больше, поэтому они несут больше расходов. Сегодня не реализован сложный идущий проект создания сил реагирования НАТО. Одна из проблем была связана с нерешенностью вопроса финансирования. Дело в том, что там заложен принцип ротации: страны предоставляют свои войска, которые в течение пяти дней могут быть развернуты в любой части земного шара. И, соответственно, это требует решения в постоянном Совете НАТО. Тот, кто *на дежурстве*, оплачивает соответствующие расходы. Поэтому государства при голосовании стремятся голосовать *против*, чтобы переложить ответственность друг на друга. Поэтому, с одной стороны, хорошо, когда вы делите бремя и каждый участвует, но, с другой стороны, это отрицательно сказывается на принятии политических решений. Но вопрос бюджета – это лишь одно из ограничений.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие еще существуют ограничения внутри НАТО?

ЗАГОРСКИЙ: Есть три принципиальных ограничения для НАТО.

Первое – это количественный параметр с точки зрения наличных сил. США сократили сроки ротации в Ираке с 18 до 15 мес. Это сделало неизбежным сокращение контингента в Ираке, хотя оно и преподносилось как некий политический жест. Они не могут себе позволить больше, чем уже есть в Афганистане или в Ираке. По численности личного состава, который может управлять операциями, они находятся на пределе. Именно поэтому им нужна НАТО, нужны партнеры, поскольку необходимо расширять ресурсы. Европейские натовцы, как и ЕС, сегодня тоже на пределе. Им некуда больше расти. И Россия

на самом деле сегодня тоже находится на пределе. Даже если сегодня собрать всех вместе – США, НАТО, ЕС и Россию, все равно ничего сделать не сможем. Это ресурсные ограничения по людям, по финансам. Европейцы в большинстве случаев сокращают расходы. По этому поводу у них большие споры с американцами.

Второе ограничение – бюджет, о нем уже сказано.

И третье – ограничение политическое, на принятие решений. Американцы не из-за 60% бюджета имеют такой вес, они умеют работать, продвигая определенные решения, и, конечно, они отстаивают свои интересы, прежде всего. Но и у американцев тоже не все получается. Если взять пример с Бухарестским саммитом. Принятие Грузии и Украины в НАТО – это был не самый главный вопрос для американцев. Все главные вопросы были решены заранее. На самом деле Джордж Буш-мл. с Ангелой Меркель договорились обо всем в первый же вечер. Единственное, из-за чего пришлось делать часовое закрытое совещание глав государств и правительств, – это то, что Польша была *против*. А президент Буш-мл. сделал *добрый жест* Украине и Грузии, но все понимали, что это *непроходной* вариант по многим причинам, и не только в силу позиции России.

ЕВСТАФЬЕВ: В НАТО каждый платит за себя только при участии в конкретных операциях. В НАТО есть общая программа укрепления инфраструктуры. Эта программа имеет весомый бюджет и решается при утверждении стратегии НАТО на три-пять лет, а потом каждый год подтверждается. В 2002 г. при обсуждении структуры бюджета НАТО Турция высказала свои соображения в отношении стратегии НАТО. Турции были нужны дополнительные средства для укрепления направления второго *главного удара* на Армению. Переговоры затянулись, и Турция сменила позицию, но для натовцев было совершенным откровением, что Турция (а это как раз тот год, когда Турция не пропустила США в Ирак) имеет свой взгляд на стратегию НАТО. Всегда предполагалось, что Турция идет очень четко с НАТО. А тут они впервые свой взгляд озвучили, так как решался вопрос о больших деньгах, об объектах на территории Турции для укрепления натовских позиций.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Возможно ли превращение ОДКБ или ШОС в нечто подобное НАТО? Какова перспектива сотрудничества между этими структурами?

ЗАГОРСКИЙ: ОДКБ идет сейчас по нетрадиционной схеме: борьба с терроризмом, борьба с наркоторговлей. Если сегодня брать силы реагирования, то серьезного потенциала нет. Есть военно-техническое взаимодействие по закупке российских оружий по заниженным ценам, по подготовке персонала, т.е. спектр достаточно ограничен. Вопрос о сотрудничестве с НАТО сложен, поскольку в НАТО нет консенсуса по поводу целесообразности сотрудничества с ОДКБ.

Сегодня в Европе нет таких жестких проблем классической безопасности, которые ставили бы НАТО или кого бы то ни было другого в центр европейской политики безопасности. НАТО в этих новых сферах претендовала на эту роль, но, конечно, не является самым главным инструментом ни с точки зрения борьбы с терроризмом, ни с точки зрения борьбы с распространением ОМУ.

Вопрос «кто за что платит?» важен и интересен, но он не такой простой. Во-первых, НАТО платит за услуги, которые ей оказывают. Одна из актуальных тем – это дальняя транспортная авиация. У натовских европейцев еще нет *A-400*, поэтому они покупают услуги одновременно в России и в Украине.

Если Россия с НАТО делают что-то совместно, то каждый платит за себя. Так, в Афганистане на севере сейчас даже летают и выполняют определенную миссию наши вертолеты. Сейчас Россия пытается договориться с ЕС о том, чтобы там, где мы сами за себя платим (в Чаде), тоже поучаствовать нашими вертолетами. Это одна из ниш, где требуется ресурсное обеспечение, потому что в Афганистане натовцы научились тому, что проблема не только в дальней транспортной авиации – проблема в тактической вертолетной авиации на месте.

ЕВСТАФЬЕВ: Пока ОДКБ выглядит неубедительно. Но у нее другие задачи, она создавалась с другими целями. Что касается ШОС, то задачи этой организации несколько

иные, чем задачи взаимодействия с НАТО. ШОС сможет взаимодействовать с НАТО в других регионах, но не в Европе. Это хороший баланс, чтобы предотвращать односторонние действия некоторых государств и в Центральной Азии, и в Восточной Азии.

ЗАГОРСКИЙ: Ни в ОДКБ, ни в ШОС нет концепции анти-НАТО. Но и нет консенсуса по поводу того, что эти организации должны быть анти-НАТО. Соответственно, нет потенциала противостояния. И вообще, это о другом. Так, например, была рассмотрена возможность многостороннего сотрудничества ОБСЕ и ШОС, и стало непонятно с практической точки зрения, как это осуществить. Хотя в ШОС есть секретариат, но единственная реальная структура со своим мандатом и действующая самостоятельно – это Ташкентский центр по борьбе с сепаратизмом, экстремизмом и терроризмом. При этом у ШОС очень маленький бюджет. Поэтому представить себе взаимодействие либо ОБСЕ с ШОС, либо НАТО с ШОС практически невозможно, так как в ШОС нет ни структур, ни бюджета для такого сотрудничества. Единственное, что можно придумать в плане сотрудничества ШОС и ОБСЕ, – это реализация каких-либо программ ОБСЕ за счет приглашения Китая, поскольку из ШОС только он не является участником ОБСЕ. Затем можно просто ставить логотип ШОС, и получается взаимодействие ОБСЕ и ШОС.

ЧЕМ ШИРЕ НАТО, ТЕМ НИЖЕ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТЬ...

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Невозможно обойти вопрос о дальнейшем расширении НАТО. На повестке дня стоит конкретный вопрос – вступление Украины и Грузии. Какова вероятность такого сценария? И какова будет реакция России на подобное расширение НАТО?

ЗАГОРСКИЙ: Расширение сначала Совета Европы, затем ЕС на восток – это реальный процесс формирования единой Европы.

Если Россия не хочет воевать с единой Европой, то важно найти свое место в этом процессе. Еще в 1990-е гг. Россия пошла по пути сотрудничества с Западом. Если мы продолжим идти этим путем и дальше, это будет правильно. Драматизировать процесс расширения НАТО не стоит. Более того, усиление потенциала НАТО за счет расширения сильно преувеличено. У 26 стран НАТО согласно ДОВСЕ меньше всех видов вооружений, чем 16 стран НАТО могли иметь в 1990 г. Адаптированный ДОВСЕ соблюдают все страны Европы. Я не вижу угрозы, хотя это создает проблему политическую. Но главное – это сотрудничество, которое может снять многие напряженности и опасения.

Вопрос об Украине и Грузии будет предметом большой интриги. По Украине большинство тем, которые подбрасываются в качестве дискуссий, довольно сильно преувеличены. Они решаемы и решаются гораздо легче, чем это воспринимается. Это больше политико-психологическая проблема. Но для Украины вступление в НАТО – далеко не самая близкая перспектива. Цель полной интеграции Украины в НАТО была поставлена в бытность президента Кучмы. В 2005 г., когда формировался первый вариант *оранжевой коалиции* после выборов в Верховную Раду, партия социалистов поставила условия, что вступление в НАТО может произойти только через референдум. Так быстро это не произойдет. Доля противников понижается. Для этого потребуется время. Украине необходимо снять остроту вопроса. Поэтому однозначно в декабре 2008 г. решения о предоставлении плана членства не будет.

В отношении Грузии надо понимать однозначно: если Грузия вступает в НАТО, то она вступает без Абхазии и Южной Осетии.

ЕВСТАФЬЕВ: Грузия в принципе не представляет какого-то значительного интереса для России. Как государство она для России привлекательность утратила. И вопрос в основном связан с Абхазией и Южной Осетией. При Э.А. Шеварднадзе вопрос с Южной Осетией можно было вообще снять. Шеварднадзе был готов решать вопрос о присоединении Южной Осетии к Северной Осетии. Но тогда не решилось правительство России. Что касается Абхазии, то тут многое будет зависеть от того, как разрешится косовская проблема. Окончательное решение косовской проблемы – окончательное решение абхазской проблемы.

Один из позитивных моментов вступления Украины в НАТО, если таковое когда-нибудь произойдет, – это существенное сокращение украинских вооруженных сил, потому что это совершенно неуправляемая масса людей, которых нельзя обеспечить ничем, даже несмотря на уже осуществленную подкормку, когда около десяти тысяч украинских офицеров прошли обучение на различных натовских курсах.

Но давайте не будем забывать, что Украина и Россия связаны совершенно иными историческими, экономическими и духовными узами, чем любое натовское государство с другим натовским государством. Вот это обстоятельство играет огромную роль! Украина, отделившись от России, стала второсортным государством с натовской точки зрения. Она интересуется НАТО только в стратегических построениях.

Если украинский народ проголосует за НАТО, то ничего нельзя будет сделать... как и если российский народ проголосует за отмену решения Верховного Совета о передаче Крыма, – тогда тоже российское правительство ничего не сможет сделать – ведь ему навяжут такую позицию.

А вообще-то опыт подсказывает мне, что чем шире НАТО, тем ниже ее эффективность.

Примечание

¹ Дискуссия состоялась в рамках Международной летней школы по проблемам глобальной безопасности, организованной ПИР-Центром, 4 июля 2008 г.

Владимир Орлов

БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ: О РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПОСЛЕ ГРУЗИНСКОГО КРИЗИСА

Августовская война России и Грузии мгновенно привела к кризису двусторонних российско-американских отношений, это бесспорно. Но насколько глубок этот кризис? Или же все забудется через считанные месяцы? А может быть – уже забывается, особенно когда все (и в Вашингтоне, и в Москве) отвлечены на борьбу с кризисом финансовым?

КУРС – НА РАЗМЕЖЕВАНИЕ

Не забудется и не рассосется сам собой. Потому что глубина кризиса двусторонних отношений, проявившаяся в августе 2008 г., не имеет аналогов в период двух последних десятилетий и может сравниваться с кризисами двусторонних отношений времен холодной войны, в частности, с периодом ввода советских войск в Афганистан и последовавшими затем контрмерами США.

Последствия этого кризиса можно минимизировать. Но, в любом случае, мы будем пожинать его горькие плоды не недели и не месяцы, но годы.

Конечно, обострения двусторонних отношений в период после распада Советского Союза происходили неоднократно. Наиболее существенное из них произошло после бомбардировок Соединенными Штатами Белграда в разгар косовского кризиса. Однако и тогда, и позднее (как, например, после начала американской агрессии против Ирака в 2003 г.) такие вопросы стратегического сотрудничества двух государств, как нераспространение ОМУ, как бы выносились за скобки этого обострения или охлаждения, не становясь заложниками текущей политической конъюнктуры и как бы живя по своим законам. Согласно этим неписанным законам, интересы России и США в области нераспространения ОМУ настолько совпадают или близки, что не должны пасть жертвой общего ухудшения отношений. Таким образом, негласно соблюдалось правило, заложенное советскими и американскими руководителями еще во времена холодной войны.

Отсюда вопрос: даже если кризис налицо, стоит ли его драматизировать с точки зрения влияния на всю архитектуру стратегического диалога, сложившегося между двумя нашими странами за последние десятилетия, прежде всего, в области нераспространения ОМУ и контроля над ядерными вооружениями?

Но давайте смотреть не на желаемое, а на действительное. И тогда увидим, что стратегического диалога больше нет. Грузинский кризис его перечеркнул. Есть, если хотите, *стратегическое молчание*. Или – если попытаться оперировать более оптимистическими терминами в этой весьма мрачной ситуации – *стратегическая пауза*. Но затянуться она может надолго. И лишь серьезная политическая воля с обеих сторон сможет сократить ее.

Сравнивать нынешнюю ситуацию с предыдущими обострениями отношений, в частности, с косовским, некорректно.

Во-первых, Россия образца 2008 г. имеет очень мало общего с Россией десятилетней давности, когда разворачивалась югославская драма. Экономически окрепшее, идеологически опирающееся на возросший национализм государство не видит большой потребности в устойчивых альянсах и рассматривает себя как **самодостаточного, априори влиятельного игрока на международной арене**.

В Вашингтоне привыкли считать себя *лупом земли*, вокруг которого вращаются все коллизии и интересы. Россия образца начала девяностых годов прошлого века, сразу после самоликвидации Советского Союза, своим поведением, подчас заискивающим и неизменно пассивным, сама немало поспособствовала такому имиджу Америки. Но ведь Россия делает работу над ошибками.

Во-вторых, потеряно доверие. Это – новая ситуация. Ведь еще совсем недавно, констатируя нарастающие разногласия, в Москве делали оговорку о том, что «с Белым домом у нас отношения доверительные, и диалог идет пусть трудный, зато честный».

Американцы в доверительном диалоге нас обманули, прямо заявил 13 августа министр иностранных дел Сергей Лавров. Речь шла, конечно, о Грузии и Южной Осетии, но эти слова – отражение общего настроения в Кремле: Вашингтону ни в чем нельзя доверять – ни по Грузии с Украиной, ни по ПРО с контролем над вооружениями.

В-третьих, восприятие в Кремле Соединенных Штатов как трудного, но все же ключевого стратегического **партнера** в решении главных вопросов повестки дня международной безопасности, прежде всего, международного терроризма и нераспространения ОМУ, сменяется восприятием США как ключевого идеологического, геополитического **противника** России, который неотвратимо – прямо или завуалированно – будет препятствовать развитию и укреплению России.

Примечательно, что за 10 дней до начала грузинского конфликта, осуществляя информационное обеспечение приезда в США нового российского посла С.И. Кисляка, МИД России устами весьма грамотно ориентирующегося в кремлевских установках *анонимного источника* вдруг заговорил о необходимости *дальнейшего снижения роли США во внешнеполитических ориентирах России и о сокращении любой зависимости России от США*. Сначала этот *анонимный источник* изложил свое видение внутривнутриполитической обстановки в США, на которые, по его оценке, надвигается «полномасштабный кризис существования... США стоят на пути крутых болезненных перемен. Для начала им надо будет научиться жить по средствам». Далее, размышлял этот источник, «мы (Россия) можем в перспективе дойти до момента, когда мы сможем себе позволить перестать вести обсуждение по существу только тех вопросов, которые интересуют американцев»¹.

Действительно, в Москве уже научены горьким опытом. Как только американцев интересуют исламистские террористы или Иран, они тут же мчатся в Москву. Но как только Москва начинает ставить свои вопросы: по Украине, по Грузии, по ПРО, как только Москва выступает с такими собственными инициативами, как запрещение вывоза оружия в космос, Вашингтону как-то сразу становится скучно, интерес к диалогу там как-то сразу увядает.

Впрочем, я считаю, что это в значительной степени вина самой Москвы: мы слишком долго позволяли Вашингтону верстать повестку дня нашего диалога и слишком мямлили о наших собственных вопросах и интересах (да, что говорить: всегда зная, чего мы *не хотим*, часто сами не могли разобраться, чего же мы *хотим*), чтобы быть воспринятыми всерьез.

Так вот, согласно нынешней интерпретации в устах этого замечательного анонимного источника МИД России, США и Россия – «не враги» и, «к сожалению, еще не друзья, но все меньше и меньше зависимы друг от друга»².

Таким образом, нынешний кризис российско-американских отношений оказался неизбежным. Если бы грузинской агрессии в отношении Южной Осетии не было, то нашелся бы другой повод: месяцем раньше или месяцем позже. И, **в отличие от предыду-**

щих обострений, нынешний кризис затронет, если еще не затронул, всю архитектуру двусторонних отношений, включая вопросы нераспространения ОМУ и судьбу ядерных арсеналов.

Потому что он – не о Грузии. И он – даже не об Украине (хотя он, конечно, об Украине куда в большей степени, чем о Грузии)... Он, этот кризис, – обо всей глобальной архитектуре безопасности. Она кое-как держалась в постбиполярном мире. Все, обветшала. И долго уже не протянет.

Не в интересах России принимать позу страуса, рискуя быть погребенной под обломками.

СОКРАТИТЬ ЯДЕРНЫЕ ВООРУЖЕНИЯ: САМОСТОЯТЕЛЬНО, ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО, ДОСТОЙНО

При этом Россия совершенно не собирается торпедировать основы международного режима ядерного нераспространения. Наоборот, она очень бережно относится к существующим договорам. Потому что они, в основном, – не эксклюзивная область двустороннего диалога с США, но это вопросы взаимоотношений со всем мировым сообществом. Поэтому у России нет причин пересматривать основные положения в области политики нераспространения ОМУ, которые заложены Концепцией внешней политики России, утвержденной президентом Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г. Россия:

- ❑ по-прежнему рассматривает свои обязательства по договорам в сфере нераспространения ОМУ, контроля над вооружениями и разоружения в качестве ключевых для обеспечения и укрепления международной безопасности. Хотя «доставшийся нам режим нераспространения не лучшим образом приспособлен для решения современных задач», он все же «не исчерпал своего позитивного потенциала»³;
- ❑ подтверждает неизменность своего курса на развитие многосторонних основ нераспространения ядерного оружия, других видов ОМУ и средств их доставки;
- ❑ делает особый акцент на важности скорейшего вступления в силу ДВЗЯИ;
- ❑ выступает за недопущение вывода оружия в космос, за создание системы коллективного реагирования на возможные ракетные угрозы на равноправной основе и против односторонних действий в области стратегической ПРО, дестабилизирующих международную обстановку;
- ❑ противодействует попыткам создания и развертывания дестабилизирующих, в том числе новых видов вооружений: ядерных зарядов малой мощности, МБР с неядерными боеголовками, систем стратегической ПРО;
- ❑ готова вести переговоры со всеми ядерными державами в целях сокращения стратегических наступательных вооружений (межконтинентальные баллистические ракеты, баллистические ракеты на подводных лодках и тяжелые бомбардировщики, а также размещенные на них боезаряды) до минимального уровня, достаточного для поддержания стратегической стабильности.⁴

Для России важен прогресс в вопросах ядерного нераспространения, успешные подготовка и проведение Конференции 2010 г. по рассмотрению действия ДНЯО – договора, в котором у России нет причин разочаровываться и которым, в отличие от нынешней администрации США, мы не играем в зависимости от политической конъюнктуры и наших узко понятых интересов. Д.А. Медведев, выступая в октябре 2008 г. в Эвиане, обратил внимание на «прорехи» и «дырки» ДНЯО⁵. То есть предстоит довольно скучная, но необходимая работа – эти «дырки» залатывать.

Однако есть вопросы срочные и, действительно, ограниченные двусторонним российско-американским форматом. Прежде всего это судьба СНВ-1.

Официальная позиция здесь неизменна: Россия была и остается заинтересована в сохранении и развитии юридически обязывающих договоренностей в США в сфере раз-

оружия и контроля над вооружениями, больше того – придает достижению новой договоренности, которая должна прийти на смену СНВ-1, «исключительное значение»⁶. Россия – за сохранение преемственности этого процесса, укрепление мер доверия и транспарентности в области космической деятельности и противоракетной обороны. Россия хочет «договора, а не деклараций»⁷.

«Декларацией», пусть обставленной юридическим оформлением, по сути является Договор СНВ. Вероятно, именно благодаря этой его «декларативности» он и проскочил Конгресс США. Мне кажется, что в нынешних условиях – даже притом что кресло в Белом доме уже в январе 2009 г. займет Барак Обама – рассчитывать на то, что реальные договоры между Россией и США в стратегической области будут американцами ратифицированы, не стоит. Надежды здесь более чем туманны. Характерный пример – как Конгресс *прокатил* российско-американское соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, совсем недавно, в августе, использовав как предлог ситуацию вокруг Грузии. Казалось бы, при чем тут вообще Грузия и Кавказ? Казалось бы, Россия в максимальной мере сотрудничала с Соединенными Штатами по вопросу атомного досье Ирана. Но за одними увязками и условиями следуют новые...

Не с этим ли придется столкнуться новому договору СНВ (конечно, сначала его надо выработать, а со времен *разминки*, которую обе стороны проделали в Сочи весной 2008 г., никакого прогресса не наметилось)?

Рискну поставить неудобный вопрос: а следует ли в таких условиях России вообще нацеливаться на выработку нового двустороннего соглашения с США в области контроля над вооружениями?

В условиях высокой непредсказуемости на мировой сцене и неутешительных попыток стратегического диалога с США России, возможно, следовало бы отказаться от многолетней практики симметричных с США шагов в области сокращения ядерных вооружений.

Не надо хлопать дверьми. Пусть СНВ-1 умрет своей смертью в декабре 2009 г. Не нужно оживлять умирающего. Многим переговорщикам, работавшим над СНВ-1, очень дороги механизмы верификации, заложенные в нем. Но они не только громоздки, но могут оказаться просто не нужными для России в новых условиях отношений с США.

Вообще, Россия должна развязать себе руки в вопросах ядерного разоружения, действовать исходя из собственных интересов и калькуляций, а не увязать в бесперспективных переговорах и не поддаваться на обещания, которые другая сторона, как выяснилось, не умеет держать.

Значит ли это, что Россия может вернуться к наращиванию стратегических ядерных вооружений? Конечно, нет. Это была бы вульгарная интерпретация того, что я только что сказал. России не нужны ее нынешние уровни СЯС. Россия по соображениям и сугубо военным, и сугубо финансовым должна быть заинтересована в их дальнейшем планомерном сокращении. Больше того, Россия должна и может продемонстрировать свое лидерство в вопросах ядерного разоружения. Кто сказал, что грузинский кризис этому помеха?

Россия может и должна прийти к Конференции 2010 г. по ДНЯО с декларацией о постепенном сокращении своих стратегических ядерных вооружений до 1000 единиц. А разве надо больше для решения стоящих сегодня перед страной угроз? Почему надо тут равняться на США, выключивая новые договоры о сокращении ядерных вооружений и ввязываясь в бесконечные переговоры?

Россия может действовать решительно и самостоятельно. Этого шага ждут от России многие государства, которые уже оценили новый, самостоятельный характер внешней политики России и которые наряду с Россией будут ведущими игроками в новой архитектуре международной безопасности.

В России не могут не видеть набирающих силу тенденций в пользу отказа от ядерного оружия. Они – и в инициативах *гуверовской четверки* (кстати, позитивно, пусть и с небольшими оговорками, встреченных в российских дипломатических кругах), и в шагах Великобритании, и в размышлениях, которые имеют место во Франции. Со временем Рос-

Приглашаем Вас прокомментировать эту статью в разделе «Обсуждение» интернет-представительства журнала <http://si.pircenter.org>

сия видела бы закрепление нынешних сокращений через договор, выработанный всеми ядерными государствами. Это было бы достойным исполнением наших обязательств в рамках ДНЯО. Возможно, стоило бы выработать график движения к безъядерному миру. Причем движения всех.

Но надо быть честными: речь идет о графике, рассчитанном на десятилетия. В ближайшую четверть века вопрос об отказе от ядерного оружия как основы обеспечения безопасности России был бы неуместен. То есть это, скорее, мог бы быть не план-2020, а план-2050.

«БРАК ПО РАСЧЕТУ» ИЛИ «СЧАСТЛИВЫЙ РАЗВОД»?

Что означают итоги американских выборов для реанимации двустороннего стратегического диалога?

Как говорится, возможны варианты. Тот наиболее радужный, который так хотелось бы озвучить, связан с эффектом двух молодых президентов. В.В. Путин может намеренно уйти в сторону, дав возможность Д.А. Медведеву сыграть свою скрипку. Общие интересы, *технологичная продвинутость*, отсутствие зашоренности и вера в эффективность многосторонних дипломатических механизмов – вот то, что может сблизить двух президентов. И уже после этого на повестку дня может быть вынесена реанимация стратегического диалога, даже придание ему новых импульсов.

Совместная работа над:

- новыми механизмами общеевропейской безопасности;
- реанимацией Конференции по разоружению в Женеве;
- вступлением в силу ДВЗЯИ;
- обеспечением успешной Конференции ДНЯО 2010 г.;
- новыми, кооперативными подходами к ядерной Индии;
- новыми совместными подходами по Ирану;
- введением в действие и реализацией Соглашения 123;
- возможным продлением СНВ-1 или новым договором СНВ;
- международным соглашением по предотвращению ракетного распространения

– вот наиболее очевидные пункты такого диалога.

Параллельно должен быть усилен диалог между парламентариями двух стран в области внешней политики и обороны.

Надо понимать, что даже при таком радужном сценарии реанимация диалога может занять, с учетом нынешнего урона, нанесенного ему, не менее года. То есть можно просто не успеть решить ряд вопросов, таких как продление СНВ-1, в случае, если к такому подходу будут склоняться в обеих столицах.

В Москве многие с удовлетворением прочитали статью Генри Киссинджера и Джорджа Шульца под заголовком «В поисках общей платформы» («Finding Common Ground»), которая появилась в начале октября 2008 г. в *The Washington Post* и *International Herald Tribune*. Первая рекомендация этой программной статьи (адресованная, скорее всего, Бараку Обаме) – не изолировать Россию. Вторая – работать сообща по ключевым вопросам: нераспространение ядерного оружия, Иран, энергетика, изменение климата, снятие напряженности в связи с размещением в Восточной Европе противоракет и возможное объединение ряда элементов ПРО США и России, используя в качестве дорожной карты сочинское заявление от апреля 2008 г.⁸

Как благоприятный сигнал восприняли в Москве и диалог между министром энергетики США Сэмюэлем Бодманом и главой *Росатома* С.В. Кириенко, состоявшийся в начале октября 2008 г. в Вене. *Business as usual* – как бы стремились показать и российская, и американская стороны.

Однако важно не строить иллюзий. Позитивные программы действий нужны и важны, пусть они будут наготове. Больше того, очень важно попытаться использовать благоприятный момент смены администраций и первого года новой администрации в Вашингтоне.

Однако нынешний международный контекст делает его реализацию все же маловероятной.

И дело тут даже не в деталях персоналий, кого Барак Обама выдвинет на ключевые посты в администрации (хотя, спору нет, Ричард Холбрук как госсекретарь и Сэм Нанн как госсекретарь – это *две большие разницы*).

В то время как некоторые позитивно настроенные в отношении России люди из команды Барака Обамы выдвигают тезис «*skeptical engagement with Russia as the the best course*» [скептического вовлечения в диалог с Россией как наилучшего курса], думая, что встретят в Москве шквал аплодисментов, из Москвы им сухо отвечают: «*Happy divorce will be the best course*» – то есть лучше счастливо развестись сейчас, чем мучиться и окончательно *расплываться* потом. В общем – *счастливы порознь*.

Окончательное *расплывание* двух держав, обладающих в совокупности более 90% ядерных боеголовок на Земле, – это то, чего уж точно хотелось бы избежать. Даже если ценой этого будет затянувшееся *стратегическое молчание*.

Примечания

¹ Азар Илья, Артемьев Александр. Зарядка мировой напряженности. *Газета.Ru*. 2008, 29 июля, http://www.gazeta.ru/politics/2008/07/29_a_2796229.shtml (последнее посещение – 17 октября 2008 г.).

² Там же.

³ Медведев Дмитрий. Выступление на Конференции по мировой политике. Эвиан, Франция, 2008, 8 октября, <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/10/207422.shtml> (последнее посещение – 17 октября 2008 г.).

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации. 2008, 12 июля, Пр-1440, <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml> (последнее посещение – 17 октября 2008 г.).

⁵ Медведев Дмитрий. Выступление на Конференции по мировой политике. Эвиан, Франция, 2008, 8 октября, <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/10/207422.shtml> (Последнее посещение – 17 октября 2008 г.).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Kissinger Henry, Shultz George. Finding Common Ground. *International Herald Tribune*. 2008, September 30, <http://www.ihf.com/articles/2008/09/30/opinion/edkissinger.php> (последнее посещение – 17 октября 2008 г.).

Вадим Козюлин

КОГО ВООРУЖАЕТ КЕНИЯ?

С 1992 г. в рамках ООН существует Регистр обычных вооружений. Государства – члены ООН обязаны ежегодно подавать в него данные о национальном экспорте и импорте оружия по восьми категориям: танки, бронемашины, артиллерия крупных калибров, боевые самолеты, вертолеты, корабли, ракеты и переносные зенитно-ракетные комплексы.

ЕСЛИ ВЕРИТЬ СТАТИСТИКЕ

МИД Кении передал в ООН первый отчет в 1993 г., а затем отчитывался ежегодно с 2000 по 2007 гг. с перерывом в 2002–2003 гг. При этом отчеты были довольно лаконичны: экспорт и импорт отсутствуют.

В этом нет ничего удивительного, так как со времени обретения независимости в 1964 г. Кении не приходилось вести крупных военных действий. Имеющейся на вооружении техники – танки *Викерс*, недорогие бронемашины *Тиссен Хеншель*, китайские транспортные самолеты, легкие истребители и патрульные катера – всего этого было достаточно, чтобы отразить пограничные вылазки боевиков из Сомали, а также использовать для борьбы с терроризмом и наркотрафиком.

В 2007 г. в Кении произошли многочисленные столкновения на межэтнической почве, что послужило причиной покупки у Украины 40 тыс. единиц стрелкового оружия, не попадающего под требования Регистра ООН. Информации о нем в официальных отчетах Кении и Украины нет. Однако в украинских отчетах в ООН за 2007 г. содержатся интересные цифры, которые не были включены в кенийский отчет. Так, украинская сторона сообщает об экспорте в Кению 77 танков *T-72*, а также пяти артиллерийских систем крупного калибра: *БМ-21 Град*, 122 мм гаубицы и 203 мм пушки.

Судя по этим цифрам, в Кении проводится полное перевооружение танковых войск. Кроме того, можно предположить, что приобретается 203-миллиметровая самоходная пушка *2С7 Лион*, созданная для уничтожения и подавления средств ядерного нападения, артиллерии, огневых средств и техники противника, разрушения полевых и долговременных оборонительных сооружений, подавления и уничтожения тылов противника.

ПО ЧЬИМ ТЫЛАМ СОБРАЛАСЬ УДАРИТЬ КЕНИЙСКАЯ АРМИЯ?

Захваченное сомалийскими пиратами судно *Фаина* перевозило 33 танка *T-72* якобы для кенийского правительства. Однако представитель ВМС США сделал официальное заявление о том, что груз предназначался Судану. Официальные лица Украины поначалу отвергли эту версию, но позже дружно замолчали.

И
И
Р
А
Т
А
Н
Е
М
О
К

При этом сами пираты заявили, что речь идет о Южном Судане – мятежной провинции Судана, с которой суданское правительство в 2005 г. подписало договор об автономии сроком на 6 лет. Согласно этому договору представители Южного Судана вошли в центральное правительство, а провинция должна получать половину доходов от добываемой здесь нефти. В 2011 г. в Южном Судане пройдет референдум, на котором граждане сделают выбор, оставаться ли провинции автономией или стать независимым государством. Вероятен и третий вариант развития событий, военный, при котором стороны попытаются объяснить друг другу свою точку зрения с помощью танков и артиллерии.

Возможно, власти Южного Судана начали заблаговременно готовиться к третьему сценарию. А кенийские руководители решили поддержать соседствующую провинцию.

Скорее всего, возможен следующий вариант в развитии ситуации вокруг судна *Фаина*. Ответственные лица предъявят кенийский сертификат конечного пользователя, в котором власти Кении обяжутся не передавать вооружения третьим странам без согласия государства-экспортера.

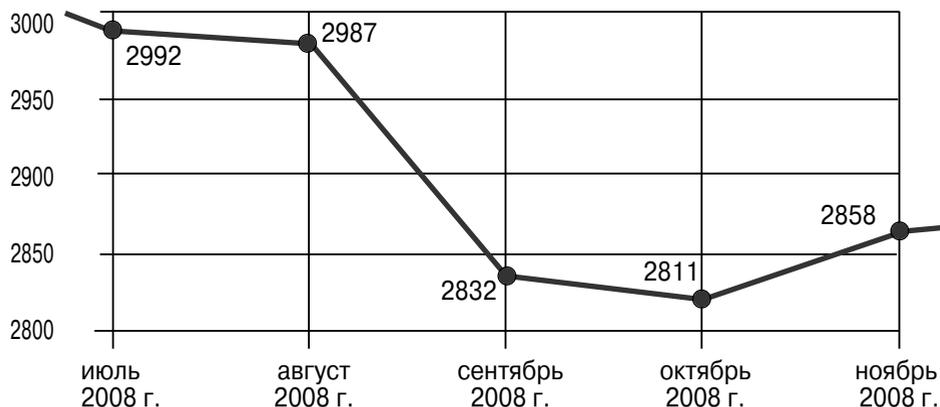
Но у любой контрабандной схемы есть слабые места. Специальная следственная комиссия украинской Верховной Рады может обнаружить, как минимум, три таких места:

- **Транспортная компания:** перевозчик не мог не быть осведомлен о реальном пункте назначения груза. Тот факт, что перевозчика искали через посредническую фирму *Каргошипинг*, которая, в свою очередь, привлекла некую панамскую фирму *Ватерлюкс*, владельца *Фаины*, косвенно свидетельствует о том, что был сделан выбор в пользу максимальной непрозрачности перевозки.
- **Финансовая схема:** если средства за танки поступили не из Кении, это сигнал о возможном подлоге.
- **Инспекция товара:** если принимать приобретаемые танки на Украину приезжали не граждане Кении, а владельцы других паспортов (иностранцы на военные объекты допускаются после специальной проверки), это почти наверняка подтверждает контрабандный характер сделки.

Несомненно, что судьба танков *T-72* в Кении не будет забыта и останется под пристальным вниманием многочисленных неправительственных организаций, чьи представительства действуют в Найроби: *Saferworld*, *Oxfam*, *IANSA*, *Amnesty International* и др.

И кстати: где находятся остальные 44 танка *T-72*, упомянутые в украинском отчете в Регистр ООН? Очевидно, у этой истории еще будет продолжение. В Кении? На Украине? В Судане?

График 1. Индекс международной безопасности *iSi*
(июль–октябрь 2008 г.)

- ➔ **Альберт Зульхарнеев. ИНДЕКС *iSi* ЗА ИЮЛЬ–ОКТАБРЬ 2008: ГОД СНИЖЕНИЯ, ЛЕТО ПАДЕНИЯ**
- ➔ **Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ЧЕРНЫЙ АВГУСТ, ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСТОРИИ**
- ➔ **Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: В ОЖИДАНИИ ЗАРИ МНОГОПОЛЯРНОСТИ: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА**
- ➔ **Дайан Джаятиллека, Андрей Кортунов, Уильям Поттер, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Цзи Чжие, Константин Эггерт. КОММЕНТАРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ**

Читатели, которые следят за динамикой Индекса международной безопасности *iSi* с его первых публикаций в 2006–2007 гг., знают, что каждый показатель Индекса является суммой двух слагаемых.

Первое – базовое значение Индекса – один раз в год фиксирует изменение уровня ключевых для глобальной безопасности военных, политических, террористических, экономических, техногенных и природных угроз. В идеальном мире, где жизни, здоровью и благополучию человека ничто не угрожает, базовый показатель Индекса равен 4210 пунктам. При оценке состояния безопасности в 2007 г. это значение составляло 3209 пунктов. В сентябре 2008 г. установлена новая базовая цифра – **3195**¹. При ежемесячном расчете Индекса в 2008–2009 гг. именно к этой цифре – 3195 – будет прибавляться второе слагаемое, отражающее влияние текущих событий каждого месяца².

На снижение базового значения *iSi* повлияли несколько факторов. Первый – внутривнутриполитическая нестабильность в де-факто ядерном государстве Пакистане при негативной ситуации на границе страны с Афганистаном, где осели исламистские группировки, с которыми продолжает борьбу американская армия. Под сомнением оказывается сохранность и управляемость ядерного арсенала страны, повышается возможность обострения отношений с другой ядерной державой – Индией. Второй фактор – рост угрозы резкого обострения отношений между ведущими мировыми державами. События вокруг Косово, Тибета, Мьянмы, Южного Кавказа, размещение элементов ПРО США в Восточной Европе при отсутствии переговоров по сокращению и ограничению стратегических вооружений, нарастание соперничества в других регионах – лишь некоторые процессы, обозначившие расширяющиеся противоречия между США, Россией, Китаем, Японией и другими ведущими игроками на международной арене. Третий фактор – угроза режиму ядерного нераспространения и опасность силового разрешения связанных с этим ситуаций вокруг Ирана и Северной Кореи. Четвертый фактор – угроза разрастания мирового финансового кризиса и его негативного влияния на секторы реальной экономики, обострение продовольственной и энергетической проблем.

В июне–октябре 2008 г. все эти факторы обострились в той или иной степени, что наряду с другими событиями стало причиной резкого снижения Индекса: 1 июля *iSi* был равен **2992** пунктам, 1 августа – **2987**, к 1 сентября упал до **2832**. После изменения базовой части Индекса и подведения итогов сентября значение Индекса остановилось 1 октября на **2811** пунктах. Это самая низкая отметка за все время измерения Индекса с июля 2006 г. 1 ноября показатель Индекса составил **2858**.

- **Мировой финансовый кризис.** 15 сентября кризис вошел в новую стадию развития. После объявления одним из крупнейших банков США *Lehman Brothers Holdings Inc.* о намерении начать процедуру банкротства произошел обвал мировых фондовых рынков. Правительства членов ЕС, Японии, Китая, России и других стран вынуждены были предпринять чрезвычайные меры для поддержания своих финансовых систем и уменьшения негативного влияния кризиса на секторы реальной экономики.
- **Южный Кавказ–Россия–Запад.** Основной причиной резкого снижения *iSi* в августе являлась эскалация напряжения на Южном Кавказе, кульминацией которой стало военное столкновение России и Грузии 8–12 августа 2008 г., а политическим результатом – признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии 26 августа и кризис в отношениях России со странами Запада. Силовое разрешение локальных по своей природе грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов могло бы не отразиться таким существенным образом на глобальной безопасности и, соответственно, на Индексе, если бы не ряд обстоятельств. Во-первых, возобновление масштабных боевых действий, повлекших большое число жертв, после 16 лет перемирия обозначило провал Грузии, России, США и других активных игроков в решении *замороженного* конфликта мирными современными средствами в течение всего этого времени, что ставит под вопрос способность этих стран нести ответственность за безопасность как в регионе, так и в мире. Во-вторых, впер-

вые произошло военное столкновение между Россией и другой бывшей советской республикой, что создало нервную обстановку на всем пространстве СНГ, прежде всего в его конфликтных точках, стало поводом стремительного ухудшения российско-украинских отношений, грозит осложнить решение вопросов Черноморского флота и обострить ситуацию в Крыму. В-третьих, кризис отношений между Россией и Западом, выступившим единым блоком, имеет дестабилизирующее влияние на состояние безопасности во всем мире и угрожает совместным усилиям в ключевых сферах международного сотрудничества: укреплению стратегической стабильности и режима нераспространения, борьбе с терроризмом, выработке общих ответов на вызовы глобальной экономики.

С событиями на Южном Кавказе связано ускорение согласования и подписание 20 августа соглашения о размещении на польской территории элементов американской системы ПРО, приостановление со стороны ЕС переговоров о новом соглашении о партнерстве с Россией, отзыв президентом США Джорджем Бушем из Конгресса российско-американского договора о сотрудничестве в сфере мирного атома и др.

Тем не менее миротворческие усилия ЕС во главе с президентом председательствующей в Евросоюзе Франции Николя Саркози, результатом которых стало подписание *шести принципов урегулирования конфликтов* 12 августа и согласование дополнительных мер 8 сентября, способность России удержать обстановку на Кавказе под контролем и общее стремление России и западных стран избежать усиления противостояния позволили остановить распространение конфликта на другие территории и сохранить возможности для преодоления кризиса.

- ❑ **Северная Корея.** Неровно развивается положение вокруг северокорейской ядерной программы. В начале лета 2008 г. наметилось продвижение: 26 июня представители КНДР передали КНР как председателю *шестерки* список своих ядерных программ и материалов. В ответ США пообещали снять экономические санкции и исключить Северную Корею из списка стран, поддерживающих терроризм, но не сделали этого. 26 августа Пхеньян заявил о приостановке вывода из строя ядерных объектов. Ситуация разрядилась в середине октября. Вашингтон все-таки исключил КНДР из *заветного* списка, а Пхеньян сообщил о возобновлении демонтажа оборудования в Йонбене и открытии ядерных объектов для экспертов МАГАТЭ.
- ❑ **Иран.** Безуспешно продолжается диалог с Ираном относительно его ядерной программы. 14 июня представитель Евросоюза по вопросам внешней и оборонной политики Хавьер Солана передал иранскому руководству *пакет стимулов* – предложений *шестерки* переговорщиков, которые могут быть реализованы в обмен на прекращение обогащения урана. Иран отказался выполнять это требование и не дал конкретного ответа на предложения. Евросоюз объявил о введении новых санкций. В сентябре новый доклад Генерального директора МАГАТЭ Мухаммеда Эльбаррадея сообщил об увеличении числа центрифуг и отсутствии прогресса в изучении отдельных вопросов, вызывающих серьезную озабоченность.
- ❑ **Пакистан.** Отставка президента Пакистана Первеза Мушаррафа 18 августа и распад правящей коалиции в пакистанском парламенте стали началом нового витка борьбы за власть в этом ядерном государстве. 6 сентября президентом был избран сопредседатель Пакистанской народной партии Асиф Али Зардари. Внутриполитическая борьба продолжается на фоне ухудшения обстановки в приграничных с Афганистаном регионах и роста террористической активности.
- ❑ **Ближний Восток.** 19 июня вступило в силу перемирие в секторе Газа, заключенное между Израилем и движением ХАМАС при посредничестве Египта, которое, однако, впоследствии неоднократно нарушалось. Турция продолжает усилия по началу диалога между Израилем и Сирией. 11 июля после полутора месяцев переговоров удалось сформировать правительство национального единства в Ливане, а 27 июля председатель Палестинской национальной администрации Махмуд Аббас заявил о возобновлении межпалестинского диалога. Новой площадкой как для ближневосточного мирного процесса, так и для разрешения про-

тиворечий между *Севером* и *Югом* может стать *Союз для Средиземноморья*, в открывающем саммите которого 13 июля в Париже приняли участие представители стран средиземноморского бассейна и всех членов Евросоюза.

- **Африка.** Все лето на фоне экономического кризиса и беспрецедентной инфляции продолжалось политическое противоборство в Зимбабве между оппозицией во главе с Морганом Цвангираем и переизбранным президентом Робертом Мугабе. Результаты выборов не признаются западными странами. Тем не менее, в сентябре стороны смогли договориться о формировании коалиционного правительства. Возобновилось военное противоборство сепаратистов и центрального правительства в Демократической Республике Конго. Обострилась ситуация в Нигерии. Сохраняется межплеменная напряженность в Кении. Усилилась активность пиратов, базирующихся в Сомали. 20 сентября ими было захвачено украинское судно с 33 танками *T-72* и другим вооружением на борту.
- **Выборы в США.** Отдельным фактором динамики международной безопасности стала предвыборная президентская кампания в США. На фоне экономических и политических сложностей использование жесткой внешнеполитической риторики стало одним из приемов республиканского кандидата Джона Маккейна и демократического Барака Обамы. Неопределенность, связанная со сменой администрации, отражающаяся на экономической и международной политике, приобрела глобальное измерение. Тем не менее, победа демократического кандидата 4 ноября стала поводом для роста ожиданий изменения внешнеполитического курса США.

Альберт Зульхарнеев

Примечания

¹ При определении основного показателя *iSi* научные сотрудники ПИР-Центра вместе с внешними экспертами рассматривают вероятность возникновения таких угроз, как всеобщая ядерная война, широкомасштабный военный конфликт между ядерными государствами, резкое обострение отношений между мировыми державами, осуществление крупного террористического акта и др. Учитываются также экономические, экологические, техногенные факторы безопасности. Все факторы глобального и регионального масштаба, которые рассматриваются при определении базового значения, обозначены в методологии расчета Индекса, приведенной на сайте интернет-представительства ПИР-Центра по адресу: <http://isi.pircenter.org>. Здесь же представлены результаты ежемесячных измерений *iSi* и комментарии экспертов.

В пересмотре базового значения Индекса в сентябре 2008 г. участвовали научные сотрудники ПИР-Центра и члены Международной экспертной группы: Дайан Джаятиллека, Г.М. Евстафьев, А.В. Загорский, В.А. Орлов, Е.Н. Петелин, А.Г. Савельев, Абдулазиз Сагер, Е.Я. Сатановский, Цзи Чжие, К.П. Эггерт.

² В январе–октябре 2008 г. значение Индекса *iSi* рассчитывалось следующим образом:

	Общее значение Индекса	Базовое значение	Ежемесячный показатель
1 января	2982	3209	-227
1 февраля	2937	3209	-272
1 марта	2930	3209	-279
1 апреля	2926	3209	-283
1 мая	2920	3209	-289
1 июня	2910	3209	-299
1 июля	2992	3209	-217
1 августа	2987	3209	-222
1 сентября	2832	3209	-377
1 октября	2811	3195	-384
1 ноября	2858	3195	-337

Лето и начало осени 2008 г. были насыщены исключительно острыми и важными событиями. Наибольшее значение, судя по всему, имели обострение нестабильности мировых фондовых рынков, приближавшаяся смена администрации в США и российское вторжение в Грузию. Фоном для них служили ставшие уже привычными войны в Ираке и Афганистане, политическая лихорадка в Пакистане, продвижение Ирана к ядерному оружию. В политическом и экспертном сообществах сложились три основных концепции, объясняющие идущие в мировой политике процессы.

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА ИЛИ МЕЖДУНАРОДНАЯ АНАРХИЯ?

Широкое распространение получило представление о том, что русско-грузинская война 2008 г., ее часто называют пятидневной, стала первым *горячим* сражением второй холодной войны. Эту точку зрения, судя по всему, разделяют в Кремле. Во всяком случае, новое балансирование на грани ядерного столкновения – именно этим, собственно, и была первая холодная война – не страшит нынешнее российское руководство. «Нас ничего не пугает, в том числе и перспектива *холодной войны*, – откровенно заявил президент Д.А. Медведев сразу после того, как была признана независимость двух грузинских территорий. – Но мы, конечно, ее не хотим. В этой ситуации все зависит от позиции наших партнеров по мировому сообществу, наших партнеров на Западе. Если они хотят сохранять добрые отношения с Россией, они поймут причину нашего решения, и ситуация будет спокойная. Если же они изберут конфронтационный сценарий – ну что же, мы жили в разных условиях, проживем и так»¹. О том, что Россия готовится *прожить и так*, свидетельствуют, в частности, демонстративные вояжи российских стратегических бомбардировщиков и боевых кораблей в Венесуэлу, беспрецедентные по размаху российско-белорусские военные учения «Стабильность-2008» и декларации российских дипломатов, воспроизводящие обличительные инвективы печальной памяти Андрея Вышинского и, одновременно, лексикон нью-йоркской шпаны.

Другая точка зрения состоит в том, что мировая политика возвращается не к концу сороковых годов прошлого века, но к его началу, примерно к 1914 г. «Это не новая холодная война, – считает, например, видный российский аналитик Д.В. Тренин. – Нынешняя ситуация в мире гораздо ближе к 1914 г., чем к 1948 г.»². Некоторые аргументы в пользу такой аналогии заслуживают внимания. Действительно, в нарастающем противостоянии России и Запада идеологический фактор играет, по крайней мере, сегодня несколько меньшую роль, чем во второй половине XX в. Эта версия вызывает еще меньше оптимизма, чем предположение о надвигающейся холодной войне. Достаточно вспомнить, что Первая мировая война привела к власти в России большевиков, а в Германии – нацистов со всеми вытекающими из этого печальными последствиями.

Появилась экзотическая и совсем уже алармистская теория *бесполярного мира*. «События на Кавказе окончательно доказали крах глобального интеграционного проекта России и Запада, – констатировал, например, американский аналитик Николай Злобин, суммируя впечатления от очередного заседания дискуссионного клуба «Валдай» в сентябре 2008 г. – Мир вступил в эпоху международной дезинтеграции и быстро движется от так и не сложившегося однополярного мира в сторону мира бесполярного, в котором будут отсутствовать доминирующие центры силы, а значение больших держав, в том числе России и США, будет значительно меньше, чем все привыкли. Дезинтеграция мира становится основным содержанием эпохи и важнейшей качественной характеристикой нового миропорядка»³.

Представление о надвигающейся дезинтеграции мировой системы может оказаться верным. Институты, призванные регулировать ход событий на международной арене, прежде всего ООН, в очередной раз доказали свою импотентность. Финансовый кризис, обострившийся в сентябре 2008 г., нередко воспринимается как предвестник глобального

Д
В
Р
О
С
С
Б
Е
О
Д
О
Р
П
Х
Ы
В
О
Р
М

 К.П. Эггерт (Россия), главный редактор московского бюро Русской службы ВВС – по электронной почте из Москвы: «Конфликт России и Грузии стал определяющим событием последних месяцев и кардинально повлиял на обстановку не только на постсоветском пространстве, но и в Европе, а также на отношения между Россией и Соединенными Штатами. Краткосрочные последствия уже испытали на себе инвесторы в России, на Кавказе и в Центральной Азии. Энергетическая безопасность в регионе поставлена под сомнение. Появились и элементы чисто военного противостояния Москвы и НАТО, невиданные со времен холодной войны. Даже если в ближайшие месяцы ситуация стабилизируется, что далеко не очевидно, долгосрочные последствия этого конфликта совершенно непредсказуемы».

экономического краха. Развитие событий в Ираке, Афганистане и Пакистане, ситуация вокруг иранской ядерной проблемы все жестче ставят вопросы о необходимости смены или, по крайней мере, серьезной коррекции стратегии Запада в зонах локальных и региональных конфликтов. Однако практические перспективы такой коррекции пока не просматриваются. *Военные варианты* по-прежнему считаются, возможно, не без оснований, слишком рискованными и нежелательными. Но политические методы решения возникающих в *третьем мире* проблем, основанные на изозированной дипломатии, *мягкой силе* и поощрениях скорее, чем на санкциях, не работают. В Европе, которая, как и ранее, неспособна обеспечить собственную безопасность без американских вооруженных сил, сильны антиамериканские настроения. Ожилились российские ура-патриоты, иранская теократическая элита, североамериканские вожди, венесуэльский каудильо Уго Чавес и подобные им персонажи, еще несколько лет назад выглядевшие карикатурными злодеями из политической оперетты. Все это интерпретируется как конец *однополярного мира*, иными словами, как необратимое

радикальное ослабление позиций США, подорванных стремлением Вашингтона к мировому господству.

КРИЗИС СИСТЕМНЫЙ ИЛИ СИТУАТИВНЫЙ?

Летом и особенно осенью 2008 г. драматические описания краха *однополярного мира* заполнили средства массовой информации. Трудно отделаться от впечатления, что многие политики, авторы газетных статей и аналитические разработки испытывают поистине сладострастное наслаждение, предвкушая падение глобальной американской империи, которая, правда, существует только в их воображении. Фактически же речь идет о двух обстоятельствах. По мнению борцов с *однополярным миром*, финансовый кризис свидетельствует о приближающейся экономической катастрофе в США. А вовлеченность в бесперспективные войны в Ираке и Афганистане, считают они, доказывает, что Америка не способна более играть роль гаранта международной безопасности и ее возможности военным путем отстаивать свои интересы существенно преувеличены.

Действительно, кризис, разразившийся в сентябре-октябре 2008 г. на мировых фондовых рынках, представил немало аргументов тем, кто ожидает, со страхом или с надеждой, окончательного падения доллара и краха американской экономики. Было бы, разумеется, абсолютно неверно недооценивать опасность и возможные последствия осеннего кризиса и сложность мер по его преодолению. Но не менее важно понять, является ли этот кризис системным или ситуативным. Первый – порождается неустранимыми пороками социальной системы, обуславливает ее прогрессирующее ослабление и, в конечном итоге, распад. Классическим примером этого является провал социалистического эксперимента. Второй – также может привести к тяжелым последствиям, но его предпосылки могут быть устранены без разрушения существующего социального

устройства и основных экономических механизмов. Капитализм, точнее, западная социально-экономическая система, на протяжении XX в. преодолела немало ситуативных кризисов, создавая каждый раз новые механизмы, повышающие устойчивость системы и формирующие дополнительные импульсы ее развития. Так, Великая депрессия конца 1920-х – начала 1930-х гг. привела к внедрению эффективных методов рыночного регулирования, а энергетический кризис 1970-х гг. стимулировал массовое внедрение энергосберегающих технологий.

Нынешняя острая нестабильность фондовых рынков, как можно предположить, завершится коррекцией не столько механизмов их регулирования, сколько политики ведущих игроков. В этом десятилетии в США и ряде стран Европы проводилась излишне мягкая денежная политика. Дешевые кредиты использовались для вложений в высокодоходные, но рискованные активы. Инвесторы ориентировались не столько на дивиденды, сколько на быстрорастущие котировки акций. В результате возникла мощная положительная обратная связь: растущий спрос повышал котировки, а рост котировок, в свою очередь, стимулировал спрос. На балансах банков и финансовых компаний скапливались переоцененные активы. В итоге устойчивость финансовых рынков снижалась, сбой в одном из их сегментов грозил разбалансировать всю систему. В 2007 г. такой срыв произошел в ипотечном секторе. Он был вызван главным образом неверной кредитной политикой – массовым предоставлением рискованных займов, в том числе для покупки дорогой недвижимости. В итоге, у ипотечных банков скопился большой объем низколиквидных активов. Они оказались в сложной ситуации, некоторые из них обанкротились. Их акции, в которые были вложены средства других экономических агентов, в том числе крупнейших инвестиционных банков и финансовых компаний, обесценивались. Это, естественно, со временем сказалось на других секторах фондового рынка. Возникла серьезная нехватка ликвидности, которую пришлось компенсировать массивными вливаниями денежных средств центральными банками. Дополнительным источником нестабильности стал беспрецедентный рост цен на нефть, точнее, на нефтяные фьючерсы, намного обогнавший экономически и технологически обоснованные цены на нее, которые определяются соотношением спроса и предложения, себестоимостью добычи и транспортировки и т.д. В результате в июле 2008 г. началось быстрое падение цен на нефть, которые к середине ноября опустились до 55–60 долл. за баррель.

По сути дела, в сентябре 2008 г. произошло крупномасштабное обесценивание и списание высокорисковых и переоцененных активов. Это – крайне болезненный процесс, сопровождающийся банкротствами, нестабильностью валютных курсов, крупномасштабными вливаниями ликвидности и другими негативными явлениями. Его результатом будет некоторое снижение темпов роста мировой экономики в целом, главным образом в результате сокращения спроса. Но в конечном итоге, произойдет оздоровление западной экономики. При этом ожидать дефолта в США, краха или серьезного ослабления американской экономики нет никаких оснований. Это – чрезвычайно мощная глубоко диверсифицированная система, доля которой в мировом валовом продукте составляет 22%, имеющая большие резервы капитала, высококвалифицированной рабочей силы и технологий, способная быстро перебрасывать ресурсы из сектора в сектор, из отрасли в отрасль. Самое же главное в том, что это – единственная в мире подлинно инновационная экономика.

В свете этого популярны в России и некоторых других странах размышления о том, что пора избавиться от *долларовой зависимости*, превратить рубль в одну из резервных валют, а Москву – в финансовый центр, сопоставимый с Лондоном или Нью-Йорком, выглядят, по меньшей мере, странно. Заменить доллар в его качестве главной мировой резервной валюты попросту нечем. Помимо всего прочего, как подчеркнул директор Института экономики РАН Р.С. Гринберг, «Европа, Россия, Япония и Китай накопили столько долларов, что трясутся за их покупательную способность не меньше самих американцев. ... К тому же, если страна резервной валюты имеет ставку рефинансирования 2%, это говорит о ее стабильности и, следовательно, надежности. Это означает, что инфляция здесь равна 2%, а в тех странах, которые как будто бы стремятся избавиться от доллара, она намного выше. Поэтому смешными кажутся все разговоры о слабом долларе и сильном рубле»⁴.

КОНЕЦ ВОЕННОЙ ГИПЕРДЕРЖАВЫ?

Подобно тому, что финансовые неурядицы не предвещают катастрофы американской экономики, но требуют коррекции, возможно, весьма серьезной, экономической политики, иракская и афганская войны свидетельствуют не о принципиальном ослаблении военной машины США, но о необходимости пересмотреть некоторые стратегические и политические установки. Слов нет, Соединенные Штаты, будучи втянуты в войны в Ираке и Афганистане, оказались в исключительно трудной ситуации, в чем-то напоминающей ту, в которой они находились 40 лет назад из-за войны во Вьетнаме.

Но события в Ираке и Афганистане вовсе не подтверждают версию о военной слабости США. Иракская армия, далеко не самая слабая в мире, и режим талибов были разгромлены в течение примерно двух недель, причем американские войска понесли минимальные потери. Проблема в другом: США и возглавляемые ими силы международных коалиций, оккупировав эти страны, не смогли обеспечить в них закон и порядок, создать новую дееспособную власть и выиграть развернувшиеся там так называемые *войны четвертого поколения* или, иначе *крупные иррегулярные войны*. Последние представляют собой комбинации элементов гражданских войн, массовых беспорядков, партизанских действий, столкновений на этнической или религиозной почве, вооруженных стычек соперничающих за власть политических и криминальных группировок и т.п. Практика, в том числе российская практика в Чечне, показывает, что добиться успеха в таких войнах внешняя сила может, лишь сделав ставку на силу внутреннюю, обеспечив последней финансовую поддержку, поставки оружия и т.д. Но выбор внутренней силы, способной при поддержке извне стабилизировать ситуацию, чаще всего просто установить собственную диктатуру при помощи оружия, далеко не прост, требует хорошего знания положения дел в соответствующей стране или территории и умения использовать особенности местной политической культуры.

Эффективность же регулярных оккупационных войск в *войнах четвертого поколения* минимальна. Это – один из хорошо известных парадоксов современной стратегической ситуации. Высокотехнологичные вооруженные силы способны быстро разгромить войска, отстающие от них на одно-два поколения, уничтожить ключевые центры политического управления, узлы связи, средоточия коммуникаций и другие важнейшие элементы военно-политической и военно-экономической инфраструктуры противника. Однако они практически бесполезны в контрпартизанских войнах в *третьем мире*, особенно если партизаны пользуются поддержкой местного населения, действуют в труднодоступных горных районах или джунглях. В городах же борьба с террористами и вооруженными подпольными группами требует не армейских частей, но полиции и органов безопасности, имеющих более или менее разветвленную агентуру в среде, из которой такого рода группировки черпают кадры, получают финансовую, пропагандистскую и материальную поддержку и т.д.

Иными словами, в Ираке и Афганистане США допустили не столько военные, сколько крупные политические ошибки, причем уже после основной военной стадии операции. В Ираке, в частности, Соединенные Штаты не ограничились устранением верхушки саддамовского режима и ликвидацией служб безопасности. Вместо того чтобы сохранить основные опорные механизмы власти, прежде всего, армию и государственный аппарат, американская администрация стала практически с нуля создавать новую государственную систему, далеко не всегда учитывая специфику местной политической культуры, характер и расстановку сил, борющихся за власть и влияние. Что же касается Афганистана, то, как и некоторые другие государства, находящиеся на раннефеодальной стадии развития, он, видимо, вообще не поддается модернизации, тем более осуществляемой внешними силами.

Кроме того, в 2003 г. в качестве главной цели американской военной операции был выбран Ирак, а не Иран. Но при всей своей жесткости и циничности Саддам Хусейн был заметно менее опасен для Запада, чем практически столь же жесткий, но фанатичный и идеологически мотивированный иранский режим, имеющий к тому же реальные шансы получить ядерное оружие. В итоге, США и их союзники, а в Афганистане также и НАТО оказались вовлечены в две сложные *войны четвертого поколения* без, как сей-

час уже ясно, реальных шансов на успех. Это существенно сужает поле военного и политического маневра США и НАТО, сокращает, подчас самым существенным образом, их возможности, в том числе силовые, в других регионах мира, прежде всего в традиционной зоне ответственности Североатлантического альянса. Таким образом, США и НАТО стоят сегодня перед необходимостью крупных коррекций политики в Ираке и Афганистане, вплоть до вывода войск. Последнее, возможно, приведет к распаду Ирака на три государства – шиитское, суннитское и курдское. В геополитическом отношении такая конфигурация может оказаться более устойчивой, чем нынешнее аморфное государственное образование, раздираемое внутренними противоречиями и столкновениями.

ФЕНОМЕН ОБАМЫ

В складывающихся условиях всеобщее внимание привлекает приближающаяся смена администрации в США. В начале октября 2008 г., когда был написан этот обзор, предсказать, кто станет следующим президентом США, было невозможно. Но можно утверждать: президентская выборная кампания 2008 г. продемонстрировала, что американское общество способно преодолевать глубокие экзистенциальные кризисы.

40 лет тому назад, в апреле 1968 г., выстрелом из снайперской винтовки был убит один из самых выдающихся политиков XX в. Мартин Лютер Кинг. За 5 лет до этого он произнес знаменитую речь, известную под названием «У меня есть мечта». «Я мечтаю о том, – говорил Кинг, – что однажды этот народ проснется и станет жить в соответствии с подлинным смыслом того, что было ему завещано при его рождении. Для нас самоочевидной истиной является то, что все люди созданы равными»⁵. Тогда, в 1960-е гг., Кинг казался благородным, но бесконечно наивным мечтателем. Соединенные Штаты пережили в то время один из самых тяжелых кризисов в своей истории. Страна была вовлечена в безнадежную войну во Вьетнаме; расовая дискриминация казалась вечной, а столкновения на этой почве, как считали многие, могли привести к распаду страны или гражданской войне. И если бы в 1968 г. кто-либо предположил, что через 40 лет темнокожий американец из бедной семьи будет иметь более чем реальные шансы стать президентом США, его признали бы не вполне нормальным. Но мечта Кинга стала реальностью. Американское общество смогло устранить источник противоречий и расколов, грозивших самому его существованию, что свидетельствует о его жизнеспособности.

Однако происхождение Барака Обамы – далеко не самый важный аспект предвыборной кампании 2008 г. Соперничество Джона Маккейна и Барака Обамы за Белый дом отражает нынешний этап противостояния традиционной и либеральной частей Америки. Первая – в основном консервативна; вторая – требует перемен. Парадокс в том, что и те, и другие правы. Соединенные Штаты не могут не защищать свои ценности и идеалы, не могут не поддерживать демократические перемены за пределами собственных границ. Это вполне прагматичная стратегия: ни одна демократическая страна не угрожает Соединенным Штатам. Но одновременно внешняя политика США не может не учитывать быстро меняющиеся экономические и политические реальности современного мира, должна адаптироваться к происходящим изменениям и, помимо всего прочего, искать прагматические решения в духе *realpolitik*, далеко не всегда совпадающие с ценностными представлениями о демократии и повседневной морали.

Феномен Обамы состоит также в том, что на нем сфокусированы ожидания тех в США и за их пределами, кто хочет перемен в стране и в ее внешней политике, но далеко не всегда может конкретно сформулировать, в чем, собственно, эти перемены должны заключаться. С одной стороны, это укрепляет его позиции в предвыборной гонке. Но, с другой, может создать для него, как и для любого политика, ставшего волею обстоятельств символом перемен, серьезные трудности, если он будет выбран президентом. Осуществление перемен, в том числе затрагивающих представления элит и общества о стратегических интересах страны, – задача исключительно трудная и требующая времени. А потому нынешние ожидания могут смениться разочарованием, масштабы которого тем больше, чем сильнее сегодняшние надежды.

СМЕНА АДМИНИСТРАЦИИ США И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Вряд ли можно ожидать, что приход к власти в США нового президента немедленно приведет к существенным изменениям во внешней политике. Во-первых, смена высшего политического руководства приводит к автоматической замене нескольких десятков узловых фигур в аппарате Белого дома, внешнеполитическом ведомстве, министерстве энергетики, Пентагоне, разведывательных службах, приближенных к администрации академических учреждениях, которые формируют информационную среду президента, готовят аналитические материалы и проекты решений. Большинству из новых назначенцев понадобится определенное время для того, чтобы освоить новые обязанности, понять незнакомые посторонним, но исключительно важные детали функционирования бюрократического механизма и начать продуктивно работать. Во-вторых, свою роль будет играть инерция государственного аппарата, ключевых комитетов конгресса, ведущих корпораций, прежде всего вовлеченных в военные проекты, и остальных элементов политико-бюрократической среды Вашингтона. В-третьих, сама международная жизнь будет диктовать повестку дня американской внешней политики. Как и прежде, в центре внимания будут отношения с союзниками и Китаем, Ирак, Иран, Афганистан, Ближний Восток в целом. Относительно новым вызовом для США является лишь Россия, демонстрирующая готовность к противостоянию с Америкой. В итоге, пройдет, как минимум, несколько месяцев, прежде чем будут выработаны общие концепции и конкретные предложения относительно тех или иных корректив внешнеполитической стратегии. Кроме того, между стратегическими установками Барака Обамы и Джона Маккейна существуют определенные различия. Следовательно, до тех пор, пока кто-либо из них не будет избран президентом, говорить о новой линии США на международной арене рано. Тем не менее, некоторые выводы относительно возможных перемен в ней могут быть сделаны.

Главным приоритетом внешнеполитической программы Барака Обамы является немедленное начало вывода американских войск из Ирака. США, считает он, должны добиваться политических решений иракских проблем, возвращения беженцев и сосредоточиться на других вопросах – скорее гуманитарного, чем военного характера. Прекращение войны в Ираке позволит Соединенным Штатам переключить усилия, в том числе военные, на борьбу с терроризмом в Афганистане и Пакистане, а также разработать и осуществить всеобъемлющую глобальную стратегию противодействия терроризму и экстремизму.

Другим первостепенным внешнеполитическим приоритетом Обамы провозглашены предотвращение распространения ядерного оружия, в том числе под прикрытием развития мирной ядерной энергетики, борьба с контрабандой ядерных материалов и технологий, обеспечение безопасности имеющихся ядерных материалов. Необходимо добиться, подчеркивает он, не допустить приобретения ядерного оружия Ираном и ликвидации северокорейской ядерной программы. Важно также снизить роль ядерного оружия в российской и американской военной стратегии и военном строительстве, в том числе добиваться сокращения боеготовности стратегических ядерных вооружений, считает он. В целом же, за исключением вопроса о выводе войск из Ирака, внешнеполитическая программа Барака Обамы не отличается принципиально от внешнеполитической линии нынешней администрации.

Джон Маккейн, в свою очередь, убежден в необходимости добиться военной победы в Ираке и увеличения с этой целью находящегося там американского контингента. Преждевременный вывод войск приведет к росту влияния в регионе Ирана и Аль-Каиды и в дальнейшем к дестабилизации всего Ближнего Востока. Главный приоритет Джона Маккейна в области международной безопасности – противодействие терроризму и поддержка с этой целью умеренных сил в исламском мире. Кроме того, он считает необходимым сократить зависимость США от импорта нефти, в том числе для того, чтобы не обогащать иностранные нефтяные картели и *петро-диктаторов*. Но самый интересный момент внешнеполитической стратегии Маккейна так, как она формулируется в ходе предвыборной кампании, – создание всемирной Лиги демократий [worldwide League of Democracies], которая должна действовать там и тогда, где и когда оказывается бес-

сильной ООН в результате вето со стороны авторитарных государств. Союз демократий должен оказывать давление на тиранические режимы в Мьянме, Судане и Зимбабве, поддерживать борющиеся демократии в Украине и Сербии, вводить эффективные санкции против Ирана и Северной Кореи, чтобы остановить ядерное распространение.

Заявления кандидатов в президенты США подтверждают, что главной проблемой для них сегодня является война в Ираке. Это понятно. В Ираке гибнут американские военнослужащие, затраты на войну весьма велики, а перспективы победы не просматриваются. В целом, как показывает, в частности, недавний опрос, проведенный Чикагским советом по глобальным проблемам, почти две трети американцев выступают за вывод войск из Ирака либо в ближайшее время, либо в течение двух лет⁶.

Таблица 1

США должны немедленно вывести боевые части из Ирака	24%
США должны вывести боевые части из Ирака в течение двух лет	43%
Войска должны оставаться, пока не будет обеспечена стабильность и безопасность	33%

Не менее важно, что вывод войск из Ирака позволит США сосредоточить внимание и ресурсы на других направлениях внешней и военной политики, прежде всего, на иранском, пакистанском и, скорее всего, черноморском. Однако ожидать кардинальных изменений американской политики в Ираке в ближайшие после прихода к власти новой администрации месяцы не приходится. Значимые сокращения или наращивания контингента в Ираке требуют серьезной политической и технической подготовки, формальных или неформальных согласований с Конгрессом и так далее.

Нет ясности, как будет строиться политика США в отношении Ирана. С одной стороны, сегодня уже не вызывает сомнений, что, наращивая мощности по обогащению урана, Тегеран создает технические возможности для производства ядерного оружия. С другой, ни США, ни тем более европейские страны не готовы к решительным действиям, вплоть до применения вооруженной силы, которые могут остановить иранское руководство. В этих условиях все более вероятным сценарием является превентивный израильский удар по иранским ядерным установкам и, скорее всего, по другим военным объектам. Если США могут рассчитывать остаться в стороне от подобного конфликта, то непонятно, чем руководствуются лидеры европейских государств, занимающие крайне негативную позицию в отношении применения против Ирана военной силы.

ПЕЙЗАЖ НАКАНУНЕ БИТВЫ

Среди сложных и многоплановых пертурбаций, происходивших на международной арене летом и ранней осенью 2008 г., немалое место занимает русско-грузинская война. Она окончательно опровергла красивую, но наивную теорию *конца истории*, сформулированную Френсисом Фукуямой сразу после краха СССР. У многих экспертов, как уже говорилось, русско-грузинская война вызывает аналогию с событиями августа 1914 г. Иными словами, она выглядит своего рода спусковым механизмом цепи событий, ведущих к серии конфликтов и столкновений в постсоветском пространстве и около него, военно-политическому противостоянию России и Запада и, в конечном итоге, к принципиальным изменениям стратегического ландшафта в западной части Евразии. Другие расценивают ее как неприятный, но, по сути дела, локальный эпизод, не имеющий серьезных стратегических последствий. Пока исследователям не хватает достоверной информации для того, чтобы дать ясный ответ на вопрос: какое из этих представлений правильно. Однако общая канва событий, предшествовавших вторжению в Грузию, просматривается более или менее ясно. А это, в свою очередь, позволяет оценить, пусть приблизительно, движущие силы *пятидневной войны* и ее место в системе мировой политики.

Предпосылки *пятидневной войны* сложились в конце первой половины нынешнего десятилетия. Грузинская *революция роз*, а затем *оранжевая революция* в Украине и рево-

 Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), директор Исследовательского Центра Залива – по электронной почте из Дубая: «Пока дебаты о том, что необходимо сделать, чтобы остановить *иранский ядерный марш*, отошли на второй план, эта страна продолжала создавать свой ядерный потенциал. Скорее всего, здесь возрастет напряжение, Иран займет более непреклонную позицию, а Россия и, возможно, Китай будут менее склонны поддерживать дополнительные меры ООН против Ирана... Из положительных моментов отмечу изменение ситуации в Ираке и возросшую дипломатическую активность государств – членов Совета по сотрудничеству стран Персидского залива. По Ираку: обсуждение американо-иракского соглашения о статусе вооруженных сил говорит о том, что есть продвижение в вопросе о постепенном выводе войск в обозримое время. Хотя остается много сомнений относительно реального состояния безопасности на месте, а также о намерениях иракского правительства в отношении национального примирения, это движение в правильном направлении, которое позволяет избежать стремительного вывода войск и наступления *вакуума безопасности*...»

люция тюльпанов в Киргизии вызвали в российском истеблишменте крайнее раздражение и серьезное беспокойство. Они продемонстрировали, что массовое народное недовольство в сочетании с расколом в правящей элите может привести к мирному приходу к власти в постсоветских странах лидеров нового поколения, проводящих независимую от Москвы политику и ориентированных на сотрудничество с Западом, вплоть до вхождения в НАТО. И хотя оснований ожидать *цветную революцию* в России не было, события в Грузии, Украине, а затем и в Киргизии убедительно свидетельствовали, что постсоветские режимы, сходные по своим основным чертам с российским, неустойчивы и в их недрах могут появиться силы, способные осуществить смену власти. Это, естественно, не могло не беспокоить Москву. С середины 2000-х гг. борьба с *оранжевой угрозой* и предотвращение дальнейшего расширения Североатлантического альянса на восток стали важнейшими стратегическими задачами российской политики в зоне бывшего СССР. С одной стороны, Кремль стремился утвердить свое влияние в этой зоне, подорванное *цветными революциями*, а с другой – убедить возможных российских последователей В.А. Ющенко, Ю.В. Тимошенко и М.Н. Саакашвили в бессмысленности любых попыток повторить в Москве тбилисский или киевский сценарий. Однако каких-либо успехов в утверждении доминирующего влияния России на постсоветском пространстве достигнуть не удалось. К лету 2008 г. перспектива вступления Украины и Грузии в НАТО, правда, не в ближайшем будущем, стала обретать практические очертания. Это, помимо всего

прочего, подрывало авторитет высших эшелонов власти в российском истеблишменте. Там не могли и не могут не видеть, что, провозгласив те или иные цели на мировой арене, Москва не в состоянии их достичь.

Кризис российской внешней политики усугубился неудачами на ее украинском направлении. Летом 2008 г. резко обострилась проблема базирования Черноморского флота. Украинское руководство предельно ясно объявило, что в 2017 г. он должен будет покинуть Севастополь. Ответные заявления командования российского ВМФ, мягко говоря, ничего, кроме изумления, вызвать не могли. Во-первых, было сказано, что Черноморский флот будет базироваться, если не полностью, то частично, в сирийском порту Тартус, а во-вторых, численность корабельного состава флота обещали довести до ста единиц, т.е. увеличить примерно в два с половиной раза. Тартус совершенно не приспособлен для постоянного базирования флота, не имеет практически никакой береговой инф-

раструктуры, а находящиеся там корабли будут намного более уязвимы в случае конфликта с США или НАТО, чем если бы они находились в Черном море. Нарастить же численность Черноморского флота можно, только передав ему суда из других флотов. Эта идея еще более сомнительна, чем перебазирование флота в Тартус. На самом деле, указанные заявления свидетельствовали о крайней растерянности российского военного командования, которое, судя по всему, не хотело и не хочет сегодня вкладывать многие миллиарды в создание новой базы ВМФ в Новороссийске. Вместо этого российские адмиралы всерьез размышляют о строительстве нескольких авианосных групп и о дальних походах, в том числе в гости к новому российскому союзнику Уго Чавесу.

Летом 2008 г. произошли и другие провалы российской внешней политики. В июне 2008 г. в Сербии была сформирована правящая коалиция. Социалистическая партия Сербии, которую в прошлом возглавлял Слободан Милошевич, вступила в союз с блоком «За европейскую Сербию», руководителем которого является президент страны Борис Тадич. Главной задачей страны провозглашено вступление в Европейский союз. Националистические круги, на которых делали ставку в Москве, потерпели серьезное поражение. Видимо, это обстоятельство не было до конца осознано российским МИДом. В конце июля 2008 г., например, заместитель министра иностранных дел РФ В.Г. Титов уверенно заявил: «Не думаю, что сербский народ захочет разменять посулы евроинтеграции на утрату части своей страны»⁷. Это заявление прозвучало как минимум странно, поскольку примерно в это же время кабинет министров Сербии большинством голосов принял решение вернуть 11 послов Сербии, отозванных ранее из стран ЕС, признавших независимое Косово. Это было сделано для того, чтобы «повысить дипломатические усилия» с целью получить до конца текущего года официальный статус страны – кандидата в члены ЕС.

В июле 2008 г. госсекретарь США Кондолиза Райс и министр иностранных дел Чехии Карел Шварценберг подписали соглашение о размещении в Чешской Республике радара, являющегося элементом третьего позиционного района американской системы ПРО, который будет развернут в Европе. Президент России Д.А. Медведев прокомментировал это, сказав: «... Нас эта ситуация крайне огорчает. ... Нас это не устраивает. ... Мы, конечно, не будем поднимать по этому поводу какой-то истерики, но будем продумывать ответные шаги»⁸. Однако в российском МИДе, видимо, не расслышали слова президента о том, что поднимать по этому случаю истерику не следует. В заявлении МИДа говорилось, в частности:

«Если договоренности с США, подлежащие ратификации в чешском парламенте, все-таки приобретут юридически обязывающий характер и у наших границ начнется реальное развертывание американской стратегической ПРО, то тогда мы будем вынуждены реагировать не дипломатическими, а военно-техническими методами»⁹.

Такого рода предупреждения делались и ранее, но своей цели не достигали.

Таким образом, летом 2008 г. обозначилась перспектива системного, стратегического поражения российской внешней политики. Она все глубже заходила в тупик, из которого, теоретически, возможны два выхода. Первый – отказаться от прежних стратегических постулатов. Но для российского политического и бюрократического бомонда пересмотр линии, осуществлявшейся после известного выступления В.В. Путина в Мюнхене в феврале 2007 г., означал бы признание собственного интеллектуального банкротства. Второй – сделать еще один шаг вверх по лестнице эскалации. Вторжение в Грузию и было таким шагом.

ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ

Причины, по которым в качестве главного объекта российского военного давления была выбрана Грузия, в целом понятны. Прибалтийские государства, вызывающие в Москве не меньшее неприятие, чем Грузия, являются членами НАТО, конфликт с ними для России весьма опасен. Украина – слишком велика, Казахстан и Белоруссия относятся к числу союзников России по ШОС и ОДКБ. Азербайджану благодаря умелому полити-

ческому маневрированию Ильхама Алиева удастся поддерживать нормальные отношения с Москвой и, одновременно, развивать широкомасштабные отношения с западными странами. В этих условиях вызывающее, с точки зрения Москвы, поведение Тбилиси, сделавшего ставку на максимально быстрое сближение с Западом и вступление в НАТО, усиливало желание российского политического и бюрократического истеблишмента преподать урок всем тем политическим кругам в постсоветских странах, которые осмеливались бросить вызов России, именно на грузинском примере.

Интересно, однако, что первые симптомы возможных силовых акций против Грузии появились еще до *революции роз*. В начале нынешнего десятилетия практически всему негрузинскому населению Абхазии и Южной Осетии было предоставлено российское гражданство. В Москве это объясняли сугубо гуманитарными причинами – жители данных территорий не хотели получать грузинские паспорта, а документы, выданные местными властями, никем не признавались. Возможно, это объяснение соответствует истине. Однако, как показывают нынешние события, это позволило оправдать вмешательство во внутренние дела Грузии, вплоть до вооруженного вторжения, защитой жизни, свободы и достоинства российских граждан.

Можно предположить, что курс на военное давление на Грузию был взят в середине нынешнего десятилетия, после *чеченизации* конфликта и осуществленной группировкой Кадыровых относительной стабилизации положения в Чечне. В конце 2006 – начале 2007 г. российские СМИ сообщили, что вооруженные формирования Абхазии и Южной Осетии имели вместе от 140 до 190 танков, 170–190 боевых бронированных машин, 200–300 артиллерийских установок, т.е. по количеству этих вооружений практически сравнялись с Грузией¹⁰. Единственным источником тяжелых вооружений для сепаратистов могли быть только поставки из России. В марте 2006 г. Москва согласилась вывести военные базы из Батуми и Ахалкалаки. В случае вооруженного конфликта российские военнослужащие, находящиеся на этих базах в глубине грузинской территории, превращались бы в заложников. «Потому, – писал российский военный аналитик П.Е. Фельгенгауэр, – ускоренный вывод – не примиряющий жест, а в большей степени необходимое условие для начала военного решения грузинской проблемы»¹¹. Вывод баз завершился в конце 2007 г., т.е. ранее намеченного срока. Обычно же российские военные затягивали такого рода перемещения войск как можно дольше. Одноверменно российские офицеры и генералы появились на руководящих должностях в вооруженных силах и органах безопасности Абхазии и особенно Южной Осетии.

Окончательное решение о военной операции могло быть принято в начале весны 2008 г. В марте российский МИД объявил об одностороннем выходе из режима санкций против Абхазии, установленного решением Совета глав государств СНГ в январе 1996 г. Этот шаг, впрочем, имел скорее символическое, чем практическое значение, поскольку этот режим Россией не соблюдался. За этим последовало решение Кремля об установлении отношений с сепаратистскими властями по линии российских государственных органов. В марте же министром обороны Южной Осетии был назначен выпускник Академии Генерального штаба России, генерал-майор В.В. Лунев, занимавший в прошлом видные должности в российских вооруженных силах.

Начиная с апреля грузинские власти регулярно сообщали о концентрации российских войск в Абхазии. Российские истребители сбивали грузинские беспилотные аппараты, собиравшие информацию об обстановке в приграничных районах Абхазии. В СМИ появились сообщения, что 8 или 9 мая готовилось вторжение российских частей в Верхнее Кодори, находящееся под контролем грузинских властей. «Есть совсем конфиденциальные данные, – утверждала, например, осведомленная в кавказских делах Ю.Л. Латынина, – ... что с 8 по 9 мая должен был быть ввод российских десантников в Верхнее Кодори, что, собственно, и сорвалось в результате лихорадочной челночной дипломатии. ... 7 мая у нас была инаугурация. А 21 мая, между прочим, в Тбилиси были выборы. Если б перед этим началась бы война, то бардак был бы такой, что могло быть что угодно, включая даже такую невероятную вещь, как выигрыш грузинской оппозиции»¹².

В июне в Абхазию введены российские железнодорожные войска, которые стали спешно восстанавливать железную дорогу между Сухуми и Очамчирой, недалеко от линии,

разделяющей Абхазию и другие районы Грузии. Официально было объявлено, что эта дорога жизненно необходима для восстановления абхазской экономики. С этим трудно спорить. Но для начала она использовалась для перевозки тяжелой боевой техники российских вооруженных сил к границе с Грузией. Наконец, во второй половине июля состоялись крупные учения войск Северокавказского военного округа, частей ВДВ из других округов, войск МВД и других силовых ведомств в том числе в районах, непосредственно примыкающих к границе между Россией и Южной Осетией. По завершении учений командование Северокавказского военного округа отметило «качественный уровень организации взаимодействия между силовыми ведомствами, подразделения которых принимали участие в учении, высоко оценена способность частей и соединений в сжатые сроки и на значительном удалении от пунктов постоянной дислокации создавать значительные группировки войск (сил) для противодействия крупным террористическим формированиям»¹³.

Вскоре после этого «значительная группировка войск» была создана в районе Цхинвали, действительно, на значительном удалении от пунктов постоянной дислокации. Одновременно летом 2008 г. резко осложнилась обстановка в Южной Осетии, начались регулярные перестрелки между грузинскими и южноосетинскими вооруженными силами, в ходе которых применялось тяжелое вооружение. В этих условиях военный конфликт был практически неизбежен. Принципиальный вопрос, однако, заключается в том, кто несет ответственность за развязывание военных действий.

РОКОВАЯ НОЧЬ С 7 НА 8 АВГУСТА 2008 Г.

Для выяснения правовой и политической природы *пятидневной войны* принципиальное значение имеет тщательное восстановление событий, происшедших в ночь с 7 на 8 августа 2008 г. Российская версия состоит в том, что поздно вечером 7 августа в Южную Осетию были введены крупные силы грузинской армии, которые примерно в 23 часа 30 минут начали шквальный обстрел Цхинвали, захватили или попытались захватить господствующие над городом высоты. По утверждениям российских официальных лиц, в результате артиллерийского обстрела Цхинвали подвергся катастрофическому разрушению, был «стерт с лица земли», а число погибших гражданских лиц в первый день войны достигло 2000 человек. Кроме того, утверждают в Москве, грузинские силы атаковали российский миротворческий батальон, который потерял более 10 человек убитыми.

Грузинская версия событий выглядит иначе. Согласно ей, поздно вечером 7 августа президент М.Н. Саакашвили получил сведения о том, что на территорию Южной Осетии вошли около 150 танков и грузовиков с российскими войсками. После этого им был отдан приказ о начале операции по захвату Цхинвали и подавлению южноосетинских вооруженных формирований. В подтверждение были приведены записи радиоперехвата переговоров южноосетинских военных, которые сообщали друг другу о прохождении российских войск через Рокский тоннель. Цифры потерь гражданского населения в Цхинвали многократно преувеличены, говорят в Тбилиси, причем многие жертвы были вызваны отнюдь не грузинскими обстрелами, а российскими артиллерийскими и воздушными бомбардировками города после того, как он был практически полностью захвачен грузинскими войсками.

Иными словами, вопросы о времени первого пересечения российскими войсками грузинской границы и количестве жертв первого дня войны имеют принципиальное значение. Если российская версия событий правильна, то действия России могут быть квалифицированы как легитимная защита жизни своих граждан. Если справедлива грузинская версия, то Россия совершила вооруженную агрессию против Грузии, а последняя приняла законную самооборону от этой агрессии. Грузинская версия выглядит более правдоподобной. Тбилиси представил детальную хронологию происшедших событий, в том числе конкретное время вторжения российских войск на территорию Грузии, и привел подтверждения этого, которые могут быть проверены.

Российские власти, со своей стороны, не сообщают ключевой информации: когда точно президентом Д.А. Медведевым было принято решение о введении войск в Грузию, когда

конкретно российские войска пересекли грузинскую границу и вошли в Южную Осетию, когда первые российские подразделения вступили в бой в районе Цхинвали и почему Совет Федерации одобрил решение президента только в конце августа 2008 г., т.е. примерно через две недели после того, как оно было принято. Говорится лишь, что:

«к 8.00 [8 августа. – Ю.Ф.] на южных окраинах Цхинвали начались уличные бои между подразделениями ВС Грузии и Южной Осетии. Позиции российских миротворцев к этому времени находились уже под постоянным обстрелом. В 8.20–8.30 грузинские ВВС нанесли авиационные удары по военным городкам миротворцев. Около 11.00 грузинские подразделения захватили миротворческие городки Северный и Южный. В этой непростой ситуации, когда стали очевидными цели и задачи грузинских ВС, а миротворцы стали нести потери, было принято решение об оказании помощи миротворцам и гражданам РФ, проживающим в Южной Осетии, которые фактически подвергались уничтожению»¹⁴.

Таким образом, можно предположить, но это – лишь предположение, что решение о вводе российских войск было принято 8 августа где-то вскоре после 11 часов утра, а вхождение российских войск в Грузию произошло через несколько часов после этого. Формулирование соответствующего приказа, доведение его до командующих Северокавказским военным округом и 58-й армией, поднятие войск по тревоге, доставка их к границе, проход через Рокский тоннель, своего рода бутылочное горлышко на пути из Северной в Южную Осетию, требуют значительного времени. Однако отсутствие точных официальных данных о времени пересечения первыми подразделениями российских войск грузинской границы свидетельствует, что по каким-то причинам российские власти стараются такую информацию скрыть. И в этом есть своя логика. Если будет названо конкретное время, которое не совпадает с действительным, ложь может быть выявлена очень быстро. Крупные передвижения войск невозможно скрыть от многочисленных свидетелей; сохраняется штабная документация и т.д.

При этом имеются косвенные данные, подтверждающие, что российские войска либо находились на территории Южной Осетии 7 августа, либо начали продвижение туда существенно ранее, чем это следует из официальных сообщений российских властей. Так, 3 августа 2008 г. *Красная Звезда* опубликовала интервью с российским офицером, из которого следует, что 7 августа подразделение, в котором служит этот офицер, было переброшено в район Цхинвали и утром 8 августа вступило в бой с грузинскими войсками. Можно привести также сообщение южноосетинского информационного агентства, переданное в 1 час 27 минут утра 8 августа, в котором говорится:

«По Транскаму от Алагира в сторону пограничного пункта Нижний Зарамаг движутся военные колонны и отдельные машины с личным составом, бронетехника. Осетинским вооруженным силам необходимо продержаться против превосходящих сил противника всего несколько часов»¹⁵.

Сомнения в справедливости российской версии начала войны вызывает также многократное завышение российскими властями потерь гражданского населения в первый день войны. Согласно данным международной организации Human Rights Watch, полученным в процессе интервьюирования врачей городской больницы Цхинвали, в морг больницы, а именно туда свозились останки погибших в ходе войны осетин, на 13 августа было доставлено 44 тела. Кроме того, была оказана врачебная помощь 273 раненым¹⁶. В середине сентября 2008 г. Айвар Бестаев, хирург Цхинвальской клинической больницы, сообщил осетинскому радио, что в первую ночь войны, т.е. тогда, когда, по заявлениям российских политиков и дипломатов, погибло около 2000 человек, в больницу было привезено около 70 погибших и 190 раненных. Всего же за три дня бригада хирургов прооперировала 270 человек¹⁷. 4 сентября 2008 г. руководитель российской следственной бригады, работающей в Южной Осетии, сообщил, что в Цхинвали были обнаружены останки 134 человек. В тот же день представитель южноосетинской прокуратуры проинформировал, что в ходе войны было убито 276 человек¹⁸. При этом, правда, не указывается, сколько среди погибших и раненых было гражданских лиц и сколько военнослужащих осетинских вооруженных формирований, в каких конкретно местах были обнаружены тела погибших, и самое главное – погибли ли они в ночь с 7 на 8 августа или позже, в процессе боев между грузинскими войсками, южноосетинскими боевиками и российскими военнослужащими.

ИТОГИ ВОЙНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА

Военные итоги *пятидневной войны* можно было предсказать с того самого момента, когда российские войска вступили в бой с грузинской армией. Последняя потерпела тяжелое поражение, главным образом, потому, что российские вооруженные силы имели подавляющее превосходство в воздухе. Важно также, что грузинская армия готовилась к конфликтам низкой интенсивности, а не к боям с российской армией, заведомо превосходящей ее по основным количественным параметрам.

Политические и стратегические итоги войны намного сложнее. Западные политики и средства массовой информации, даже не склонные к обострению отношений с Россией, говорят о «чрезмерном» или «диспропорциональном» применении Москвой военной силы. Действительно, если бы единственной целью военной операции было пресечение грузинских злодеяний в Южной Осетии, то не было бы нужно выдавливать грузинские силы из Верхнего Кодори, устанавливая так называемые блок-посты на значительном удалении от южноосетинской и абхазской территорий, бомбить в Грузии не только военные, но и гражданские объекты и придвигать Черноморский флот к абхазским берегам. Российские военные утверждают, что целью всех этих действий было предотвращение новых вылазок грузинской армии в Южной Осетии. Однако это объяснение не убедительно. Во-первых, после 12 августа у Грузии не было практических возможностей для нового наступления в Южной Осетии или Абхазии. Во-вторых, даже если бы Тбилиси решился на это, сорвать его можно было ударами авиации.

Еще более противоречивыми и малопонятными являются российские действия после подписания 12 августа 2008 г. первого соглашения Медведева–Саркози. В российской интерпретации это соглашение выглядит следующим образом¹⁹:

- не прибегать к использованию силы;
- окончательно прекратить все военные действия;
- свободный доступ к гуманитарной помощи;
- вооруженные силы Грузии возвращаются в места их постоянной дислокации;
- вооруженные силы Российской Федерации выводятся на линию, предшествующую началу боевых действий, до создания международных механизмов российских миротворческие силы принимают дополнительные меры безопасности;
- начало международного обсуждения путей обеспечения прочной безопасности Южной Осетии и Абхазии.

Принципиальное значение имеет положение о том, что вооруженные силы России выводятся на линию, предшествующую началу боевых действий. Это означает, что российские войска, за исключением дислоцированного в Южной Осетии миротворческого батальона, должны быть выведены на территорию Российской Федерации, а миротворческий батальон может предпринять некие дополнительные меры безопасности. Очевидным недостатком этого соглашения было отсутствие договоренности о характере того, что было названо дополнительными мерами безопасности, а также о географическом районе, в котором эти меры должны осуществляться.

Соглашение Медведева–Саркози открывало для России благоприятные политические перспективы. С одной стороны, Москва продемонстрировала, что у нее имеются и военные возможности, и политическая воля для того, чтобы выступить в качестве ведущей силы на постсоветском пространстве, защищать там свои интересы всеми доступными, в том числе военными способами. С другой стороны, она показала бы, что является ответственным международным субъектом и действует рациональным образом.

Однако российские военные немедленно поправили президента Медведева. Министерство обороны заявило, что речь идет не о выводе войск, а об их отводе. Последнее же означало, что значительная часть российских войск, введенных в Южную Осетию и Абхазию, остается там до сих пор. Кроме того, как выяснилось, под дополнительными мерами безопасности российское военное командование имело в виду установление

так называемых *буферных зон*, охватывающих немалую часть территории так называемых *внутренних районов Грузии*. Возник острый дипломатический скандал. На Западе поведение России сочли вызывающим; началось обсуждение санкций против России, многие из которых могли бы быть весьма болезненными.

Обстановку несколько разрядило подписание Д.А. Медведевым и Николая Саркози второго документа, названного «Осуществление плана 12 августа 2008 г.». Была еще раз подтверждена необходимость «в полном объеме соблюдать положения плана Медведева–Саркози из шести пунктов от 12 августа 2008 г.». Кроме того, было согласовано, что «с учетом наличия юридически обязывающих документов, гарантирующих неприменение силы против Абхазии и Южной Осетии»²⁰:

- все российские миротворческие силы будут выведены с пяти наблюдательных постов на линии от Поти до Сенаки включительно максимум в течение 7 дней;
- в течение 10 дней после развертывания в зонах, прилегающих к Южной Осетии и Абхазии, не менее 200 наблюдателей от ЕС, которое должно произойти не позднее 1 октября 2008 г., российские миротворческие силы будут полностью выведены из этих зон на линию, предшествующую началу боевых действий;
- до 1 октября 2008 г. грузинские вооруженные силы будут возвращены в места дислокации;
- международные наблюдатели МООННГ и ОБСЕ будут и далее осуществлять свои мандаты в районах своей ответственности в соответствии с численностью и схемой дислокации по состоянию на 7 августа 2008 г., без ущерба для возможных корректировок в будущем по решению Совета Безопасности ООН или Постоянного Совета ОБСЕ;
- международные дискуссии, предусмотренные в пункте 6 плана Медведева–Саркози от 12 августа 2008 г., начнутся 15 октября 2008 г. в Женеве. Подготовительные дискуссии начнутся в сентябре. Эти дискуссии будут посвящены, в частности, обсуждению путей обеспечения безопасности и стабильности в регионе; вопросу о беженцах и перемещенных лицах на основе международно-признанных принципов и практики постконфликтного урегулирования и любого другого вопроса, внесенного с обоюдного согласия сторон.

Выполнение этой договоренности стабилизирует ситуацию, поскольку решает крайне болезненную проблему пребывания российских войск во *внутренних районах Грузии*. Однако признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии 26 августа 2008 г., подписание с ними договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи и объявленное намерение создать на их территории российские военные базы блокирует решение всех остальных проблем. В нарушение договоренности о выводе всех российских войск на линию, предшествующую началу боевых действий, они остаются в Южной Осетии (а также в Абхазии), где предполагается создать военные базы. В силу этого, а также в результате признания независимости двух грузинских территорий предусмотренные шестым пунктом плана Медведева–Саркози дискуссии о стабильности и безопасности в регионе попросту теряют смысл.

В результате противостояния России и Запада, которое могло бы быть смягчено или даже сведено на нет, если бы ситуация была возвращена, с определенными коррективами, к началу августа 2008 г., становится весьма вероятным или даже неизбежным. В этом свете решение о военной операции против Грузии, принятое в Кремле летом 2008 г., имеет, бесспорно, судьбоносный характер: оно предопределило судьбу России на многие годы вперед. Шансов выиграть противостояние с Западом у России нет. Превращаясь в *petro-state*, она теряет высокие технологии, накопленные в Советском Союзе, и стремительно отстает от США и Запада в целом в научно-технологической сфере, в том числе военной. Между тем боеспособность вооруженных сил сегодня критическим образом зависит от их оснащенности высокотехнологическими системами оружия, связи, разведки, управления и т.п. снабжение населения продовольствием, лекарствами, высокотехнологичными предметами потребления невозможно без соответствующего импорта из Европы. Корпоративная

 Уильям Поттер (США), директор Центра изучения проблем нераспространения им. Дж. Мартина Монтерейского института международных исследований – по электронной почте из Монтерея: «Неразумные действия и риторика всех сторон, как и резкие заявления из Вашингтона и Москвы, напоминающие времена холодной войны, создали атмосферу, при которой сложно будет воссоздать доверие, столь необходимое для выработки важных и взаимовыгодных шагов в сфере нераспространения и контроля над ядерными вооружениями... Решение Группы ядерных поставщиков (ГЯП) сделать исключение для Индии, которая не является участником Договора о нераспространении ядерного оружия и обладает таким оружием, – ущербный для режима нераспространения шаг, который почти наверняка означает, что ГЯП не будет более эффективно функционировать как механизм контроля чувствительного с точки зрения ядерного нераспространения экспорта».

с жестокими реалиями международной жизни, оставшимися неизменными с незапамятных времен, и временами подрываться ими»²¹.

Роберт Кейган прав. Мировая система действительно начинает воспроизводить стратегические парадигмы, свойственные XIX в. Это не внушает оптимизма, поскольку на смену веку XIX пришел век XX с двумя мировыми войнами, жестокими тоталитарными режимами, концентрационными лагерями, Хиросимой и Нагасаки.

Юрий Федоров

Примечания

¹ Медведев Дмитрий. Интервью телекомпании *Russia Today*. Сочи, 2008, 26 августа, http://www.president.kremlin.ru/appears/2008/08/26/2018_type63379type63380_205773.shtml (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

² Тренин Дмитрий. Ужасный новый мир. *The New Times*, 2008, № 36, 8 сентября. <http://new-times.ru/magazine/2008/issue082/doc-57895.html> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

³ Злобин Николай. Мировой порядок: возможности дезинтеграции. *Эхо Москвы*. 2008, 16 сентября. <http://www.echo.msk.ru/blog/nzlobin/540835-echo.phtml> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

⁴ Калмацкий Михаил. Слезть с доллара. *Новые Известия*. 2008, 22 сентября.

⁵ «I have a dream that one day this nation will rise up and live out the true meaning of its creed: 'We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal».

задолженность российских компаний западным банкам приближается к полутриллиону долларов. Сокращение экспорта нефти и газа немедленно обернется сокращением экспортных доходов и жизненно необходимым стране импорта. Комментарии, видимо, излишни.

В ИТОГЕ

Роберт Кейган из Фонда Карнеги за международный мир, опубликовавший несколько лет назад блестящее исследование о различиях стратегических культур США и Европы, видимо, не преувеличил значение *пятидневной войны*, написав:

«Историки будут рассматривать 8 августа 2008 г. как поворотный момент, не менее значимый, чем падение берлинской стены 9 ноября 1989 г. Вторжение России на суверенную территорию Грузии означает официальное возвращение истории и соперничества великих держав в духе XIX в., дополненного яростным национализмом, схватками за ресурсы, борьбой за сферы влияния и территории и даже, хотя это шокирует чувствительность, свойственную XXI в., использованием военной силы для достижения геополитических целей. Разумеется, сохранятся глобализация, экономическая взаимозависимость, Европейский Союз и другие попытки создать совершенный международный порядок. Но все это будет входить в противоречие

⁶ Troubled by Loss of Standing in the World, Americans Support major Policy Changes. The Chicago Council on Global Affairs. Global Views 2008 – Foreign Policy Report. 2008, P. 3.

⁷ Петровская Юлия. На Балканах сохраняется кризисный потенциал. *Независимая Газета*, 2008, 28 июля http://www.ng.ru/courier/2008-07-28/15_serbia.html (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

⁸ Медведев Дмитрий. Пресс-конференция по окончании встречи глав государств и правительств «Группы восьми», Япония, Хоккайдо, 2008, 9 июля http://www.president.kremlin.ru/appears/2008/07/09/1714_type63377type63380type82634_203927.shtml (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

⁹ Заявление Министерства иностранных дел России в связи с подписанием американо-чешских договоренностей о развертывании на территории Чехии элементов американской глобальной системы противоракетной обороны. 2008, 8 июля, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/14FC88B0CB5E3568C3257480005DFF8F (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

¹⁰ Еленский Олег. Новая война по старому сценарию. *Независимое Военное Обозрение*. 2006, 28 июля – 3 августа; Циганок Анатолий. Евразийская пороховая бочка. *Независимое Военное Обозрение*, 2007, 8 февраля.

¹¹ Фельгенгауер Павел. А про агентов уже забыли. *Новая Газета*. 2006, 9 октября <http://www.novayagazeta.ru/data/2006/77/15.html> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

¹² Латынина Юлия. Код доступа. *Эхо Москвы*, 2008, 31 мая, <http://www.echo.msk.ru/programs/code/517706-echo.phtml> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

¹³ Подведение итогов антитеррористического учения «Кавказ-2008». Министерство обороны РФ, 2008, 6 августа, <http://www.mil.ru/info/1069/details/index.shtml? id=49146> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

¹⁴ Тезисы выступления заместителя начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ генерал-полковника А.А. Ноговицына перед представителями СМИ. Министерство обороны РФ, 2008, 9 августа, <http://www.mil.ru/info/1069/details/index.shtml? id=49318> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

¹⁵ Сообщение осетинского радио и телевидения от 8 августа 2008 г. на сайте <http://www.osradio.ru> (последнее посещение – 8 августа 2008 г.).

¹⁶ Parfitt Tom. Russia exaggerating South Ossetian death toll, says human rights group. *Guardian*. co.uk, 2008? 13 August, <http://www.guardian.co.uk/world/2008/aug/13/georgia> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

¹⁷ Свидетельства очевидцев: Айвар Бестаев, хирург Цхинвальской клинической больницы. *Единство*. 2008, 17 сентября, <http://osradio.ru/news/genocid//12841.html> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

¹⁸ Глава СКП РФ Бастрыкин призвал не спекулировать на тему численности жертв в ЮО: главное не сколько, а как. *NEWSRU.com*. 2008, 5 сентября, <http://www.rambler.ru/news/events/russiageorgia/13379592.html> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

¹⁹ Шесть принципов урегулирования конфликтов. Официальный сайт президента РФ, 2008, 12 августа, <http://www.president.kremlin.ru/text/docs/2008/08/206308.shtml> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

²⁰ Осуществление плана 12 августа 2008 г. К ситуации вокруг Южной Осетии и Абхазии. Официальный сайт президента РФ, 2008, 8 сентября, <http://www.president.kremlin.ru/events/articles/2008/08/205061/206279.shtml> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

²¹ «Historians will come to view Aug. 8, 2008, as a turning point no less significant than Nov. 9, 1989, when the Berlin Wall fell. Russia's attack on sovereign Georgian territory marked the official return of history, indeed to an almost 19th-century style of great-power competition, complete with virulent nationalisms, battles for resources, struggles over spheres of influence and territory, and even – though it shocks our 21st-century sensibilities – the use of military power to obtain geopolitical objectives. Yes, we will continue to have globalization, economic interdependence, the European Union and other efforts to build a more perfect international order. But these will compete with and at times be overwhelmed by the harsh realities of international life that have endured since time immemorial». – Kagan Robert. Putin Makes His Move. *The Washington Post*. 2008, August 11, P. A15.

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: В ОЖИДАНИИ ЗАРИ МНОГОПОЛЯРНОСТИ: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Должен сходу признаться: я ошибся, когда высказал предположение о том, что Михаил Саакашвили не сумасшедший. Виноват, принял минутное колебание за признаки рассудка. Михаил Саакашвили оказался просто еще одним неуравновешенным стажером американского университета, которого наши американские партнеры выбрали и который, вероятно, за неимением ничего лучшего стал президентом Грузии. Как говорится, сойдет для сельской местности. Справедливости ради хотел бы указать, что в свое время именно признание независимости Южной Осетии и Абхазии мыслилось мною как почти единственный вариант выхода из ситуации пата в отношениях с Грузией. Хотя, признаюсь, мне самому в то, что российское руководство решится на подобные действия, верилось с трудом. Теперь *грузинского пата* больше нет, равно как и нет *грузинского гамбита*. И Россия обладает теперь на Кавказе, да и не только на Кавказе, куда большей свободой рук, нежели раньше. И теперь сама определяет, каков будет следующий ход.

Но самое главное даже не это. Самое главное то, что вся хитрая паутина дипломатических игр, виртуальной внешнеполитической реальности, тайных договоренностей и явных провокаций, – вся она обрушится как разбитая футбольным мячом витрина, обрушится от простого соприкосновения с жесткой реальностью военной силы и чеканными приказами российского президента и его генералов.

Ведь, в конечном счете, Михаил Саакашвили действовал согласно урокам, выученным в США, главным из которых является: не отвечай на вопрос, а рассказывай твою историю. Он и рассказывал свою историю под подбадривающие кивки *цивилизованной общественности*. Сперва – про демократизацию Грузии, затем – про мирное воссоединение с мятежными автономиями, потом – про российский империализм, который не дает автономиям воссоединиться с *матерью-Грузией*. Про подъем грузинской экономики и борьбу с коррупцией тоже рассказывал, что вызывало у знающих людей ухмылку. Потом президент Саакашвили рассказывал про то, как он разгромит российскую армию. Несколько позже – про то, как ему не дали разгромить российскую армию. Как поется в песне в прошлом либерала-диссидента (а ныне участника правительственных концертов) А.В. Макаревича, «мы бы всех их победили, только нас не замечают...».

Но это уже не имеет значения. Ибо виртуальная реальность современной *большой политики*, классическим представителем которой и стал грузинский президент и которая почему-то пахнет чем-то местечковым и провинциальным, оказалась разбита настоящей, да простят мне эту тавтологию – *реальной реальностью*, которая никуда в 1990-е гг. и в начале нынешнего века не делась, а тихо стояла в сторонке, дожидаясь своего часа. Дождалась.

ЕЩЕ РАЗ ПРО РЕСУРСНОЕ ПРОТИВОБОРСТВО

Но начать комментарий событий последних трех месяцев хочется все же не с Грузии. В конечном счете, ситуация вокруг Грузии является важным, но всего лишь эпизодом в процессе формирования новой расстановки сил на мировой арене. Всего лишь тактическим завихрением, в котором, однако, проявились и более важные тенденции развития международной ситуации. А главной тенденцией, думается, является именно начало ресурсного противоборства, о котором много и жарко говорят, столь же жарко отрицая. И здесь в который раз мы сталкиваемся с противоречием между виртуальной реальностью и реальной жизнью.

Ресурсное противоборство начинается не тогда, когда промышленно развитые экономики начинают бороться за последний танкер с нефтью. И не тогда, когда баррель на-

Д
В
Р
О
С
С
Б
Е
О
Д
Р
О
П
Х
Ы
В
О
Р
М
И

чет стоит 200 долл. Ресурсное противоборство начинается там и тогда, где цены на сырьевые ресурсы начинают определять характер, темпы и структуру экономического роста. А сейчас именно ресурсы, прежде всего топливные, а отнюдь не финансовые, как это было еще три-пять лет назад, определяют характер и темпы экономического роста. Причем не углеводороды как таковые (объемы предложения которых на мировом рынке за последнее время не сократились, а, напротив, увеличились), а, прежде всего, возможность доступа к этим ресурсам, возможность контроля, обладания и распоряжения ими. Иными словами – способность контролировать наиболее перспективные месторождения и пути транспортировки природных ресурсов.

И понятно почему – именно обладание, а отнюдь не торговля природными ресурсами, прежде всего, углеводородами является важнейшим элементом устойчивости того или иного государства на мировой арене. Потому что обладание ресурсами, эффективный национальный контроль над ними являются важнейшим инструментом управления своим будущим. Потому что обладание ресурсами дает возможность активнее отстаивать свою позицию, формулировать глобальное видение будущего, причем не только в чисто теоретическом плане, но и на практике.

Что до постоянных разговоров о том, что никакого ресурсного противоборства нет и не предвидится, то позволю себе напомнить вот о чем. Недавно появился тезис о том, что борьба с *ресурсным национализмом* является одной из главных задач Европейского Союза на обозримую перспективу. Под *ресурсным национализмом*, естественно, подразумевается нежелание России обеспечить неограниченный доступ к своим углеводородам и другому сырью для глобальных транснациональных компаний. Проще говоря, лишить нашу страну возможности управлять своим будущим, заставить нас строить такое будущее, которое выгодно Западу. Что это, как не признание на высшем политическом уровне (ибо тезис выдвинул не политолог, а крупный европейский политик, в прошлом еврокомиссар по торговле и ближайший соратник Гордона Брауна Питер Мандельсон, и никто его не опроверг и не одернул), что одной из наиболее важных геополитических задач является подготовка Европы к решительному противоборству с Россией за ресурсы, России принадлежащие. И вряд ли речь идет только об Арктике.

Решится ли Европа перейти к использованию силовых инструментов в борьбе с *ресурсным национализмом*, пока остается открытым вопросом, но то, что военная сила не исключается из числа инструментов, – очевидно.

К слову: есть все основания полагать, что нынешний глобальный финансовый кризис спровоцирован как раз всеобщей подготовкой к ресурсному противоборству. Для того чтобы полноценно участвовать в этом процессе, нужны деньги. Много денег, сотни миллиардов долларов, ибо в большинстве стран, не только в России, сырьевые *заделы*, сделанные в 1960–1980-е гг., подходят к концу. Однако деньги нужны реальные, а не виртуальные, и поэтому, когда крупные инвесторы, да и некоторые государства начали выводить средства с финансовых рынков, вдруг выяснилось, что доллар, вложенный в какой-то финансовый дериватив, далеко не равен доллару, который можно реально вложить в разведку и подготовку месторождений, строительство инфраструктуры и добычу сырья. Произошел естественный дисконт.

Большим заблуждением, однако, было бы считать, что ресурсное противоборство возникает только при высоких ценах на сырье. Отнюдь: как раз в момент, когда цены на сырье относительно низки, и происходят самые важные и интересные события. К примеру, система американского контроля над транспортировкой нефти из Персидского залива была создана в период фантастически низких нефтяных цен: от 12 до 17 долл. за баррель. И просуществовала эта система без малого 20 лет, дав возможность США избегать серьезных экономических проблем. И именно в период низких цен на нефть США пытались создать систему контроля над российской нефтью, *повязывая* доморощенных олигархов разного рода договоренностями и стратегическими соглашениями. Так что дешевые нефть и газ не только не исключают ресурсного противоборства – они его, скорее всего, предполагают.

Так что если в ближайшее время гул голосов политиков и политологов (как западных, так и российских по паспорту) о том, что Россия находится в состоянии *ресурсного мракобесия* и видит проблему там, где ее нет, что нефть и газ вообще никому в современном мире и даром уже не нужны, будет нарастать, то все должны понимать: этот гул является всего лишь маскировкой для подготовки решительного столкновения с Россией в борьбе за ее ресурсы. И чем сильнее гул, чем активнее нас убеждают в нашей неправоте и необходимости *ресурсной справедливости*, тем ближе это столкновение.

В СТО ПЕРВЫЙ РАЗ ПРО ГРУЗИЮ

Про ситуацию, которая возникла вокруг Грузии в связи с нападением на Южную Осетию, написано много. Еще больше написано про Россию, которая то ли встала с колен, то ли терроризирует соседей. Повторять уже сказанное не очень хочется, хотя, конечно, несколько любопытных подробностей упустить нельзя. Остановимся на главном: что означает возникновение новой геополитической ситуации для США.

Ведь, в конечном счете, именно США осуществляли крупный геополитический проект под названием «Михаил Саакашвили», а то, что проект был действительно крупный, а «Михаил Саакашвили» – всего лишь его пилотной фазой, уже понятно. Данный проект подразумевал формирование новой системы присутствия США в мире, но только не для сдерживания России, а для более глобальной задачи: создания новых механизмов организации политических процессов в других государствах. Поддерживая Михаила Саакашвили, США демонстрировали свою способность поставить президентом кого угодно и где угодно. Главное, чтобы он был полностью управляем. Ведь Саакашвили был взят буквально с улицы, финансировался напрямую из американского бюджета. Да и Грузия как таковая управлялась американцами совершенно откровенно в режиме *ручного управления* и делала только то, что ей приказывал Вашингтон. Поэтому именно США спровоцировали конфликт Грузии с Россией, отдав соответствующие указания своему ставленнику. Выглядит крайне сомнительным, чтобы Саакашвили принимал решение о начале войны в Южной Осетии без консультаций с Вашингтоном, а то и без прямого приказа. Не тот это человек, не те там были отношения: Саакашвили консультировался с Вашингтоном и по куда более мелким поводам.

Вероятно, мы никогда не узнаем, кто (хотя всем понятно, что это был вице-президент США Ричард Чейни) и в какой форме (хотя тоже понятно, что это был просто звонок по мобильному телефону с прямым приказом) отдал указание Михаилу Саакашвили наступать на спящий Цхинвал, но, думается, мало кто всерьез сомневается, что такой приказ был.

Итак, что же получается *по факту*?

По каким-то причинам США отдали приказ Саакашвили пойти на конфронтацию с Россией в условиях, когда в военном столкновении грузинский лидер проигрывал безусловно, поскольку в отличие от ретивых российских политологов в США иллюзий относительно *натовского стандарта* не было. Каковы могли бы быть эти цели? Думается, что США в любом случае мыслили ситуацию в рамках того, что мы некоторое время назад назвали *грузинским гамбитом*.

Смысл прост: если российское руководство откажется применить силу в защиту своих граждан, то *потеряет лицо* в отношениях со своим обществом, и не только *лицо*. Оно утратит возможность опираться на общественное мнение и на четкий надпартийный внешнеполитический консенсус, характерный для России последних лет. Сомнений в отсутствии российской реакции у США и у их союзников в России почти не было – не потому ли уже утром в день начала грузинской агрессии в российском Интернете появилась разнuzданная статья С.А. Белковского (естественно, написанная заранее и, вероятно, одобренная Б.А. Березовским) с обвинениями в адрес Кремля в предательстве. В результате – естественным образом, чтобы компенсировать внутривполитическую

слабость, правители России будут вынуждены пойти по проторенному пути Бориса Ельцина, который черпал свою легитимность на Западе, а точнее – в США.

Если же российское руководство решится на операцию против Грузии (что все же допускалось как минимально возможный вариант), то оно поставит себя в состояние международной изоляции, которое очень быстро будет дополнено внутривнутриполитическим давлением со стороны *либералов*, под которыми подразумевается группа олигархов, больше всех заинтересованных в легализации на Западе, которые, в свою очередь, вынудят российское руководство пойти на уступки Западу, сперва на кадровые, а затем и на политические и экономические. Не об этом ли в разгар кризиса писали и *Независимая Газета*, и интернет-портал *Газета.Ру*, являющиеся признанными рупорами российской либерально-прозападной олигархии?

Одной из главных задач *грузинского гамбита* была попытка сломать расклад сил внутри российской власти и изменить тот общественный консенсус, который позволил нашей стране начать возвращать себе международное влияние и статус *великой державы*. Расчет, надо сказать, был дерзкий, но не безосновательный, учитывая массовые разговоры о либеральных наклонностях нового российского президента.

Конечно, тот факт, что США оказались неспособны не только защитить одного из наиболее верных своих союзников, но и даже всерьез напугать Россию, говорит не о том, что у США нет сил. Хотя, конечно, направление к берегам Грузии корабля береговой обороны (!) в качестве *пужалки* для вошедших во вкус российских военных и в особенности российского Военно-морского флота, доблестно потопившего в надводном бою первый приличный корабль противника со времен боя у Кассарского плеса во время обороны Моозундских островов осенью 1917 г., вызывает некоторое удивление. Он говорит о том, что США попросту не предполагали, что им придется кого-то пугать.

И даже попытка устроить в России финансовый кризис выглядела как-то неубедительно. Понятно, что падение российских фондовых индексов и вывод капитала из нашей страны были явлениями искусственными и управляемыми, причем из Вашингтона. Кто не верит консерватору, пусть почитает поучительную, почти программную статью либерал-анархиста, вождя *партии компрадоров* в либеральном лагере (а есть ли там другая партия, пока непонятно) А.Н. Илларионова в той же *Газете.Ру* за 2 октября 2008 г. А.Н. Илларионов (а он человек знающий) почти открытым текстом пишет про фондовый кризис в России как творение рук *вашингтонского обкома*. И даже эта неприятная для России кампания выглядела как-то по-любительски, оказалась неподготовлена и политически, и финансово. А главное – она была мелким насморком по сравнению с крупозным воспалением легких у американской финансовой системы.

Можно, конечно, сейчас рассуждать о плохом состоянии российских вооруженных сил, о том, что воевали не умением, а числом, что у России изначально было абсолютное военное превосходство, но вообще-то про это надо думать, начиная конфликт, а не тогда, когда конфликт бездарно проигран. И вообще-то, грузинская армия начала бежать не от танковых колонн 58-й армии, а от двух рот батальона *Восток*, въехавших в центр Цхинвала на *арендованных* в Грозном *газелях-маршрутках*. Что до состояния российской армии, то надо сказать – какая страна, такая и армия. Главное, что она побеждает.

Нельзя пройти мимо и еще нескольких забавных обстоятельств, которые вскрыла война в Южной Осетии.

К примеру, выяснилось, что пресловутый *стандарт НАТО*, переходом на который нас регулярно пугали западные и прикормленные Западом политологи, оказался не более чем мифом. Ведь *стандарт НАТО*, в конечном счете, означает всего лишь определенные параметры обеспечивающей инфраструктуры (средств связи, коммуникаций, логистики, обмундирования), но никак не возникновение боеспособных воинских частей. И не стоит сдаваться, только услышав магические слова.

Стало понятно, что *единство западного мира*, конечно, существует, но геополитическим фактором не является. В конечном счете, не исключено, что В.И. Ленин был прав,

 А.В. Картунов (Россия), президент фонда «Новая Евразия» (Россия) – по телефону из Москвы: «Есть определенная инерция событий – политическая, имиджевая, которая, конечно, выходит за рамки этих месяцев. Плюс к этому, не ясно, как России и Соединенным Штатам даже сблизить позиции, они сейчас сильно расходятся, и нет пока что очевидных вариантов компромисса... Впереди – повышение Индекса безопасности, может быть, не очень значительное. Участники конфликтов подошли к определенному рубежу, и складывается впечатление, что стороны осознали опасность дальнейшей эскалации напряженности и будут предпринимать усилия, чтобы в какой-то степени смягчить последствия кризиса, который мы наблюдали летом».

утверждая, что капитализм продаст большевикам ту веревку, на которой они [большевики] его [капитализм] повесят. Сложно теперь сказать про большевиков, но то, что даже в сравнительно спокойной геополитической обстановке желание получить российский газ очевидно оказалось более сильным, нежели и стремление защитить *общечеловеческие ценности*, и готовность *наказать имперскую Россию*. Очень показательна была в этом плане реакция ПАСЕ: несмотря на редкостную оголтелость, этот бессмысленный орган сделал все, чтобы его не заподозрили в разжигании конфронтации с Россией. То есть Европа будет и дальше покупать российский газ и нефть, но делать это с *чувством глубокого отвращения*.

Итак, гамбит оказался игрой в поддавки, и именно поэтому США так рьяно политически защищают Саакашвили: ощущают свою вину. Это не значит, что у США и Запада для России ничего не припасено. Напротив, США также не могут допустить для себя *потери лица*, тем более что компенсировать его экономическим процветанием уже

не получается. А значит, нам нужно готовиться к ответному ходу наших *друзей из-за рубежа*.

Как раз самое время перейти от рассуждений про современные США к рассуждениям о современной России.

«...И В СКОБКАХ РОССИЯ»

Замечательная, надо сказать, оговорка вышла в свое время у Б.Н. Ельцина: отвечая на вопрос, как будет называться новое государство, возникшее на базе РСФСР, он ответил, что называться оно будет Российская Федерация «и в скобках Россия». Эта смешная оговорка была символом того, что Россия не является реальным участником международных отношений. Да, конечно, Россия сидела на приставном стуле на заседаниях *семерки*. Она даже иногда рычала на то или иное действие своих *западных партнеров*, но все прекрасно понимали, что все это несерьезно, и под конец уже практически перестали на Россию реагировать. Ибо Россия продолжала находиться в *скобках*, т.е. в некоей системе самоназначенных ограничений, в рамках которых она не имела права (а по сути – и реальной потребности) вступать в противоречия с Западом.

Так вот, мы как-то за политическими спорами по мелочам просмотрели тот момент, когда у нас появилась новая страна, которая уже не пугается при первом окрике со стороны Вашингтона, где живут хотя и странноватые порой, но уважающие себя люди, где одетый по-западному – и даже *круче* – бизнесмен *почему-то* хочет сильного государства, ибо понимает, что без сильного государства на Западе он – никто. Появилась страна, которая уважает себя и будет добиваться от других, чтобы ее уважали. В которой элита понимает, что быть *слабаками* в современном мире, как говорит сегодняшняя молодежь, *неприкольно*. Какой удивительный термин придумало наше время: не *лучше*, и не *хуже*, а *неприкольно*. Точнейшее описание состояния, в котором жить можно, но противно.

Иными словами, Россия вышла *из скобок* не только во внешней, но и во внутренней политике.

Но надо осознавать, что новый геополитический статус потребует и новой ответственности.

Конечно, ситуация вокруг Грузии оставила больше вопросов, нежели ответов, с точки зрения будущего развития системы международных отношений, ибо вместо вполне предсказуемого набора сценариев, которые, конечно, варьировались по степени свободы действий основных игроков, но в целом незначительно, возникла куда более динамичная система. Эта система предъявляет куда большие требования к устойчивости и экономической модели (не из понимания ли этого печального обстоятельства сталинные нотки в разговоре с бизнесом появились уже не только у премьера В.В. Путина, но и у президента Д.А. Медведева). Она требует совершенно другой армии, главной задачей которой будет уже не только то, чтобы российские военные самолеты *не падали*, а чтобы они *летали*. Нужна другая система присутствия на мировых рынках, в рамках которой зависимость от европейского рынка сырья становится уже угрозой национальной безопасности и инновации нужны не для пиара, а для развития. Иными словами, нужна несколько другая страна. И не потому, что мы собираемся *конфронтировать* с США по целому ряду вопросов, а просто потому, что мир очень сильно изменился и мы в этом весьма активно поучаствовали.

И с этой точки зрения сделаю несколько *заметок на полях* возникшей ситуации.

Первое и самое простое. Проявив жесткость и доказав имманентное превосходство реальной политики над виртуальной, Россия показала модель, по которой с США можно бороться. Россия доказала, что в столкновении с США не обязательно сдаваться. Все предыдущие противники США, которых американцы легко побеждали, сдавались, фактически, еще до начала конфронтации. А российское общество успело изжить *горбачевский синдром* и, если не считать отдельных олигархов (что удивительно – далеко не всех) и представителей прозападного лобби в России, не испугалось и вполне спокойно воспринимало те угрозы, которые сыпались из США и услужливо транслировались некоторыми СМИ. И в тот момент, когда в Москве вдруг не стали сразу сдаваться, а последовали известной логике красноармейца Сухова, утверждавшего, что «хотелось бы, конечно, помучиться», оказалось, что с США можно бороться практически на равных и если не победить, то уж вничью поединок свести вполне можно. Российский пример может оказаться заразительным.

Второе. Хотя нам и рассказывают о том, что, признав Южную Осетию и Абхазию, Россия оказалась в международной изоляции, ни один из по-настоящему растущих *центров силы* в мире не оказался *по другую сторону баррикад*. Да, количество государств, поддержавших Россию открыто, оказалось меньше того, на что рассчитывала Москва. Но главную роль среди критиков все же объективно играют те силы, те государства, время которых ушло или постепенно уходит. Те, кто рассчитывает на усиление на нынешнем витке мировой истории (и я не имею в виду только Уго Чавеса и Даниэля Ортегу, хотя и такие союзники – неплохой ресурс на будущее), сидят тихо и с большим интересом поглядывают на Россию. Мы говорим и про Турцию, и про Иорданию, и про Египет, и про Южную Корею. В связи с этим смешно слышать рассуждения об изоляции России: какая же это изоляция, когда в Москве постоянно гостят руководители не самых последних государств мира. Изоляция – это когда в Москву приезжают чиновники американского Госдепа, да и то только для того, чтобы уговорить хозяина Кремля что-то еще *сдать*. Теперь важно трансформировать этот интерес в уважение, союзничество, а как следствие – в геоэкономические дивиденды. С этим у России последние 200 лет были некоторые проблемы.

Третье. Несмотря на истерическую антироссийскую кампанию и беспрецедентное давление на страны СНГ, никто из лидеров этих государств, кроме В.А. Ющенко, который для себя уже все решил, и у которого нет будущего вне прямого контроля территории Украины войсками НАТО, не решился открыто выступить против Москвы. И это несмотря на то, что более испуганных российскими действиями людей на свете просто нет.

Ибо они прекрасно понимают, что в момент, когда Д.А. Медведев отдал приказ *перейти границу*, перестали действовать все прежние писанные и неписанные нормы и договоренности, которые давали им полную безнаказанность и ощущение вседозволенности. Нормы, которые обеспечивали их относительное материальное благополучие за счет российских ресурсов и одновременную возможность хамить Москве и заигрывать с Вашингтоном. С новой Россией *не забалуешь*, и это поняли все, а И.Г. Алиев даже решил объяснить это Ричарду Чейни. Хороший, однако, симптом. Постсоветское пространство начинает выздоравливать. А то, что на постсоветском пространстве оказалась пара смертельно больных субъектов, так это не беда – могло быть значительно хуже.

Четвертое. Как же они нас ненавидят. Достаточно было почитать западную прессу и посмотреть западные телеканалы, чтобы ощутить эту почти животную ненависть. Можно сказать, что ситуация вокруг Грузии позволила всем наконец-то сбросить маски и прояснить свои истинные чувства. А последовавшие потрясения на финансовом рынке эту картину дополнили. Очень забавно было читать злорадные статьи о финансовом кризисе в России, о том, что «Россия опускается все глубже...», что российское экономическое чудо закончилось. Это начали писать уже при первых признаках проблем в российской экономике, причем писали об этом представители тех стран, экономики которых стояли на грани полного краха и с трудом – в отличие от российской – справлялись с грузом финансовых проблем. Иные с надеждой писали о скором вымирании России от СПИДа. Такова сила ненависти к России, что она лишает разума. Но главное в том, что теперь всякий в России знает, что в реальности скрывается за улыбкой западного политика или бизнесмена и что означают в действительности рассуждения о *партнерстве с Россией*.

Мораль: наступают времена, когда надо быть самими собой. Не притворяться, не стремиться кому-то понравиться. Не надо подстраиваться под обстоятельства, надо их формировать. Не надо смиряться с неблагоприятными реалиями – их надо менять недрогнувшей рукой.

Иными словами, надо просто идти вперед и иметь при себе большую дубинку.

АФГАНИСТАН: ПУТЬ В НИКУДА

Главная проблема не в том, что в Афганистане действует *Аль-Каида*, и не в том, что *Аль-Каида* поступилась принципами и использует в своих интересах наркоторговлю. И не в том, что там не хватает войск, хотя с группировкой в 50–60 тыс. человек вряд ли можно рассчитывать на какой-то серьезный военный результат с учетом характера местности и исторических причин. В утверждении о нехватке войск есть, конечно, доля правды. Барак Обама, предлагающий усилить группировку войск США в Афганистане за счет Ирака, говорит вполне разумные вещи, ибо в Афганистане речь идет о войне за контроль над территорией. Территорию не проконтролируешь только *высокими технологиями* и *стандартом НАТО* – здесь нужен солдат с винтовкой.

Главная проблема операции НАТО в Афганистане, которая стала предельно очевидна в последние три месяца, – в том, что в ней отсутствует стратегический смысл. Иными словами, отсутствует внятный ответ на то, зачем в Афганистане находятся войска НАТО.

Зачем в Афганистане находились советские войска и в чем была их *миссия*, было понятно: они содействовали переходу афганского народа из феодализма в социализм, минуя стадию капитализма. Цель ложная, однако понятная и вполне четко декларируемая. А главное – это была цель, под которую подстраивались не только военные ресурсы, но и экономические.

Ничего подобного у США и их союзников по НАТО в Афганистане нет. Вместо обозначенной стратегической цели – невнятные рассуждения о строительстве демократического общества в Афганистане. А без стратегической цели все телодвижения НАТО в Афганистане лишены смысла. Пока дела шли терпимо и талибское сопротивление не вылезало из горных пещер, можно было заполнять стратегическую пустоту бодрыми рапортами и репортажами о создании новой афганской армии, которые удивительно

Д
В
Р
О
С
С
Б
Е
С
О
Д
Р
П
Х
Ы
В
О
Р
М

напоминают то, что видели на экранах советские телезрители всего-то 25 лет назад. Можно было рассказывать о том, что вот-вот мулла Омар и Усама бен Ладен (ставшие в современном афганском контексте полными клонами Ахмад-Шаха Масуда и Гульбетдина Хекматъяра времен советского присутствия) будут пойманы. Можно было игнорировать поток наркотиков из Афганистана, который усиливается с каждым месяцем. Но когда талибы (и кто знает, только ли талибы, или появилось нечто новое) начали отвоевывать целые территории, все эти бодрые истории превратились в мишуру.

Итог: план «А», а по сути, надежды на то, что в условиях военной оккупации в Афганистане возникнет некая стабильная система, которая будет сама по себе отторгать радикальный ислам, провалился. А план «Б» никто и не думал составлять, поскольку вторжение в Афганистан было на редкость комфортным, а настроения в НАТО находились на пике ощущения всемогущества.

Запад пока не понял того, что под самый конец своего пребывания в Афганистане понял Советский Союз: главная задача любой внешней силы в этой стране – создать эффективную власть. И эта эффективная власть должна опираться на беспрецедентную жестокость в отношении политических противников, опору на национальное большинство (а не меньшинства) и максимальное использование клановых и религиозных противоречий. И упаси Бог ненароком задеть традиционные основы жизни в Афганистане.

Для того чтобы понять это, Советскому Союзу понадобилось почти 10 лет и почти 15 тыс. жизней советских солдат. У НАТО и США впереди еще большой путь, и сколько еще жизней натовских солдат, не говоря уже про афганцев, будет положено на алтарь этого понимания, не знает никто.

Так пожелаем же нашим натовским партнерам доброго и, по возможности, долгого пути. И им полезно, и нам спокойнее.

КИТАЙ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПЕРВОРОДСТВО ИЛИ ПЛЮШЕВЫЕ МИШКИ?

Вообще августовский кризис вокруг Грузии оказался лакмусовой бумажкой, благодаря которой, в частности, выяснилась одна очень интересная подробность. России нашлось что сказать миру на закате эпохи монополярности. Россию слушали. Кто – с мало скрываемой ненавистью, кто – с испугом, кто – с ухмылкой, а кто – с надеждой. Но слушали и делали выводы. А вот Китай никто не слушал. Ибо Китай либо молчал, либо отделялся ничего не значащими фразами. Иными словами, в период крупнейшего за последние 20 лет кризиса, в момент, когда очень многое решалось с точки зрения будущего мироустройства, Поднебесная, Поднебесная, только недавно заявившая претензии на стратегический паритет с США, решила промолчать.

Некоторыми это было воспринято как мудрость в духе сказки о мудрой китайской обезьяне, которая во время драки сидела на горе. У других (причем не только в России, но и на Западе) поведение Поднебесной вызвало большое удивление. А может быть, Китаю просто оказалось нечего сказать?

Случайно ли молчание Китая? Вряд ли. Оно является естественным продолжением той линии, которую Китай проводит на мировой арене последние 20 лет. Эта линия может быть экономически охарактеризована как почти классическое *догоняющее развитие*, а политически – как попытка стать вровень с США, действуя в фарватере американской политики. Обеспечить технологический рывок на базе американских инвестиций и технологий, обеспечить рост экономики за счет американского рынка, обеспечить политический статус за счет покупки американских политиков.

В конечном счете, Китай никогда не боролся против американоцентричной системы международных отношений, хотя и пытался рекламировать идеи многополярности. Китай всегда боролся за *свое*, и только свое место в американоцентричной системе. Конечно, это было бы почетное место, особенно если учесть неизбежный и понятный всем, кроме отечественных либералов, закат США как центрального элемента системы мировой экономики. Но это второе место подразумевало существование в той системе коор-

 Чжие Цзи (Китай), директор Института исследования России – по телефону из Пекина: «Ситуация ухудшилась. Мир стал более опасным. Первый негативный фактор – война в Южной Осетии. Война шла пять дней, но повлияла на безопасность во всем регионе, особенно в Азии. Второй – вопросы ядерного оружия в Иране, Северной Корее – переговоры остановились. Третий фактор – возросло количество терактов, особенно в Афганистане, в Пакистане, в Индии. Четвертый – политические события: хаос в Таиланде, в Пакистане, смена правительства в Японии – в общем, вокруг Китая».

Из позитивного можно выделить Пекинскую олимпиаду, особенно прибытие руководителей более 80 стран на церемонию открытия. Больше я хорошего за эти месяцы не вижу».

мощь растет, а с другой – в отсутствие США как мирового гегемона или даже в период кризиса США как мирового гегемона значение этой мощи не конвертируется в новый международный статус. Ведь даже со стороны последние достижения Китая выглядят как-то без души. И грандиозный триумф на Олимпийских играх как-то неожиданно быстро забылся, и остались только разговоры о достижениях китайских ученых в области допинга. И выход в открытый космос с флажком мировое сообщество, занятое финансовым кризисом, как-то пропустило, вспомнив про него, только когда запись оказалась фальшивкой. И продолжение роста китайской экономики на фоне мирового финансового кризиса почему-то перестало впечатлять мировых экономистов.

Думается, вместо того, чтобы клеймить Политбюро ЦК КПК за проявленную в вопросе о грузинской агрессии против Южной Осетии слабость и нерешительность, следовало бы более реалистично оценивать наших китайских партнеров. И понимать, что политики без экономики не бывает. И что бы там ни говорили в Пекине, и сколько бы золотых медалей ни завоевывали китайские атлеты, с экономической точки зрения *великий китайский проект* не существует вне американского рынка, вне стратегических отношений с США и вне американской финансовой системы. И спорить следовало бы только о том, как вне США не существует этот *большой китайский проект: вообще или только пока*. Мне так кажется, что *вообще*, ибо тот, кто будет затянута в воронку американского кризиса (а современный Китай будет затянута в эту воронку в силу своей зависимости от США как от рынка сбыта, сферы приложения финансов и источника технологий), уже никогда не получит минимальной геоэкономической, а как следствие – геополитической свободы. И времени на то, чтобы выйти из этой *воронки*, у Пекина практически не осталось.

Мораль: для того чтобы стать глобальной силой, надо уметь чем-то пожертвовать. Например, гегемонией на американском рынке плюшевых детских игрушек.

динат, которая будет сформирована в Вашингтоне, и только там. Китай никогда не претендовал на альтернативное идеологическое доминирование (а разговоры про верность социалистическому выбору – не более чем идеологическая трескотня). Китай так и не смог, да и не пытался предложить миру свое видение глобальных реальностей XXI в. и лишь неуклюже отбивался от *наездов* Запада по поводу прав человека. Китай так и остался региональной державой, не проявив никаких реальных глобальных интересов и амбиций. В этом плане современный Китай уступает даже Китаю времен позднего Мао Цзедуна, когда у Советского Союза *уводились* одна за другой компартии в странах АТР, когда китайские советники работали в Африке и на Ближнем Востоке, когда Китай имел мощное влияние в таких сильных на тот момент государствах, как Пакистан и Сомали.

А в результате в момент, когда американоцентричная система мировой политики и экономики начала давать совершенно очевидные сбои, Китай оказался в странном положении. С одной стороны, вроде бы все хорошо – и экономика развивается, и национальная

ПАКИСТАН: КОНЕЦ ПРОЕКТА?

События в Пакистане, вероятно, являются вторым по значимости событием прошедшего периода после войны в Южной Осетии, но думается, что по своему стратегическому значению они превосходят кавказские разборки. В конечном счете, не каждый день в системном кризисе, да еще и с элементами гражданской войны, находится ядерное государство. Чтобы в очередной раз не повторять уже неоднократно сказанное, суммируем.

Первое. Кризис в Пакистане является системным и долгосрочным. Политическая нестабильность дополнилась нарастающей экономической неконкурентоспособностью, неумением ответить на вызов модернизации и создать разумную социальную систему. Дополнительно ситуацию осложняют элементы городского исламского терроризма, а также, фактически, политического сепаратизма в приграничных с Афганистаном районах. Иными словами, *малой кровью* не обойдется. Кровь в Пакистане, если ситуация выйдет из-под контроля, будет большая.

Второе. Нынешний кризис в Пакистане был в значительной степени, если не полностью сконструирован самими американцами, которые в самый неудачный момент пакистанской истории решили начать строить в этой стране демократию. Сознательность действий американцев по дестабилизации Пакистана совершенно очевидна, ибо только сознательно можно начинать строить демократию в исламской стране, которая подходит к пику политической активности радикальных исламистов. Со странами, которыми дорожат, так не поступают.

Третье. Президент Первез Мушарраф был смещен американцами (в этом, вероятно, также нет сомнений уже ни у кого) в момент, когда он пытался наладить отношения с соседями и даже провести отдельные антитеррористические действия в приграничных с Афганистаном регионах. Не все получалось у пакистанского *сильного человека*, но тенденция была налицо. Пакистан начал уходить от статуса дестабилизирующей силы. В этом контексте действия США по смещению Первеза Мушаррафа выглядят очень

странно, особенно если учесть постоянные истерики относительно скрывающегося где-то Усамы бен Ладена.

Дайан Джаятиллека (Шри-Ланка), постоянный представитель Шри-Ланки при отделении ООН и других международных организациях в Женеве – по электронной почте из Женевы: «Американские авиаудары, повлекшие большое количество жертв среди гражданского населения в афгано-пакистанской приграничной зоне, отрицательно сказались на прочности позиций новой пакистанской администрации и подорвали поддержку населением афганского правительства... Из-за предвыборной кампании республиканцы в США будут более агрессивными и на словах, и в делах: усилятся авиаудары и рейды *коммандос* в Пакистане, что увеличит напряжение как в регионе, так и в пакистанском обществе и повлечет за собой расширение военного конфликта».

Давайте честно признаем: возникновение и существование в течение 60 лет Пакистана в том формате, как он существовал – милитаризованное государство, выстроенное по корпоративной модели с чудовищной даже по меркам пореформенной России пропастью между бедными и богатыми – так вот, существование такого Пакистана было просто геополитическим проектом Запада, заинтересованного в региональной альтернативе Индии. А то, что происходит сейчас – просто отказ Запада от этого проекта. Можно спорить, почему Запад, вернее США, отказываются от проекта, который тянули 60 лет. Может быть, в условиях финансового кризиса стало не хватать ресурсов, а может быть, проект стал бессмысленным в свете формирующегося американо-индийского стратегического партнерства.

Думается, ни то и ни другое. В конечном счете, наличие пакистанского проекта было бы крайне важным фактором подстегивания Индии к стратеги-

ческому партнерству с США, и *сливать* пакистанский режим так грубо только ради дружбы с Дели было совершенно не нужно. Ресурсов у США для того, чтобы поддерживать на плаву пакистанский режим, тоже хватило бы – в конечном счете, всего лишь надо было не мешать пакистанским военным *делать бизнес* и закрыть глаза на финансовые махинации верхушки.

Это означает только одно – дело не в Пакистане. Дело в наличии какого-то более широкого, глобального по замыслу и охвату плана, который не просто вызрел в Вашингтоне, но уже стал осуществляться. Видимо, что-то мы не увидели, не разглядели, не поняли.

КТО И ПОЧЕМУ ВЗОРВАЛ МОНОПОЛЯРНОСТЬ?

Многополярность – это не когда США ослабнут и перестанут претендовать на статус единственной сверхдержавы. Многополярность – это когда на мировой арене начнут действовать несколько участников, которые будут обладать достаточными возможностями и соответствующей ответственностью, чтобы брать на себя и выполнять соответствующим образом глобальные обязательства. И с этой точки зрения вряд ли мы можем говорить о том, что сегодняшние процессы на мировой арене как раз и являются зарей многополярности, о которой так мечтало прогрессивное человечество во главе с Е.М. Примаковым. Ведь пока ни одна страна, включая и Китай, и *вышедшую из скобок* Россию, не готова брать на себя глобальные геополитические, а значит, и геоэкономические обязательства.

Окинем сегодняшнюю мировую арену взглядом как бы с высоты птичьего полета. В Грузии США санкционировали действия, которые резко дестабилизировали ситуацию не только на Кавказе, но также и в Причерноморье в целом. Создан новый очаг напряженности в отношениях ЕС–Россия, который будет окончательно институционализирован, когда в Прибалтике и на Украине появятся американские военные базы – после этого о партнерстве с ЕС в России можно будет говорить только в подпольных клубах ультрарадикалов. В Пакистане относительно стабильный авторитарный режим был заменен на весьма неустойчивую псевдодемократию, и это в условиях наличия ядерного оружия. С подачи именно США продолжается развал Индонезии, который грозит большими потрясениями в ключевом регионе мира. Вероятнее всего, именно США стояли за волнениями в Таиланде, стране, которая считается союзником Вашингтона. И даже в Латинской Америке, где и так бушует Уго Чавес, США попытались разжечь вооруженный конфликт вокруг Колумбии, руководство которой тотально и трагически зависимо от Вашингтона. Нельзя забыть и дестабилизацию руками израильтян (кто бы сомневался) ситуации в Сирии и Ливане, которая грозит большими последствиями и для того же Израиля, и для Иордании, руководство которой годами клялось в верности Вашингтону и, что характерно, именно в последнее время обратило взоры на Москву.

Напомним, что все эти события произошли в последние три-четыре месяца.

То есть ответ на вопрос, кто взорвал монополярность, в принципе понятен. Это были Соединенные Штаты. Вопрос теперь заключается в том, зачем США взрывали систему монополярности, которую, казалось бы, должны были беречь как зеницу ока.

Ответ может оказаться куда проще, чем мы все думаем: Америкой, что бы ни говорили отечественные поклонники Уго Чавеса, управляют не дураки. И они, предчувствуя, а скорее – понимая неизбежность заката *единственной сверхдержавы*, решили перейти от управления мировыми процессами на базе монополярности, которая предусматривает, прежде всего, гегемонию, почти монополию на применение военной силы в глобальном масштабе (и именно для поддержания этой гегемонии и требовались периодические кровопускания вроде войны в Ираке, Афганистане, бомбежек Ирана и прочих внешне бесцельных мероприятий), к куда менее затейливой и затратной системе управления мировыми процессами – через кризисы и конфликты.

Задумаемся, кого, собственно, США *сдают* и где начинают возникать опасные вихревые зоны конфликтов. И Грузия, и Пакистан, и, вероятнее всего, Индонезия, в конечном сче-

 Е.Я. Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока (Россия) – по электронной почте из Москвы: «Кризис в российско-американских отношениях после пятидневной войны в Грузии и визит вице-президента Чейни в регион развязал руки Ирану. Смена власти в Пакистане вследствие американской политики демократизации поставила под вопрос существование этого государства с его ядерными арсеналами.

В то же время уже упомянутый кризис в российско-американских отношениях может развязать гордиев узел, покончив, в долгосрочной перспективе, с практикой односторонних действий США, которые разрушительно действуют на стабильность стран Ближнего и Среднего Востока.

Другой положительный момент – позиция Турции, становящейся серьезным стабилизирующим фактором в отношении сирийско-израильского, российско-грузинского и ирано-американского узлов во внешней политике».

те, являются маргинальными для США территориями, где нет и никогда не было никаких реальных американских интересов. А вот интересы государств, с которыми США находятся, мягко говоря, в сложных взаимоотношениях (те же Китай, Индия, Турция, Бразилия, Малайзия, даже Россия), представлены в регионах, где США начинают обваливать систему монополярных обязательств с лихвой. А если в этот самый момент группа мусульман-фанатиков проведет в США громкий теракт, то картина будет уже полностью законченной. Виртуальную реальность монополярного мира, ибо монополярный мир во многом есть явление психологическое – он существует только тогда, когда в него верят, заменит кровавая реальность региональных конфликтов.

Поскольку реальные интересы США не затронуты, а механизмы влияния сохраняются, наши американские друзья могут спокойно, пока все их международные конкуренты будут заниматься *мирным урегулированием*, реструктурировать свою экономику и вывести на политическую арену новый политический класс, зачистив под предлогом борьбы с терроризмом остатки внутренней оппозиции. А в идеале – запродать другим игрокам (читай – геополитическим конкурентам), тому же Китаю и Индии, свой избыточный военный потенциал для организации *систем региональной безопасности*, которые они будут не в состоянии построить самостоятельно.

Согласимся, вполне реалистичный бизнес-план, особенно после того, как в США убедились в неспособности того же Пекина решиться на *выход из тени*, на самостоятельную геополитическую игру. А главное – бизнес-план, который совершенно не зависит от исхода выборов в США, ибо он уже запущен, и противостоять набравшему ход паровозу может только политик-камикадзе, а они на нынешних выборах в США не выставались. Этот бизнес-план почти идеально подходит и к ситуации кризиса американской экономики, который в действительности является колоссальной по масштабам и значимости операцией по перераспределению собственности и финансовых потоков.

Если у США получится этот геополитический маневр, тогда нас ждет еще лет 25 нового *американского века* с таким жестким господством США в мире, по сравнению с которым 1990-е гг. покажутся символом демократичности и гуманизма. Если нет – наступит пресловутый и давно провозглашенный *конец истории*, американской истории.

Дмитрий Евстафьев

Оксана Скопич

НАХУМ МАНБАР И ИРАНО-ИЗРАИЛЬСКАЯ ТОРГОВЛЯ ОРУЖИЕМ

Как известно, страны очень редко руководствуются моральными принципами, когда речь идет о политических и экономических выгодах. Об этом свидетельствуют и последние события, произошедшие в мире, в частности в зоне грузино-осетинского конфликта. Выяснилось, что Израиль (по крайней мере, частные израильские фирмы с одобрения министерства обороны) поставлял оружие в Грузию, и поставки оборудования не прекращались и в ходе конфликта¹, несмотря на заявления Израиля. Это не первый случай, когда страна поддерживает военно-техническое сотрудничество с *враждебным режимом*. Более того, партнерами израильтян оказывались и их стратегические противники, такие как Иран. Показательно в этом отношении дело Нахума Манбара.

Нахум Манбар [Nahum Manbar] родился в 1948 г. в Израиле в киббуце Гиват-Хаим [Kibbutz Givat Haim]. В 1984 г. он покинул страну после обвинений в мошенничестве и с тех пор жил во Франции и Швейцарии. Создав предприятия в Польше, Великобритании и во Франции, он занялся торговлей оружием². В 1994 г. Нахум Манбар был обвинен Вашингтоном в продаже Ирану ингредиентов для иприта и нервно-паралитического газа в обход американского эмбарго. Американская пресса также предписывала ему посреднические функции в сделках между Ираном и Китаем³. Двум компаниям, *Mana Investments International* и *Europol Holding Limited*, принадлежащим Нахуму Манбару и зарегистрированным в Европе, было предъявлено обвинение в участии в «деятельности по распространению химического оружия»⁴. В результате ему запретили въезжать в США.

27 марта 1997 г. по прибытии в Израиль бизнесмен Манбар был арестован израильской Общей службой безопасности (Шабак)⁵. Районный суд Тель-Авива обвинил Нахума Манбара в помощи врагам Израиля и передаче технологий и оборудования с целью нанесения ущерба безопасности страны. Несмотря на то, что подобные обвинения, как правило, влекут за собой высшую меру наказания (пожизненное заключение), Манбар был приговорен к 16 годам лишения свободы⁶. Теперь он отбывает наказание в тюрьме Нитцан [Nitzan Prison] в Рамле.

Израильская разведка в 1992 г. получила предупреждения о возможной сделке Нахума Манбара с Ираном и потребовала от него прекратить контакты с Исламской Республикой Иран, однако он продолжил их до 1994 г.⁷. Он согласился продать Ирану более 120 т химических веществ, которые могли быть использованы для создания химического оружия⁸.

Согласно обвинительному акту, в 1990 г. Нахум Манбар с помощью иранского посредника Хашеми Баари [Hashemi Vaari] вышел на контакт с Маджидом Абасфуром, который в то время был главой проекта химического оружия Ирана и советником президента Исламской Республики Иран. Между компанией *Mana Int.* (офис которой располагался

С
Т
И
С
Т
И
Ц
И
И

в Варшаве) и отделением 105 иранского объединения Специальных промышленных групп министерства обороны [Special Industrial Groups of the Ministry of Defense, MIDSP-CIG] было подписано соглашение. По договору Нахум Манбар обязался, во-первых, предоставить информацию, необходимую для строительства завода по производству тионилхлорида (кодовые названия вещества в проекте 44T или SC-14) концентрации 96% (подобная концентрация необходима для использования в военных целях), а также необходимое оборудование. Оборудование перевозилось в Иран из Европы на 24 грузовиках с февраля 1992 г. и до сентября 1993 г. Составные части сделок в договоре получали кодовые названия FILE-4 (список оборудования) и FILE-5 (предоставление информации).

Во-вторых, Нахум Манбар должен был предоставить технологии (информацию и список необходимого оборудования) для строительства заводов по производству отравляющего газа вида иприта (SC-13 и SC-44) и трех видов нервно-паралитического газа: табун (A-48 или SC-12), зарин (SC-10), зоман (SC-11). По сведениям обвинения, за сделку бизнесмен Манбар получил 16 млн долл.

Манбар организовал в Европе ряд предприятий, которые занимались выполнением договоренностей и исполнением дополнений к соглашениям.

В обвинительном акте было сказано, что в 1990–1994 гг. Нахум Манбар также снабжал Иран химическими веществами для производства газа иприта и нервно-паралитического (скорее всего тионилхлоридом⁹). Кроме того, в апреле 1993 г. Нахум Манбар вновь связался с Абасфуrom для осуществления сделки по строительству завода для двойных зарядов, несущих химические вещества вида VX (нервно-паралитический газ), а также технологии и ноу-хау. Сделка была названа Filter. Нахум Манбар должен был получить 2,4 млн долл. В мае 1993 г. были оговорены детали, в июле был подписан договор. В обвинительном акте говорилось, что весной 1994 г. Манбар получил по этой сделке 600 тыс. долл. от Маджида Абасфура, однако до конца неизвестно, удалось ли завершить этот проект¹⁰.

Известно, что Нахум Манбар контактировал с израильской разведкой все время, но не информировал их о сделках с Ираном до августа 1992 г. После августа 1992 г. он встречался с представителями разведки более года, но не прекратил сотрудничать с Ираном, даже получив предупреждение от израильских властей. Он также встречался с иранскими представителями, связанными с иранскими ракетной и военно-химическими программами (в основном в Вене). Для того чтобы проводить сделки между иранскими и израильскими партнерами, Нахум Манбар установил связь с Амосом Коцером [Amos Kotzer], генералом в отставке, имевшим связи с представителями военно-промышленной отрасли Израиля.

До сих пор не известны все детали касательно количества химических веществ, которые продал бизнесмен Манбар в рамках проекта о поставках тионилхлорида, и до какой стадии успели довести проект в Иране. Вещество хлористый тионил поставлялось из Китая в специальных резервуарах в Иран в 1990–1994 гг. Известно, что у Ирана были жалобы на качество вещества и на утечку части тионилхлорида в море. Оборудование было привезено из Европы на грузовиках (первая поставка произведена в феврале 1992 г., последняя – в сентябре 1993 г.). Все условия сделки FILE-4 и FILE-5 были выполнены.

В интервью газете *Гаарец* в декабре 1995 г. Нахум Манбар подтвердил, что продавал компоненты химического оружия Ирану, но отрицал продажу любого оружия, способного «подвергнуть опасности Израиль». Он также утверждал, что пытался помочь найти информацию об израильском летчике Роне Араде, который был сбит над Ливаном и, по сведениям израильских служб безопасности, находился в Иране.

По информации газеты *Guardian*, адвокаты Нахума Манбара получили документы от китайского чиновника, предположительно представителя китайской разведки, в которых говорилось, что «правительство Израиля использовало Манбара <...>, чтобы провести неудавшуюся впоследствии операцию по сбору секретной информации об иранских во-

енных возможностях», которая закончилась поимкой и казнью некоторых агентов в 1997 г.¹¹.

Более ста компаний пытались провести или проводили сделки с Ираном через бизнесмена Манбара. По одной из неудавшихся сделок в 1990 г. он пытался продать Ирану оборудование израильской компании *Elbit*¹² (договор по продаже оборудования для полевого определения ядовитых газов). Среди предметов торговли были газопромыватели фабрики *Salon*¹³. Эта же фирма должна была строить в Иране завод по производству противогазов (по-видимому, сделка не состоялась). *Rabintex* в 1991–1992 гг. продавала Ирану специальные огнезащитные костюмы¹⁴. Кроме того, еще в середине 1980-х гг. компания *Mana Int.*, зарегистрированная в Польше, продавала Ирану защитные костюмы (против радиоактивного излучения, биологического и химического оружия)¹⁵.

В то время как некоторые источники в Министерстве обороны подтверждают информацию о сделках с Ираном, представители израильских компаний отвергают подобные заявления. Так, представитель компании *Ei-Op* утверждал, что сделки с Ираном являются сфабрированными¹⁶.

По мнению бывшего офицера израильской разведки *Моссад* Виктора Островского, дела этих компаний не были рассмотрены из-за запрета на разглашение деталей дела Нахума Манбара, наложенного администрацией премьер-министра.

По данным газеты *Гаарец*, в ходе визита премьер-министра Биньямина Нетаньяху в США в 1997 г. ЦРУ передало информацию о связях Нахума Манбара с Ираном¹⁷.

Дело Манбара примечательно тем, что, по заявлению обвиняемого, правительство Израиля знало о его сделках. Следует отметить, что израильские власти отнеслись с повышенным вниманием к инциденту и в первые дни после задержания бизнесмена запретили любые публикации о ходе судебного процесса. Только спустя несколько дней в израильской прессе появились цензурированные отрывки из обвинительного акта. Как уже было сказано выше, по итогам суда выяснилось, что около ста израильских компаний¹⁸ вышли на контакт с Нахумом Манбаром, чтобы через него продавать свою продукцию в Иран, несмотря на запрет.

В качестве основных аргументов в свою защиту Нахум Манбар приводил сведения о причастности к секретным сделкам израильской разведки, а также *МИ-6*. По данным израильской прессы, спецслужбы обеих стран завербовали его с тем, чтобы внедрять своих агентов в иранское правительство¹⁹. В предприятиях Нахума Манбара участвовал британский агент Ричард Томлинсон, который вместе с Джой Батлер-Мархам [Joy Butler-Markham], по прозвищу Кидди [Kiddie]²⁰, помощницей Нахума Манбара занимался переправкой тионилхлорида из Китая в Иран, очевидно, для производства иприта и нервно-паралитического газа²¹.

Нахум Манбар говорил, что знал о военном использовании тионилхлорида, однако контракт о поставке компонентов для иприта и нервно-паралитического газа был фальсифицирован, а договор о заводе по производству бинарного химического оружия остался только на бумаге. Он, по собственному заявлению, лишь хотел получить с иранцев деньги²².

Кроме британской разведки, в деле оказались замешаны аргентинская и польская разведывательные службы.

В своей книге «Большой провал. Раскрытие секреты британской разведки *МИ-6*» Ричард Томлинсон утверждал, что французская контрразведка установила, что в 1988 г. Нахум Манбар достал документацию для строительства фабрики по производству горчичного газа, которую выгодно перепродал некоему д-ру Техрани Фахду, проживавшему в Вене иранскому дипломату. «Фахд оказался старшим офицером иранской разведки и куратором осуществления в Иране программы производства химического оружия»²³.

В то же время известно, что это были не единственные ирано-израильские контакты, связанные с химическим оружием.

Carmel Chemicals, зарегистрированная в Хайфе, через свое отделение в Кении поставляла Ирану следующие вещества: моностеарат глицерина, меламина, диоксид титана, цитрат циклогексанола, полимочевину. Эта сделка обсуждалась 31 декабря 2000 г. в газете *Едиот Ахронот*. Стороны договорились о поставках оборудования для завода по производству формальдегидов. Кроме того, обсуждалась продажа 99% глицерина, который может быть использован для изготовления взрывчатых веществ. Подобные сделки являются незаконными в Израиле. *Carmel Chemicals* принадлежит семье Данкнер [Dankner], которая владела химической фабрикой в Ширазе до Исламской революции. В 1996 г. Данкнеры купили компанию *Kenya Industrial Plastics*, по сведениям *Едиот Ахронот*, для того чтобы использовать предприятие в качестве посредника в их сделках с Ираном. Торговля между отделением *Carmel Chemicals* и иранскими партнерами была очень интенсивной и насчитывала тысячи килограммов химических веществ в год. В 1996–2000 гг. количество поставок могло достигать двух или трех в неделю²⁴. Тем не менее, в 2001 г. бизнесмен Данкнер в интервью газете *Едиот Ахронот* утверждал, что не торгует с Ираном²⁵.

Моше Регев, израильский бизнесмен, живущий за границей, подтвердил в 1999 г., что в 1992–1994 гг. он вел переговоры с иранскими представителями о продаже оборудования и материалов для иранской программы по созданию химического оружия. В результате расследования, проведенного газетой *Гаарец*, выяснилось, что компания Моше Регева занималась продажей оборудования и материалов для производства нервно-паралитического газа и иприта. Из-за этого компания была занесена в конце 1994 г. в черный список Госдепартамента Соединенных Штатов²⁶.

Таким образом, не только Нахум Манбар был связан с иранской программой по развитию химического оружия.

Кроме того, в 2004 г. двоим израильтянам были предъявлены обвинения в контрабанде оружия. Эли Коэн [Eli Cohen] и Авихай Вайнштейн [Avihai Weinstein] были обвинены в незаконной торговле деталями для ракет *Хок* и радарной системы, используемой в истребителях-перехватчиках *Фантом*. Детали были куплены в США и, согласно обвинениям, были проданы в Иран через посредника. В 2002 г. эти же люди подозревались в попытке продать Ирану запчасти для бронетранспортеров. Таможня немецкого порта Гамбург задержала израильское судно *Зим Антверпен*, перевозившее контейнеры с запчастями (детали для гусениц бронетранспортера), поскольку министерству обороны Германии стало известно, что эти контейнеры направлялись в Иран. Ответственность была возложена на компанию *P.A.D.*, расположенную в Нетании и принадлежавшую Авихаю Вайнштейну. Представитель министерства обороны Израиля заявил, что правительство полагаю, что пункт назначения этого судна – Таиланд, и именно поэтому израильская таможня дала добро на этот рейс²⁷. То же заявила и израильская компания. Согласно *Едиот Ахронот*, контейнеры направлялись в иранский порт Бандар-Аббас.

Министерство обороны приняло решение прекратить действие их лицензии на экспорт вооружений, однако вследствие многочисленных судебных исков их лицензия была восстановлена²⁸. За три года до этого случая Эли Коэн также был арестован по подозрению в продаже танковых запчастей Ирану, однако ему удалось избежать наказания. В 1993 г. он привлекался к ответственности за продажу моторов для бронетранспортеров Ирану.

В 2000 г. и Эли Коэн, и Авихай Вайнштейн подозревались в попытке продать Ирану бронетранспортеры. Сделку они хотели осуществить через третью компанию в Бельгии. Несмотря на это, обоим гражданам Израиля удалось избежать наказания за отсутствием доказательств их вины, и они снова получали лицензию на торговлю²⁹.

Очевидно, что секретные торговые соглашения Израиля с Ираном включали не только продажу компонентов химического оружия, но и некоторых видов военной техники. Одной из первых сделок, заключенных между Нахумом Манбаром и его иранскими партнерами, была сделка по продаже 30 советских ракет типа *земля-воздух (SA-7)* из арсенала польской армии. По словам Виктора Островского, эта сделка была заключена с ведением израильского военного командования. Стоимость ее равнялась 100 тыс. долл.

Примечательно, что такой же моделью ракет владеет *Хизбалла*. *Europol* также продала Ирану 50 советских танков (*T-55* и *T-72*) (из польского арсенала)³⁰. Танки были оборудованы новейшей электроникой израильской компании *EL-OP*. Более того, польские специалисты приезжали в Израиль для прохождения специальной подготовки к процедурам установки этого оборудования. Затем они улетели на Кипр, откуда отправились в Иран.

Нахум Манбару также поступало предложение продать Ирану советские танки, захваченные в ходе Шестидневной войны у сирийцев и египтян, однако эта сделка не материализовалась.

В дополнение ко всему Нахум Манбар продал Ирану 22 грузовика, специально оборудованных на случай войны с применением химического оружия. Стоимость сделки составила 200 тыс. долл.³¹.

Таким образом, военно-техническое сотрудничество Израиля и Ирана продолжалось и после исламской революции³².

Согласно *Джерузалем Пост*, израильские компании с соглашения министерства обороны Израиля продавали военное оборудование Ирану в течение 1980-х гг. и в начале 1990-х гг. до запрета США в 1993 г., начала судебных разбирательств и предупреждений спецслужб. В результате расследования, проведенного газетой, выяснилось, что продажи начались вскоре после начала ирано-иракской войны в 1980 г. и продолжались до начала 1990-х гг., когда администрация Клинтона приняла политику *двойного сдерживания* в отношении Ирана и Ирака. По словам бывшего директора компании *Soltam* Авраама Бар-Давида, до 1988 г. Израиль относился достаточно либерально к торговле оружием с Ираном. Источники в министерстве обороны сообщали о множестве сделок израильтян с иранскими партнерами, но среди израильских предпринимателей наиболее активным считается Нахум Манбар. По данным о ходе судебного разбирательства, министерство обороны Израиля дало разрешение только на одну сделку с Ираном в 1990 г., когда Исламская Республика Иран захотела приобрести высокотехнологичное оборудование для обнаружения химического оружия с дальнего расстояния на сумму 50 млн долл.³³. Оборудование (лазерная радарная система) было спроектировано компанией *Elbit Computers Ltd*. В список заказов иранского руководства входили датчики химических веществ (например, *CHASE*, продукция компании *Elbit*). Однако сделка сорвалась, поскольку компания *Elbit* отказалась продавать лазерное оборудование (эта сделка не рассматривалась в суде)³⁴.

Подобные секретные связи Израиля с Ираном на фоне их конфликта несколько компрометируют правительство страны. В то же время находятся те, кто утверждает, что подобные контакты являются продолжением *традиции*, начатой в 1980-е гг. США, которые, по крайней мере, начиная с 1985 г., тайно продавали оружие Ирану через Израиль. Администрация Рональда Рейгана заявила, что это делалось с целью установить долгосрочные рабочие отношения с основными иранскими лидерами. Непосредственной же целью было обеспечить освобождение американцев, которых в качестве заложников удерживала в Ливане группа, близкая к иранскому лидеру аятолле Хомейни (дело получило название *Иран-Контра*). Нахум Манбар также утверждал, что хотел получить информацию о Роне Араде. Возможно, подобные сделки Израиля с его противником отвечали экономическим, политическим интересам, а для спецслужб являлись важным проводником разведывательной информации. Несмотря на это, насколько продажа элементов оружия массового уничтожения отвечает интересам безопасности страны, покажет только его последующее применение.

Примечания

¹ Barak Ravid. On eve of Assad visit to Moscow, Israel and Russia discuss security. *Haaretz*. 2008, 22 August. <http://www.haaretz.com/hasen/spages/1013616.html> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

- ² Greenberg, Joel. Israeli Held In Iran Traffic In Nerve Gas. *New York Times*. 1997, 7 May. <http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9E04EFDE1130F934A35756C0A961958260> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).
- ³ La Guardia Anton. Iran's 'nerve gas trader' disappears. *Telegraph*. 1997, 15 April. <http://www.telegraph.co.uk/htmlContent.jhtml?html=/archive/1997/04/15/wirn15.html> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).
- ⁴ *The CBW Conventions Bulletin* Issue No. 37, 1997, September. Harvard Sussex Program on CBW Armament and Arms Limitation. <http://www.sussex.ac.uk/Units/spru/hsp/documents/cbwcb37.pdf> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).
- ⁵ Greenberg Joel. Israeli Held In Iran Traffic In Nerve Gas. *New York Times*. 1997, 7 May. <http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9E04EFDE1130F934A35756C0A961958260> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).
- ⁶ Приговор израильского окружного суда в Тель-Авиве по делу «Манбар против Государства Израиль» 6411/98 (иврит). <http://www.courts.co.il/SR/elyon/980641.htm> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).
- ⁷ Greenberg Joel. Israeli Held In Iran Traffic In Nerve Gas. *New York Times*. 1997, 7 May. <http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9E04EFDE1130F934A35756C0A961958260> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).
- ⁸ Treason convict Nahum Manbar could be released in next few days. *Haaretz*, 2007, 4 June <http://www.haaretz.com/hasen/spages/866741.html> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).
- ⁹ В договоре указано количество 2500 т в год.
- ¹⁰ Дело «Манбар против Государства Израиль» 6411/98 (иврит) <http://www.courts.co.il/SR/elyon/9806411.htm> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).
- ¹¹ Barnett Antony, Ridley Yvonne and Elam Shraga. British agents helped Iran to make killer gas. *Guardian*. 1999, 13 June, <http://www.guardian.co.uk/Archive/Article/0,4273,3874584,00.html> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).
- ¹² Greenberg Joel. Israeli Linked To Iran Arms Ordered Jailed. *New York Times*. 1997, 18 April. <http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9A06E4DC103FF93BA25757C0A961958260> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).
- ¹³ Ostrovsky Victor. What Israel's Top-Secret Manbar Trial Reveals About Extensive, Ongoing Israeli Arms Dealing With Iran. *Washington Report on Middle East Affairs*. 1998, September. P. 55–56, 62 <http://www.washington-report.org/backissues/0998/9809055.html> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).
- ¹⁴ Rodan Steve. Israeli firms sold arms to Iran till '93. *Jerusalem Post*. 1997, 12 September.
- ¹⁵ Nuclear Threat Initiative, http://www.nti.org/e_research/profiles/Iran/Biological/3408.html (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).
- ¹⁶ Rodan Steve. Israeli firms sold arms to Iran till '93. *Jerusalem Post*. 1997, 12 September.
- ¹⁷ Greenberg Joel. Israeli Linked To Iran Arms Ordered Jailed. *New York Times*. 1997, 18 April. <http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9A06E4DC103FF93BA25757C0A961958260> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).
- ¹⁸ Ostrovsky Victor. What Israel's Top-Secret Manbar Trial Reveals About Extensive, Ongoing Israeli Arms Dealing With Iran. *Washington Report on Middle East Affairs*, 1998, September, P. 55–56, 62 <http://www.washington-report.org/backissues/0998/9809055.html> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).
- ¹⁹ Barnett Antony, Ridley Yvonne and Elam Shraga. British agents helped Iran to make killer gas. *Guardian*. 1999, 13 June. <http://www.guardian.co.uk/Archive/Article/0,4273,3874584,00.html> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).
- ²⁰ *The CBW Conventions Bulletin* Issue No. 43, 1999, March. Harvard Sussex Program on CBW Armament and Arms Limitation. <http://www.sussex.ac.uk/Units/spru/hsp/documents/cbwcb43.pdf> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).
- ²¹ *The CBW Conventions Bulletin* Issue No. 46. 1999, December. Harvard Sussex Program on CBW Armament and Arms Limitation. <http://www.sussex.ac.uk/Units/spru/hsp/documents/cbwcb46.pdf> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

²² *The CBW Conventions Bulletin* Issue No. 51, 2001, March. Harvard Sussex Program on CBW Armament and Arms Limitation. <http://www.sussex.ac.uk/Units/spru/hsp/documents/cbwcb51.pdf> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

²³ Томлинсон Ричард. Большой провал. Раскрытые секреты британской разведки *МИ-6*. М.: Изд. *Фрегат*, 2001. С. 416.

²⁴ Samii Bill. Chemicals from Israel. RFE/RL Iran Report, Vol. 3, No. 3. Radio Free Europe/Radio Liberty. 2000, 17 January. <http://www.globalsecurity.org/wmd/library/news/iran/2000/3-170100.html> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

²⁵ Данкнер: мы никогда не торговали с Ираном (иврит) *Йедиот Ахронот*. 2001, 5 июня. <http://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-795348,00.html> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

²⁶ Моше Регев: я организовывал переговоры по продаже компонентов для химического оружия (иврит), *Globes*. 1999, 21 January. <http://www.globes.co.il/news/docView.aspx?did=91068> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

²⁷ Ауфгебрахт Шифф. Израильская фирма хотела незаконно продать Ирану запчасти для танков (немецкий). *De Spiegel*. 2002, 29 августа. <http://www.spiegel.de/politik/ausland/0,1518,211416,00.html> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

²⁸ Melman Yossi. Sources: Two Israelis suspected of smuggling weapons to Iran. *Haaretz*. 2004, 21 March. <http://www.haaretz.com/hasen/pages/ShArt.jhtml?itemNo=406826&contrassID=1&subContrassID=5&sbSubContrassID=0&listSrc=Y> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

²⁹ Дело о судне: Иран отрицает покупку оружейных запчастей. *Yediot Ahronot*. 2002, 29 August. <http://www.ynet.co.il/articles/1,7340,L-2088854,00.html> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

³⁰ Ostrovsky Victor. What Israel's Top-Secret Manbar Trial Reveals About Extensive, Ongoing Israeli Arms Dealing With Iran. *Washington Report on Middle East Affairs*, 1998, September. P. 55–56, 62 <http://www.washington-report.org/backissues/0998/9809055.html> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

³¹ Ibid.

³² Со времен шаха до Нахума Манбара (иврит). *Globes*. 2002, 1 сентября. <http://www.globes.co.il/news/docview.aspx?did=614450> (последнее посещение – 21 октября 2008 г.).

³³ Rodan Steve. Israeli firms sold arms to Iran till '93. *Jerusalem Post*. 1997, 12 September.

³⁴ Ibid.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! ПРИШЛО ВРЕМЯ ПОДПИСКИ НА 2009 ГОД!

Для получения журнала необходимо оформить платную подписку на его российское (на русском языке) и/или международное (на английском языке) издания.

Подписаться на журнал можно:

A. Через агентство «Роспечать» (только на российское издание)

Информация о подписке на российское издание в России и странах СНГ находится в каталоге «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать». Сейчас открывается подписка на первое полугодие 2009 г. Стоимость подписки на два номера журнала (одно полугодие) составит **1500 рублей, включая их доставку**. Индекс издания – **80666**. Подписку можно оформить через любое почтовое отделение России и стран СНГ.

B. Став членом Международного клуба Триалог (Москва),

Вы или Ваша организация автоматически становитесь получателем как российского, так и международного издания журнала, а помимо этого, и других информационно-аналитических продуктов ПИР-Центра, получаете приглашения на заседания Клуба и семинары, конференции и другие мероприятия. Для Вас открыто индивидуальное или корпоративное членство. Эта опция идеальна для всех лиц, работающих в Москве, но желающих читать журнал по-английски. Действуют скидки для представителей СМИ!

Подробную информацию о Международном клубе Триалог Вы можете получить по тел.: +7 (916) 142-8539, e-mail: dialogue@pircenter.org, а также в разделе «Клуб» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/club>

C. Став членом Centre russe d'études politiques (Genève),

Вы будете получать международное или российское издание журнала по Вашему выбору. Эта опция предназначена прежде всего для тех, кто живет за пределами России и СНГ. Для оформления подписки Вам следует заполнить *онлайн* форму вступления, размещенную на сайте *Centre russe d'études politiques (Genève)* по адресу <http://crep.ch/fr/application.html>. Оплатив годичный членский взнос, Вы становитесь полноправным членом Центра.

Информацию о Centre russe d'études politiques (Genève) можно получить по телефону в Женеве +41 (79) 736-9034 или же по электронной почте join@crep.ch

D. Оформив корпоративную подписку,

Ваша организация сможет получать от 10 экземпляров журнала с существенной скидкой.

Подробнее обо всех вариантах подписки на журнал смотрите в разделе «Подписка» на сайте интернет-представительства ПИР-Центра по адресу: <http://si.pircenter.org>.

Дополнительную информацию о подписке, а также о размещении рекламы в нашем журнале Вы можете получить у помощника главного редактора Евгения Петелина

по тел.: +7 (495) 987-19-15; e-mail: petelin@pircenter.org

ВСЕМ СЕСТРАМ ПО СЕРЬГАМ: УЧЕННЫЕ ДЛЯ ИРАНА, ПЛУТОНИЙ ДЛЯ КНДР, ОБОГАЩЕНИЕ ДЛЯ ИЗРАИЛЯ

**Новиков В.Е. Проблема нераспространения ядерного
оружия на современном этапе. М.: РИСИ, 2007. 328 с.**

Рецензия – Антон Хлопков

В этой книге один из немногих в России последовательных исследователей проблем нераспространения В.Е. Новиков рассматривает ракетно-ядерный потенциал *де-факто* ядерных государств и государств, которые ближе других находятся к созданию ядерного взрывного устройства (ЯВУ)¹.

Ценность исследования во многом предопределяет комплексный подход автора, который рассматривает политические и технологические аспекты проблемы (автор является выпускником Московского авиационного института).

Наверное, каждый из читателей этой книги (как и любой другой) не согласится с отдельными выводами автора (например, мне, в отличие от автора, трудно представить реалистичную ситуацию, при которой КНДР согласится на ликвидацию созданных ЯВУ), однако следует поблагодарить его за систематизацию многочисленных данных из почти 400 источников, результаты которой предлагают читателю много пространства для комплексного осмысления современного состояния режима нераспространения и поиска причин его нынешнего кризиса.

MADE IN USA

Особого внимания заслуживает рассмотрение автором источников экспертизы иранских ученых в ядерной и соответствующих прикладных областях. Еще семь-восемь лет назад, что называется, по определению, в западной литературе (за редким исключением) принято было считать, что основные успехи иранских ученых в ядерной области являются результатом сотрудничества с Россией в 1990–2000-х гг. (иногда эти сомнительные лавры делили Россия и Китай). Миф был частично развеян после вскрытия сети Абдул Кадыр Хана, когда появились неопровержимые доказательства того, что источником технологии центрифужного обогащения (и не только) является Пакистан, а не Россия, как это считалось в первые недели после обнаружения в Иране обогатительного комбината в Натанзе. Однако скептиков хватало и после этого, – стали говорить о том, что если не технологии российские, то уж экспертиза ученых из России – наверняка.

В книге В.Е. Новикова на основе изучения документов Главного счетного управления США показываются масштабы обучения иранских ученых в американских вузах и научно-исследовательских институтах. Всего по оценке автора в ведущих лабораториях и университетах США во времена шаха прошли подготовку около 200 ученых для Организации по атомной энергии Ирана (с. 245).

Кто-то может возразить – дескать, это было почти 30 лет назад, а подготовленные для шахского режима ученые давно покинули Иран в поисках лучшей жизни, уехав в Канаду, США и другие страны. Факты говорят о другом...

Многие действительно остались и сделали себе карьеру в США. Так выпускник Массачусетского технологического института (МТИ) Фарид Бамдад на протяжении многих лет является сотрудником Совета по ядерной безопасности на предприятиях ядерно-оружейного комплекса, работающих в интересах министерства обороны США. Однако значительная часть иранских ученых, получивших образование в США, сделали себе успешную карьеру на родине. Так, Моххамад Закер стал руководителем исследовательского ядерного реактора, Мансур Хадж Азим – заместителем главы Организации по атомной энергии Ирана. Последний называется в западных СМИ куратором секретного научного центра, имеющего отношение к исследованиям в области создания ядерного оружия. До недавнего времени постоянный представитель Ирана при международных организациях в Вене Али-Акбар Салехи является бывшим аспирантом МТИ².

В настоящее время, учитывая высокий уровень подготовки, иранские студенты по-прежнему принимаются в ведущих университетах США, имеющих сильные программы по техническим дисциплинам, включая Гарвардский и Стэнфордский университеты, Калифорнийский технологический институт, МТИ и др. В 2003 г. только в аспирантуру Департамента прикладного электричества Стэнфордского университета было зачислено 15 иранских студентов, большинство из которых является выпускниками Шарифского технологического университета, учебные программы которого в 1960–1970-е гг. создавались в сотрудничестве с МТИ. При этом, согласно данным Института международного образования, опубликованным в ежегодном исследовании Orep Doorg, в 2005–2006 учебном году всего в США обучались 2420 студентов из Ирана³. По данным того же исследования, годом позже количество иранских студентов в американских университетах «значительно увеличилось»⁴.

Впрочем, обучение иранских студентов в высокотехнологичных областях продолжается не только в американских университетах. В начале 2006 г. МИД Японии обнаружил, что около 40 иранских ученых были вовлечены в японских университетах и научно-исследовательских организациях в «*продвинутые* исследования в ядерной области, имеющие двойное назначение». Все они беспрепятственно получили визы на обучение и проведение исследований в Японии. Помимо этого, несмотря на включение правительством Японии Тегеранского университета в список иностранных организаций, вызывающих подозрение в области нераспространения, Университет Токио, Университет Тохоку и Университет Рюкю заключили соглашения с Тегеранским университетом на академические обмены⁵.

Россия во второй половине 1990-х гг. почти полностью свернула подготовку иранских студентов и аспирантов в российских вузах в области точных и прикладных наук, таким образом прекратив экспорт своих социальных, экономических и технологических стандартов, что является важной и неотъемлемой частью выстраивания двусторонних отношений на долгосрочную перспективу. В то время (под давлением со стороны США) *рубили с плеча*, и вместо *уточнения* программ обучения иранских специалистов, изъятия из них дисциплин, имеющих потенциально двойное применение, закрывали целые программы подготовки. Возможно, приходит время пересмотреть государственный подход в этом вопросе, естественно, с учетом национальных интересов в области безопасности и международных обязательств России в области нераспространения.

Тем, кто интересуется вопросом подготовки кадров для Организации по атомной энергии Ирана, рекомендую внимательно изучить соответствующий раздел монографии (с. 245–247).

ОБОГАЩЕНИЕ УРАНА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ДЕЛАЙ КАК Я, ДЕЛАЙ СО МНОЙ, ДЕЛАЙ ЛУЧШЕ НАС

В последние годы при обсуждении вопросов ядерного нераспространения на межправительственном уровне акцент активно смещается от проблем универсальности к проблемам выполнения обязательств по Договору о нераспространении ядерного оружия

(ДНЯО) и соглашениям о всеобъемлющих гарантиях с МАГАТЭ. Таким образом, все реже вспоминают, что Индия, Пакистан и Израиль находятся за пределами ДНЯО. И если говорить о праве на обогащение урана, то речь идет о праве Ирана, Ливии, других стран Ближнего Востока.

В монографии автор ставит вопрос в отношении обогатительных мощностей Израиля. Согласно выводам автора, «не вызывает сомнений тот факт, что в стране действуют лабораторные установки по обогащению урана», помимо этого, автор добавляет: «Нельзя отрицать вероятность (как бы мала она ни была), что в Израиле существуют полупромышленные установки по обогащению урана, способные нарабатывать необходимое количество ядерной взрывчатки». Таким образом, заключает автор, «небольшая вероятность того, что Израиль имеет ядерные взрывные устройства на основе оружейного урана, все же существует, и игнорировать ее нельзя» (с. 189). Можно ли в этих условиях результативно требовать от Ирана временной приостановки работ в области обогащения урана?

ЧЕРНЫЙ РЫНОК ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ И ТЕХНОЛОГИЙ: МАСШТАБЫ УГРОЗЫ

Почти 10 лет назад мне довелось присутствовать в одном из ведущих вузов страны на защите дипломной работы, посвященной проблеме незаконного оборота ядерных материалов (ЯМ) и *черного рынка* ЯМ и технологий (ЯТ). Вопреки выводам соискателя, представитель профессорско-преподавательского состава университета доказывал, что черного рынка ЯМ и ЯТ нет и быть не может. Время показало, что может... еще как может... В монографии В.Е. Новиков затрагивает вопрос масштабов этой проблемы.

Автор обращается к проблеме незаконного оборота ЯМ и технологий в разделе, посвященном пакистанской ядерной программе (с. 117–174). Согласно его данным, только 70 немецких компаний поставляли в Пакистан сложное электронное оборудование, комплектное оборудование для производства гексафторида урана, беррилия, циркония и др. в нарушение национального законодательства (с. 117). Здесь же уместно снова вспомнить про сеть Абдул Кадыр Хана, которая позднее *перераспределяла* полученные технологии в третьи страны, и другую разветвленную организацию – *Umma-Tameer-e-Nau*, основанную одним из бывших руководителей Пакистанской комиссии по атомной энергии Башируддином Махмудом и предлагавшую свою экспертизу в производстве ядерного оружия на внешний рынок⁶. А если теперь полученное помножить на количество пакистанских государственных и частных организаций, задействованных в ядерных и ракетных программах, а их около 90 (с. 119), а также количество стран, физические и юридические лица которых, по данным МАГАТЭ, принимали участие в работе сети А.К. Хана (их 40), то потенциальные масштабы *черного рынка* приобретают угрожающие масштабы...

Очевидно, что решение этой проблемы требует постоянной координации усилий ведущих игроков на международной арене, чего пока по разным причинам, в том числе в отношении Пакистана, не происходит.

ПЛУТОНИЙ СЧЕТ ЛЮБИТ

Для тех, кто внимательно следит за урегулированием кризиса вокруг ядерной программы КНДР, обращу внимание на с. 276, где автор рассматривает мощности Северной Кореи по производству оружейного плутония.

Одним из актуальных вопросов в рамках шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной программе на современном этапе является определение количества плутония, наработанного на газографитовом реакторе в Ненбене. Представители руководства КНДР утверждают, что было наработано около 30 кг плутония⁷. В то же время, согласно расчетам ученых из российских и американских ядерных лабораторий, эта цифра составляет до 60 кг. Так, согласно оценкам эксперта ВНИИЭФ Ю.А. Юдина, КНДР могла наработать 42–67 кг плутония и выделить 38–60 кг плутония⁸. По оценкам бывшего директора Лос-Аламосской лаборатории Зига Хекера, неоднократно посещавшего Пхеньян, а также сам реактор в Ненбене, КНДР могла наработать 40–50 кг плутония⁹.

По данным авторитетного Института по проблемам науки и международных отношений, КНДР было наработано 46–64 кг плутония¹⁰.

О ТИРАЖЕ И ЧИТАТЕЛЯХ

К сожалению, формат журнальной рецензии не позволяет рассказать обо всех примечательных выводах и выкладках автора, а их уместилось немало на более чем 300 страницах книги. С ними можно полемизировать, не соглашаться, но они провоцируют. На мой взгляд, главное в книге – поиск, поиск ответов на вопросы, которые сегодня ставят перед режимом нераспространения новые вызовы и угрозы.

В связи с этим хочется позавидовать экспертам, политологам и дипломатам, кому еще только предстоит погрузиться в чтение и осмысление этой объемной и многогранной работы; а также посочувствовать тем, кому не удалось получить ее экземпляр для своей библиотеки – безусловно, эта монография должна присутствовать на книжной полке каждого исследователя, серьезно занимающегося проблемами международной безопасности и нераспространения. Тираж книги составляет всего 350 экземпляров, что, очевидно, не соответствует уровню ее востребованности в экспертной среде и делает маловероятным ее попадание в библиотеки российских региональных университетов. Достаточно сказать, что в, пожалуй, крупнейшую российскую специализированную библиотеку по проблемам нераспространения – библиотеку ПИР-Центра – удалось *добыть* книгу только спустя почти полгода после ее выхода из печати. Частично проблему *ограниченности* тиража могло бы решить размещение полной версии книги на сайте Института стратегической стабильности, которому принадлежат права на издание монографии¹¹.

Примечание

¹ Среди недавних работ автора можно выделить: Ракетно-ядерное нераспространение: вопрос Ирана. *Ядерный Контроль*. 2002, № 5. С. 49; Политика США и судьба режима ядерного нераспространения. *Ядерный Контроль*. 2003, № 2. С. 17; Утечка ядерных технологий из Пакистана. *Ядерный Контроль*. 2004, № 2. С. 95.

² Stockman Farah. Iran's Nuclear Vision First Glimpsed at MIT. *Boston Globe*. 2007, March 12.

³ U.S. Life for Iranian Students. http://www.educationusairan.com/study_basics/us_life.htm (последнее посещение – 18 мая 2008 г.).

⁴ Open Doors 2007: International Students in the United States. <http://opendoors.iienetwork.org/?p=113743> (последнее посещение – 18 мая 2008 г.).

⁵ Japanese Perspectives on Regional Proliferation. Presentation made by Katsuhisa Furukawa, Research Fellow, RISTEX, Japan Science and Technology Agency, at the International Conference «Over-the-Horizon Proliferation: Challenges for Interdiction and Counter-Proliferation Policy», Naval Postgraduate School. Monterey, CA, USA. 2007, June 19. P. 27. <http://www.ccc.nps.navy.mil/si/2007/Aug/OTH-furukawaAug07.pdf> (последнее посещение – 18 мая 2008 г.).

⁶ Подробнее см.: Евстафьев Геннадий. Политика в стиле *Slam Dunk*. *Индекс Безопасности*. 2008, № 1. С. 135–136.

⁷ Estimate of North Korean Plutonium Stockpile Boosted. *Global Security Newswire*. 2008, May 14. http://www.nti.org/d_newswire/issues/2008_5_14.html#AC597E59 (последнее посещение – 17 мая 2008 г.).

⁸ Юдин Юрий. Технические аспекты ядерной программы КНДР. *Ядерный Контроль*. 2006, № 1. С. 135–136.

⁹ Up Close With North Korea's Nuclear Reactor. *New York Times*. 2008, February 29.

¹⁰ Albright David, Brannan Paul. The North Korean Plutonium Stock. Institute for Science and International Security. 2007, February 20. <http://www.isis-online.org/publications/dprk/DPRKplutoniumFEB.pdf> (последнее посещение – 17 мая 2008 г.).

¹¹ На момент написания рецензии на сайте РИСИ был размещен лишь раздел Введение. См. http://www.riss.ru/library/nov_07.pdf (последнее посещение – 18 мая 2008 г.).

ЧЕРНОМОРСКОЕ ЯБЛОКО РАЗДОРА

Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Черноморский узел. М.: Международные отношения, 2007. 200 с.

Рецензия – Анатолий Ушков

В 2007 г. вышло фундаментальное исследование, посвященное комплексу стянутых в тугую узел экономических, политических, международно-правовых, социокультурных, экологических, национальных, этнических и других проблем Черноморского региона. Авторам, которые известны экспертам такими серьезными работами, как «Геополитика Каспийского региона» и «Черноморская энциклопедия», удалось, несмотря на небольшой объем исследования, полно изложить ключевые проблемы Черноморского региона, с которыми в последние десятилетия сталкиваются причерноморские страны.

Исследование, проведенное авторами, посвящено уникальному по своей истории, географическому положению и возможностям региону. В шести странах, расположенных непосредственно в бассейне Черного моря, проживает около 300 млн человек, производится более 2 трлн долл. США совокупного внутреннего валового продукта. Здесь пересекаются различные цивилизации, сталкиваются геополитические интересы и устремления различных государств и международных организаций, в том числе непосредственно с Черноморским бассейном не связанных.

Значение региона определяется в особенности тем, что он граничит с *Большим Ближним Востоком*, является важным звеном трансконтинентальной *транспортной цепи*, поскольку Черное море служит естественным продолжением энергетического коридора от Каспия, где сосредоточены огромные запасы нефти и природного газа, в Европу, является ключевым транзитным маршрутом перекачки каспийской нефти. В силу этого Черноморский регион стал зоной особого внимания США, ЕС, НАТО, а стабильность и безопасность в этом переходном пространстве в непосредственной близости от Ирака, где продолжается война, и от других проблемных регионов (Израиль, Палестина, Иран и др.) приобретают важнейшее значение.

Даже краткий перечень тем, исследованию которых посвящена монография, – социально-экономическое развитие и экологические проблемы региона, использование транспортных коридоров и трубопроводных сетей, оборонные проблемы, узел непростых проблем Крымского полуострова, конфликтный потенциал и перспективы регионального сотрудничества, новые геополитические проекты, эволюция политики США в Черноморском регионе – показывает, насколько актуально это издание.

В книге на большом фактическом материале, со ссылками на многие документы показано, как развивается обстановка в регионе, как выстраиваются здесь отношения между отдельными странами и группами стран. Процессы анализируются, прежде всего, сквозь призму национальных интересов каждой из стран с акцентом на то, как используется их географическое положение на Черном море.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ШАМПУР

Пожалуй, впервые в литературе подобного рода сделана попытка дать определение Черноморского региона. Подобная задача, поставленная перед собой авторами, пред-

ставляется вполне уместной, поскольку имеется множество самых разнообразных интерпретаций региона. В современной и исторической литературе можно встретить фрагментарные описания Черноморского региона – от философского его осмысления как особого мира с присущим только ему менталитетом, традициями, мировоззрением и мироощущением до формально-юридического понимания его как законодательным образом ограниченной субнациональной единицы. Также известны историческая, геополитическая, экономическая и другие трактовки региона.

Отмечена историческая связь Черноморского региона со Средиземноморьем и Каспием, которые составляют единое пространство не только в геополитическом, но и в геостратегическом смысле. Авторы удачно ввели такое понятие, как *географический шамлу*, поскольку Средиземноморье, Черноморье, Каспий представляют собой единое целое, если их рассматривать также в плане торговых и экономических связей.

В книге удачно показаны динамика конкурентной борьбы, которая разворачивалась в Черноморском регионе после распада СССР, и тенденции социально-экономического развития. Эти два процесса оказались неразрывно связаны между собой, поскольку рост конкуренции между странами региона в области транспортных перевозок, обслуживания грузов, судостроения, перевалки нефтепродуктов повлек за собой серьезные изменения в уровнях жизни населения причерноморских территорий отдельных стран. При этом серьезная дифференциация происходит между бывшими республиками СССР, которые в силу разных стартовых и существующих технологических условий вступили в жесткую конкуренцию между собой. Авторы вполне справедливо делают вывод, что борьба за порты причерноморских стран, их инфраструктуру вступила в новую стадию.

В то же время, спустя более чем 16 лет после распада СССР можно утверждать, что возросшая конкуренция не пошла на пользу отдельным странам. В частности, ни украинским портам, ни Украине в целом. Уход украинских компаний с рынка грузоперевозок влечет за собой снижение грузопотока, что в свою очередь приведет к неполной загрузке портов, снижению получаемой ими прибыли и, следовательно, к уменьшению отчислений в бюджет.

Авторы отмечают, что ситуация в российских портах несколько лучше по сравнению с украинскими. Объемы переработки Новороссийского порта уже сопоставимы с объемами всех украинских торговых портов, и данная тенденция сохраняется. В случае увеличения капиталовложений в реконструкцию портов Новороссийск и Туапсе и строительство новых объемы экспортно-импортных операций через российские порты могут значительно увеличиться. Тем более, что одной из последних инициатив правительства России стала идея о создании особых портовых зон.

Черноморский регион представляет собой важный коммуникационный узел, где пересекаются международные транспортные коридоры из района Каспийского бассейна на Запад и активно идет процесс формирования внутрирегиональных и межгосударственных транспортных потоков. Процесс формирования новых транспортных коридоров особенно активизировался после заявлений о наличии крупных месторождений углеводородов на Каспии. Возрастание роли транспортных коммуникаций связано с транспортировкой энергоносителей на мировые рынки, что в перспективе может позволить значительно увеличить грузо- и товарооборот через черноморские страны.

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО ЧЕРНОГО МОРЯ

В книге анализируется такой актуальный для всех причерноморских стран вопрос, как данные о запасах углеводородного сырья на шельфе. Ряд экспертов из причерноморских стран уже стали сравнивать запасы Черного моря с запасами Каспийского моря, обращая внимание на то, что структура дна и того, и другого морей формировалась в одно геологическое время.

У черноморско-азовского шельфа как региона нефтегазодобычи есть одно неоспоримое преимущество, благодаря которому проекты здесь выглядят привлекательными да-

же при наличии незначительных запасов. Это географическое положение и наличие развитой транспортной инфраструктуры. В случае ограничения прохода танкеров через пролив Босфор черноморская нефть может быть направлена в порты Болгарии и Румынии. Строительство новых нефтепроводов может сделать черноморско-азовскую нефть еще более привлекательной. В то же время авторы обоснованно отмечают, что основным препятствием для начала освоения черноморского шельфа, помимо экологических проблем, служит нерешенность вопроса о делимитации границ. Кроме этого, во многих черноморских странах пока нет технологий, позволяющих бурить на глубинах 200–600 м. Все это позволяет авторам обоснованно делать вывод о том, что запасы черноморского шельфа могут стать важным фактором развития причерноморских территорий лишь в перспективе.

В работе проводится детальный анализ существующих и потенциальных трубопроводов, их влияния на положение каждой из причерноморских стран. Появление новых проектов по транспортировке нефти и газа из стран Центральной Азии в европейские страны резко повысило интерес к Черноморскому региону, одновременно усилив борьбу причерноморских и сопредельных стран за пути транспортировки углеводородного сырья. Неопределенность в выборе конкретных маршрутов экспортных трубопроводов подталкивает разные страны и компании к новому видению будущей архитектуры трубопроводов.

Регион обретает иную конфигурацию с учетом того, что члены НАТО – Румыния, Болгария и Турция – доминируют на западных и южных берегах, а новые независимые государства – Украина, Грузия и Российская Федерация – вдоль северных и восточных. Процесс становления государственности в Украине и Грузии продолжается. Вследствие всего этого по-новому выглядят вопросы социально-экономического развития, международно-правовые и политические проблемы, касающиеся стран Черноморского региона.

Как справедливо отмечают авторы, черноморская конкуренция в сфере экспорта энергоносителей будет возрастать от года к году и будет обусловлена не только растущими объемами нефтедобычи на Каспии, но и борьбой ведущих геополитических игроков (США, РФ, ЕС) за контроль над маршрутами транспортировки энергоресурсов. Если прогнозы оправдаются, страны Черноморского региона будут иметь шансы укрепить свои экономики, политические институты и решить, хотя бы частично, социальные проблемы. Иное дело, если прогнозы о темпах добычи нефти и газа в Азербайджане, Туркменистане и Казахстане окажутся очередной *игрой*, как это уже случилось в отношении запасов Каспийского региона, рассчитанной на достижение совершенно иных целей. В этом случае борьба за нефть и газ для новых и уже работающих трубопроводов развернется с новой силой, превратив Черноморский регион в арену соперничества.

Обострение борьбы в мировом масштабе за доступ к источникам сырьевых, прежде всего энергетических ресурсов, и путей их доставки обусловило активизацию действий США, ЕС и НАТО, направленных на усиление их позиций в Черноморском регионе. Свидетельством тому является, в частности, развертывание американских военно-морских баз на Черноморском побережье Румынии и Болгарии после того, как последние стали членами ЕС и НАТО, создание различных группировок государств, объективно и, можно сказать, открыто направленных на противодействие России, постепенное вытеснение ее из постсоветского пространства и содействие продвижению интересов США в Черноморском и Каспийском регионах (ГУАМ, так называемое Сообщество демократического выбора – Содружество Беломорско-Черноморско-Каспийского региона и др.).

Новым шагом на этом пути стало присоединение Украины к так называемым многонациональным миротворческим силам стран Юго-Восточной Европы под эгидой НАТО, что, по сути, является попыткой окольными путями втянуть Украину в Альянс. Отмечая, что это вносит дополнительный элемент неопределенности в Черноморском регионе, авторы справедливо замечают, что «нельзя допустить, чтобы НАТО в лице нечерноморских держав играло в регионе первую скрипку и превращало региональные страны в *банановые республики*». Черное море, по их мнению, должно оставаться регионом сотрудничества, а не соперничества.

УКРАИНСКИЙ ВЫБОР

Значительное внимание в работе уделено политике Украины в регионе как одного из крупнейших причерноморских государств. Справедливо отмечается, что руководство Украины заняло, особенно после избрания В.А. Ющенко президентом, неконструктивную позицию, встав на сторону государств, выступающих с антироссийских позиций, стремясь превратить Украину в альтернативу России в Черноморском регионе и на постсоветском пространстве.

В монографии на анализе конкретных ситуаций показано, с какими негативными последствиями для Украины сопряжено проведение такого курса. Подтверждением служит известная ситуация со строительством и использованием нефтепровода Одесса–Броды (на чем страна потеряла сотни миллионов долларов), затянувшееся решение проблемы делимитации украинско-российской границы в районе акватории Азовского моря и Керченского пролива и др.

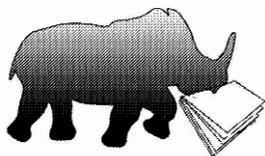
Ознакомление с материалами, приведенными в книге, дает основание говорить, по крайней мере, о недалёковидности украинской дипломатической службы при решении важных вопросов, касающихся государственных интересов страны в этом регионе, в частности, о непоследовательности и неуверенности курса в отношении Молдовы, Приднестровья. Это показано на примере того, как решался вопрос о корректировке границы между Украиной и Республикой Молдова, к чему привело заключение соответствующего договора. К слову, в соответствии с Конституцией Украины такие вопросы должны решаться на Всеукраинском референдуме, чего сделано не было. Непоследовательная позиция украинского руководства относительно возрождения судоходства на украинском участке Дуная – строительства глубоководного судоходного хода Дунай–Черное море по устью Быстрое, которое необоснованно останавливалось правительством Ю.В. Тимошенко, привела к фактическому устранению Украины с рынка транспортных услуг на этом участке международных коридоров и к потере огромных средств. Такие ошибки тем более непростительны, если учесть, что в этом регионе имеются как огромные неиспользованные возможности, так и острые экономические, экологические и социальные проблемы.

Непродуманная политика центральных властей в Приднестровье несет в себе реальную угрозу национальным интересам Украины. Есть сложности в отношениях с Румынией, связанные, в частности, с определением принадлежности острова Змеиный и прилегающего к нему нефтегазоносного континентального шельфа. Авторы отметили, что ситуация, в которой оказалась Украина, стала следствием недалёковидной и безответственной политики властей, проводившейся на протяжении последних двух лет. В итоге румынской стороне не надо прилагать практически никаких усилий, все делают украинские патриоты. То, как проводится украинская политика в Черноморском регионе, лишь раз показывает, к чему ведет односторонняя ориентация внешнеполитического курса страны.

Исследование, проведенное авторами книги «Черноморский узел», показывает, что причерноморским странам не удалось пока наладить механизм взаимодействия. Каждая из стран продолжает претендовать на роль лидера в Черноморском регионе, забывая об интересах своих соседей. Это не только снижает вероятность межрегионального сотрудничества, но и провоцирует раздор и нестабильность в регионе.

В свете членства Румынии и Болгарии в НАТО и в ЕС создается новая региональная модель взаимодействий, делаются попытки создать новую структуру региональной безопасности. Черноморский регион стал ареной столкновения противоборствующих интересов и устремлений различных стран, международных организаций, промышленных холдингов и компаний. От того, насколько причерноморским странам и внерегиональным государствам удастся найти взаимоприемлемые механизмы сотрудничества, будет зависеть и то, превратится Черное море в фактор объединения стран или будет служить яблоком раздора.

Фидель Кастро Диас-Баларт. Ядерная энергия: угроза окружающей среде или решение энергетической проблемы XXI века? Пер. с исп. Н.А. Ефимова. М.: Наука, 2008. – 325 с.

Что представляет собой ядерная энергия? Сможет ли она решить проблемы, стоящие перед человечеством, или, наоборот, приведет к его гибели? Могут ли ядерные технологии применяться в медицине, сельском хозяйстве, пищевой промышленности и других отраслях? На эти непростые вопросы пытается найти ответы в своей книге советник по науке Государственного совета Республики Куба д-р Кастро Диас-Баларт.

В основу книги легла работа автора, изданная на испанском языке 10 лет назад и только сейчас вышедшая в свет на русском. Несмотря на это, книга не утратила своей актуальности и на фоне *ядерного ренессанса* вызывает еще больший интерес. Работа раскрывает довольно широкую проблематику, связанную с деятельностью человечества в области атомной энергетики, при этом затрагиваются как технические, так и политико-экономические аспекты данной проблематики.

Особое внимание автор уделяет безопасности ядерных реакторов и мерам, которые принимаются рядом стран в этом направлении. В частности, д-р Кастро Диас-Баларт проводит анализ аварий в атомной промышленности (инцидент на АЭС в Три-Майл-Айленде и Чернобыльская катастрофа) и показывает, каким образом подобные случаи стимулировали укрепление безопасности и надежности эксплуатации АЭС. Приведенная в книге статистика несчастных случаев на различных видах производства показывает, что атомная отрасль не столь опасна, как ее преподносят сторонники антиядерного движения.

В своей книге д-р Кастро Диас-Баларт не только исследовал возможность использования ядерной энергии для решения энергетических проблем, но и показал возможность применения ядерных технологий в других областях. Так, наиболее известной сферой является медицина. На сегодняшний день радиоизотопы используются в терапии и диагностике, а также при стерилизации медицинских инструментов и препаратов. Широко известно применение радиоизотопов при лечении онкологических заболеваний.

Комплексный подход автора к проблематике атомной отрасли позволяет также подробно остановиться на рассмотрении программы развития ядерной энергетики Кубы, что представляет интерес по двум причинам. Во-первых, д-р Кастро Диас-Баларт является непосредственным представителем кубинского политического истеблишмента, и его взгляд во многом отражает позицию государства в целом. Во-вторых, Куба стала одной из первых развивающихся стран, начавших реализовывать мирную атомную программу. Начало кубинской ядерной программе было положено еще в 1950-х гг., когда Куба стала одной из многих стран, с которой США подписали соглашение в рамках программы «Атом для мира». Толчком к дальнейшему развитию кубинской атомной промышленнос-

Е
Ы
И
Ж
В
О
К

Более подробно с новыми поступлениями библиотеки ПИР-Центра Вы можете ознакомиться в разделе «Библиотечные новинки» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/library>

ти стало соглашение 1976 г. с СССР о строительстве АЭС. С этого момента советско-кубинское атомное сотрудничество играло важную роль в отношениях между двумя государствами.

Минусом книги является то, что до российского читателя она дошла лишь спустя 10 лет с момента написания и многие новейшие аспекты столь ин-

тенсивной отрасли, как атомная, не находят в ней отражения. Тем не менее, книга представляет интерес в качестве примера позитивного подхода к атомной энергетике в историческом разрезе.

Елена Гелескул

Майоров М.В. Миротворцы. Из опыта российской дипломатии в посредничестве. – М.: Международные Отношения, 2007. 160 с.

«А что учинится между нами, князьями, каково дело – ино съедутся на рубеж, да меж нас поговорят, а не уговорятся, ино едут на третьего...» – говорилось в договоре великого князя Московского и Владимирского Дмитрия Донского с великим князем тверским Михаилом Александровичем в 1368 г. – яркий исторический пример того, что дипломатия имела место во все времена.

История учит, что нужно стремиться к одному способу урегулирования конфликтов – решению всех спорных вопросов за столом переговоров на основе компромиссов. Книга «Миротворцы» известного российского дипломата М.В. Майорова, который на протяжении многих лет был связан с проблемами международных конфликтов, рассказывает об истории дипломатии в нашей стране.

Книга разбита на три исторических периода, в каждом из которых рассказывается о посредничестве и роли России в разрешении международных конфликтов: история посредничества до 1917 г., после 1917 г. и миротворчество со стороны России в 1992–2004 гг. Автор проводит нас по всему историческому пути России, указывая на зарождение, становление и развитие миротворчества и дипломатии с самых древних времен.

Русский историк С.М. Соловьев считал, что еще в IX в. «варяги – первые купцы, первые посредники между Северной и Южной Европой и Азией, между славянскими племенами и греками, они же главным образом посредничают и при введении христианства в Русь». Россия не только принимала посредничество других стран для урегулирования своих конфликтов, но и сама играла далеко не второстепенную роль на мировой сцене, о чем свидетельствует, к примеру, заключенный при успешном посредничестве России Тешенский договор между Австрией и Пруссией, погасивший разгорающийся конфликт из-за так называемого *баварского наследства*. В XVIII в. уже имеются и признаются две устойчивые формы участия в переговорах: посредничество и *добрые услуги*, но международно-правовое оформление они получают только в 1899 г. в Конвенции, принятой на Гаагской конференции. Тот факт, что именно Россия выступила с проектом созыва Гаагской конференции – Первой конференции мира, подтверждает значение России в мировой дипломатии.

В разделе истории отечественной дипломатии после 1917 г. автор знакомит нас с оказанием Россией *добрых услуг* для урегулирования индо-пакистанского вооруженного конфликта. Ключевую роль здесь сыграл председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин, который «буквально метался между двумя руководителями, всячески уговаривал, убеждал и убедил в конце концов». Результатом нашей дипломатической операции явилось подписание Индией и Пакистаном Ташкентской декларации, которая предусматривала меры по ликвидации последствий конфликта, возобновление нормальной деятельности дипломатических представительств, обсуждение мер по восстановлению между Индией и Пакистаном экономических и торговых связей. Этот и другие успешные приме-

ры дипломатии должны показать всему миру, что молчание – золото, а слово, заставляющее замолчать пушки, остановить танки, прекратить военные действия, бесценно.

После распада Советского Союза все внимание России направлено на урегулирование конфликтов на постсоветском пространстве. Взгляд автора на эти проблемы интересен еще и тем, что сам он с конца 1995 г. являлся непосредственным участником карабахского урегулирования, а в июне 1996 г. стал официальным представителем МИД России по урегулированию грузино-осетинского конфликта. Кроме того, на протяжении 1996–2003 гг. автор прямо или косвенно привлекался к действиям российской дипломатии по урегулированию конфликтов в Абхазии и Приднестровье. Накопленный исторический и теоретический багаж, приобретенный практический опыт нашли свое отражение в ряде публикаций по вопросам деятельности отечественной дипломатии в урегулировании конфликтов. Они и составили основу настоящей работы. Нам дана уникальная возможность взглянуть на сложные и неоднозначные ситуации в грузино-осетинском, приднестровском, грузино-абхазском, карабахском конфликтах. В качестве приложения и яркой иллюстрации к книге приводятся основополагающие документы по урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве.

В заключительной главе приводятся методика и практика посредничества с описанием структуры, видов и организации переговоров, качеств посредника. Все это сопровождается историческими примерами. Интересна эта книга будет как молодым специалистам, так и всем, кто интересуется историей, а главное, будущим своей страны.

Юлия Иванова

Togzhan Kassenova. From Antagonism to Partnership: The Uneasy Path of the U.S.-Russian Cooperative Threat Reduction. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2007. 354 p.

Работа Тогжан Касеновой «From Antagonism to Partnership: The Uneasy Path of the U.S.-Russian Cooperative Threat Reduction» вышла в рамках международного европейского проекта «Советская и постсоветская политика и общество».

Данное исследование посвящено реализации Программы совместного уменьшения угрозы, ее потенциалу с точки зрения инструмента стратегического сотрудничества и основано на сравнительном анализе российских и американских подходов к этой программе. При этом тема монографии охватывается комплексно – от сферы двусторонних отношений России и США до механизмов принятия решений в этих странах.

Отдельными блоками в контексте изучения Программы совместного уменьшения угрозы автор рассматривает вопросы предотвращения распространения ядерных материалов с территории России и других бывших советских республик (главным образом, Украины и Казахстана). Также исследователь касается проблем человеческого фактора в ходе сокращения российского атомного комплекса, и в первую очередь, проблемы закрытых городов, таких как Железнодорожск, Саров, Снежинск.

Обращают на себя внимание выводы автора. Так, одно из главных препятствий на пути реализации Программы совместного сокращения угрозы Тогжан Касенова видит в бюрократических институтах России и Соединенных Штатов, имеющих собственные интересы как относительно ядерных стратегий своих государств, так и сотрудничества двух держав в области разоружения. В свою очередь, это формирует спектр возможных сценариев в российско-американских взаимоотношениях: полное разоружение, совместная денуклеаризация (до низких уровней арсеналов), стратегическое сокращение вооружений (продолжение договоров СНВ) либо стратегическая конфронтация.

Автор признает, что сценарий полного ядерного разоружения представляется нереальным в ближайшие десятилетия, оставляя открытым вопрос о мерах по адаптации ядерных арсеналов к изменившимся условиям мировой политики и современных вооруженных конфликтов. В связи с этим конечная точка Программы и, более широко, итоговая цель контроля вооружений и стратегических сокращений останется неизвестной. Однако, в целом, Программа совместного сокращения угрозы, по мнению Тогжан Касеновой, имеет

Е
Ы
И
Ж
И
О
Х

все шансы сыграть роль эффективного связующего звена на пути фундаментального и пока не завершеного перехода от старого международного порядка и старого мышления [old-thinking] к новому порядку, который начал складываться после холодной войны.

Следует отметить, что представленная монография снабжена солидным объемом таблиц и графических материалов, наглядно отображающих и систематизирующих данные, необходимые для исследования.

Павел Лузин

Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Евразии. Отв. ред. Г.Д. Агафонов. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2007. 182 с.

Данная работа является частью научного проекта Института Дальнего Востока, освещающей стратегическую ситуацию в Восточной Евразии, а также влияние ведущих государств мира и восточноевразийских региональных держав на ее формирование. Проблематика работы достаточно широка и включает как вопросы классической безопасности, так и проблемы новых вызовов в регионе.

Привлекает в книге, прежде всего, само выделение Восточной Евразии в качестве особого региона. Такое выделение напрямую связано с созданием и расширением Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), объединяющей ряд крупнейших по территории и численности населения государств трех регионов Азии (Восточного, Центрального и Южного). Так называемое пространство ШОС начинает сегодня получать обозначение Восточной Евразии. Отличие этого региона от Азии в том, что она не включает Ближний и Средний Восток, но дополняется европейской частью России.

Особое внимание в работе уделено анализу ситуации в регионе и прогнозу ее развития в основных узлах противоречий, которые носят как межгосударственный, так и внутриполитический характер. При анализе современной ситуации авторы используют комплексный подход, позволяющий рассмотреть наибольшее количество факторов, влияющих на обстановку, среди которых население, национальный состав, вероисповедание, ВВП, численность вооруженных сил, военный бюджет и военные расходы стран региона, наличие в странах иностранной военной помощи, влияние мировых и региональных держав, участие в работе региональных организаций, таких как ШОС, Азиатский региональный форум, Совет по сотрудничеству в области безопасности в АТР, Конференция по взаимодействию и укреплению доверия в Азии.

Прогноз развития региона в основных узлах противоречий строится на основе анализа ситуации в историческом и современном контексте. Положение дел на Корейском полуострове, тайваньская проблема, обстановка в Афганистане, территориальные и морские споры в регионе, проявление экстремизма и терроризма, основанного на этнических, религиозных и политических противоречиях, – все это находит отражение на страницах данной монографии.

Основные выводы, полученные в ходе исследования и отраженные на страницах представленной монографии, предполагается использовать во второй части проекта, посвященной возможным направлениям взаимодействия России с Китаем и другими партнерами в рамках Шанхайской организации сотрудничества, направленным на повышение стабильности развития региона и обеспечения безопасности в Восточной Евразии.

Евгений Петелин

Nayef R.F. Al-Rodhan. Symbiotic Realism: a theory of international relations in an instant and interdependent world. Lit Verlag, 2007. 157 p.

Сегодня в мире разработано большое количество теоретических подходов к пониманию системы международных отношений, авторы которых пытаются объяснить происходящие в мире процессы. Однако сделать это в полной мере не может ни один – слишком

сложна и многогранна система международных отношений, чтобы ее можно было однозначно объяснить в рамках той или иной концепции. Поэтому по мере изучения происходящих в мире процессов разработанные ранее подходы устаревают, а им на смену приходят новые подходы. Об одном из них, а именно о *симбиотическом реализме*, рассказывается в представленной книге.

Симбиотический реализм определяется как теория отношений в глобально-анархичном мире в условиях постоянной взаимосвязи и взаимозависимости. Предлагаемая автором концепция международных отношений как учитывает недостатки уже существующих концепций (реализм, неореализм, либерализм, неолиберализм, конструктивизм и т.д.), так и отражает происходящие в мире изменения и процессы (глобализация, развитие технологий, миграция и т.д.).

В отличие от классического реализма, считающего только суверенные государства акторами международных отношений, в предлагаемой концепции список акторов был значительно расширен. Наряду с государством в него были включены такие ранее недооцениваемые или игнорируемые элементы, как индивид, крупные объединения людей, международные организации, транснациональные корпорации, окружающая среда, женский фактор, природные ресурсы, информационные и коммуникационные технологии.

Для более глубокого понимания характера взаимоотношений, возникающих между этими акторами, а также происходящих в рамках мировой системы процессов в рамках концепции были выделены четыре взаимосвязанных движущих силы глобальной системы: человеческая природа, мировая анархия, взаимозависимость и мгновенная связь.

Представляется интересным, что в рамках концепции рассматриваются такие важные вопросы, как гендерный, изменение климата, доступ к природным ресурсам (действительно ли доступ к ним ограничен?), культура (взаимопроникновение различных культур), развитие информационных технологий (мгновенная связь).

Предлагаемая читателям книга, без всякого сомнения, является результатом большой теоретической работы и вносит весомый вклад в развитие теории международных отношений.

Александр Плугарев

Ely Karmon. Iran–Syria–Hizballah–Hamas: A coalition against nature. Why does it work? Center for Strategic Leadership, U.S. Army War College, Carlisle Barracks. Pennsylvania, 2008. 137 p.

Россия возвращается к активному включению в решение ключевых мировых проблем. В настоящее время, когда необходимо сосредоточиться на проблеме ядерного нераспространения на Ближнем Востоке, проблеме, содержащей угрозы и для России, следует понимать расстановку сил на международной арене, чтобы четко позиционировать себя в вопросах, касающихся национальной безопасности.

С начала 1990-х гг., после войн в Афганистане и в Ираке, уместно говорить о формировании новой силы, играющей важную роль в мировой политике. Она представлена коалицией ИСХХ: Ирана, Сирии, *Хизбалла* и ХАМАСа, окончательно сложившейся к началу XXI в. Почему стал возможным союз между шиитским теократическим режимом Ирана и светской Партией арабского социалистического возрождения (ПАСВ, партия Баас) в Сирии, где большинство населения сунниты; между секулярным режимом Сирии и шиитской организацией *Хизбалла* (при наличии у Сирии естественного противника в лице шиитской партии *Амаль* в Ливане)? Почему, пока в Ираке идут яростные бои между суннитами и шиитами, ХАМАС, ответвление суннитской организации *Братьев-мусульман*, Сирия и *Хизбалла* находят пути к сотрудничеству? Данная книга, являющаяся монографией ведущего израильского специалиста по международному терроризму д-ра Эли Кармона, старшего научного сотрудника Института по борьбе с терроризмом [International Institute for Counter-Terrorism] и Междисциплинарного центра Герцлии [Interdisciplinary Center, Herzliya], объясняет истоки этого противоестественного союза. В книге показано, как складывался квартал ИСХХ и как развивались взаимоотношения членов коалиции в различные периоды ее существования. Автор объясняет идеологию

Е
Н
Ы
К
Н
Ж
Н
В
Н
О
К
Н

и стратегию ХАМАСа («ислам как решение и альтернатива») и *Хизбаллы* (создание исламского государства в Ливане), Ирана (махдизм, *геополитика ислама* и *экспорт революции*), поддержка радикальных элементов вплоть до Филиппин и Боснии и Герцеговины) и Сирии (идея *Великой Сирии* и арабского национализма, препятствие мирному урегулированию). Необходимость противостоять международному давлению США, стран Европы и Израиля, близость некоторых аспектов идеологии, отсутствие моральных ограничителей в применении тактик террористических атак и подрывной деятельности, наличие определенного лидера в лице Тегерана являются основой для формирования альянса. Несмотря на свою противоестественность, союзу ИСХХ удалось достичь определенных успехов на международной арене: поощряя деятельность баасистских и исламистских инсургентов в Ираке и предотвращая усиление страны, коалиции удается ограничивать свободу действий Соединенных Штатов в регионе; отдельные члены коалиции (такие как Сирия, *Хизбалла*) сохраняют свое влияние в Ливане, палестино-израильский процесс мирного урегулирования практически парализован; оказывается существенная поддержка террористической инфраструктуре.

Автор рассматривает западные стратегии в борьбе с влиянием *оси дестабилизации* и приходит к выводу, что успехи коалиции ИСХХ во многом стали следствием недостатка стратегического видения, политической воли и, как результат, неэффективных анти-террористических стратегий стран Запада. Д-р Кармон делает предположения относительно сценариев будущего альянса ИСХХ и анализирует факторы, которые могут повлиять на единство его членов. Именно слабость звена Иран–Сирия представляется автору уязвимым местом коалиции.

Интересным представляется тот факт, что поддержка Ираном *Хизбаллы* сокращалась в 1990-е гг. в связи с изменением ситуации в Ливане (окончание гражданской войны), а также в связи с введением санкций.

Кроме того, по мнению автора, именно Сирия, не Иран, оказывала наиболее важную поддержку *Хизбалле*, особенно в ее борьбе против Израиля (координационная поддержка, тяжелое вооружение, политическое давление на Бейрут).

Отдельно в книге выделяется проблема иранской ядерной программы, угрозы, связанные с ее развитием, возможности ответа Ирана на недипломатические пути решения проблемы. Автор подчеркивает существование угрозы попадания ядерного оружия в руки радикалов в иранском правительстве или в руки террористов, а также подъема волны экстремизма в мусульманском мире в случае атаки на Иран. Израильский специалист отводит не последнюю роль в разрешении конфликта России, подчеркивая, что именно благодаря российской поддержке ужесточения позиций по отношению к Ирану на первом саммите G-8 в июне 1995 г.¹ резко, хотя и временно, сократилась поддержка Тегераном международного терроризма. В то же время автор замечает, что негативную роль в решении проблемы играют трения США и России по важным стратегическим вопросам.

Книга будет интересна как для тех, кто занимается Ближним Востоком, так и для массового читателя, желающего разобраться в вопросах ближневосточного урегулирования. Монография отличается информативностью в сочетании с емкостью изложения. В ней присутствуют личностные, критические оценки автора. Тем не менее, обилие сносок и исторических фактов придает книге солидную фактическую обоснованность.

Оксана Скопич

Примечание

¹ Автор имеет в виду саммит в Галифаксе, который официально проходил в формате G7+1. Официально «Большая семерка плюс один» стала «Большой восьмеркой» в 1998 г., когда Россия получила формальное право полноправного участия.

РЕНЕССАНС АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ И ПРОБЛЕМЫ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

Главному редактору:

Индекс Безопасности посвятил целый номер (№ 2 (85), Лето 2008) вопросам *ренессанса* атомной энергетики. Это – важная тема сегодня и для России, и для международного развития.

Один из нас уже имел возможность высказать некоторые свои соображения в ходе круглого стола, результаты которого были опубликованы в указанном номере¹. И, тем не менее, как видно по прочтении *атомного* номера *Индекса Безопасности*, целый ряд вопросов развития атомной энергетики в мире, критически важных с точки зрения международной безопасности и, в частности, режима нераспространения ядерного оружия, оказался недостаточно освещенным.

Убеждены, что в связи с ожидаемым *ренессансом* атомной энергетики актуальным становится развитие **нового подхода** к решению проблемы нераспространения.

Для смягчения энергетической напряженности необходимы кардинальные изменения в объемах использования ядерных мощностей. Должны произойти существенные изменения роли и места атомной энергетики в энергетическом балансе многих стран мира. Достаточно сказать, что, по нашим оценкам, к середине XXI в. общий мировой объем действующих ядерных мощностей увеличится более чем в пять раз.

В дискуссии на страницах журнала мы уже отмечали, что такие изменения в развивающейся атомной энергетике могут привести к большей доступности ядерных материалов и повышению риска распространения ядерных технологий и материалов и, в конечном счете, ядерного оружия. Для предотвращения этого необходимо разработать новые подходы и внедрить дополнительные меры, обеспечивающие, по крайней мере, сохранение риска на его нынешнем уровне. Очевидно, что эти меры необходимо разрабатывать и применять во всех сферах, обеспечивающих режим нераспространения: **политической, институциональной, технической.**

Наиболее сложной для предсказания появления возможных изменений и выработки оптимальных предложений по решениям представляется политическая сфера. Кажется вполне убедительным, что на современном этапе никакие институциональные и технические меры (за исключением, быть может, военных), принимаемые на международном уровне, не могут предотвратить создание ядерного оружия более или менее развитым отдельным государством, если это государство приняло соответствующее политическое решение. При этом даже отсутствие атомной энергетики в таком государстве не может быть гарантией от риска ядерного распространения. В настоящее время с уверенностью можно утверждать только, что снятие политических мотиваций отдельных стран к обладанию ядерным оружием является эффективным средством предот-

вращения горизонтального распространения ядерного оружия, т.е. ограничения числа стран, обладающих таким оружием.

Одним из факторов решения или облегчения политической составляющей угрозы распространения представляется возможно более широкое вовлечение стран в осуществление институциональных и технических мер международного режима нераспространения ядерного оружия.

В современных условиях приходится учитывать, что при росте мировой ядерной энергетики, сопровождаемом ростом оборота ядерных материалов и широкой доступностью ядерных материалов, технологий и специальных знаний, отдельного рассмотрения заслуживают возрастающие угрозы появления ядерной составляющей международного и субнационального терроризма.

Следует различать два случая. Террористическая организация пользуется поддержкой какого-либо государства, или же она действует совершенно самостоятельно в тайне от всех государств. В первом случае должны приниматься те же меры, что и при угрозе горизонтального распространения по *государственной* линии. Во втором случае институциональные и технические меры могут быть использованы весьма эффективно.

При рассмотрении угрозы ядерного терроризма следует иметь в виду высокую вероятность того, что для достижения террористических целей достаточно создания одной или нескольких *простейших* ядерных бомб, в то время как государственные цели, скорее всего, должны быть направлены на создание некоторого арсенала более или менее совершенных транспортабельных ядерных взрывных устройств. Усилия террористических групп могут быть также направлены на создание так называемой *грязной* бомбы или на разрушение радиоактивно-опасного объекта с помощью обычного оружия, чтобы вызвать сильное радиоактивное заражение местности.

Чтобы меры и действия, принимаемые для снижения риска распространения, не носили случайный и *догоняющий* характер, следует проводить постоянные исследования как существующих угроз режиму нераспространения, так и тех, которые могут возникнуть в условиях широкомасштабного развития атомной энергетики. Базой таких исследований должен быть системный анализ развития атомной энергетики с выявлением и оценкой факторов, влияющих на риск распространения.

К таким факторам, прежде всего, относятся:

- увеличение объемов ядерных мощностей;
- рост числа стран, использующих ядерную энергию;
- рост числа атомных станций, в том числе региональных атомных станций малой мощности;
- рост количества и числа типов предприятий топливного цикла;
- увеличение объемов оборота и транспортных потоков ядерных материалов;
- разнообразие типов используемых ядерных реакторов, в том числе использование реакторов-бридеров;
- расширение технологических областей применения ядерных реакторов;
- внедрение в ядерный топливный цикл переработки и рецикла ядерного топлива;
- увеличение объемов радиоактивных отходов (РАО).

Такой системный анализ должен лечь в основу подготовки рекомендаций по конкретным мероприятиям укрепления режима нераспространения. Очевидно, что такие рекомендации должны будут вырабатываться на основе компромисса, т.е. путем сопоставления выгоды, получаемой от наращивания ядерных мощностей для решения задач энергетической безопасности, и того ущерба, который может быть нанесен обществу, если не принять меры по повышению устойчивости ядерной энергетической системы к распространению.

В результате компромиссного анализа могут быть выявлены перспективные концепции развития широкомасштабной атомной энергетики и предложены политические, институциональные и технические рекомендации, способствующие укреплению режима нераспространения.

Для повышения надежности рекомендаций, вырабатываемых при решении задачи «энергетическая безопасность – риск распространения», необходимо иметь инструмент, позволяющий проводить сравнительную количественную оценку риска распространения при реализации тех или иных решений. В настоящее время при выработке решений по проблеме нераспространения установилась практика использования качественных критериев, выработанных в период сорокалетней давности при соответствующем уровне развития ядерных технологий, их стоимости и доступности, а также при существовавшей в то время системе международных отношений.

Развитие ядерных технологий, рост их доступности как за счет относительного снижения их стоимости на постоянно развивающемся международном рынке, так и из-за снижения уровня их секретности коренным образом изменили ситуацию. Появление и развитие некоторых ядерных технологий, например внедрение центрифуг для производства обогащенного урана, имели революционное влияние на соотношение рисков распространения, связанных с использованием различных технологий.

Это говорит о том, что относительная опасность (мера риска) различных ядерных технологий и даже видов ядерных материалов с точки зрения их опасности для распространения должна постоянно отслеживаться и оцениваться международными экспертами, а рекомендации по мерам противодействия распространению постоянно модернизироваться.

Представляется, что следовало бы стремиться к тому, чтобы создать методологию количественной оценки риска в вероятностной терминологии, подобную той, которая была сформулирована в 1970–1980-х гг. применительно к оценкам ядерной и радиационной безопасности ядерных установок, в результате чего в настоящее время количественные оценки риска являются действенным инструментом сравнительной оценки и выбора ядерных установок по критериям технической безопасности.

Однако оценки риска в области нераспространения существенно отягощены политической составляющей, вследствие чего остаются объектом политических спекуляций или сохраняются на основе старых политических решений, принятых в других политических условиях и на другом уровне развития ядерных технологий.

Некоторое время назад нами был предложен метод количественной оценки риска, основанный на статистической обработке экспертных оценок. Этот метод позволил на примере сравнения рисков скрытного создания оружейного ядерного устройства при несанкционированном переключении ядерных материалов различного типа предсказать уязвимые места в существующем механизме обеспечения режима нераспространения.

Представляется, что было бы целесообразно реализовать проект с условным названием Методология количественного анализа рисков распространения ядерных материалов и технологий атомной энергетики в условиях расширения географии, областей использования и разнообразия потребителей, а также с учетом внедрения инновационных ядерных технологий реакторов и топливного цикла.

Созданный в результате осуществления такого проекта инструмент количественного анализа риска возможно и необходимо было бы использовать в следующих направлениях:

- для подготовки институциональных решений, нацеленных на решение проблем нераспространения ядерного оружия, материалов и технологий на новом этапе развития ядерной энергетики;
- для сравнения по признаку риска распространения инновационных проектов ядерных реакторов и топливного цикла.

Уже на данном этапе с применением полученных оценок риска могут быть сформулированы некоторые рекомендации в отношении особенностей инновационных ядерных топливных циклов, создающих наименьший риск распространения ядерного оружия. Например:

- всемерное снижение уровня доступности, производства и потребления низкообогащенного урана (НОУ), в том числе путем перехода на высокотемпературную ядерную энергетику с большим КПД теплового цикла АЭС;
- переработка облученного топлива реакторов с целью применения смешанного уран-плутониевого топлива без разделения урана и плутония в технологической цепи переработки и изготовления топлива;
- применение тория как исходного ядерного материала, не создающего непосредственный риск распространения;
- придание исходному ядерному топливу свойств самозащищенности за счет включения в его состав осколков деления в нормируемых количествах.

Кроме того, требуется проведение значительной работы с использованием количественного анализа риска для оценок и оптимизации различных институциональных решений, предлагаемых для предстоящего этапа широкомасштабного развития ядерной энергетики. К таким работам в первую очередь относятся:

- разработка концепции международных центров ядерного топливного цикла, нацеленных на снижение риска распространения путем выполнения под международным контролем операций в наиболее уязвимых с точки зрения распространения звеньях топливного цикла: обогащение урана, банк НОУ, производство и поставка топлива, хранение отработавшего ядерного топлива (ОЯТ), переработка ОЯТ, рецикл топлива;
- в перспективе это ядерные энерготехнологические центры воспроизводства топлива, выжигания актинидов и, возможно, производства водорода с помощью ядерных реакторов и поставка его нуждающимся странам, не подготовленным к использованию атомной энергетики;
- лизинг ядерного топлива, лизинг ядерно-энергетических установок;
- внедрение в практику контроля и регулирования инновационных подходов и методов мониторинга ядерных материалов, реакторов и технологий топливного цикла;
- внедрение в практику международного регулирования и контроля глобального дистанционного мониторинга ядерных материалов на всех этапах заявленной ядерной деятельности;
- обоснование требований к снижению объемов и потоков циркуляции опасных ядерных материалов во всех звеньях топливного цикла и сокращению количества делящихся материалов, находящихся в хранилищах в выделенном или связанном состоянии;
- категорирование ядерных материалов и технологий топливных циклов по степени привлекательности;
- регулирование технологий, повышающих риск распространения;
- оценка опасности *грязной* бомбы и регулирование обращения с радиоактивными продуктами деления и актинидами;
- правило комплектации ядерных объектов системами нераспространения (контроль и учет, физическая защита и т.д.) на стадии разработки проекта ядерных предприятий;
- регулирование распространения знаний в области ядерных технологий в сфере чувствительной информации;

- анализ ядерного экспортного контроля на основе количественных оценок риска распространения;
- разработка концепции объединенного режима обеспечения нераспространения, основанного на гарантиях МАГАТЭ и многосторонних подходах к организации ядерного топливного цикла (ЯТЦ).

Следует отметить, что одновременно с развитием новых ядерных технологий и увеличением масштабов использования ядерной энергии, что в целом затрудняет осуществление контроля в интересах борьбы с ядерным распространением, возникают и новые методы наблюдения за использованием ядерных установок и сохранностью ядерных материалов.

Среди таких методов, существенно повышающих эффективность контроля и существенно снижающих его стоимость, в первую очередь необходимо иметь в виду компьютерно-телевизионный дистанционный мониторинг. В настоящее время различные системы такого мониторинга прошли испытания в полевых экспериментах (в том числе в российско-американском эксперименте с участием *Курчатовского института*).

Можно с уверенностью говорить о необходимости внедрения в практику международного регулирования и контроля глобального дистанционного мониторинга ядерных материалов на всех этапах заявленной ядерной деятельности. Обязательное использование такого инструмента для мониторинга количеств и перемещений делящихся и радиоактивных веществ на всех этапах топливного цикла должно быть нацелено на предотвращение наработки и несанкционированного использования ядерных материалов, включая оценку обнаружения возможного их хищения, в том числе при транспортировке.

Возвращаясь к использованию количественного анализа риска, следует отметить, что с его помощью должны рассматриваться и задачи в сфере инновационных проектов ядерных реакторов и технологий топливного цикла с целью выработки рекомендаций по системе критериев оценки ядерных технологий с позиций снижения риска распространения. Здесь также можно отметить ряд первоочередных задач:

- анализ структуры и элементов ядерной энергетики и топливного цикла по признакам риска распространения, соотношение реакторов на быстрых и тепловых нейтронах, замкнутый топливный цикл с переработкой, сепарацией и рециклом актинидов и продуктов деления;
- экспертные оценки риска распространения при внедрении инновационных проектов и нетрадиционных технологий ядерной энергетики. Требования к инновационным ядерным технологиям: реакторы с расширенным воспроизводством топлива, технологии замкнутого топливного цикла (переработка, сепарация, рецикл, обращение и изоляция радиоактивных отходов, РАО); ядерные установки для децентрализованных потребителей;
- требования и пути реализации минимизации равновесных количеств радионуклидов в атомной энергетической системе и объема РАО;
- анализ риска распространения при хранении ОЯТ, при обращении с радиоактивными продуктами деления и актинидами и при захоронении РАО;
- условия и требования к окончательной изоляции РАО;
- развитие технологий и конструкций, обеспечивающих внутреннюю защищенность опасных ядерных материалов, в частности, топливо со сниженным риском распространения;
- комплексная система физической защиты, контроля, учета и дистанционного мониторинга для АЭС и других объектов топливного цикла;
- разработка инновационных методов мониторинга ядерных материалов, реакторов и технологий замкнутого топливного цикла;

- компьютеризированная система контроля и учета ядерных материалов, основанная на мониторинге и детектировании ядерных материалов.

Исследования в этих направлениях, нацеленные на разработку новых подходов к обеспечению гарантий нераспространения ядерного оружия, материалов и технологий, являются таким же необходимым компонентом обоснования безопасного развития крупномасштабной атомной энергетики, как и работы по обоснованию ее ядерной и радиационной безопасности.

Хотели бы, чтобы наши тезисы и предложения нашли свое обсуждение и на страницах журнала, и в ходе встреч Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

Николай Пономарев-Степной
вице-президент
Владимир Сухоручкин
советник директора
РНЦ Курчатовский институт
пл. Курчатова, д. 1
г. Москва, 123182, Россия

Примечание

¹ См.: Круглый стол «Ядерный ренессанс: российская специфика и глобальный контекст». *Индекс Безопасности*. 2008, № 2. С. 127–140.

SUMMARY

FROM THE EDITOR

- 7 **On Competition.** «Windows of opportunity for the US-Russian strategic dialogue with Obama's victory are opening – possibly, slightly, but still... One should use the momentum wisely, without rushing to make 'good' decisions as we should avoid copying mistakes of the past into this new page of bilateral relations», writes Editor-in-Chief of the *Security Index* journal Vladimir Orlov. «US-Russian relations are still full of competition, much more than of true partnership. And it will be so for the future. Medvedev and Obama may become partners, even friends, but they will still be competitors. Russia should be prepared for that as well as for its new role in the global competition. So far, Russia speaks strongly but act poorly to prove its new leadership position and its right to be in the finals».

INTERVIEWS

- 11 **Konstantin Kosachev: «We Should Define Russia Today, its Role in the World.»** In his interview with *Security Index*, Chairman of the State Duma Committee for Foreign Affairs analyzes the changes in Russian strategy and its vision of global developments, including new approaches towards the post-Soviet space. «As far as the national idea is concerned, it is important for Russia to be a successful nation. We are yet to achieve the status of a competitive country, to become a nation that exists not only because of huge natural resources, but a nation that can be more capable intellectually than any other state,» he maintains.
- 21 **Daniel Russel: «From the Era of Nuclear Rivalry to Nuclear Partnership.»** – Editor of the *Security Index* (International Edition) Dmitry Polikanov interviews a senior U.S. diplomat in Moscow Daniel A. Russel on the prospects of the 123 Agreement between Russia and United States, which «offers significant benefits to both countries» in the case it will be supported by the U.S. Congress.

ANALYSES

- 25 **Andrey Makarychev, «Security and the Return of the Political: the Critical Debates in Europe.»** – In his thorough analysis of the theoretical paradigm of security, Andrey Makarychev tries to find the place for Russia-Europe relations, which is somehow lost in translation and is troubled with securitization of all aspects of cooperation.

- 41 **Anatoly Diakov, Yevgeny Miasnikov, «Post-2009 SOA Control in Russia and the United States: Space for a Compromise?»** – Russian experts look into approaches of Russia and the United States to strategic arms control. They further assess prospects for reduction of nuclear weapons, analyze possible options for a compromise, and propose a basic framework to replace START Treaty. They predict the extension of START I as a temporary solution before the new agreement is negotiated.
- 55 **Pavel Luzin, «Outer Space: Prospects for Cooperation and Conflicts.»** Junior Russian researcher, as a result of his internship at PIR Center, analyzes the current developments in outer space exploration and weaponization, making particular focus on the U.S. activities in this area. The article also contains a brief critical overview of the Russian efforts in promoting cooperation in outer space, as well as specific policy recommendations.
- 69 **Roland Timerbaev, «The Problem of Security Assurances for Non-Nuclear Weapon States on the Eve of the NPT Review Conference.»** – The forthcoming 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons will again examine the issues that were not resolved when the NPT was drafted. One of the key questions is the provision of security assurances to non-nuclear weapon states. Is a new compromise possible? This is the subject of the article by the Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary and Chairman of the PIR Center Executive Board Roland Timerbaev.
- 83 **Aleksandr Gushcha, Natalia Romashkina, «Missile and Other Space Activities of Developing Nations and International Security.»** – The unprecedented growth of efforts by a variety of countries and organizations to master space resources is making the question of the prospects for developing nations' activities in this area ever more topical. How will the – apparently inevitable – steps that they are undertaking influence international security? This article summarizes the results of a situational (academic) analysis undertaken by the Institute of International Relations at the Moscow Engineering Physics Institute.

R O U N D T A B L E

- 95 **«NATO and Global Security.»** The recent aggravation of Russia's relations with the West has brought questions about the possibility of finding a compromise and new forms of cooperation between Russia and the North Atlantic Treaty Organization (NATO) back to the fore. But is it in Russia's interest to seek such a compromise? Perhaps Russia is dealing with a «paper tiger»? Or, if not paper, then one without teeth? Or is it too early to cross NATO off the list of threats to Russian security and vital Russian interests? What would Georgia and Ukraine's entry into NATO mean for Russia? These questions are addressed to the discussion participants – PIR Center Senior Advisor, Lieutenant General (ret.) Gennady **Evstafiev** and Moscow State University of International Relations (MGIMO) professor Andrey **Zagorsky**.

C O M M E N T A R Y

- 105 **Vladimir Orlov, «Illusions no more: Russia-U.S. Strategic Relationship after the Georgian Crisis.»** – PIR Center's President comments the future of the bilateral Russia-U.S. relations and remaining windows of opportunity, which are not many, especially with regard to the dialogue on nonproliferation and disarmament. He argues that «there is no strategic dialogue any longer. The crisis in Georgia has ruined it. There is *strategic dumbness*, if you wish, or if we try define this gloomy situation in more optimistic terms – *strategic pause*. However, it may last long and may be cut only by strong political will on both sides.»
- 111 **Vadim Kozyulin, «Who is Kenya Arming?»** The seizure of the Ukrainian ship *Faina* by Somali pirates in neutral waters near Kenya drew world attention to more than just the problem of piracy. The situation spurred renewed questions about controlling

conventional weapons and their illegal export. PIR Center Director of Conventional Arms Projects Vadim Kozyulin comments the situation.

113 REVIEWS OF RECENT WORLD EVENTS :
JULY - OCTOBER 2008

114 **Albert Zulkharneev, «The iSi index in July-October 2008: a Summer of a Downfall».** – The world becomes more unstable and this is reflected in the decline of the index. Moreover, during the annual review of its basic value, the experts agreed to make it lower as the planet becomes a less secure place to live. Members of the International Expert Group – Konstantin **Eggert**, Dayan **Jayatilleka**, Zhiye **Ji**, Andrey **Kortunov**, William **Potter**, Abdulaziz **Sager**, and Yevgeny **Satanovsky** – comment the events.

117 **Yury Fedorov, A View by a Russian Liberal: «Black August, or the Return of History.»** – «The summer of 2008 saw several other failures of Russia's foreign policy... [It] was facing the prospect of a systemic and strategic defeat. There were two ways out of the hole it had dug itself in. The first was abandoning the old strategic dogmas. But for Russia's political and bureaucratic elite, that meant admitting its own intellectual bankruptcy. The second way was raising the stakes and taking the escalation even further. Russia chose the second way by invading Georgia...The international system really is beginning to return to the strategic paradigms of the 19th century. And that truly is a sad state of affairs, for after the 19th came a century of two world wars, cruel totalitarian regimes, concentration camps, Hiroshima and Nagasaki.»

133 **Dmitry Evstafiev, A View by a Russian Conservative: «Waiting for the Dawn of Multipolar World.»** – «A multipolar world is not a world in which America has declined and no longer claims the status of the only superpower. It is rather a world in which several international players have the power and the responsibility to undertake and fulfill global commitments. With that in mind, we can hardly claim that what is happening now is the dawn of a multipolar world... So far, not a single country—neither China, nor... Russia— is ready to undertake global geopolitical and geoeconomic commitments...»

HISTORICAL PAGES

145 **Oksana Skopich, «Nahum Manbar and the Israeli-Iranian Arms Trade.»** – Was there military and technical cooperation between Israel and Iran after the Islamic Revolution of 1979? How is an Israeli businessman connected to Iran's chemical weapons development program? Through an analysis of Nahum Manbar's biography and other documents PIR Center intern Oksana Skopich arrives at an affirmative answer.

LIBRARY

153 **Anton Khlopkov, «Something for Everyone: Researchers for Iran, Plutonium for North Korea, Enrichment for Israel.»** – PIR Center Executive Director Anton Khlopkov reviews the book by Vladimir Novikov devoted to *de facto* nuclear weapon states and threshold countries. The book gives a comprehensive analysis of the lacunas in the nonproliferation regime and maintains that a significant role in promoting nuclear weapons development in other countries has been played by the United States, which is responsible, for example, for enormous scientific potential of the Iranian nuclear program.

157 **Anatoly Ushkov, «Troubled Waters of the Black Sea.»** – The book *Black Sea Knot* by renowned Russian experts is one of a few editions giving profound analysis of the situation in the region. The Black Sea area quickly becomes a new geopolitical priority for Russia and the West. The authors try to give a comprehen-

S
U
M
M
A
R
Y

sive view of regional issues, including oil reserves, transportation routes, and frozen conflicts.

NEW BOOKS

- 161 **Elena Geleskul, Julia Ivanova, Pavel Luzin, Evgeny Petelin, Alexandr Plugarev, and Oksana Skopich** – PIR Center research associates and interns provide brief reviews of new receipts by our library.

LETTERS TO THE EDITOR

- 167 **Nikolay Ponomarev-Stepnoi, Victor Sukhoruchkin.** Nuclear Renaissance and Nonproliferation.

SUMMARY

ABOUT THE AUTHORS

PIR CENTER ADVISORY BOARD

SECURITY PUZZLES

- 186 **Nuclear Nonproliferation. Answers.**

SECURITY INDEX CONTENTS
IN 2007/2008

REVIEWERS OF ARTICLES PUBLISHED
IN 2007/2008

FINAL QUOTES

Cov. III **On languages**

Гуца Александр Иванович – полковник, доцент кафедры стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ. Окончил Рижское высшее военно-политическое Краснознаменное училище (командно-инженерный факультет) в 1983 г., Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского (военно-космический факультет) в 1994 г., адъюнктуру на кафедре стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ в 2001 г. Канд. воен. наук. Автор более 70 научных трудов, среди которых «Противоракетная оборона США как дестабилизирующий фактор и возможные пути ее нейтрализации», «Проблемы противоракетной обороны и ведения военной деятельности в воздушно-космическом пространстве» и «Перспективные направления использования Соединенными Штатами Америки космического пространства». Адрес электронной почты: guscha@yandex.ru

Дьяков Анатолий Степанович – канд. физ.-мат. наук, директор Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при Московском физико-техническом институте (МФТИ). В 1972 г. окончил факультет общей и прикладной физики Московского физико-технического института (МФТИ). После окончания аспирантуры в 1975 г. был принят на кафедру общей физики МФТИ. Область научных интересов связана с проблемами контроля над ядерными вооружениями, стратегической стабильности, производством и контролем ядерных делящихся материалов, развитием ядерной энергетики и сохранением режима нераспространения. Автор более 50 публикаций, в том числе «Противоракетный фронт на севере Норвегии» (Независимое военное обозрение, 2000, № 7), «ReSTART: The Need for a New U.S.-Russian Strategic Arms Agreement» (*Arms Control Today*, 2006, September). Адрес электронной почты: diakov@armscontrol.ru

Евстафьев Геннадий Михайлович – старший советник ПИР-Центра, генерал-лейтенант (в отставке). Родился в 1938 г. Работал в системе МИД СССР, неоднократно выезжал в заграничные командировки, в 1981–1985 гг. занимал должность специального помощника Генерального секретаря ООН. В 1986–1991 гг. входил в состав руководства советской делегации на переговорах по ДОВСЕ в Вене. В течение длительного времени работал в системе СВР РФ, являлся начальником управления по вопросам разоружения и нераспространения ОМУ. Один из авторов доклада СВР «Распространение ОМУ – новый вызов после холодной войны». С 2000 по 2003 г. работал в российском представительстве при НАТО, где занимался вопросами нераспространения ОМУ и терроризма. Имеет ряд публикаций, посвященных проблемам международной безопасности и нераспространения, включая: «Нераспространение ОМУ: проблемы и риски» (*Ядерный Контроль*, 2004, № 1), «Некоторые размышления об эволюции подходов США к проблемам региональной безопасности в Центральной Азии» (*Ядерный Контроль*, 2006, № 1), «Разоружение возвращается» (*Индекс Безопасности*, 2007, № 2). Соавтор монографии «Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития» (ПИР-Центр, 2005). Адрес электронной почты: evstafiev@pircenter.org

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич – вице-президент ЗАО *Компания развития общественных связей (КРОС)*. С отличием окончил исторический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ в 1989 г., работал младшим научным сотрудником, научным сотрудником в Институте США и Канады РАН, где в 1993 г. получил степень канд. полит. наук, защитив диссертацию в секторе военно-политических исследований. С 1995 по 1998 г. работал старшим, затем ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований (РИСИ). Позднее – старший научный сотрудник, директор проекта ПИР-Центра. Специалист в области военно-политических аспектов национальной безопасности России, проблем внешней и военной политики США, региональных аспектов нераспространения ядерного оружия. В 2001–2006 гг. работал в ЗАО *Компания развития общественных связей (КРОС)*, а также директором Департамента по информационной политике ОАО *Техснабэкспорт*. Позже работал заместителем генерального директора Национальной лаборатории внешней политики. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, Редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*.

Загорский Андрей Владимирович – профессор МГИМО (У) МИД РФ, член Совета ПИР-Центра. Ведущий научный сотрудник Центра исследований проблем войны и мира. Специалист по вопросам европейской безопасности, взаимоотношений России с НАТО и европейскими организациями: ОБСЕ, ЕС, Совета Европы, автор многочисленных публикаций в российских и зарубежных изданиях. Выпускник МГИМО 1981 г., канд. истор. наук. В 1992–1999 гг. – проректор МГИМО. В 1999–2001 гг. – старший вице-президент, директор проекта Института Восток-Запад, Прага. В 2002–2003 гг. – профессор Женевского центра политики безопасности. В 2002–2003 гг. являлся заместителем директора Института прикладных международных исследований (Москва). Работал в качестве заместителя руководителя московского отделения Фонда им. К. Аденауэра. Является вице-президентом российской Ассоциации евроатлантического сотрудничества и членом международного совета Женевского центра демократического контроля над вооруженными силами. С 2005 г. вернулся к преподавательской деятельности. Адрес электронной почты: zagorski@iair.ru

Зульхарнеев Альберт Фархатович – координатор образовательных проектов ПИР-Центра, руководитель проекта «Индекс международной безопасности iSi» ПИР-Центра, аспирант Государственного университета Высшая школа экономики. В 2007 г. с отличием окончил магистратуру исторического факультета Центральноевропейского университета (Будапешт, Венгрия). Слушатель магистратуры факультета международных отношений Уральского государственного университета. В 2003–2005 гг. принимал участие в международных курсах персидского языка и литературы. Осенью 2004 г. принимал участие в лекционном курсе ПИР-Центра «Ядерное нераспространение: политические и правовые аспекты», организованном на базе УрГУ. В 2007 г. прошел стажировку в ПИР-Центре. Адрес электронной почты: zulkharnееv@pircenter.org

Козюлин Вадим Борисович – директор проекта по обычным вооружениям ПИР-Центра. Родился в 1965 г. Научный сотрудник ПИР-Центра с 1994 г. Канд. полит. наук (защитил диссертацию по теме: «Совершенствование политических механизмов влияния военно-технического сотрудничества на региональную стабильность в Центральноазиатском регионе»), проф. Академии военных наук. В 1990 г. окончил МГИМО МИД СССР. В 2002 г. окончил Всероссийскую академию внешней торговли по специальности «Управление военно-техническим сотрудничеством». Работал в МИД СССР/РФ, затем в отделе эксклюзивной информации газеты *Московские Новости*, был представителем РГП «Казспецэкспорт» в России. Сотрудничает с компаниями-спецэкспортерами стран СНГ и дальнего зарубежья. Сфера научных интересов – военно-техническое сотрудничество России с зарубежными государствами. Адрес электронной почты: kozulin@pircenter.org

Косачев Константин Иосифович – председатель комитета по международным делам Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Окончил МГИМО МИД СССР. В 1991 г. окончил факультет повышения квалификации Дипломатической академии МИД СССР. В 1998–1999 гг. являлся помощником, затем заместителем руководителя секретариата председателя Правительства РФ. В 1999–2003 гг. – депутат Государст-

венной Думы Федерального Собрания РФ третьего созыва, первый заместитель Руководителя фракции «Единая Россия», заместитель председателя Комитета по международным делам. Входил в состав Постоянной комиссии Межпарламентской Ассамблеи стран – участников СНГ по внешнеполитическим вопросам, в Совет Межпарламентской группы РФ и Совет по делам соотечественников Государственной Думы, был членом постоянной делегации ФС РФ в Парламентской Ассамблее ОБСЕ. Возглавлял депутатскую группу по связям с парламентом Швеции. Действительный Государственный Советник Российской Федерации. Чрезвычайный и Полномочный Посланник. Адрес электронной почты: kkosachev@duma.gov.ru

Лузин Павел Александрович – стажер ПИР-Центра, аспирант Института мировой экономики и международных отношений РАН. В 2007 г. окончил историко-политологический факультет Пермского государственного университета. Тема дипломного исследования: «Национальная политика США в космической сфере. 1989–2006 гг.». В период 2006–2007 гг. работал в качестве корреспондента краевой общественно-политической газеты *Новый Компаньон*. Адрес электронной почты: pavel_all@mail.ru

Макарычев Андрей Станиславович – д-р ист. наук, проф. кафедры международных отношений и политологии Нижегородского лингвистического университета. Родился в 1965 г. Окончил Нижегородский государственный университет (1989 г.) и Европейский институт высших международных исследований (Ницца, Франция, 1994 г.). Работал в качестве приглашенного научного сотрудника в Центре изучения безопасности (Цюрих, Швейцария, 1999–2001 гг.) и Датском институте международных отношений (2003–2005 гг.). Сфера научных интересов – региональные аспекты безопасности, мягкая безопасность, конструктивизм. Автор многочисленных публикаций в России и за рубежом, среди последних – «Терроризм: энциклопедии, археология, грамматика» (*Индекс Безопасности*, 2007, № 2). Адрес электронной почты: amakarych@mail.ru

Мясников Евгений Владимирович – канд. физ.-мат. наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при Московском физико-техническом институте (МФТИ), где работает с 1992 г. Окончил факультет аэрофизики и космических исследований МФТИ в 1985 г. После окончания аспирантуры МФТИ в 1988 г. и защиты диссертации работал научным сотрудником в НПО «ЭЛАС» и старшим научным сотрудником НПЦ «ОПТЭКС» в Зеленограде. Область научных интересов связана с проблемами контроля над ядерными вооружениями, стратегической стабильности, влияния высокоточного вооружения на стратегический баланс, терроризма с использованием беспилотных летательных аппаратов. Автор многочисленных публикаций по этой тематике, в частности «ReSTART: The Need for a New U.S.-Russian Strategic Arms Agreement» (*Arms Control Today*, 2006, September). Адрес электронной почты: miasnikov@armscontrol.ru

Орлов Владимир Андреевич – основатель и президент ПИР-Центра, главный редактор журнала *Индекс Безопасности*. Президент *Centre russe d'études politiques*, Genève. Член Общественного совета при Министерстве обороны РФ. Родился в 1968 г. С отличием окончил МГИМО МИД СССР. Канд. полит. наук. В 2001–2002 гг. являлся консультантом ООН по вопросам образования и повышения квалификации в области разоружения и нераспространения. С 2004 по 2007 г. – член профессорско-преподавательского состава, содиректор программы Европейской безопасности Женевского центра политики безопасности. Публикуется в российских и зарубежных периодических изданиях и является редактором более десятка книг по проблематике международной безопасности, изданных в России и за рубежом. Постоянно занимается преподавательской и просветительской деятельностью, читая лекции по внешней политике России и по проблемам нераспространения ОМУ в России и за рубежом. Редактор учебника «Ядерное нераспространение» (2002). Адрес электронной почты: orlov@pircenter.org

Пономарев-Степной Николай Николаевич – д-р техн. наук, действительный член РАН (с 1987 г.), вице-президент РНЦ *Курчатовский институт*. После окончания Московского механического института (ныне МИФИ) по специальности «Проектирование и эксплуатация физических приборов и установок» в 1952 г. работал в Институте атомной энергии (ныне РНЦ *Курчатовский институт*) в должностях старшего лаборанта, старшего ин-

женера, старшего научного сотрудника, заведующего лабораторией, начальника отдела, заместителя директора, с 1987 г. – первый заместитель директора, затем – вице-президент; основные направления профессиональной деятельности: экспериментальные и теоретические исследования процессов в высокотемпературных реакторах и системах прямого преобразования. Член Ядерного общества России; редактор журнала *Атомная Энергия*, член редколлегии журнала *Nuclear Science and Engineering*. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Лауреат Ленинской и Государственной премий; награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Рассел Дэниэл – глава дипломатической миссии Посольства США в Москве (по состоянию на июнь 2008 г.), куда прибыл в июле 2005 г. Окончил Университет им. Джорджа Вашингтона по специальности «международные отношения». В 1997–1999 гг. работал генеральным консулом США в Екатеринбурге. В 1999–2000 гг. работал в качестве директора отдела России Государственного департамента США. В 2000–2003 гг. работал заместителем главы миссии в Посольстве США в Казахстане. С 2003 по 2005 гг. работал директором Отдела европейской политики и проблем безопасности при Государственном департаменте США, который отвечает за политику США в Европе в области безопасности, включая отношения с НАТО и ОБСЕ.

Ромашкина Наталия Петровна – канд. полит. наук, старший научный сотрудник Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН. Проф. Академии военных наук. В 1990 г. окончила Московский авиационный институт (МАИ) им. Серго Орджоникидзе. Прошла обучение на курсах по нераспространению ракетно-ядерных вооружений ПИР-Центра в 2001 г., на курсах по проблемам международной безопасности Европейского центра изучения вопросов безопасности им. Дж. Маршалла в 2004 г. Работала в ЦКБ *Алмаз*, Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ) РАН, Московском центре Карнеги. Автор монографий «Северная Корея и Иран в новой системе международных военно-политических отношений: ядерный фактор» на русском и английском языках (2007 г.) и «Стратегическая стабильность в современной системе международных отношений» (2008 г.), а также научных статей по данной тематике. Адрес электронной почты: romachkinan@yandex.ru

Скопич Оксана Андреевна – стажер ПИР-Центра, студент социально-экономического отделения Центра иудаики и еврейской цивилизации Института стран Азии и Африки. Научная деятельность связана с миграционными процессами Ближнего Востока, Израиля. Автор статей по данной тематике, в частности «Миграционная ситуация в Южном и Восточном Средиземноморье на 2006–2007 гг.» (статья опубликована на сайте Института Ближнего Востока). Адрес электронной почты: arngrim1@rambler.ru

Сухоручкин Владимир Константинович – канд. техн. наук, советник директора РНЦ *Курчатовский институт*. Окончил Московский инженерно-физический институт в 1964 г. С 1975 по 1980 г. работал в Отделе развития Департамента гарантий МАГАТЭ, занимался разработкой методов применения гарантий для различных установок ядерного топливного цикла. С 1980 г. работает в РНЦ *Курчатовский институт*, с 2003 по 2007 г. – директор научно-технологического агентства «Нераспространение» РНЦ *Курчатовский институт*. Член Института по управлению ядерными материалами (INMM). Имеет более 50 научных статей и публикаций по различным вопросам учета, контроля и защиты ядерных материалов.

Тимербаев Роланд Махмутович – Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке), председатель Совета ПИР-Центра. Президент ПИР-Центра в 1995–1998 гг. После окончания МГИМО МИД СССР в 1949 г. более 40 лет проработал в МИД СССР, а затем в МИД России. Последней его должностью на дипломатической службе (1988–1992 гг.) был пост постоянного представителя СССР и России при международных организациях в Вене. В качестве сотрудника министерства принимал активное участие в выработке ряда ключевых международных соглашений в ядерной области, в частности Договора о нераспространении ядерного оружия, Договора об ограничении систем противоракетной обороны, Соглашения о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США, системы гарантий МАГАТЭ, Договора об ограничении под-

земных испытаний ядерного оружия, Договора о подземных ядерных взрывах в мирных целях и пр. Д-р ист. наук, проф. В числе его работ: «Полное запрещение ядерных испытаний» (1986), «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968» (1999), «International Co-operation in Nuclear Safety» (1999), учебник «Ядерное нераспространение» (2000), «Международный контроль над атомной энергией» (2003), «Режим ядерного нераспространения на современном этапе и его перспективы» (2005). Автор многочисленных публикаций в журнале *Индекс Безопасности (Ядерный Контроль)*. Адрес электронной почты: timerbaev@pircenter.org

Ушков Анатолий Михайлович – д-р философ. наук, проф. кафедры политических наук Российского университета дружбы народов (РУДН). Родился в 1935 г. В 1958 г. окончил Восточный факультет МГИМО МИД СССР с дипломом специалиста по международным отношениям стран Востока. В 1964 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени канд. философ. наук. В 1989 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени д-ра философ. наук по теме «Социальные идеи стран Востока». Автор учебных пособий по сравнительной политологии стран Востока и Запада, по истории политической культуры, стран Дальнего Востока (более 100 печатных работ). Соавтор монографии «Геополитика Каспийского региона» (2003 г.). Сфера научных интересов: сравнительная политология, теория и практика международных отношений, геополитика.

Федоров Юрий Евгеньевич – научный сотрудник Королевского института международных отношений (Великобритания). Член Совета ПИР-Центра, член Редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Окончил физический факультет МГУ. Канд. ист. наук, профессор. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. Работал в международном отделе ЦК КПСС, после чего в 1991 г. перешел на должность заместителя заведующего кафедрой политологии МГИМО МИД РФ. С сентября 1998 г. – заведующий сектором, а с декабря 2000 г. – заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. – заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. – заместитель директора Института прикладных международных исследований. Ряд научных работ посвятил энергетическим аспектам безопасности, в частности в районе Каспия. Автор монографии «Субстратегическое ядерное оружие и интересы безопасности России» (*Научные Записки ПИР-Центра*, 2001, № 16), «Адаптированный ДОВСЕ и интересы безопасности России» (*Ядерный Контроль*, 2004, № 4), «Корейский ядерный кризис и Россия» (*Ядерный Контроль*, 2005, № 4) и другие. Адрес электронной почты: yufedorov@rambler.ru

Хлопков Антон Викторович – исполнительный директор ПИР-Центра. Выпускник Московского инженерно-физического института (МИФИ). В 2001–2002 гг. – член рабочей группы по нераспространению и экспортному контролю Консорциума «Партнерство во имя мира». С 2007 г. – член Международной рабочей группы по созданию в регионе Ближнего Востока и Персидского залива зоны, свободной от баллистических ракет. Соавтор монографий «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия» (2000); «Сотрудничество во имя глобальной безопасности» (2002); автор монографии «Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях» (2001), соредактор-составитель справочника «Глобальное партнерство против распространения оружия массового уничтожения» на русском (2005) и английском (2006) языках, соавтор монографии «У ядерного порога» (2007). Член Редколлегии журнала *Индекс Безопасности*, член Международного института стратегических исследований (Лондон, Великобритания). Сфера научных интересов: вопросы безопасного развития атомной энергетики и региональные аспекты нераспространения. Адрес электронной почты: khlopkov@pircenter.org

ПИР-ПРЕСС СООБЩАЕТ:

Уважаемые читатели журнала
Индекс Безопасности,

Мы рады представить Вам отдел эксклюзивной информации ПИР-Центра – ПИР-ПРЕСС.

Целью ПИР-ПРЕСС является оперативное информирование читателей по вопросам международной безопасности и нераспространения ОМУ.

Новости ПИР-ПРЕСС содержат комментарии и оценки экспертов ПИР-Центра по наиболее актуальным событиям международной безопасности, эксклюзивные цитаты ведущих российских и зарубежных официальных лиц, ссылки на дополнительные ресурсы ПИР-Центра по тем или иным темам международной безопасности.

Новости ПИР-ПРЕСС регулярно размещаются на главной странице интернет-представительства ПИР-Центра по адресу **<http://www.pircenter.org>**, а также рассылаются в электронном виде подписчикам.

Если Вы заинтересованы в оперативном получении эксклюзивной информации, экспертных комментариев, аналитических оценок и прогнозов по наиболее актуальным событиям в области безопасности, Вы можете бесплатно подписаться на электронную рассылку новостей ПИР-ПРЕСС по адресу **<http://pircenter.org/subscription>**, и новости будут приходить на адрес Вашей электронной почты на русском и английском языках.

*По всем вопросам, связанным с новостями ПИР-ПРЕСС,
а также по вопросам комментариев экспертов ПИР-Центра
обращайтесь по тел.: +7 (495) 987-1915*

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА
(по состоянию на 28 октября 2008 г.)

Айнхорн Роберт, старший советник, Программа международной безопасности, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США

Антипов Сергей Викторович, д.т.н., заведующий лабораторией, Институт безопасного развития атомной энергетики РАН, Москва, Россия

Антонов Анатолий Иванович, посол, к.э.н., директор, Департамент по вопросам безопасности и разоружения, Министерство иностранных дел РФ, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., член-корресподент РАН, руководитель центра, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра международных отношений и внешней политики, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Баев Павел Кимович, к.и.н., проф., Международный институт исследований проблем мира (PRIO), Осло, Норвегия

Банн Джордж, проф., консультант, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., член-корресподент РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Бертч Гэри, проф., директор, Центр международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Геттемюллер Роуз, директор, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

Данапала Джаянта, посол, президент, Пагуошское движение ученых, Коломбо, Шри-Ланка

Дворкин Владимир Зиновьевич, д.т.н., консультант, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

Джонсон Ребекка, д-р, исполнительный директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., вице-президент, ЗАО *Компания развития общественных связей*, Москва, Россия

Елеуменов Дастан Шериязданович, к.ф.-м.н., советник, посольство Республики Казахстан в США, Вашингтон, США

Есин Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), консультант командующего Ракетными войсками стратегического назначения, Министерство обороны РФ, Москва, Россия

Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., руководитель центра, Центр североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., президент, Фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия

Краснов Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, д.г.-м.н., проф., академик РАН, вице-президент, Российская академия наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник генерального директора, Авиационная холдинговая компания *Сухой*, Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент международных связей, правительство Москвы, Москва, Россия

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, директор, Департамент международного сотрудничества, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия

Льюис Патриция, д-р, заместитель директора, Центр изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Людекинг Рюдигер, постоянный представитель Германии при ООН и других международных организациях, Вена, Австрия

Маргелов Михаил Витальевич, председатель, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия

Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., старший научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, Центр по изучению проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пикаев Александр Алексеевич, к.и.н., заведующий отделом, Отдел разоружения и урегулирования конфликтов, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Пионтковский Андрей Андреевич, к.ф.-м.н., старший научный сотрудник, Институт Хадсона, Вашингтон, США

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, вице-президент, РНЦ Курчатовский институт, Москва, Россия

Поттер Уильям, д-р, проф., директор, Центр изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Радчук Александр Васильевич, советник начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Москва, Россия

РНЦ Курчатовский институт, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., советник по контролю над вооружениями, посольство РФ в США, Вашингтон, США

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий, отдел стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, д.т.н., проф., старший советник, постоянное представительство РФ в ООН, Женева, Швейцария

Сириционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США

Слипченко Виктор Сергеевич, эксперт, Комитет Совета Безопасности ООН, учрежденный Резолюцией 1540, Нью-Йорк, США

Соков Николай Николаевич, к.и.н., д.п.н., старший научный сотрудник, Центр изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., заместитель директора, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., советник, Управление международного права, Конституционный Суд РФ, Москва, Россия

Убеев Алексей Вадимович, к.т.н., заместитель директора, Департамент международного сотрудничества, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия

Федоров Александр Валентинович, к.ф.-м.н., Москва, Россия

Цзи Чжие, вице-президент, Китайская академия современных международных отношений, Пекин, КНР

Эггерт Константин Петрович, шеф бюро, Московское бюро Русской службы *ВВС*, Москва, Россия

КРЕСТОСЛОВИЦА «ЯДЕРНАЯ»

В предыдущем номере журнала Индекс Безопасности № 3 (86), Осень 2008, мы опубликовали головоломку безопасности под названием Крестословица «Ядерная». Из многочисленных читателей, приславших ответы в редакцию, мы отобрали троих победителей, которые максимально быстро и верно ответили на нашу головоломку безопасности. Победителями стали:

- ❑ Максим **Старчак**, руководитель группы по проблемам международной безопасности и конфликтам Российской ассоциации политической науки;
- ❑ Отдел военно-стратегических проблем Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ в лице Андрея **Гребенщикова**, третьего секретаря отдела;
- ❑ Павел **Мансуров**, аспирант Института истории и политических наук Тюменского государственного университета.

Нам было очень приятно увидеть, что все три победителя – выпускники ПИР-Центра и наших образовательно-тренинговых программ разных лет. Для нас это было и неожиданно, и радостно. Возможно, такая тенденция – не совсем уж случайность. Мы теперь видим, что школа ПИР-Центра – а у нас около 700 выпускников – позволяет, ко всему прочему, быстрее и легче разгадывать трудные головоломки безопасности.

Все победители получают бесплатную подписку на журнал *Индекс Безопасности* на 2009 г. (4 номера). Для того, чтобы ближе познакомиться с ядерной терминологией, мы рекомендуем изучить энциклопедию «Ядерное нераспространение», выпускаемую зимой 2008–2009 г. ПИР-Центром – см. информацию о ней на стр. 54.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Пелиндаба. 6. Опера. 9. Китай. 10. Садовский. 11. Итог. 12. Баба. 15. Макнамара. 16. Обнинск. 17. Грэм. 19. Великобритания. 22. Кананаскис. 24. Индия. 25. Фон. 26. Раджастан. 28. Барух. 30. Вашингтон. 31. Нагасаки.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Лиссабон. 3. Димона. 4. Верификация. 5. Шаги. 7. Цангер. 8. Экспансия. 13. Бангкок. 14. Конверсия. 15. Маралинга. 17. Гровс. 18. Мюнхен. 20. Беккерел. 21. Таджура. 23. Сатана. 25. Фронт. 27. Давос. 29. Хан.

Ключевое слово: **НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ**

О Т Р Е Д А К Т О Р А

В добрый путь, читатель! № 1 (81), Весна 2007, с.11–16

Три сквозные темы: разоружение, атомная энергетика, Китай. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с.11–14

Требуется: архитектор. № 3 (83), Зима 2007, с.7–9

Игра на удаление. № 1 (84), Весна 2008, с.7–9

АБЭВЭГЭДЕЙКА-21. № 2 (85), Лето 2008, с.7–9

Бои глобального значения. № 3 (86), Осень 2008, с.7–9

За приоткрытыми окнами, или к вопросу о конкуренции. № 4 (87), Зима 2008, с.7–9

В Д Е С Я Т К У

О путях. № 1 (81), Весна 2007, с.10

О правах. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с.10

О свойствах характера. № 3 (83), Зима 2007, с.10

Об отцах и детях. № 1 (84), Весна 2008, с.10

О газетном мире. № 2 (85), Лето 2008, с.10

О печати. № 3 (86), Осень 2008, с.10

О достоинстве. № 4 (87), Зима 2008, с.10

И Н Т Е Р В Ь Ю

Ильхам Алиев. Азербайджан приучен опираться на собственные ресурсы, поэтому и не присоединяется к блокам. № 1 (81), Весна 2007, с.17–20

Евгений Примаков. Сегодняшняя ситуация на Ближнем Востоке – очень хорошая иллюстрация того, к чему приводит американский экспорт демократии. № 1 (81), Весна 2007, с. 21–24

Валентин Соболев. Терроризм беспощаден. Государства должны отвечать террористам тем же. № 1 (81), Весна 2007, с. 25–32

Яап де Хооп Схеффер. НАТО – не стиральный порошок, чтобы его продавать желающим вступить. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 15–20

Канвал Сибал. Ядерное и военно-техническое сотрудничество Индии и России основывается на стратегических интересах, а не сиюминутных выгодах. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 21–28

Сэм Нанн. Теория ядерного сдерживания не действует в отношении негосударственных игроков. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 29–36

Алексей Краснов. Сфера пилотируемых полетов всегда была ареной политического соперничества. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 37–40

Андрей Денисов. СНГ – отнюдь не умершая организация, и вопрос о роспуске Содружества не стоит. № 3 (83), Зима 2007, с. 15–20

Михаил Маргелов. России и США нужен брак по расчету. № 3 (83), Зима 2007, с. 21–24

Сержио Дуарте. Простым ужесточением контроля проблему ядерной угрозы не решить. № 1 (84), Весна 2008, с. 11–16

Александр Яковенко. Чем сильнее будет страна, тем чаще будут говорить на ее языке. № 1 (84), Весна 2008, с. 17–22

Даниэль Заппелли. Подчас просвещенный деспот во главе государства – наилучшее решение. № 1 (84), Весна 2008, с. 23–26

Сергей Кириенко. При существующей сейчас конкуренции невозможно быть вторым. № 2 (85), Лето 2008, с. 11–14

Аднан Шихаб-Элдин. Решение развивать атомную энергетику – это глобальный выбор. № 2 (85), Лето 2008, с. 15–20

Николай Спасский. Россия и США до сих пор сотрудничали в мирном использовании атомной энергии, не имея нормативной базы. Сейчас этот анахронизм будет преодолен. № 2 (85), Лето 2008, с. 21–24

Сергей Лавров. Стратегическая стабильность не может оставаться эксклюзивной областью российско-американских отношений. № 3 (86), Осень 2008, с. 11–14

Константин Косачев. Определиться с тем, что представляет собой сегодняшняя Россия, где ее место в мире. № 4 (87), Зима 2008, с. 11–20

Дэниэл Рассел. От эпохи ядерного соперничества к этапу партнерства в ядерной сфере. № 4 (87), Зима 2008, с. 21–24

А Н А Л И З

Юрий Балуевский. Индекс безопасности глобального мира: российское измерение. № 1 (81), Весна 2007, с. 33–46

Алексей Обухов. Ядерное оружие и христианская этика. № 1 (81), Весна 2007, с. 47–74

Екатерина Степанова. Исламский терроризм сегодняшнего дня: глобальный и локально-региональный уровни. № 1 (81), Весна 2007, с. 75–92

Екатерина Шадрина. Большая каспийская икра. № 1 (81), Весна 2007, с. 93–116

Геннадий Евстафьев. Разоружение возвращается. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 41–54

Андрей Фролов. Иран: для чего ему ракеты? № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 55–74

Сергей Понамарев. КНР: новая великая морская держава? № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 75–92

Уильям Поттер, Скот Пэрриш. Политика нераспространения: в поисках адекватности. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 93–112

Антон Хлопков. Что принесет России ядерный пакт с США? № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 113–132

Андрей Макарычев. Терроризм: энциклопедии, археология, грамматика. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 133–146

Юрий Юдин. Каким будет ядерный арсенал США? № 3 (83), Зима 2007, с. 25–40

Вадим Козюлин. Государства Центральной Азии: развитие вооруженных сил и перспективы военно-технического сотрудничества с Россией. № 3 (83), Зима 2007, с. 41–60

Анастасия Понамарева. Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха. № 3 (83), Зима 2007, с. 61–80

Грэм Херд, Гагик Саргсян. Споры о российской демографической безопасности: существующие тенденции и грядущие пути развития. № 3 (83), Зима 2007, с. 81–100

Василий Лата, Владимир Мальцев. Система систем: информационно-ударное оружие. № 3 (83), Зима 2007, с. 101–120

Айеша Сиддика. *Военбиз* и будущее Пакистана. № 1 (84), Весна 2008, с. 27–36

Никита Перфильев. Перспективы и проблемы российско-китайского нефтегазового сотрудничества. № 1 (84), Весна 2008, с. 37–54

Юрий Морозов, Сорен Бо Бойсен. Перспективы расширения сотрудничества России и НАТО в области совместного миротворчества. № 1 (84), Весна 2008, с. 55–70

Роланд Тимербаев. О роли ядерного фактора в современном мире. № 2 (85), Лето 2008, с. 25–32

Андрей Гагаринский, Станислав Суботин. Малая энергетика – хорошо забытое старое и неизбежное будущее. № 2 (85), Лето 2008, с. 33–42

Антон Хлопков. *Ангарский проект*: обогащение vs. нераспространение. № 2 (85), Лето 2008, с. 43–62

Роман Устинов. Персидский залив: между бомбой и АЭС. № 2 (85), Лето 2008, с. 63–80

Евгений Петелин, Никита Перфильев. *Атомная панда*: Китай в поисках энергобезопасности. № 2 (85), Лето 2008, с. 81–96

Анастасия Ангелова. АЭС «Дружба»: Россия на рынке стран Центральной и Восточной Европы. № 2 (85), Лето 2008, с. 97–116

Анжелика Матвеева. Атомная отрасль Германии: вперед в прошлое? № 2 (85), Лето 2008, с. 117–126

Татьяна Шаклеина. Будущее диалога между Россией и США: выбор после выборов. № 3 (86), Осень 2008, с. 15–32

Вадим Козюлин. Отнять винтовку у диктатора. № 3 (86), Осень 2008, с. 33–48

Сергей Жильцов, Игорь Зонн. Борьба за воду. № 3 (86), Осень 2008, с. 49–62

Надежда Арбатова. Общее пространство безопасности между Россией и ЕС: императивы и препятствия. № 3 (86), Осень 2008, с. 63–76

Николай Соков. Безъядерная зона в Центральной Азии: как заполучить *пятерку*? № 3 (86), Осень 2008, с. 77–84

Алексей Граве, Андрей Петренко. Экспортный контроль в России и безопасность международных перевозок ядерных материалов. № 3 (86), Осень 2008, с. 85–104

Андрей Макарычев. Безопасность и возвращение политического: критические дебаты в Европе. № 4 (87), Зима 2008, с. 25–40

Анатолий Дьяков, Евгений Мясников. Контроль над стратегическими наступательными вооружениями России и США после 2009 г.: возможен ли компромисс? № 4 (87), Зима 2008, с. 41–53

Павел Лузин. Космос: перспективы сотрудничества и конфликтов. № 4 (87), Зима 2008, с. 55–68

Роланд Тимербаев. Проблема гарантий безопасности неядерных государств в преддверии обзорной конференции по ДНЯО. № 4 (87), Зима 2008, с. 69–82

Александр Гуца, Наталия Ромашкина. Космические программы развивающихся стран и международная безопасность. № 4 (87), Зима 2008, с. 83–94

П О Л Е М И К А

Алексей Арбатов, Андрей Пионтковский. Что общего у Ахмадинежада с Гаврилой Принципом: решаем иранские головоломки. № 1 (81), Весна 2007, с. 117–126

Дмитрий Тренин, Виталий Цыгичко. Китай для России: товарищ или господин? № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 147–156

Сергей Маркедонов, Сергей Романенко. Косово: прецедент или исключение? № 1 (84), Весна 2008, с. 71–82

Александр Храмчихин, Виталий Шлыков. Вооруженные силы России: со щитом или на щите? № 3 (86), Осень 2008, с. 105–116

К Р У Г Л Ы Й С Т О Л

Джаваншир Ахундов, Павел Баев, Геннадий Евстафьев, Татьяна Митрова, Азер Мурсалиев, Андрей Мухин, Никита Перфильев, Олег Пилипец, Андрей Синев. Энергетическая политика России в Центральной России и на Каспии. № 3 (83), Зима 2007, с. 121–134

Валентин Иванов, Владимир Каграманян, Александр Полушкин, Николай Пономарев-Степной, Алексей Убеев, Александр Чебесков. *Ядерный ренессанс*: российская специфика и глобальный контекст. № 2 (85), Лето 2008, с. 127–140

Геннадий Евстафьев, Андрей Загорский. НАТО и глобальная безопасность. № 4 (87), Зима 2008, с. 95–104

К О М М Е Н Т А Р И Й

Вячеслав Никонов. Два питерских саммита. № 1 (81), Весна 2007, с. 127–130

Нурия Кутнаева, Ильдар Ахтамзян. О подписании Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. № 1 (81), Весна 2007, с. 131–136

Лора Холгейт. Резерв ядерных материалов: контуры идеи. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 157–161

Линтон Брукс. Надежные замещающие боеприпасы: как они помогут делу нераспространения. № 3 (83), Зима 2007, с. 135–138

Павел Баев. Виртуальная геополитика Центральной Азии. № 1 (84), Весна 2008, с. 83–88

Владимир Шустов. Похоронить или реанимировать? № 1 (84), Весна 2008, с. 89–95

Анна Белова. Итоги реформирования атомной отрасли России. № 2 (85), Лето 2008, с. 141–146

Тайсуке Абиру. Треугольник Токио–Москва–Астана: установление стратегического партнерства в атомной энергетике неизбежно. № 2 (85), Лето 2008, с. 147–150

Мустафа Кибароглу, Айлин Гюрзель. Нужно ли Турции американское ядерное оружие? № 3 (86), Осень 2008, с. 117–122

Владимир Орлов. Женевская разминка. № 3 (86), Осень 2008, с. 123–134

Владимир Орлов. Без иллюзий: о российско-американских стратегических отношениях после грузинского кризиса. № 4 (87), Зима 2008, с. 105–110

Вадим Козюлин. Кого вооружает Кения? № 4 (87), Зима 2008, с. 111–112

О Б З О Р Ы М И Р О В Ы Х П Р О Ц Е С С О В

Юрий Федоров. Глазами либерала: умиротворители и крокодилы. № 1 (81), Весна 2007, с. 140–155

Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: Апокалипсис – NO! № 1 (81), Весна 2007, с. 156–168

Юрий Федоров. Глазами либерала: Железом и кровью. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 163–175

Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: В предчувствии глобальных перемен. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 176–192

Юрий Федоров. Глазами либерала: Анархия господствует над миром. № 3 (83), Зима 2007, с. 141–154

Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: Суверенная демократия – глобальный контекст. № 3 (83), Зима 2007, с. 155–170

Юрий Федоров. Глазами либерала: Проклятые вопросы мировой политики, или прав ли Фридрих Ницше? № 1 (84), Весна 2008, с. 99–111

Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: стратегическая стабильность переходного периода, или торможение на взлете. № 1 (84), Весна 2008, с. 112–124

Юрий Федоров. Глазами либерала: Ядерное средневековье. № 2 (85), Лето 2008, с. 155–167

Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: Консенсус прошлого и дилеммы будущего. № 2 (85), Лето 2008, с. 168–184

Юрий Федоров. Глазами либерала: Неопределенность нарастает. № 3 (86), Осень 2008, с. 137–147

Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: фокусы с электричеством, или разоблачение магии. № 3 (86), Осень 2008, с. 148–158

Юрий Федоров. Глазами либерала: Черный август, или возвращение истории. № 4 (87), Зима 2008, с. 117–133

Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: В ожидании зари многополярности: заметки на полях мирового финансового кризиса. № 4 (87), Зима 2008, с. 133–144

С Т Р А Н И Ц Ы И С Т О Р И И

Дэвид Хоффман. 1983. № 1 (81), Весна 2007, с. 169–184

Роланд Тимербаев. О Ливии, противоракетной обороне и Герберте фон Караяне, а также другие случаи из жизни. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 193–216

Владимир Верховцев. О главном ядерном управлении. № 3 (83), Зима 2007, с. 171–178

Роланд Тимербаев. О пороговых договорах по ограничению ядерных взрывов 1974–1976 гг. № 1 (84), Весна 2008, с. 125–132

Алексей Обухов. С точки зрения *реликта*: о трудных путях разоружения. № 3 (86), Осень 2008, с. 159–168

Оксана Скопич. Нахум Манбар и ирано-израильская торговля оружием. № 4 (87), Зима 2008, с. 145–151

Б И Б Л И О Т Е К А

Константин Эггерт. Между мстью и возмездием: новый взгляд на самую загадочную операцию «Моссад». Aaron J. Klein. Striking Back: The 1972 Munich Olympics Massacre and Israel's Deadly Response. Random House, 2006. 272 p. № 1 (81), Весна 2007, с. 185–188

Михаил Якушев. Шероховатости плоского мира. Томас Фридман. Плоский мир. Краткая история XXI века. М.: Хранитель, 2006. 608 с. № 1 (81), Весна 2007, с. 189–192

Сергей Понамарев. Генерал Вандам – забытый основатель русской геополитики. Вандам А.Е. Наше положение. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1912. 204 с. Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002. 272 с. Вандам А.Е. Неуслышанные пророки грядущих войн. М.: АСТ, 2004. 363 с. № 1 (81), Весна 2007, с. 193–196

Константин Эггерт. Позор, мужество и прозрение: 444 дня, которые потрясли мир. Mark Bowden. Guests of the Ayatollah: The Iran Hostage Crisis, the First Battle in America's War with Militant Islam. Atlantic Monthly Press, 2006. 704 p. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 217–220

Владимир Орлов. В ожидании новых подходов. Ядерное оружие после «холодной войны». Под ред. А.Г. Арбатова и В.З. Дворкина. М.: Московский центр Карнеги. РОСПЭН, 2006. 559 с. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 221–224

Михаил Новиков. Бомбодел, который усомнился. Лев и Атом. Академик Л.П. Феоктистов: автопортрет на фоне воспоминаний. М.: Воскресенье, 2003. 440 с. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 225–228

Геннадий Евстафьев. ООО «Вооруженные силы». Ayesha Siddiqi. Military Inc.: Inside Pakistan's Military Economy. London: Pluto Press, 2007. 304 p. № 3 (83), Зима 2007, с. 179–184

Михаил Агапов. Политика между небом и землей. Мадлен Олбрайт. Религия и мировая политика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 352 с. Albright M. The Mighty and the Almighty. Reflections on America, God, and World Affairs. HarperCollinsPublishers, 2006. 352 p. № 3 (83), Зима 2007, с. 185–192

Геннадий Евстафьев. Политика в стиле slam dunk. George Tenet. With Bill Harlow. At the Center of the Storm. My Years at the CIA. Harper Collins Publishers. 832 p. № 1 (84), Весна 2008, с. 133–138

Владимир Орлов. Сети Хана: широко закрытые глаза. Corera Gordon. Shopping for Bombs. Nuclear Proliferation, Global Insecurity, and Rise and Fall of the A.Q. Khan Network. Oxford University Press: 2006, 288 p. № 1 (84), Весна 2008, с. 139–146

Татьяна Митрова. Азиатский вектор энергобезопасности. Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. Под руководством и с предисловием А.В. Торкунова, научный редактор-составитель А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2007. 1040 с. № 1 (84), Весна 2008, с. 147–150

Владимир Орлов. Запах страха, запах пыли... Сейерстад Осне. Книготорговец из Кабула. (Серия «Записки путешественника»). Пер. с норвежского А.С. Турунтаевой. Санкт-Петербург: Амфора, 2007. 334 с. Seierstad Asne. A Hundred – One Days. A Baghdad Journal. Translated from Norwegian by Ingrid Christophersen. Basic Books, N.Y.: 2005, 321 p. № 2 (85), Лето 2008, с. 185–190

Мидыхат Вильданов. Ракетная гордость страны. Лата В.Ф. 32-я Херсонская Краснознаменная ракетная дивизия (Они защищали Отечество). М., 2007. 544 с. № 3 (86), Осень 2008, с. 169–174

Антон Хлопков. Всем сестрам по серьгам: ученые для Ирана, плутоний для КНДР, обогащение для Израиля. В.Е. Новиков. Проблема нераспространения ядерного оружия на современном этапе. М.: РИСИ, 2007. 328 с. № 4 (87), Зима 2008, с. 153–156

Анатолий Ушков. Черноморское яблоко раздора. Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Черноморский узел. М.: Международные отношения, 2007. 200 с. № 4 (87), Зима 2008, с. 157–160

К Н И Ж Н Ы Е Н О В И Н К И

Мировой опыт миграционной политики: ретроспектива и новейшие тенденции. Под ред. Г.С. Витковской. М.- Алматы: Гендальф, 2004. 351 с. № 1 (81), Весна 2007, с. 197–198

Дэвид Ирвинг. Атомная бомба Адольфа Гитлера. Сверхсекретное оружие Вермахта. М.: Эксмо, 2004. 416 с. № 1 (81), Весна 2007, с. 198–199

Фененко А.В. Понятие ядерной стабильности в современной политической теории. М.: КомКнига-URSS, 2006. 112 с. № 1 (81), Весна 2007, с. 199

James G. McGann, Erik C. Johnson. Comparative think tanks, politics and public policy. Edward Elgar. 2006. 288 p. № 1 (81), Весна 2007, с. 199–200

Социальные и математические средства измерения потенциала общественной безопасности в субъектах Российской Федерации. Под ред. М.Г. Дмитриева, В.В. Лукова, А.П. Петрова. М.: ЛЕНАНД, 2006. 296 с. № 1 (81), Весна 2007, с. 200

Эжиев И.Б. Геополитика Каспийского региона. М.: Андалус, 2007. 204 с. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 229–230

Ефимов Н.Н. Политико-военные аспекты национальной безопасности России. М.: КомКнига, 2006. 240 с. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 230–231

Кьеца Джульетто. Война Империй: Восток–Запад. Раздел сфер влияния. М.: Эксмо, 2006. 320 с. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 231–232

Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: энергетика и политика. Под ред. А.В. Мальгина, М.М. Наринского. Вып. 2. М.: Навона, 2005. 456 с. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 232

Lawrence Wright. The Looming Tower: Al-Qaeda and the Road to 9/11. Knopf Publishing Group, 2006. 480 p. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 232–233

Ali M. Ansari. Confronting Iran: The Failure of American Foreign Policy and the Next Great Crisis in the Middle East. NY: Basic books, 2006. 280 p. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 233–234

Russian Foreign Policy in the Twenty-First Century and the Shadow of the Past. Ed. by Robert Legvold. NY: Columbia University Press, 2007. 544 p. № 3 (83), Зима 2007, с. 193–194

Фененко А.В. Теория и практика контрраспространения во внешнеполитической стратегии США. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 248 с. № 3 (83), Зима 2007, с. 194–195

Велихов Е.Ю., Гагаринский А.Ю., Субботин С.А., Цибульский В.Ф. Россия в мировой энергетике XXI века. М.: ИзДАТ, 2006. 136 с. № 3 (83), Зима 2007, с. 195–196

Некрасов В.Ф. НКВД-МВД и Атом. М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007. 560 с. № 3 (83), Зима 2007, с. 196

Улунян А.А., Кулешов С.Г. Фактор Косово. Балканское экспертно-аналитическое сообщество на фоне этнополитического кризиса (1996–2007). М.: ИВИ РАН, 2007. 208 с. № 1 (84), Весна 2008, с. 151–152

Саруханян С.Н. Ядерный фактор в российско-иранских отношениях. М., 2007. 248 с. № 1 (84), Весна 2008, с. 152–153

Joseph Cirincione. Bomb scare: the history and future of nuclear weapons. Columbia University Press, 2007. 206 p. № 1 (84), Весна 2008, с. 153–154

Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО-Университет, 2007. 272 с. № 2 (85), Лето 2008, с. 191–192

Jeffrey Lewis. The Minimum Means of Reprisal. China's Search for Security in the Nuclear Age. American Academy of Arts and Sciences: The MIT Press, March 2007, 263 p. № 2 (85), Лето 2008, с. 192–193

Tim Weiner. Legacy of Ashes: the History of the Central Intelligent Agency. Doubleday, 2007. 702 p. № 2 (85), Лето 2008, с. 193–194

Лысухин Н.Я. Геополитическое положение и оборонные возможности России. М.: ВА РВСН, 2006. 307 с. № 2 (85), Лето 2008, с. 194–195

Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 608 с. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с. № 3 (86), Осень 2008, с. 175–176

Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940 – 2000-е годы. М.: Крафт Плюс, 2007. 464 с. № 3 (86), Осень 2008, с. 176–177

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 328 с. Fiona Hill and Clifford Gaddy. Siberian Curse. How Communists Planners Left Russia Out in the Cold. The Brookings Institution Press, 2003. 303 p. № 3 (86), Осень 2008, с. 177–178

Therese Delpech. Savage Century: Back to Barbarism. Translated by George Holoch. Carnegie Endowment for International Peace, 2007. 212 p. № 3 (86), Осень 2008, с. 178–179

Richard Rhodes. Arsenals of Folly: The Making of the Nuclear Arms Race. New York: Alfred A. Knopf Publisher, 2007. 386 p. № 3 (86), Осень 2008, с. 179–180

Сотрудничество и безопасность в Центральной Азии: состояние и перспективы. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008. 312 с. № 3 (86), Осень 2008, с. 180

Фидель Кастро Диас-Баларт. Ядерная энергия: угроза окружающей среде или решение энергетической проблемы XXI века? (пер. с исп. Н.А. Ефимова) – М.: Наука, 2008. – 325 с. № 4 (87), Зима 2008, с. 161–162

Майоров М.В. Миротворцы. Из опыта российской дипломатии в посредничестве. – М.: Международные Отношения, 2007. 160 с. № 4 (87), Зима 2008, с. 162–163

Togzhan Kassenova. From Antagonism to Partnership: The Uneasy Path of the U.S.-Russian Cooperative Threat Reduction. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2007. 354 p. № 4 (87), Зима 2008, с. 163–164

Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Евразии / Отв. ред. Г.Д. Агафонов. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2007. 182 с. № 4 (87), Зима 2008, с. 164

Nayef R.F. Al-Rodhan. Symbiotic Realism: a theory of international relations in an instant and interdependent world. Lit Verlag, 2007. 157 p. № 4 (87), Зима 2008, с. 164–165

Ely Karmon. Iran–Syria–Hizballah–Hamas: A coalition against nature. Why does it work? Center for Strategic Leadership, U.S. Army War College, Carlisle Barracks. Pennsylvania, 2008. 137 p. № 4 (87), Зима 2008, с. 165–166

РЕДАКТОРУ

Виктор Заварзин. Значимость ядерно-оружейного комплекса следует закрепить законом. № 1 (81), Весна 2007, с. 201–202

Всеволод Чаплин. Исток конфликта – не в ядерном оружии, но в грехе властолюбия. № 1 (81), Весна 2007, с. 203–204

Сергей Иванов. Выход в свет *Индекса Безопасности* – нужное и своевременное событие. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 235

Сергей Лавров. Рассчитываю на ваше экспертное содействие. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 236

Сергей Кириенко. *Индекс Безопасности* призван стать эффективным помощником в решении масштабных задач атомной отрасли. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 236–237

Сергей Чемезов. В актуальности журнала сомневаться не приходится. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 237

Юрий Балуевский. Очень точное название. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 238

Валентин Соболев. Для поиска нетривиальных ответов на новые вызовы необходимо объединить усилия государства, бизнес-сообщества, СМИ и независимых экспертных центров. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 238–239

Валерий Лощинин. ПИР-Центр – один из самых динамичных, глубоко и творчески мыслящих мозговых центров России. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 239–240

Эрвин Хофер. Польщен тем, что вы выбрали Женеву. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 240–241

Владимир Верховцев. Высока планка ответственности. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 241–242

Николай Пономарев-Степной. Приобрести новых авторов и новых читателей. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 242

Анатолий Зродников. Платформа для дискуссий по энергетическим проблемам. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 243

Анатолий Торкунов. Издания ПИР-Центра – важный источник знаний для студентов и молодых специалистов. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 243–244

Валентин Иванов. Деятельность ПИР-Центра затупит пилу универсального индекса безопасности iSi на идеальном уровне. № 2 (82), Лето-Осень 2007, с. 244

Узи Рубин. От сдерживания к доминированию. № 3 (83), Зима 2007, с. 197–198

Максим Старчак. Индекс безопасности: реальность или психология. № 3 (83), Зима 2007, с. 199–200

Сергей Приходько. Экспертная опора. № 3 (83), Зима 2007, с. 201

Джеймс Гудби. Безопасность – здоровое дитя страха? № 1 (84), Весна 2008, с. 155

Жаныл Боконбаева. *Индекс Безопасности* в СНГ. № 1 (84), Весна 2008, с. 158

Денис Шведов. Подписка-2008: ушел ли поезд? № 1 (84), Весна 2008, с. 159

Юрий Сомов. Прозрачные намерения. № 1 (84), Весна 2008, с. 161–162

Алексей Убеев. Полигон атомной интеграции. № 3 (86), Осень 2008, с. 181–184

Юрий Володин. ПИР-Центр и МАГАТЭ: общая цель. № 3 (86), Осень 2008, с. 185

Виктор Литовкин. Не ясно, для чего и какая армия нам нужна. № 3 (86), Осень 2008, с. 186–188

Николай Пономарев-Степной, Владимир Сухоручкин. Ренессанс атомной энергетики и проблемы нераспространения: необходимость системного анализа. № 4 (87), Зима 2008, с. 167–172

Г О Л О В О Л О М К И Б Е З О П А С Н О С Т И

Крестословица «Ядерная». № 3 (86), Осень 2008, Обл. III

Крестословица «Ядерная». Ответы. № 4 (87), Зима 2008, с. 186

К О Н Е Ц . Ц И Т А Т Ы

Об оптимизме. № 1 (81), Весна 2007, Обл. III

О свойствах ума. № 2 (82), Лето-Осень 2007, Обл. III

О географии. № 3 (83), Зима 2007, Обл. III

О высоких местах. № 1 (84), Весна 2008, Обл. III

О паспортах. № 2 (85), Лето 2008, Обл. III

О языках. № 4 (87), Зима 2008, Обл. III

РЕЦЕНЗЕНТЫ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ В 2007–2008 ГОДАХ

Выражаю признательность рецензентам и консультантам журнала, которые своими ценными замечаниями и комментариями оказали значительную помощь в формировании редакционного пакета журнала Индекс Безопасности.

В частности:

- Надежде **Арбатовой**, начальнику отдела европейских политических исследований ИМЭМО РАН
- Валерию **Говорухину**, заместителю генерального директора по маркетингу и информационной политике ОАО *Техснабэкспорт*
- Ирине **Горюновой**, директору Департамента ценообразования ОАО *Техснабэкспорт*
- Владимиру **Дворкину**, консультанту Московского центра Карнеги
- Наталье **Калининой**, главному научному сотруднику Центра международной безопасности ИМЭМО РАН
- Элине **Кириченко**, руководителю Центра Североамериканских исследований, ИМЭМО РАН
- Александру **Клаповскому**, эксперту Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ
- Александру **Кукшинову**, заместителю начальника отдела управления внешних связей ЗАО *Атомстройэкспорт*
- Василию **Лате**, генерал-лейтенанту, ведущему научному сотруднику Военной академии РВСН им. Петра Великого
- Алексею **Лебедеву**, заместителю генерального директора, директору Департамента по отработанному топливу ОАО *Техснабэкспорт*
- Владимиру **Мальцеву**, начальнику кафедры космических систем Военной академии РВСН им. Петра Великого
- Владимиру **Милову**, президенту Института энергетической политики
- Татьяне **Митровой**, руководителю Центра изучения мировых энергетических рынков Института энергетических исследований РАН
- Азеру **Мурсалиеву**, заместителю главного редактора газеты *Коммерсантъ*

- ❑ Евгению **Мясникову**, ведущему научному сотруднику Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии Московского физико-технического института
- ❑ Сергею **Ручкину**, руководителю программы Всемирной ядерной ассоциации
- ❑ Николаю **Сокову**, старшему научному сотруднику Центра исследования проблем нераспространения им. Джеймса Мартина Монтерейского института международных исследований
- ❑ Николаю **Спаскому**, заместителю генерального директора Государственной корпорации по атомной энергии *Росатом*
- ❑ Екатерине **Степановой**, руководителю проекта по вооруженным конфликтам и конфликтному урегулированию Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ)
- ❑ Дмитрию **Суслову**, заместителю директора исследовательских программ Центра комплексных европейских и международных исследований ГУ-ВШЭ
- ❑ Роланду **Тимербаеву**, Чрезвычайному и Полномочному Послу, председателю Совета ПИР-Центра
- ❑ Дмитрию **Третьякову**, третьему секретарю отдела НАТО Департамента общеевропейского сотрудничества МИД РФ
- ❑ Алексею **Убееву**, заместителю директора Департамента международного сотрудничества Государственной корпорации по атомной энергии *Росатом*
- ❑ Виталию **Цыгичко**, главному научному сотруднику Института системного анализа РАН
- ❑ Всеволоду **Чаплину**, заместителю председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата
- ❑ Константину **Эггерту**, шефу Московского бюро Русской службы *ВВС*

Владимир Орлов

Главный редактор журнала Индекс Безопасности

АБОНЕМЕНТна газету
журнал**80666**

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

количество
комплектов:

на 2009 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКАна газету
журнал**80666**

(индекс издания)

ПВ	место	литер

Индекс Безопасности

(наименование издания)

Стои- мость	подписки переадресовки	руб. руб.	коп. коп.	количество комплектов:

на 2009 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)